Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь.

Фелипе Фернандес-Арместо

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
DEPARTMENT
OF HISTORICAL AND THEORETICAL RESEARCH

LABORATORY OF RESEARCH OF
CIVILIZATION AND BARBARITY

CIVILIZATION AND BARBARITY

•

GENDER PARADOXES OF BARBARITY

XI

2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ОТДЕЛ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

•

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ВАРВАРСТВА

XI

2022

CIVILIZATION AND BARBARITY

GENDER PARADOXES OF BARBARITY
2022 • ISSUE XI

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. *Levon H. Abrahamian* (Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia), Prof. *Sergey A. Arutyunov* (Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Mikhail V. Bibikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Claire Billen* (Free University of Brussels (ULB), Brussels, Belgium), Prof. *Sabine Jansen* (National conservatory of arts and crafts, Paris, Republic of France), Dr. hab. *Michel Kazanski* (National Centre of Scientific Research (CNRS), Paris, Republic of France), Prof. *Aleksandr V. Koptev* (University of Tampere, Finland), Prof. *Aleksandr A. Maslennikov* (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Maja S. Petrova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Louis E. Primero Rivas* (National Pedagogical University (UPN), Mexico city, Mexican United States), Prof. *Lorina P. Repina* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey J. Saprykin* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation), Prof. *Olga V. Sidorovich* (National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor.V. Sledzevskiy* (Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Victoria I. Ukolova* (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation), Prof. *Pavel P. Shkarenkov* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Dr. *Jens Shneevajss* (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe at the University of Leipzig (GWZO), Federal Republic of Germany)

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

All materials published in the "Civilization and Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: https://www.aquilopress.ru

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ВАРВАРСТВА

2022 • ВЫПУСК XI

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Член-корр. НАН РА *Л.А. Абрамян* (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении (НАН РА), Ереван, Армения), член-корр. РАН *С.А. Арутюнов* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *М.В. Бибиков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *К. Биллен* (Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия), проф. *С. Жансен* (Национальная школа искусств и ремесел, Париж, Франция), д.х.и. *М.М. Казанский* (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция), д.и.н., доц. *А.В. Коптев* (Университет Тампере, Финляндия), д.и.н., проф. *А.А. Масленников* (Институт археологии РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *М.С. Петрова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *Л.Э. Примеро Ривас* (Национальный педагогический университет (UPN), Мехико, Мексика), член-корр. РАН *Л.П. Репина* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), д.и.н., проф. *О.В. Сидорович* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), д.и.н., проф. *И.В. Следзевский* (Институт Африки РАН), д.и.н., проф. *В.И. Уколова* (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия), д.и.н., проф. *П.П. Шкаренков* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д-р *Й. Шнеевайсс* (Лейбницкий институт истории и культуры Восточной Европы (GWZO) Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация. 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
сайт: https://www.aquilopress.ru

ISSN 2307–7794

CIVILIZATION AND BARBARITY

GENDER PARADOXES OF BARBARITY

2022 • ISSUE XI

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Prof. *Marina Ts. Arzakanian* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Alexander S. Balesin* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Mikhail G. Gusakov* (LLC Archaeological Research in the Construction of Moscow, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey A. Vasyutin* (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation), Dr. *Evgeny V. Vdovchenkov* (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Dr. *Olga V. Vorobjova* (executive secretary, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Ivan A. Kopylov* (Centre of Interdisciplinary Studies, Civil Association (Mexico City), Dr. *Anna A. Sazonova* (Moscow, Russian Federation), *Larisa L. Selivanova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor E. Surikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Ksenia V. Khvostova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

All materials published in the "Civilization and Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: https://www.aquilopress.ru

ISSN 2307–7794

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ВАРВАРСТВА

2022• ВЫПУСК XI

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.и.н., проф. *М.Ц. Арзаканян* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *А.С. Балезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.А. Васютин* (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия), к.и.н., доц. *Е.В. Вдовченков* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия), к.и.н., доц. *О.В. Воробъева* (ответственный секретарь, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), к.и.н. *М.Г. Гусаков* (ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы. Москва, Россия), д.и.н. *И.А. Копылов* (Центр Междисциплинарных исследований, Гражданская ассоциация (Мехико), к.и.н. *А.А. Сазонова* (Москва, Россия), *Л.Л. Селиванова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *К.В. Хвостова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация. 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
сайт: https://www.aquilopress.ru

УДК 9.94
ББК 63.3
Ц 579

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: гендерные парадоксы варварства / В.П. Буданова (Ред.) М.: Аквилон, 2022. Вып. XI. — 356 с.

В XI выпуске ежегодника на материале исторических источников в широком географическом и хронологическом контексте рассматриваются различные проявления гендерного варварства. Авторы представили гендерную интерпретацию исторического опыта злонамеренного поведения человека, которое влияет на становление, протекание и демонстрацию варварства. В комплексном междисциплинарном подходе выделены парадоксы различий мужского и женского насилия и агрессии. Как в разные исторические эпохи проявлялось маскулинное и фемининное варварство? Действительно ли только мужчины склонны к прямым физическим формам насилия, а женщины предпочитают наносить вред противнику окольным путем? Подталкивает ли варваризация к изменению гендерных ролей?

CIVILIZATION AND BARBARITY: gender paradoxes of barbarity / V.P. Budanova (Ed.). M.: Aquilo, 2022. Issue XI. — 356 p.

In the XI issue of the yearbook, various manifestations of gender barbarism are considered on the basis of historical sources in a wide geographical and chronological context. The authors presented a gender interpretation of the historical experience of malicious human behavior, which affects the formation, course and demonstration of barbarism. In a comprehensive interdisciplinary approach, the paradoxes of differences between male and female violence and aggression are highlighted. How did masculine and feminine barbarity manifest itself in different historical epochs? Is it really only men who are prone to direct physical forms of violence, and women prefer to harm the enemy in a roundabout way? Does barbarization push for a change in gender roles?

TSIVILIZATSIYA I VARVARSTVO
Gendernye paradoksy varvarstva
V.P. Budanova (Red.). M.: Akvilon, 2022. Vyp. XI. — 356 s.

АКВИЛОН

© Институт всеобщей истории РАН, 2022
© Цивилизация и варварство, 2022
© В.П. Буданова, общее редактирование, составление, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Аквилон», 2022

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В.П. Буданова

ГЕНДЕР В ИСТОРИИ ВАРВАРСТВА

В статье представлен исторический и теоретический анализ одного из новых направлений исследования бытования варваров — гендерной истории варварства. Гендер рассматривается как системная категория сложившейся в варваристике базовой терминологии. Впервые предпринята попытка проанализировать познавательный потенциал варваристики, включив в ее понятийную структуру гендерный подход. Рассматриваются наиболее значимые термины, понятия и концепты, их роль в структуре когниции варвара. Обозначены и раскрыты в исторической ретроспективе ключевые характеристики понятия «гендерное варварство» как устойчивого социокультурного явления. Специально анализируются субъекты и «мишени» гендерной истории, зарождающиеся концепты «латентного» варварства. Рассмотрены условия всеобщей экспансии архаической семантики терминов «варвар» и «варварство», особенности их трансляции и трансмутации во времени и пространстве.

Ключевые слова: варваристика, варварство, варвар, гендер, гендерная роль, гендер варварства, гендерное варварство, латентное варварство.

Вера Павловна БУДАНОВА — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — vpbudanova@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 9-26
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 9-26
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.016

Цивилизационный кризис XXI в. демонстрирует одну из стремительно развивающихся форм насилия и агрессии — варварство. Потребность специально анализировать его обострилась в наши дни в связи появлением базовых факторов, которые способствуют существованию и развитию его физического и латентного присутствия. При всей грандиозности длящейся тысячелетия исторической драмы противостояния цивилизации и варварства, где «действующими лицами» выступают цивилизации, государства и народы, в конечном счете, итог этого противостояния во многом зависит от человека. Именно он является породителем, носителем и проводником цивилизационных и варварских начал, важнейшим эпицентром противостояния цивилизации и варварства. И именно человек нередко оказывается «один на один» с варварством, когда ему приходится делать самостоятельный выбор между цивилизованным и варваризованным поведением. Как феномен реальности, человек имеет биологическую морфологию, физиологию и психологию, а также определенные социальные характеристики. Он обладает сознанием, развитым мышлением, нравственностью, способностью к творческому труду. Все виды человеческой активности маркируются также и гендерной идентичностью, особенностью поведения, как мужского, так и женского. И сегодня, когда гуманитарии стоят на пороге кардинальных изменений представлений о «варваре» и «варварстве» в истории человечества, в исследовательском пространстве варваристики наметилась тенденция обратить внимание на гендерную характеристику варварства. Следует сразу же оговориться, что встреча «гендера» и «варварства» на исследовательской площадке варваристики предпринимается впервые, что подразумевает особую осторожность предварительных выводов и предположений. Поэтому полагаю целесообразным обратить внимание на генезис, развитие и современную интерпретацию самой дефинитивной мысли о «гендере» и «варварстве», поскольку оба феномена отличаются нестабильностью и динамичностью.

Варваристика образует особый пласт лексики, которая определяет всестороннее изучение истории варваров в контексте развития истории мировой цивилизации. Язык варваристики социально

историчен, включает терминологический арсенал истории, философии, социологии, психологии, антропологии и культурологии. Её лексический фонд располагает специальными понятиями и терминами, которые предоставляют возможность осуществлять познавательные функции исследования ценностно-смысловых параметров варварства в исторических процессах, событиях и отношениях. Между тем варваристика оперирует и собственным понятийно-терминологическим активом. Инструментом познавания выступает слово *«варвар»*, как когнитивно-информационный, контекстно-независимый, лингвистически универсальный термин, как исторический субъект варварства.

Термин «варвар» — продукт когнитивной эволюции человека, один из базовых терминов современной варваристики. Он вызывает ощущение ясности и строгости, оптимальной концептуальной и логической завершенности. «Варвар» — категория мобилизующая, фиксирующая различную поведенческую логику действий. В историческом сознании каждой эпохи формировалась своя концепция варварского стереотипа, исходя из конкретно-исторических обстоятельств, исторической памяти, сохранившейся в общественном сознании, политической и идеологической подоплеки, философских, мировоззренческих, литературных и эмоциональных предпочтений. В разных системах историописания отражалась своя оптика и логика осмысления деления мира по принципу Свой — Чужой и места в этом разделении варваров[1]. Дефиниции «варвар» давалось свое определение, описательно раскрывалось ее содержание, существенные признаки и характеристики. Но стоит еще раз обратить внимание, что демонизацию варвара фактически предложила и оформила античность.

Средство и результат понятийной организации реальности, познания действительности сознанием человека связаны не только со словом «варвар». Одним из ключевых в варваристике стало всеохватывающее понятие «варварство». *«Варварство»* как понятие представляет обобщенное абстрагированное знание о варваре. Эта

[1] См., напр.: Античная цивилизация и варвары, 2006; Чужое: опыты преодоления, 1999.

абстракция высшего порядка формирует предмет исследования, структуру знания о варварах и способы описания этих знаний. Само понятие «варварство» представляет совокупность познанных существенных признаков и сведений о варварах, объединенных определенной иерархией (исторической, социальной, этнической и лингвистической).

В зависимости от контекста применения «варварство» имеет три значения. Во-первых, это название этапа исторического становления между «дикостью» и «цивилизацией». Это и стадия, и определенный этап в развитии человечества (А. Фергюсон, Л. Морган, Ф. Энгельс)[2]. Во-вторых, «варварство» — это характеристика определенного поведения и способов действия европейского племенного мира в условиях его «встречи» с греко-римской цивилизацией второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. На этом этапе варварство формировалось уже в условиях становления частной собственности, социального неравенства, эксплуатации человека человеком и власти одних людей над другими. В пору, как писал А. Тойнби, «несчастной поры порока и насилия» или, согласно Ф. Энгельсу, на этапе перехода от первобытного к классовому обществу[3], варварство существовало в условиях, которые само же и создавало. Оно находилось бок-о-бок с античной цивилизацией Средиземноморья, активно с ней взаимодействуя. Для греков и римлян это были уже не просто «варвары», a pene consimiles с «заносчивым варварством» злонамеренного поведения. Это чужеземцы, далекие от античной культуры, не знающие ее языка. Позже к этим характеристикам добавились агрессивность, страсть к разрушению, вероломство, коварство, хитрость, лицемерие. Это так называемое «стадиальное, классическое варварство». Именно во II–VII вв. раскрылась истинная суть классического варварства, его исторический профиль, матрица и схема бытия. Стало очевидным, что варварство противоположно цивилизации, несовместимо с ней как непримиримый враг и противник. Оказалось, что варвар извлекает высшую доблесть не из

[2] *Фергюсон А.* 2010; *Морган Л.Г.* 2016; *Энгельс Ф.* 1980.
[3] *Энгельс Ф.* 1980; *Тойнби А. Дж.* 1991.

трудовых усилий над собой, но из своего превосходства над другими[4]. В-третьих, в гуманитарном дискурсе понятие «варварство» используется также для обозначения деструктивных, разрушительных процессов в рамках уже самой цивилизации. В этом толковании речь идет о варварстве, которое существует как вызов цивилизации, в ее границах, условиях и недрах, как деструктивная сила, имеющая родственные признаки с далеким прошлым, но в значительной мере порожденная противоречиями самой цивилизации. Свойства этого варварства, по сути, сводятся к идеологии разрушения, ибо угрожают стабильности и развитию самой цивилизации и противостоят межцивилизационным контактам. В ходе глубокого системного анализа исследовательской стратегии и переосмысления понятийно-категориального аппарата современной варваристики этот вариант варварства получил название «новое варварство»[5].

«Варварство» как термин символизирует абсолютное зло, насилие, закрытость, паразитизм, недостаток человечности и просвещенности (humaniores et prudentiores). Феномен варварства ассоциируется с дикостью, жестокостью, бесчеловечностью, невежеством, бескультурьем, разрушением ценностей, нарушением законов и принятых норм общественной жизни, отсутствием дисциплины и ответственности перед обществом. Именно античный мир впервые понял, определил и манифестировал матрицу варварства в качестве самостоятельного исторического феномена. Греко-римская письменная традиция представила варварство как интеллектуальный конструкт, т.е. как понятие, а также как эмо-

---

[4] *Буданова В.П.* 2000.

[5] «Новое варварство» — это злонамеренное агрессивное поведение содержащее угрозу, наносящее оскорбление, обиду и причиняющее ущерб другим. По мнению исследователей, современная цивилизация и варварство неразделимы, т.к. «варвары… — это в значительной степени порождение самой цивилизации» (*Ерасов Б.С.* 2002, 99). Более того, подчеркивается, что «цивилизация не только не смогла еще изжить некоторые формы древнейшего варварства, но и порождала на каждой ступени своего развития — наряду с новыми средствами цивилизации — и «новое варварство» (*Мотрошилова Н.В.* 2010, 118).

циональную модель в виде образа, отражая его в языке своего времени через соответствующую терминологию[6]. Особенно активное обращение к проблеме «варварства», в частности к propositum gentile deponit, происходило в период «Остготского Возрождения». Propositum gentile deponit, как варварский образ жизни, отличался от римского и объявлялся «чужим». Бывшие варвары дистанцировались от своего варварства, где не было письменных законов и единой централизованной власти, отказались от исторического участия в складывании образа своего barbaricum'a[7]. В «эпоху установления границ» (определение А. Тойнби) греко-римская интеллектуальная элита привязала когнитивную природу «варвара» и «варварства» к периферии Ойкумены. Именно здесь жил «вероломный союзник» (foederates). А «заграница» была местом обитания «чужеземца» (ξένος), «врага» (ἐχθρος), «неприятеля» (πολέμος), одним словом, «варвара» (βάρβαρος). Это античное клише «варвара» и «варварства», бесспорно, стало доминирующим в исторической терминосистеме, в том числе и современной варваристике. Оно стало основой такого лексико-семантического обустройства мира, при котором ни один народ не называл себя «варваром» и не видел «варварства» в себе, а только в других народах. Античные мыслители не только выделили варварство как феномен, но и определили его сущность. С одной стороны, варварство рассматривалось как *действие*, как модель злонамеренного поведения, как произвольная или преднамеренная активность людей, направленная на достижение осознаваемой цели. И в это действие входили цели, средства, результаты и собственно сам совершавшийся процесс. С другой стороны, варварство, по мнению античных мыслителей, можно рассматривать и как свойство, как характеристику проявления действия[8].

---

[6] *Буданова В.П.* 2012, 10-46.

[7] *Санников С.В.* 2009, 48-57.

[8] Об этом см., например,: *Курбанов М.Г.* 2006, 120-122; *Wolfram H.* 1979; *Goffart W.* 1980; *Dauje Y.-A.* 1989; *Leguay J.-P.* 2002; *Barbero A.* 2011; *Joye S.* 2016, 91-116.

Присутствующее в гуманитарном дискурсе понятие *«гендер»* трактуется как фундаментальный, сложно-подвижный структурирующий социально-исторический конструкт. Исследователи отсылают его к совокупности социально-культурных норм, которые предписаны человеку в зависимости от его биологического пола. Однако социологи и психологи утверждают, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют психологические особенности и модели поведения мужчин и женщин, что поведение человека, ассоциируемое с маскулинностью и фемининностью, не обязательно совпадает с биологическим полом. Личностные и поведенческие характеристики мужчин и женщин не связаны напрямую с действием биологических факторов, а определяются спецификой социальных взаимодействий. Как отметила Л.П. Репина, «…гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно-дифференцированные модели поведения не детерминируются однозначно природой < … >, а задаются всей сложившейся в обществе системой отношений, в которую попадает только что родившийся человек и в которой осуществляется его гендерная социализация»[9].

Согласно теории социальных ролей, гендерные различия злонамеренных варварских действий порождаются противоположностью маскулинного и фемининного. Однако природа этих различий не столь очевидна и примитивна, как предполагает на первый взгляд здравый смысл. У «классических», стадиальных варваров, с которыми взаимодействовали греки и римляне, гендерная специализация продолжала оставаться достаточно простой: мужчина — производил, женщина — воспроизводила. Мужчина охотился, защищал от Иных, Чужих, воевал с врагами. Воспроизводство подразумевало рождение здоровых детей, воспитание их согласно племенным обычаям и традициям. Внешняя угроза и внутриплеменные разногласия требовали от мужчин готовности к стремительному действию. Применение насилия являлось источником гордости, защиты родовой чести, особенно среди мужчин, которые

[9] *Репина Л.П.* 2002, 12. См. также *Пушкарева Н.Л.* 1999, 21-24; 2001; 2005; *Субботина Н.Д.* 2020, 43-53.

считали, что насилие определяет мужественность. У женщин формировалось защитное, опекающее поведение, избирательное, критическое стремление найти себе наилучшую пару для будущего потомства, способствовать его воспитанию для утверждения в т.н. племенной элите. Однако, человек из Барбарикума был зависим не только от природных инстинктов (пищевых, половых), но и от сложившихся в племенном мире представлений, по которым мужчина должен быть мужественным, а женщина — женственной.

В позднеантичный период у «классических» стадиальных варваров мужская модальность стала все чаще проявляться как абсолютное зло «в своей ярости и диком безумии повсюду производящее убийства, кровопролития и пожары»[10]. Мужчина-варвар настойчив, ибо стремился обрести свое место в Римском государстве. Парадокс в том, что в это время именно такой мужчина был востребован цивилизацией в качестве незаменимого инструмента ее спасения. Мужественность, стойкость и агрессивный мужской напор соответствовали духу позднеантичной реальности[11]. Военное дело превратилось для варваров в профессию. Статус федерата Римской империи приобрел волшебную притягательность, особенно у молодых мужчин варварского мира. Свою жизнь они проводили в походах, участвовали в военных конфликтах. И это стало «престижной» работой, которая предоставляла шанс прославиться и разбогатеть. Среди молодых мужчин высоко ценились физическая сила, агрессивность, проявление превосходства способствовало выживанию. Письменная традиция изобилует примерами проявления жёсткой прагматичной маскулинности поведения варваров, «крутости» их харизматичных лидеров Гайны, Рицимера, Алариха, Арбогаста, Фравитты, Эриульфа, Одоакра[12]. В этих

[10] *Amm. Marcell.* XVI. 12, 31; XXXI. 8, 6.

[11] См., напр.: *Amm. Marcell.* XV. 5, 16; XXI. 3, 5; XXII. 7, 8; XXVI. 4, 5; 5, 5–12; XXVII. 8, 5–7; 10, 30–31; XXIX. 6, 6–8; XXXI. 2, 1–11, 13–25; 3, 8; 10, 1–5; 9, 5; *Zosim.* IV. 33, 1; V. 1–4; 34; *Prisc.* Fr. 8; *Procop.* BG. I. 2, 12; II. 14, 22–30, 36; *Idem.* BV. II. 2.3; *Agath.* Hist. II. 1, 5; 31–32; *Menandr.* Fr. 3, 4, 5, 9, 19.

[12] Подробнее об этом, см.: *Удальцова З.В.* 1959; *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* 1984; *Вольфрам Х.* 2003; *Томпсон Э.А.* 2003; *Хизер П.* 2011;

обстоятельствах женщины вряд ли способны были играть роль ограничителей, сдерживая неумеренные маскулинные желания. Письменная традиция предоставляет весьма скудный материал, особенности женского поведения представляются как «женские капризы», либо как предательство[13].

Эпоха «варварских королевств» подняла «на-гора» исторического бытия различные, но взаимоисключающие силы, действующие совместно, но изменяющиеся в зависимости от отношений друг с другом. Тот, кто стремился войти в мир, организованный империей, создавал regna под властью своего предводителя, опираясь на статус федерата, соединял три компонента — территорию, власть и род занятий[14]. Наблюдаются гендерные различия в соперничестве борьбы за власть, в эмоциональных и личных отношениях. В IV–IX вв. формирование новых реалий происходило на фоне «собирания слухов», упорного стремления выведывать тайны, «имея доступ с заднего крыльца»[15]. С другой стороны, разные нормы отношений уже консимилированных варваров с местным населением порождали страх, который сковывал сознание, «стали бояться даже стен, единственных свидетелей чего–либо тайного»[16]. В зловещем распутье «варварских королевств» более явно проявлялись тенденции трансформации варварства в латентное состояние. Вероятно, формируется и противоположный взгляд на мужское и женское насилие и агрессию. В ходе конфликтов и ведения различных военных действий мужчины склонны к прямым физическим формам насилия и агрессии, а женщины предпочитали наносить вред противнику окольным путём (интриги, клевета, слухи, сплетни, провокации). Уже в письменной традиции IV–VI вв. женщина почти всегда появляется как «подстрекатель

Бьюри Дж. Б. 2013; *Chastagnol A.* 1966; *Cameron A., Long J.* 1993; *Cameron A.* 2011; *Lançon B.* 2016б; *Dumézil Br.* 2016a, 1134-1135; *Dumézil Br.* 2016b, 217-218; *Dumézil Br.* 2016c, 993-994.

[13] *Iord.* Get. 129.

[14] *Iord.* Get. 15, 97, 161, 201, 243, 247.

[15] *Amm. Marcell.* XIV. 1, 6.

[16] *Amm. Marcell.* XIV. 1, 7.

злодеяний»[17], обладающий «удивительным умением выискивать тайные пути на погибель людям»[18]. Подстрекатель, науськиватель, провокатор действует целенаправленно и расчетливо. Важно принять во внимание, что мужчина, как охотник и воин, уже начинал терять привычную для него нишу проявления своей мужественности. Многие превращались в озлобленных изгоев, скорее преступников, чем лидеров и вождей. Женщины «варварских королевств» не прибегали к прямым физическим формам насилия, но злонамеренные действия совершали косвенным путем. Война между Брунгильдой и Фредегондой, женами сыновей Хлодвига, стала символом коварства и женского варварства[19]. Женское варварство — это средство выражения гнева и снятия стресса. Оно экспрессивно и сопровождалось тревогой получить отпор. Данные письменной традиции свидетельствуют, что варвары-мужчины никогда не испытывали тревоги за совершенную жестокость и бесчеловечность, за бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей. Их склонность демонстрировать высокий уровень агрессии еще более усиливалась после сильной провокации. И провокации, как правило, осуществлялась не только физически, но и вербально. Провоцировать жестокость могли действия, слова и даже внешность Чужого. Реакция на физическую провокацию достаточно прямолинейна. Следовали ответы ударом на удар и контратакой на атаку. Зачастую реакция была уже только при одном предположении, что у противоположной стороны имеются какие-либо враждебные намерения. Что касается вербальной провокации, то ответом на оскорбление могла быть и отсроченная месть. И если возникал конфликт, то именно месть не давала ему погаснуть. Если открытое варварство можно было остановить страхом отмщения, то латентное страх отмщения только усиливал[20]. Справедливости ради стоит отметить, что в период «варварских королевств»

---

[17] *Amm. Marcell.* XV. 2, 10.

[18] *Amm. Marcell.* XIV. 5. 6.

[19] *Greg. Tur.* Hist. Franc. IV. 28, 51; V. 3, 14, 18; VI. 4, 29; VII. 20; VIII. 4, 29.

[20] *Iord.* Get. 183, 203.

мужчины чаще выступали в качестве мишени варварства, нежели женщины. Сыновья и внуки Хлодвига, отличаясь жестокостью, коварством и вероломством, долгие годы вели кровавые междоусобные войны, направленные на уничтожение друг друга. Зачастую в стремлении удержаться от физического открытого варварства они прибегали и к «женскому» инструментарию насилия[21].

Итак, проявление гендерных отношений варваров — это автономная историческая величина. *«Гендер» варварства* в истории рассматривается как история взаимодействия мужского («инструментального») и женского («экспрессивного») опыта насилия и агрессии в крайних варварских формах. По мере оцивилизовывания варваров они не только не исчезают из жизни человека, но даже расширяют поле своего действия, раскрывая парадоксы проявления взаимосвязи и взаимодействия варварства и гендера этих двух нестабильных и постоянно меняющихся феноменов. *«Гендерное варварство»* — одна из важных аналитических исторических категорий варваристики. Процесс формирования гендерного подхода в варваристике находится в самом начале. Подобный подход представляется эвристически плодотворным и перспективным. Во-первых, гендер варварства становится историческим истолкованием природы различий мужского и женского насилия и агрессивного, злонамеренного действия как модели деструктивного поведения человека. Во-вторых, в связи с современной тенденцией движения к смешению и смещению гендерных ролей, подобная проблематика обретает особую актуальность в контексте общих дискуссий о гендерном ракурсе видения агрессии и насилия. В-третьих, дифференцированно рассматривая в историческом контексте мужской и женский «поведенческий репертуар» варвара (коварство, подстрекательство, интриги, провокации), правомерно предполагать, что гендерная интерпретация варварства может корректировать представление о парадоксах исторического образа варвара, отчасти влияя на общую картину истории варварства. Принимая во внимание существующий инструментарий исследований истории варварства, можно надеяться, что в перспективе он

[21] *Greg. Tur.* Hist. Franc. IV. 50; V. 14.

позволит в рамках современной исторической науки результативно осуществлять гендерную экспертизу появления и преодоления злонамеренных действий, агрессии и насилия.

ЛИТЕРАТУРА

Античная цивилизация и варвары. 2006: Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (отв. ред.). М.: Наука.

Буданова В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В.И. Уколова (ред.). М.: Наука.

Буданова В.П. 2012: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 10-46.

Бьюри Дж. Б. 2013: Варвары и Рим. М.

Вольфрам Х. 2003: Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова. СПб.

Гиббон Э. 1994: История упадка и крушения Римской империи / Пер. с англ. В.Н. Неведомского / Сост. Попов Б.С., Уколова В.И. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура».

Гречко П.К. 2015: Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. М.: ЛЕНАНД.

Ерасов Б.С. 2002: Цивилизации: Универсалии и самобытность / Н.И. Зарубина (ред.). М.: Наука.

Ильин В.В. 2005: Философия и история науки. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Корсунский А. Р., Гюнтер Р. 1984: Упадок и гибель Западной римской империи и возникновение германских королевств. М.

Курбанов М.Г. 2006: Варварство в гримасах цивилизации // Вестник Российского философского общества. М.: РФО, 2 (38), 120-122.

Леви-Строс К. 2008: Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М.

Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (отв. ред.). М.: Наука, 5-29.

Морган Л.Г. 2016: Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Москва: УРСС.

Мотрошилова Н.В. 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Пушкарева Н. 1999: Гендерные исследования: рождение становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 21-24.

Пушкарева Н. 2001: Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования: учебное пособие. Харьков; СПб.

Пушкарева Н.Л. 2005: Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках // Пол и гендер в науках о человеке и обществе. Тверь.

Репина Л.П. 2002: Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН.

Санников С.В. 2009: Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Следзевский И.В. 2019: Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный аспекты // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (глав. ред.). М.: Аквилон, VIII. 29-59.

Субботина Н.Д. 2020: Устарели ли понятия «сущность женщины» и «сущность мужчины»? / Гуманитарный вектор. Т. 15. № 2. 43-53.

Тойнби А.Дж. 1991: Постижение истории / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. ст. Рашковского Е.Б. М.: Прогресс.

Томпсон Э.А. 2003: Римляне и варвары. Падение Западной империи / Пер. с англ. Т.О. Пономаревой. СПб.

Удальцова З.В. 1959: Италия и Византия в VI веке. М.

Фергюсон А. 2010: Опыт истории гражданского общества. М.

Фромм Э. 2016: Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Изд-во АСТ.

Хизер П. 2011: Падение Римской империи. М.

Цивилизация и варварство. 2019: Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (гл.. ред.). М.: Аквилон, VIII.

Чужое: опыты преодоления. 1999: Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Р.М. Шукуров (отв. ред.). М.: Алетейя.

Энгельс Ф. 1980: Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.

Barbero A. 2011: Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l´Empire romain. Paris.

Boletsi M. 2013: Barbarism and its discontents. Stanford. California.

Cameron A. 2011: The Last Pagans of Rome. New York, Oxford University Press.

Cameron A., Long J. 1993: Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Chastagnol A. 1966: Le Sénat romain sous le règne d'Odoacre. Bonn: R. Habelt Verlag.

Coumert M. 2007: Origines des peoples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental (550–850). Paris.

Dauje Y.-A. 1989: «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization.

Dumézil Br. 2016a: Ricimer // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 1134-1135.

Dumézil Br. 2016b: Arbogast // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 217-218.

Dumézil Br. 2016c: Odoacre // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 993-994.

Goffart W. 2008: Rome's Final Conquest: The Barbarians // History Compass, 6 / 3. 855-883.

Goffart W. 1980: Barbarians and Romans (418–584). The Techniques of Accommodation. Princeton.

Joye S. 2016: Représentations modernes et contemporaines: barbares redécouverts, barbarie réinventée // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 89-108.

*Lançon B.*2016: GaÏnas // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 609-610.

Leguay J.-P. 2002: L'Europe des États barbares V–VIII siècles. Paris.

Lerouge-Cohen Ch. 2016: Les conceptions grecques // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris. 1-20.

Les Barbares. 2016: Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris.

Méry L. 2016: Rome et les barbares: des origins (753 av. J.-C.) à l'Empire (IIe siècle apr. J.-C.) // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 21-41.

Plassmann A. 2006: Origo gentis: Identitäts– und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. Berlin.

Wolfram H. 1979: Geschichte der Goten. München.

REFERENCES

Antichnaya tsivilizatsiya i varvary. 2006: Antichnaya tsivilizatsiya i varvary / L.P. Marinovich (otv. red.). M.: Nauka.

Barbero A. 2011: Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l´Empire romain. Paris.

Boletsi M. 2013: Barbarism and its discontents. Stanford. California.

Budanova V.P. 2000: Varvarskii mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov / V.I. Ukolova (red.). M.: Nauka.

Budanova V.P. 2012: Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M.: IVI RAN, 10-46.

B'yuri Dzh. B. 2013: Varvary i Rim. M.

Cameron A. 2011: The Last Pagans of Rome. New York, Oxford University Press.

Cameron A., Long J. 1993: Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Chastagnol A. 1966: Le Sénat romain sous le règne d'Odoacre. Bonn: R. Habelt Verlag.

Chuzhoe: opyty preodoleniya. 1999: Chuzhoe: opyty preodoleniya. Ocherki iz is-torii kul'tury Sredizemnomor'ya / R.M. Shukurov (otv. red.). M.: Aleteia.

Coumert M. 2007: Origines des peoples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental (550–850). Paris.

Dauje Y.-A. 1989: «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization.

Dumézil Br. 2016a: Ricimer // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 1134-1135.

Dumézil Br. 2016b: Arbogast // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 217-218.

Dumézil Br. 2016c: Odoacre // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 993-994.

Engel's F. 1980: Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. M.

Erasov B.S. 2002: Tsivilizatsii: Universalii i samobytnost' / N.I. Zarubina (red.). M.: Nauka.

Fergyuson A. 2010: Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva. M.

Fromm E. 2016: Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / Per. s nem. E.M. Telyatnikovoi. M.: Izd-vo AST.

Gibbon E. 1994: Istoriya upadka i krusheniya Rimskoi imperii / Per. s angl. V.N. Nevedomskogo / Sost. Popov B.S., Ukolova V.I. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Kul'tura».

Goffart W. 2008: Rome's Final Conquest: The Barbarians // History Compass, 6 / 3. 855-883.

Goffart W. 1980: Barbarians and Romans (418–584). The Techniques of Accommodation. Princeton.

Grechko P.K. 2015: Ontometodologicheskii diskurs sovremennosti: Istoricheskaya prodvinutost' i ee vyzovy. M.: LENAND.

Il'in V.V. 2005: Filosofiya i istoriya nauki. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Joye S. 2016: Représentations modernes et contemporaines: barbares redécouverts, barbarie réinventée // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 89-108.

Khizer P. 2011: Padenie Rimskoi imperii. M.

Korsunskii A. R., Gyunter R. 1984: Upadok i gibel' Zapadnoi rimskoi impe-rii i vozniknovenie germanskikh korolevstv. M.

Kurbanov M.G. 2006: Varvarstvo v grimasakh tsivilizatsii // Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva. M.: RFO, 2 (38), 120-122.

Lançon B.2016: GaÏnas // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 609-610.

Leguay J.-P. 2002: L'Europe des États barbares V–VIII siècles. Paris.

Lerouge-Cohen Ch. 2016: Les conceptions grecques // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris. 1-20.

Les Barbares. 2016: Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris.

Levi-Stros K. 2008: Strukturnaya antropologiya / Per. s fr. Vyach.Vs. Ivanova. M.

Marinovich L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaya tsivilizatsiya i varvary / L.P. Marinovich (otv. red.). M.: Nauka, 5-29.

Méry L. 2016: Rome et les barbares: des origins (753 av. J.-C.) à l'Empire (IIe siècle apr. J.-C.) // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 21-41.

Morgan L.G. 2016: Drevnee obshchestvo. Issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii. Moskva: URSS.

Motroshilova N.V. 2010: Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov. M.: IFRAN, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya».

Plassmann A. 2006: Origo gentis: Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh– und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. Berlin.

Pushkareva N. 1999: Gendernye issledovaniya: rozhdenie stanovlenie, metody i perspektivy v sisteme istoricheskikh nauk // Zhenshchina. Gender. Kul'tura. M., 21-24.

Pushkareva N. 2001: Gendernaya problematika v istoricheskikh naukakh // Vvedenie v gendernye issledovaniya: uchebnoe posobie. Khar'kov; SPb.

Pushkareva N.L. 2005: Predmet i perspektivy gendernogo podkhoda v istoricheskikh naukakh // Pol i gender v naukakh o cheloveke i obshchestve. Tver'.

Repina L.P. 2002: Zhenshchiny i muzhchiny v istorii. Novaya kartina evropeiskogo proshlogo. M.: ROSSPEN.

Sannikov S.V. 2009: Obrazy korolevskoi vlasti epokhi Velikogo pereseleniya narodov v rannesrednevekovoi zapadnoevropeiskoi istoriografii. Novosibirsk: Izd-vo NGTU.

Sledzevskii I.V. 2019: Fenomen novogo varvarstva v kartine globaliziruyushchegosya mira: identifikatsionnyi i poznavatel'nyi aspekty // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (glav. red.). M.: Akvilon, VIII. 29-59.

Subbotina N.D. 2020: Ustareli li ponyatiya «sushchnost' zhenshchiny» i «sushchnost' muzhchiny»? / Gumanitarnyi vektor. T.15, № 2, 43-53.

Toinbi A.Dzh. 1991: Postizhenie istorii / Sost. Ogurtsov A.P.; Vstup. st. Ukolovoi V.I.; Zakl. st. Rashkovskogo E.B. M.: Progress.

Tompson E.A. 2003: Rimlyane i varvary. Padenie Zapadnoi imperii / Per. s angl. T.O. Ponomarevoi. SPb.

Tsivilizatsiya i varvarstvo. 2019: Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (glav. red.). M.: Akvilon, VIII.

Udal'tsova Z.V. 1959: Italiya i Vizantiya v VI veke. M.

Vol'fram Kh. 2003: Goty / Per. s nem. B.P. Milovidova, M.Yu. Nekrasova. SPb.

Wolfram H. 1979: Geschichte der Goten. München.

Vera P. BUDANOVA

GENDER IN THE HISTORY OF BARBARITY

The article presents a historical and theoretical analysis of one of the new directions of the study of the existence of barbarians — the gender history of barbarism. Gender is considered as a systemic category of the basic terminology that has developed in barbarism. For the first time, an attempt has been made to analyze the cognitive potential of barbarism by including a gender approach in its conceptual structure. The most significant terms, concepts and concepts, their role in the structure of the barbarian cognition are considered. The key characteristics of the concept of "gender barbarism" as a sustainable socio-cultural phenomenon are identified and disclosed in historical retrospect. The subjects and "targets" of gender history, emerging concepts of "latent" barbarism are specially analyzed. The conditions of the general expansion of the archaic semantics of the terms "barbarian" and "barbarism", the features of their translation and transmutation in time and space are considered.

Keywords: barbarism, barbarity, barbarian, gender, gender role, gender of barbarism, gender barbarism, latent barbarism.

Vera P. BUDANOVA **—** Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. — vpbudanova@yandex.ru

РАЗДЕЛ 1

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ ГЕНДЕРНОГО ВАРВАРСТВА

В.О. Никишин

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ИРОДИАДЫ, ДОЧЕРИ АРИСТОБУЛА, ВНУЧКИ ИРОДА

Статья посвящена наиболее ярким сюжетам из жизни Иродиады, внучки Ирода Великого и жены своего дяди Ирода Антипы, тетрарха Галилеи и Переи. Это три сюжета: кровосмесительный брак с Иродом Антипой, казнь Иоанна Крестителя и ссылка Антипы и Иродиады в Галлию. Проанализировав источники и историографию, автор выстроил следующую хронологическую канву событий: в 34 г. начался роман Ирода Антипы и Иродиады, в 35 г. они официально стали мужем и женой, в 36 г. разгорелась война между бывшим тестем Антипы, набатейским царём Аретой IV, и тетрархом Галилеи и Переи. Эта война завершилась в 37 г. без решительного результата ни для одной из сторон. В соответствии с этой хронологической канвой казнь Иоанна Крестителя состоялась в 35 г., а Иисус был распят в 36 г. в возрасте около 40 лет. Автор пришёл к выводу, что описанного в Евангелиях «танца Саломеи» в реальности не

Владимир Олегович Никишин — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, Москва. — cicero74@mail.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 27-56
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 27-56
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.001

было и быть не могло. Дело в том, что ни Саломея, ни какая-либо другая особа женского пола из династии Иродиадов не могли танцевать на пиру в силу строгости иудейских традиций и религиозных предписаний. По мнению автора, на пиру у Ирода могла танцевать какая-нибудь гетера или придворная куртизанка. Автор не исключает, что Антипа и Иродиада могли заранее срежиссировать роковую сцену на пиру в Махероне, чтобы хотя бы отчасти снять с тетрарха тяжесть ответственности за казнь пророка в глазах подданных. Наконец, в 39 г. произошла развязка: в результате предпринятой по инициативе Иродиады интриги Ирод Антипа и его жена попали в опалу и по приказу Калигулы были сосланы в Галлию, где и умерли спустя несколько лет.

Ключевые слова: Ирод Великий, Ирод Антипа, Иродиада, Саломея, тетрарх, Иосиф Флавий, Иоанн Креститель, левиратный брак, Иудея, Махерон.

Царь Ирод I Великий, вассальный правитель Иудеи (37–4 гг. до н.э., царский титул получил ещё в 40 г. до н.э.), был не только незаурядным государственным деятелем и полководцем, но и непревзойдённым мастером матримониальных комбинаций. Он имел обыкновение женить членов своей династии на близких родственницах (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 1. 2). Поступая подобным образом, Ирод брал пример со своего высокочтимого патрона, императора Августа, который, как известно, тоже не особенно церемонился со своими ближайшими родственниками, когда речь шла о династических интересах Юлиев-Клавдиев, как он их себе представлял[1]. В случае с Иродом следует принять во внимание ещё и полигамию, о которой Иосиф Флавий спустя столетие писал: «У нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жён» (Ant. Jud. XVII. 1. 2. Здесь и далее цит. в пер. Г.Г. Генкеля). Была ли полигамия частью библейской традиции? Как отмечает М.В. Григер,

> «Бытие и Исход дают две модели поведения: первая — моногамия, примером служат отношения Адама и Евы, вторая —

[1] См.: *Shillam M.W.* 2016, 169.

полигамия, наиболее видный и важный пример её даёт история патриарха Якова»[2].

Источники свидетельствуют о том, что во времена Ирода Великого и Иоанна Крестителя полигамия в иудейском обществе вовсе не была редким явлением, причём не только в среде правящей элиты, но и в самых широких слоях населения[3].

Август сквозь пальцы смотрел на то, что сам царь Ирод, хотя и обладал римским гражданством, а потому вроде бы не должен был практиковать многожёнство, тем не менее год от года обзаводился всё новыми и новыми жёнами[4]. После смерти любвеобильного монарха (4 г. до н.э.) император, словно продолжая матримониальную политику Ирода, женил его племянников, сыновей Ферора, на дочерях покойного (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 11. 5; Bell. Jud. II. 6. 3). Сын Ирода Аристобул некогда женился на своей кузине Беренике, дочери Саломеи, сестры Ирода (*Jos.* Ant. Jud. XVI. 1. 2; Bell. Jud. I. 23. 1), у них родилось пятеро детей — трое мальчиков и две девочки (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 1. 2); после казни мужа по приказу Ирода Береника была выдана замуж за дядю своего деверя Антипатра (*Jos.* Bell. Jud. I. 28. 1). Брат Береники Антипатр женился на сестре Аристобула, т.е. на своей кузине Кипре (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 5. 4). И так далее. Настоящий очерк посвящён дочери Аристобула и Береники, внучке Ирода I Великого Иродиаде[5], родившейся, скорее всего, между 9 и 7 гг. до н.э.[6].

ЭПИЗОД I
БРАК, ЗАКЛЮЧЁННЫЙ «НЕ ПО ПРАВИЛАМ»

Иосиф Флавий, чьи книги, по словам Т. Раджак, «представляют собой наш единственный цельный источник по истории Палестины времён Ирода и римских прокураторов, свитков Мёртвого

[2] *Григер М.В.* 2007, 194.
[3] См.: *Григер М.В.* 2007, 194-195.
[4] См.: *Shillam M.W.* 2016, 172.
[5] В честь Иродиады назван астероид, открытый в 1904 г.
[6] *Неклюдов К.В., Ткаченко А.А.* 2011, 651.

моря и формирования устной традиции, на которой основывался раввинистический иудаизм, времён Иоанна Крестителя и Иисуса Христа»[7], пишет:

> «Сестра их (сыновей Аристобула и Береники. — *В. Н.*) Иродиада вышла замуж за сына Ирода Великого, Ирода же, происходившего от Мариаммы (Мариамны II. — *В. Н.*), дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломею. После рождения этой девочки Иродиада, вопреки нашим законам, вышла замуж за сводного брата своего мужа, именно за галилейского тетрарха Ирода, *но разошлась и с ним ещё при его жизни* (курсив мой. — *В. Н.*)» (Ant. Jud. XVIII. 5. 4).

В этом месте Г.Г. Генкель, переводивший «Иудейские древности», ошибся: в оригинальном греческом тексте речь идёт о том, что Иродиада διαστᾶσα ζῶντος («разошлась при его жизни») с первым мужем, а вовсе не с тетрархом Иродом Антипой, верность которому она доказала на деле, добровольно последовав за ним в ссылку в 39 г., когда Антипа попал в опалу у Калигулы (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 7. 2). Собственно говоря, сентенция «вопреки нашим законам» относится вовсе не к тому, что Иродиада вышла замуж за брата своего первого супруга (всем известен бытовавший у евреев в древности обычай *левирата*), а к тому, что сделала она это ещё *при жизни* последнего, на что и указывает Иосиф Флавий.

В историографии давно уже существует проблема, связанная с личностью первого мужа Иродиады, т.е. одного из девяти сыновей Ирода Великого. Кем он был, доподлинно неизвестно. Иосиф Флавий называет первого мужа Иродиады Иродом (Ant. Jud. XVII. 1. 2; XVIII. 5. 1; 4), которого обычно отождествляют с Иродом Боэтом, четвёртым сыном Ирода I от Мариамны II, дочери первосвященника Симона бен-Боэта[8]. Иосифу Флавию противоречат

---

[7] *Раджак Т.* 1993, 13.

[8] Одно время Ирод Боэт (род. ок. 27 г. до н.э., ум. после 34 г. н.э.) имел даже виды на престол (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 3. 2). В дальнейшем, однако, отец лишил его наследства (за то, что мать Ирода Боэта, зная о заговоре против царя, не донесла об этом: *Jos.* Ant. Jud. XVII. 4. 2), и он про-

евангелисты Марк и Матфей, которые именуют первого мужа Иродиады Филиппом (*Мк.* 6:17; *Мф.* 14:3). Известно, что седьмой сын Ирода Великого, Филипп, в 4 г. до н.э. – 34 г. н.э. был тетрархом Гавланитиды, Авранитиды, Батанеи, Трахонитиды, Панеады и Итуреи (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 9. 4; Bell. Jud. II. 6. 3. Ср.: *Лк.* 3:1)[9]. Но евангелисты ни разу не называют первого мужа Иродиады тетрархом. Далее, как свидетельствует Иосиф Флавий, в первом браке у Иродиады родилась дочь Саломея, которая в дальнейшем вышла замуж за… тетрарха Филиппа (Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Если бы Саломея родилась от Филиппа, то не могла же она стать женой родного отца, всё-таки речь идёт об обычаях Иудеи, а не Египта! Кроме того, тетрарх Филипп, по сведениям всё того же Иосифа Флавия, умер бездетным (Ant. Jud. XVIII. 4. 6). Другой сын Ирода Великого по имени Филипп нам неизвестен. Стало быть, прав Иосиф Флавий, а евангелисты ошиблись?

Окончательный вердикт на сей счёт вынести непросто. С одной стороны, хорошо известно, что Иосиф Флавий, он же Йосеф бен Матитьяху — автор надёжный, хорошо осведомлённый и редко ошибавшийся; с другой — мы знаем, что в круг общения синоптиков — Марка, Матфея и Луки — входили люди, хорошо знавшие Ирода Антипу и обстоятельства его личной жизни, а именно Иоанна, жена домоправителя Хузы (*Лк.* 8:3), и близкий друг Антипы Манаил (Деян. 13:1). Вряд ли Иоанна и Манаил могли «спутать» Ирода с Филиппом! В своё время Никос Коккинос попытался по-своему согласовать сведения Иосифа Флавия и евангелистов; он предположил, что Флавий допустил «неточность» и

вёл свою жизнь как частное лицо. В этом контексте можно легко понять, почему обладавшая сильным характером, честолюбивая и амбициозная Иродиада оставила мужа, рядом с которым у неё не было ни малейшего шанса когда-нибудь примерить царский пурпур, и связала свою жизнь с одним из его братьев, стоявших у кормила власти.

[9] После смерти бездетного Филиппа император Тиберий передал его земли под юрисдикцию наместника Сирии (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 4. 6). В 37 г. Гай Калигула отдал бывшие владения тетрарха Филиппа своему другу, Ироду Агриппе (брату Иродиады), будущему царю Иудеи Агриппе I Великому (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 6. 10).

на самом деле браков было не два, а три, т.е. Иродиада последовательно выходила замуж не за двух, а за трёх своих дядьёв: сперва за Ирода Боэта, затем за тетрарха Филиппа, а после смерти последнего — за Ирода Антипу[10]. Как нам представляется, главным аргументом (помимо всех прочих) против версии Н. Коккиноса является классическая *«бритва Оккама»*.

Между тем существует, на наш взгляд, более предпочтительный и весьма изящный способ решения данной проблемы: если допустить, что Ирод — имя династическое, а Филипп — личное, то может статься, что у Ирода Великого было два сына — четвёртый и седьмой — с идентичными двойными именами. Иными словами, если Ирод Филипп I (он же Ирод Боэт) был первым мужем Иродиады и отцом Саломеи, то Ирод Филипп II был тетрархом и мужем этой самой Саломеи, дважды приходившейся ему племянницей — родной (как дочь Ирода Боэта) и внучатой (как дочь Иродиады)[11]. Благодаря такому допущению (абсолютной уверенности в нём, разумеется, нет и быть не может) упомянутое противоречие исчезает. Далее, после смерти Ирода Филиппа II[12] (этот брак, как уже говорилось, был бездетным) Саломея[13] вышла замуж за своего кузена, Аристобула IV[14], сына царя Ирода Халкидского[15].

---

[10] *Kokkinos N.* 1998, 264-271.

[11] См.: *Неклюдов К.В., Ткаченко А.А.* 2011, 651-654; *Hoehner H.W.* 1972, 132-136; *Krieger K.-S.* 1994, 51-56; *Gillman F.M.* 2003, 40; *Jensen M.H.* 2006, 43-44.

[12] Справедливости ради стоит отметить, что нигде в источниках двойное имя «Ирод Филипп» не зафиксировано. Тот же Иосиф Флавий именует тетрарха просто Филиппом (см., напр.: Ant. Jud. XVII. 8. 1; 9. 3).

[13] Род. между 5 и 14 гг., ум. между 62 и 71 гг. В честь Саломеи был назван астероид, открытый в 1905 г.

[14] Правнук Ирода Великого, царь Малой Армении (54–72 гг.) и Халкиды (54–92 гг.). Сохранились монеты, датированные примерно 62 г., с изображениями Аристобула (на аверсе) и Саломеи (на реверсе). См.: *Meshorer Y.* 1982, 171.

[15] Ирод Халкидский (умер в 48 г.) после смерти своего брата, Агриппы I Великого (41–44 гг.), стал вассальным царём Иудеи Иродом II (44–48 гг.). В 48 году трон Ирода II унаследовал его племянник, Агрип-

Саломея родила Аристобулу IV, как сообщает Иосиф Флавий, троих сыновей: Ирода, Агриппу и Аристобула (Ant. Jud. XVIII. 5. 4).

Тетрарх Галилеи и Переи Ирод Антипа[16], третий сын Ирода Великого от его четвёртой жены, самарянки Малтаки[17], первым

па II (умер в 92/93 г.), ставший последним зависимым от Рима царём Иудеи.

[16] Оценки Ирода Антипы в историографии варьируют в диапазоне от успешного и дельного администратора, обеспечившего экономический подъём в Галилее, до флегматичного и трусливого деспота, слепо идущего на поводу у Иродиады. По всей видимости, истина, как всегда, лежит где-то посередине (*Jensen M.H.* 2007, 8-11).

[17] Как справедливо отметил Мортен Йенсен, «наиболее информативным литературным источником о жизни и правлении Антипы» является Иосиф Флавий (*Jensen M.H.* 2007, 15), который сознательно сделал из «второго Ирода» своего рода «чёрный стереотип»; собственно говоря, в его изображении оба — и отец, и сын — являлись жестокими и порочными тиранами (*Jensen M.H.* 2014, 66). Далее, в том, что касается происхождения братьев Ирода Архелая и Ирода Антипы, Иосиф Флавий не смог избежать путаницы: если принять во внимание сообщаемые им сведения (Ant. Jud. XVII. 1. 3; 9. 3–4; 10. 1), то выходит, что, с одной стороны, Архелай и Антипа — сыновья самарянки Малтаки, с другой же — напротив, матери у них разные и, следовательно, они были не единоутробными, а единокровными братьями. Любопытную версию на сей счёт предложил Даниэль Шварц. По его мнению, Иосиф Флавий, стремившийся обосновать приоритетные права на иудейский престол своего покровителя, царя Агриппы II (и, соответственно, его отца Агриппы I, друга императоров Калигулы и Клавдия), подкреплял эти права не только сакральными знамениями и генеалогическими выкладками (имеется в виду родство отца и сына по женской линии с угасшей царской династией Хасмонеев: Агриппа I был внуком Мариамны I, правнучки царя Александра Янная), но и попутной дискредитацией конкурентов этой ветви династии Иродиадов — дядьёв Агриппы I, Архелая и Антипы, которые в изображении Флавия оказываются, во-первых, сыновьями самарянки (к самарянам иудейская знать всегда относилась с нескрываемым презрением) и, во-вторых, порочными, недостойными и жестокими правителями, открыто нарушавшими иудейские обычаи и закон Моисеев; яркий тому пример: Архелай, оставив свою первую супругу Мариамну III, женился на вдове брата Александра Глафире, у которой были дети от Александра

браком был женат на одной из пяти дочерей набатейского царя Ареты IV Великого (он же Филопатрис, Филодем или Харитат IV; правил в 9 г. до н.э. – 40 г. н.э.) (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 5. 1). Скорее всего, женой Антипы стала старшая дочь Ареты, Фазелис; время заключения брака неизвестно: возможно, это произошло ещё при жизни Ирода Великого (тогда молодожёны должны были быть совсем юными), ведь Антипа вполне мог унаследовать отцовский престол (как сообщает Иосиф Флавий, именно Антипу Ирод первоначально видел своим наследником: Ant. Jud. XVII. 6. 1; 8. 1; 9. 4)[18], и, таким образом, этот династический брак при определённых условиях наверняка способствовал бы урегулированию давних пограничных споров между двумя вассальными царствами[19]. Кому

(таким образом, брак Архелая и Глафиры не был левиратным), а Антипа «увёл» жену у брата Ирода Боэта ещё при его жизни (см. об этом ниже). По мнению Д. Шварца, Иосиф Флавий намеренно «навёл тень на плетень», создав у читателя «Иудейских древностей» впечатление, будто оба одиозных отпрыска Ирода Великого, Архелай и Антипа, были рождены самарянкой Малтакой, что на самом деле не соответствует истине (*Schwartz D.R.* 2018, 32–40). Версия Д. Шварца, безусловно, заслуживает внимания; то, что Агриппа II принимал активное участие в создании «Иудейских древностей», хорошо известно (*Euseb.* Hist. Eccl. III. 10. 10–11). На наш взгляд, то обстоятельство, что кое-где на страницах грандиозного труда Иосифа Флавия попадаются сведения, компрометирующие либо одного Агриппу II (Ant. Jud. XX. 7. 3. Ср.: *Juv.* VI. 157–159), либо отца и сына разом (Ant. Jud. XVII. 2. 2), свидетельствует о том, что к моменту окончания работы над «Иудейскими древностями» (94 г.; эту дату назвал сам автор: Ant. Jud. XX. 11. 1) последний вассальный царь Иудеи, скорее всего, уже умер, и автор мог не опасаться его гнева в связи с упоминаниями о лихоимстве августейших отца и сына или об оскорбительных слухах насчёт инцеста Агриппы II с собственной сестрой Береникой.

[18] Завещание было переписано в пользу Антипы после того, как Ирод узнал об интригах своего старшего сына Антипатра, намеревавшегося отравить отца.

[19] См.: *Shillam M.W.* 2016, 150-153. По мнению К.В. Неклюдова, этот брак был заключён «с целью установить мир между Иудеей и Аравией и создать буферную зону между Римом и парфянами» (*Неклюдов К.В.* 2011а, 33).

принадлежала инициатива заключения данного брака? Либо царю Ироду, либо самому Августу; однозначно сказать нельзя, хотя, безусловно, без санкции императора сам брак был бы невозможен. Теоретически допустимо, но маловероятно, что этот брак был заключён после смерти Ирода Великого: ведь царство Ирода, как известно, после его смерти было разделено между тремя наследниками, среди которых Ирод Антипа занимал вовсе не первое место, так что Арете IV не было тогда особого резона выдавать старшую дочь за Антипу.

В юности Ирод Антипа жил и воспитывался в Риме (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 1. 3), поэтому на Палатинском холме его вполне могли рассматривать как потенциального вассального царя. Как бы то ни было, после смерти отца (4 г. до н.э.) Ирод Антипа, которому к тому времени исполнилось предположительно лет 16–17, несмотря на свои интриги против брата Ирода Архелая (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 9. 4; 11. 1–4; Bell. Jud. II. 2. 1–7; 6. 1– 3), стал вовсе не царём Иудеи и даже не этнархом, а всего лишь тетрархом Галилеи и Переи (4 г. до н.э. – 39 г. н.э.) (*Jos.* Bell. Jud. I. 7–8; Ant. Jud. XVII. 8. 1). Брак Антипы с дочерью Ареты IV (будем называть её Фазелис) отличался продолжительностью, однако детей у супругов не было; по-видимому, тетрарх не питал к жене нежных чувств. В 35 г., как следует из обстоятельного рассказа Иосифа Флавия, этому браку пришёл конец.

> «Около этого времени[20] царь каменистой Аравии Арета и тетрарх поссорились между собою по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Ареты. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристобула и сестрою Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорилась с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Аре-

[20] Флавий даёт нам точный хронологический ориентир: это кончина тетрарха Филиппа (или Ирода Филиппа II), последовавшая «на двадцатом году правления Тиберия», т.е. в 34 г. (Ant. Jud. XVIII. 4. 6).

ты[21]. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он, по исполнении в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать всё о его условии с Иродиадою, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Ареты и Ирода, причём никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там её отцом, просьбу приготовить всё к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причём арабские князья последовательно сопровождали её, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арета на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причём вместо Ареты и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве всё войско Ирода было уничтожено, благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа собственно к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Ареты, послал Вителлию[22] приказ объявить ему войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову» (Ant. Jud. XVIII. 5. 1).

Война Ареты IV с Иродом Антипой (36–37 гг.) вскоре завершилась без решительного результата вследствие смерти Тиберия (ibid. 2–3).

Заметим: случай с Иродиадой, доставшейся одному брату после другого, был не первым в этом семействе. В 18 / 17 г. до н.э. сын Ирода I Великого и сводный брат Ирода Филиппа I, Ирода Филиппа II и Ирода Антипы, Александр, женился на Глафире, дочери царя Каппадокии и Киликии Трахеи Архелая I Филопатора (*Jos.* Ant. Jud. XVI. 1. 2)[23]. Официальная генеалогия Глафиры воз-

[21] Очевидно, Иродиада не собиралась мириться с полигамией, ставшей обычным делом в семействе Иродиадов.

[22] Луций Вителлий, наместник Сирии в 35–39 гг.

[23] Ирод I, видимо, был заинтересован в союзе с Архелаем I, и этот

водила её происхождение по линии отца к македонской царской династии Аргеадов, а по линии матери — к Ахеменидам[24]. Бракосочетание состоялось после возвращения Ирода I и Александра из Рима, где царевич на протяжении нескольких лет получал греко-римское воспитание и образование[25]. В том, что санкцию на этот брак дал лично Август, сомневаться не приходится: оба новоявленных свата были вассальными царями Рима. У Александра и Глафиры родилось трое детей: дочь и два сына — Александр и Тигран[26]. Самой Глафире не довелось стать царицей Иудейской: в 8 / 7 г. до н.э. Ирод казнил сына[27], а Глафиру отправил к отцу, вернув приданое (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 1. 1; Bell. Jud. I. 28. 1). Прошло около десяти лет, и где-то в промежутке между 2 и 5 гг. н.э. вдова Александра вышла замуж за вассального царя Мавретании Юбу II (OGIS 359; 363), став, таким образом, титулярной царицей Мавретанской[28]. Однако в скором времени брак распался: вероятно, развестись с Глафирой Юбу II настоятельно «попросил» Август, опасавшийся чрезмерного усиления политического влияния отца Глафиры, царя Архелая I, в регионе[29]. Ок. 5 / 6 г. н.э. Глафира,

союз он намеревался скрепить династическим браком. Со своей стороны, Архелай, наверное, надеялся когда-нибудь увидеть свою дочь царицей Иудеи: Александр был вероятным наследником престола.

[24] См.: *Караваев А.Г.* 2021, 21.

[25] Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь из девяти сыновей царя Ирода Великого.

[26] Получивший воспитание в Риме, Тигран по воле Августа в 6 г. н.э. взошёл на престол Великой Армении (RGDA. XXVII. 2), став Тиграном V, однако уже спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии был вынужден разделить власть с царицей Эрато (6–12 гг.). В 36 г. уже бывший царь Тигран V был казнён по приказу Тиберия (*Tac.* Ann. VI. 40).

[27] Впоследствии в Риме объявился самозванец — Лжеалександр, который без особого труда был разоблачён (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 12. 1–2; Bell. Jud. II. 7. 1).

[28] Первая супруга Юбы II, Клеопатра Селена II, как считается, умерла ок. 5 г. до н.э. См.: *Никишин В.О.* 2017, 8; *Караваев А.Г.* 2021, 19.

[29] См.: *Roller D.W.* 2018, 56-57.

разведясь с Юбой II[30], вышла замуж за этнарха Иудеи Ирода Архелая, сводного брата своего первого мужа (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 13. 1; Bell. Jud. II. 7. 4).

Ирод Архелай (род. ок. 27 г. до н.э., в 4 г. до н.э. после смерти отца стал этнархом Иудеи, Самарии и Идумеи) отнюдь не являлся эффективным управленцем, чем очень скоро вызвал раздражение и среди своих подданных, и на Палатинском холме (*Jos.* Bell. Jud. II. 7. 3). Видимо, последней каплей стала женитьба Архелая на Глафире без санкции Августа. Сама Глафира вскоре внезапно умерла (6 г.), а её незадачливый супруг был вызван в Рим, там перед лицом самого императора и в присутствии влиятельных свидетелей из Иудеи обвинён в злоупотреблении властью, жестокости и тирании, лишён должности, титула этнарха, всего имущества и сослан в галльский город Виенну (ныне Вьен, деп. Изер, Франция) (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 13. 2–4; Bell. Jud. II. 7. 3–4; *Strab.* XVI. 2. 46; *Dio Cass.* LV. 27. 6; *Nic. Dam.* FGrH 2 A, p. 424–425). Там он, по всей видимости, и умер несколько лет спустя. Бывшие владения Архелая Август включил в состав провинции Сирии (*Jos.* Ant. Jud. XVII. 13. 5). В этой связи Иосиф Флавий приводит любопытный рассказ, чем-то напоминающий историю Иродиады: якобы после смерти Юбы II (на самом деле он её пережил) Глафира

> «...жила вдовой в Каппадокии, у отца своего, и тут-то на ней женился Архелай, расставшийся по этому поводу со своей женой Мариамной. Такая сильная любовь к Глафире обуяла его. Уже в бытность замужем за Архелаем ей приснился следующий сон: ей приснилось, будто Александр явился к ней, и она заключила его в свои объятья. Он же стал укорять её, говоря: “Глафира, ты теперь подтверждаешь поговорку, что не следует доверять женщинам. Ты девушкой вышла за меня и жила со мною, у нас с тобой были дети, но ты предала забвению мои ласки и вступила во второй брак. И с тебя не было достаточно этого позора. Ты решилась отдаться третьему мужу и притом

[30] Иосиф Флавий (Ant. Jud. XVII. 13. 4; Bell. Jud. II. 7. 4) пишет, будто Глафира вернулась к отцу после смерти Юбы, но это невозможно, поскольку последний скончался в 23 г., пережив Архелая I на 6 лет. Здесь Флавий, безусловно, ошибся.

> бесстыдно ввела его в мой дом. Выйдя за Архелая, ты связалась со своим шурином, моим братом. Я же не могу забыть своей любви к тебе; поэтому я освобожу тебя от этого позора и верну тебя к себе, как то было прежде". Глафира рассказала это своим родственницам, а несколько дней спустя умерла» (Ant. Jud. XVII. 13. 4).

Заметим, что Глафира в силу своего происхождения не была обязана свято блюсти еврейские обычаи; кроме того, замуж за Архелая она вышла спустя много лет после смерти своего первого мужа. В случае с Иродом Антипой и Иродиадой ситуация, как мы видели, была принципиально иной.

Подведём предварительный итог. Если опираться на довольно обстоятельный рассказ Иосифа Флавия и его хронологические выкладки, то — при условии правильности нашей интерпретации таковых — получается следующая хронологическая канва событий: в 34 г. начался роман Ирода Антипы и Иродиады, в 35 г. дочь Ареты IV вернулась к отцу, а Ирод Антипа и Иродиада официально стали мужем и женой, в 36 г. разгорелся военный конфликт между Аретой IV и Иродом Антипой, завершившийся несколько месяцев спустя (в 37 г.) без решительного результата ни для одной из сторон.

ЭПИЗОД II
КАЗНЬ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

С женитьбой на Иродиаде ослеплённого страстью Ирода Антипы оказалось тесно связано такое значительное событие в истории раннего христианства, как казнь пророка Иоанна Крестителя, или Иоанна Предтечи. Вот что на сей счёт сообщает Иосиф Флавий, весьма осведомлённый и «в высшей степени творческий писатель»[31]:

> «Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть спра-

[31] *Jensen M.H.* 2007, 11.

> ведливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. …Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочёл предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода, Иоанн был в оковах послан в Махерон… и там казнён» (Ant. Jud. XVIII. 5. 2).

Никаких дополнительных деталей (вроде пресловутого «танца Саломеи») в тексте Флавия нет. Когда же всё это произошло? Очевидно, вскоре после того, как Антипа заключил брак с Иродиадой, т.е. в 35 г. Почему не позже? Дело в том, что с момента гибели Предтечи и до распятия Иисуса прошло не менее года, между тем известно, что Иисус был распят, когда префектом Иудеи был Понтий Пилат, снятый с должности ещё при жизни Тиберия, в 36 г.[32].

Благодаря Флавию и евангелистам мы знаем, что Иоанн Креститель подверг резкой критике брак Ирода Антипы и Иродиады. Но за что конкретно? Попытаемся в этом разобраться. Итак, в Евангелии от Марка читаем:

> «Царь Ирод, услышав об Иисусе (ибо имя Его стало гласно), говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мёртвых, и потому чудеса делаются им. Другие говорили: это Илия, а иные говорили: это пророк, или как один из пророков. Ирод же, услышав, сказал: это Иоанн, которого я обезглавил; он воскрес из мёртвых[33]. Ибо сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней. Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего» (*Мк.* 6:14-18. Здесь и далее цит. Синодальный перевод Св. Писания).

---

[32] О Пилате см.: *Деревенский Б.Г.* 2013, 17-22. Получается, что Иисус был распят в 36 г. в возрасте около 40 лет (с учётом, что родился Он в 5 / 4 г. до н.э.).

[33] Согласно Евангелию от Луки, фарисеи сообщили Иисусу о том, что Ирод Антипа намерен расправиться и с Ним (*Лк.* 13:31). В этом синоптическом Евангелии Антипа уподоблен лисице (*Лк.* 13:32).

То же самое, почти слово в слово, сообщает Матфей (*Мф.* 14:1-4. Ср. в Евангелии от Луки: *Лк.* 3:19); различие лишь в том, что Марк называет Ирода Антипу «царём», а Матфей — «четвертовластником», т.е. тетрархом, что соответствует действительности (видимо, Марк просто-напросто не различал такие маловажные для него детали, как титулы наследников Ирода Великого).

С позицией синоптиков по вопросу о браке Антипы и Иродиады всё более или менее ясно. А как обстоит дело с иудейскими обычаями и библейской традицией? Факт заключается в следующем: закон Моисеев запрещает мужчине брать в жёны супругу брата (Лев. 18:16; 20:21), единственное исключение — *левиратный брак* (Втор. 25:5. Ср.: *Мк.* 12:19). Поскольку брак Антипы и Иродиады был заключён в 35 г., видимо, ещё при жизни Ирода Боэта, левиратным он считаться никак не мог; к тому же у Иродиады была дочь от первого брака. Очевидно, Иоанн Креститель смотрел на эту связь точно так же, как и Иисус: «И если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует» (*Мк.* 10:12).

В соответствии с законом Моисеевым развод мог дать муж жене, а не наоборот; соответственно, женщина могла вновь выйти замуж, лишь получив развод от бывшего мужа (*Jos.* Ant. Jud. XV. 7. 10). Разумеется, в жизни случалось всякое. Так, Саломея, сестра Ирода Великого, в 28 / 27 г. до н.э. сама послала разводное письмо своему мужу Костобару, таким образом, инициировав развод (loc. cit.). Племянницы Иродиады (*Jos.* Ant. Jud. XX. 7. 2–3) последовали примеру злосчастной тётки и даже хуже: «В то время как Друзилла вышла замуж за необрезанного язычника, две её сестры, Мариамна и Береника, самовольно оставили своих супругов, Юлия Архелая и М. Антония Полемона, и вступили в новые браки с такой вольностью, которую евреи, подобные Иосифу, допускали только для мужчин»[34].

Итак, Иродиада была виновна в том, что нарушила закон, Ирод Антипа — в том, что «увёл» жену у брата. Брак Антипы и Иродиады являлся незаконным и кровосмесительным, за что его и порицал Иоанн Креститель. Вообще вся эта история в высшей сте-

[34] *Григер М.В.* 2007, 198.

пени характерна для Ирода Антипы, который, прожив немало лет в Риме, можно сказать, с младых ногтей проникся не только эллинской культурой, но и римским образом жизни (кстати сказать, процедура развода в римском праве была предельно простой[35]). Став тетрархом, он, с одной стороны, чтобы лишний раз не раздражать подданных, старался чисто внешне соблюдать иудейские традиции и закон Моисеев, о чём свидетельствуют и его монетная чеканка[36], и отдельные эпизоды из истории его отношений с римскими властями (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 5. 3; *Philo.* Leg. Gai. 38); с другой стороны, в своей частной жизни Антипа не отличался особым благочестием и соблюдением закона: так, известно, что Тивериада была им основана на месте старого кладбища, которое он приказал снести (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 2. 3), а его резиденция была украшена скульптурами (*Jos.* Vita. 65), что, разумеется, шло вразрез с предписаниями иудаизма.

Безусловно, и у Антипы, и у Иродиады были причины, мягко говоря, не любить пророка и желать его смерти. Вот что пишет евангелист Марк:

> «Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла. Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берёг его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его. Настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего[37], делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским, дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним; царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе; и клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства. Она вышла и спросила у матери своей: чего просить?

---

[35] См.: *Treggiari S.* 1991, 446-458.

[36] См.: *Неклюдов К.В.* 2011а, 54. Интересные наблюдения о монетной чеканке Ирода Антипы см.: *Jensen M.H.* 2007, 26-30. В частности, М. Йенсен констатирует, что за 43 года своего правления Антипа выпустил не более пяти серий монет (начиная с 19 / 20 г.). Все они, в соответствии с религиозным запретом, были лишены портретных изображений.

[37] Греч. γενέσια можно понять не только как «день рождения», но и как «годовщина восшествия на трон».

Та отвечала: головы Иоанна Крестителя. И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя. Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей. И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошёл, отсёк ему голову в темнице, и принёс голову его на блюде, и отдал её девице, а девица отдала её матери своей. Ученики его, услышав, пришли и взяли тело его, и положили его во гробе» (*Мк.* 6:19–29).

Версия Матфея отличается от версии Марка разве что некоторыми нюансами:

«В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нём: это Иоанн Креститель; он воскрес из мёртвых, и потому чудеса делаются им. Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь её. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка. Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей. Ученики же его, придя, взяли тело его и погребли его; и пошли, возвестили Иисусу» (*Мф.* 14:1–12).

Таким образом, если у Марка Ирод Антипа боялся Иоанна как святого, берёг и слушался его, то у Матфея галилейский тетрарх опасался лишь популярности Иоанна в широких народных массах, видевших в нём пророка. Что же касается евангелиста Луки, то он не сообщает на сей счёт никаких деталей:

«Услышал Ирод четвертовластник о всём, что делал Иисус, и недоумевал: ибо одни говорили, что это Иоанн восстал из мёртвых; другие, что Илия явился, а иные, что один из древних пророков воскрес. И сказал Ирод: Иоанна я обезглавил; кто же

Этот, о Котором я слышу такое? И искал увидеть Его» (*Лк.* 9:7–9).

Самый загадочный эпизод в этой тёмной истории — танец пресловутой «дочери» Иродиады, якобы выпросившей у «отчима» себе в награду голову Иоанна Крестителя на блюде. Возникает вопрос: откуда евангелисты узнали о танце злосчастной «девицы» на пиру и мог ли таковой вообще иметь место? Как уже говорилось, в окружение авторов синоптических евангелий входили хорошо осведомлённые люди — Иоанна, жена домоправителя Хузы (*Лк.* 8:3), и близкий друг Ирода Антипы Манаил (Деян. 13:1). Именно Иоанна и Манаил могли поведать своим христианским «братьям» о некоторых деталях рокового происшествия в Махероне, да и в самой пляске некой блудницы во время попойки, которую Антипа, много лет проживший в Риме и, разумеется, привыкший к тамошним «симпосиям», устроил для своего эллинизированного окружения, нет ничего невероятного, она вполне могла иметь место на самом деле. Что же получается? В раннехристианской общине спустя какое-то время после гибели Иоанна Предтечи возникает беллетризованная версия казни пророка, которая отчасти снимает с Ирода Антипы вину за расправу с Иоанном и немалую долю этой вины возлагает на Иродиаду и её мнимую «дочь»!

Факт состоит в следующем: ни один из синоптиков не называет имени роковой «девицы». Иосиф Флавий в свою очередь упоминает об одной-единственной дочери Иродиады — Саломее, рождённой ею от первого мужа (Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Точная дата рождения Саломеи неизвестна. В 35 г. она уже была вдовой (за несколько месяцев до событий в Махероне умер её муж, тетрарх Ирод Филипп II). Скорее всего, ей тогда было не меньше 21 года, а, может быть, и все 25, а то и 30 лет, и «девицей» (речь, видимо, должна идти о девушке 12–14 лет) она точно не была. О существовании какой-либо другой дочери Иродиады ничего не известно. Кроме того, зная о строгих нравах и обычаях традиционного иудейского общества, можно с уверенностью сказать: ни Саломея, ни какая-либо другая особа женского пола из династии Иродиадов не могли плясать в мужском обществе, да ещё во время попойки! Это

было совершенно исключено, и здесь не работают никакие ссылки на греко-римское культурное влияние, которое, несомненно, имело место при дворе галилейского тетрарха[38]. Итак, подчеркнём: ни падчерица, ни родная дочь, ни племянница Ирода Антипы в реальности никак не могли развлекать своими сладострастными танцами пьяного виновника торжества и его хмельных сотрапезников. Иное дело — какая-нибудь гетера, придворная куртизанка, возможно, фаворитка любвеобильного правителя, тем более что в римской литературной традиции при желании можно отыскать довольно любопытные параллели этому сюжету.

Вот какой эпизод приводит в своей монументальной «Истории» Тит Ливий, старший современник Ирода Антипы и Иродиады. В 184 г. до н.э. цензоры Марк Порций Катон и Луций Валерий Флакк исключили из сената за аморальное поведение Луция Квинкция Фламинина (консула 192 г. до н.э. и брата прославленного полководца, победителя македонского царя Филиппа V Тита Квинкция Фламинина), который

> «...привёз с собой в провинцию Галлию пунийца Филиппа, игравшего при нём роль дорогой содержанки. Мальчишка, чтобы продать подороже свои услуги, капризным и избалованным тоном не раз упрекал консула в том, что тот увёз его из Рима в самый канун гладиаторских игр. Однажды, когда они были на пиру и уже захмелели, в разгар застолья консулу доложили, что прибыл, вместе со своими детьми, знатный перебежчик из племени бойев и желает увидеться с ним, чтобы лично от него получить гарантии своей безопасности. Введённый в палатку, галл через переводчика обратился к Квинкцию с речью. Но тот, перебив гостя, спросил своего любимца: “Раз тебе не хватает гладиаторских игр, хочешь увидеть, как умрёт этот галл?” Стоило мальчику, принявшему это за шутку, кивнуть, как консул обнажённым мечом, висевшим над его ложем, ударил галла, продолжавшего речь, прямо по голове, и когда тот

[38] М.В. Григер отмечает «усиливающееся пренебрежительное отношение потомков Ирода к отеческим еврейским законам и их растущее предпочтение придерживаться абсолютно римского образа жизни» (*Григер М.В.* 2007, 200).

обратился в бегство, призывая на помощь римский народ и присутствующих, вторым ударом консул вогнал меч ему в бок. Валерий Анциат, как если бы он не читал речи Катона и пересказывал дело по непроверенным слухам, передаёт другой эпизод, но схожий похотью и жестокостью. Как он утверждает, в Плаценции консул пригласил на пир известную гетеру, в которую был влюблён до беспамятства. Там, похваляясь своими подвигами, он, среди прочего, рассказал своей гостье, как строго он ведёт дознание по уголовным делам и сколько осуждённых у него в темнице ждёт исполнения смертного приговора. Подружка, забравшись к нему на колени, сказала, что ни разу не видела, как рубят голову людям и что она очень это хочет увидеть. Учтивый любовник тут же велел притащить одного из этих несчастных и топором отрубил ему голову. Обстояло ли дело так, как оно описано в обвинительной речи цензора, или так, как его пересказывает Валерий, в любом случае было совершено ужасное и жестокое преступление. На пиру, где принято совершать богам возлияния и произносить гостям пожелания всего наилучшего, был убит, как жертвенное животное, человек, кровью которого был забрызган обеденный стол на потеху любовнице, сидящей у консула на коленях! В конце речи Катон предлагает Квинкцию, если тот не согласен с этим и прочими обвинениями, доказать свою невиновность в суде, но если он признается, то неужто он полагает, что кто-то будет горевать о его бесчестье, после того как, опьянённый вином и похотью, он развлекался на пиру пролитием человеческой крови?» (XXXIX. 42. 8–43. 5. Пер. Э.Г. Юнца).

В комментариях к переводу Э.Г. Юнца, составленных Ф.А. Михайловским и В.М. Смириным, говорится:

«Версия Анциата приглажена — в ней убраны шокирующие подробности, оскорблявшие достоинство консульской власти: убийство перебежчика (заменённого в этой версии осуждённым преступником) в угоду мальчишке-любовнику (заменённому “известной распутницей”). Версии Анциата следуют также Цицерон (О старости, 42) и Валерий Максим (II, 9, 3). Плутарх рассказывает эту историю дважды (Катон Старший.

17; Фламинин, 18). Он знает Катонову версию (по Ливию), но всё-таки отдаёт предпочтение риторизованной»[39].

Таким образом, как мы видим, в данном случае беллетристика взяла верх над фактической стороной дела, поскольку речь зашла о таких важных, «экзистенциальных» для любого римлянина вещах, как идеология, «устои» и «скрепы» res publicae.

Могла ли такого рода беллетристика оказать своё влияние на евангелистов? На наш взгляд, в этом нет ничего невероятного. Обратимся к Евангелию от Марка, которое обычно признаётся самым ранним из канонических повествований о жизни Христа[40]. Ряд признаков свидетельствует о том, что Евангелие от Марка было создано в Риме и адресовано не столько евреям, сколько прозелитам греко-римского происхождения[41]. Мог ли автор этого Евангелия (или те, кто его информировал, консультировал, редактировал текст и пр.) при описании событий, приведших к гибели Иоанна Предтечи, иметь в виду упомянутый выше беллетризованный сюжет с Фламинином и блудницей? Безусловно, мог. Скорее всего, так оно и было, слишком очевидно сходство двух сюжетов: в одном случае — римский консул и его наложница, в другом — галилейский тетрарх и некая блудница. Кем же была эта последняя? По нашему глубокому убеждению, это не могла быть не только злосчастная Саломея, оболганная вековой христианской традицией[42], но и никакая другая представительница династии Иродиадов. Речь здесь может идти о некой безвестной придворной куртизанке, к которой любвеобильный Ирод Антипа, вполне возможно, питал нежные чувства. Можно предположить, что Иродиада использовала эту куртизанку «вслепую» в качестве инструмента собственной мести Иоанну Крестителю за его «злокусательные» речи; не ис-

---

[39] *Тит Ливий* 1993, 701. Из источников см. также: *Sen.* Contr. IX. 2; *Aur. Vict.* De viris ill. XLVII. 4.

[40] *Свенцицкая И.С.* 1987, 58.

[41] *Косидовский З.* 1981, 47.

[42] В частности, имеются в виду россказни о «страшном возмездии», якобы постигшем Саломею (!), когда та шла по льду озера в Галлии (!!) и провалилась в полынью, после чего ей отрезало голову льдиной (!!!).

ключено, что Антипа и его жена заранее срежиссировали роковую сцену на пиру в Махероне, чтобы снять с тетрарха — хотя бы отчасти — тяжесть ответственности за казнь всеми почитаемого пророка в глазах подданных Антипы (скорее всего, это был банальный политический расчёт). Зачем же евангелист Марк — или его информаторы и редакторы — выдумал / и некую мифическую «дочь» Иродиады и ввели её в евангельский сюжет, сделав слепым орудием в руках мстительной внучки царя Ирода? Возможно, они стремились сделать более убедительным для читателя мотив личной вовлечённости Иродиады в ту роковую интригу, которая привела к казни Иоанна Предтечи. Таким образом, танец на пиру мог быть, а мог и не быть, тут правды мы не узнаем никогда, но в том, что блудницей, якобы выпросившей у галилейского тетрарха голову Иоанна Крестителя на блюде, не была дочь Иродиады Саломея, на наш взгляд, можно быть твёрдо уверенным.

ЭПИЗОД III
ПОСЛЕДНЯЯ ИНТРИГА И ДРАМАТИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

Спустя всего лишь четыре года одиозный тандем постигло фиаско. Роковую роль в этой истории сыграл брат Иродиады, Ирод Агриппа. Как сообщает всё тот же Иосиф Флавий (Ant. Jud. XVIII. 6. 1–2), проживавший в Риме на протяжении многих лет и вконец промотавшийся Агриппа был вынужден покинуть Вечный город. Когда именно это произошло, неизвестно[43]. Прибыв в Палестину и

[43] Единственное, что можно сказать точно, это то, что Агриппа уехал из Рима спустя какое-то время после смерти Друза Младшего (23 г.), о чём пишет Флавий (Ant. Jud. XVIII. 6. 1). В своём переводе Г.Г. Генкель к словам «Тиберий запретил друзьям своего скончавшегося сына показываться ему» добавил в скобках наречие «недавно», что, на наш взгляд, совершенно неоправданно и сбивает читателя с толку; действительно, в таком случае из контекста можно сделать вывод, что, как минимум, уже в 25 г. Ирод Антипа и Иродиада были мужем и женой, что противоречит всему написанному Иосифом Флавием на этот счёт. Напротив, нам кажется, что никакого хронологического противоречия здесь нет и указание

мучаясь от хронического безденежья, Агриппа впал в отчаяние и уже якобы подумывал о самоубийстве, как вдруг на помощь ему пришла жена — и по совместительству его кузина — Кипра.

> «Она отправила жене[44] тетрарха Ирода, сестре своей[45] Иродиаде, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила её как родственницу помочь её мужу выпутаться, причём указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж её послали за Агриппой, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агоранома» (Ant. Jud. XVIII. 6. 2).

Вскоре, однако, Агриппа и Ирод Антипа поссорились (loc. cit.), после чего Агриппа вернулся ко двору Тиберия (ibid. 4). Там он нажаловался на тетрарха, но император, благоволивший Антипе (*Jos.* Ant. Jud. XVIII. 2. 3), оставил жалобы Агриппы без внимания (*Jos.* Bell. Jud. II. 9. 5).

Следуя принятой нами хронологической канве, все упомянутые события, связанные с Агриппой, произошли в довольно узком временном диапазоне: Иродиада стала женой Антипы в 35 г., Тиберий умер в марте 37 г. Когда императором стал Гай Калигула (37–41 гг.), он даровал своему другу Агриппе царский титул (37 г.). В 39 г. тщеславная Иродиада, позавидовав успехам брата, втянула своего слабовольного мужа в интригу, ставшую гибельной для них обоих. Вот как Флавий описывает развязку этой интриги:

Флавия на кончину Друза Младшего носит самый приблизительный характер.

[44] В оригинальном тексте Флавий употребил причастие от глагола συνοικέω — «жить вместе»; Г.Г. Генкель в переводе использовал существительное «жена»; по нашему мнению, его вполне можно заменить словом «сожительница», что в большей степени отвечает ортодоксальным взглядам Иосифа Флавия.

[45] Ошибка Г.Г. Генкеля. В оригинале у Флавия — «его сестре». В самом деле, Иродиада была сестрой Агриппы.

«Между тем сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Переи Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое положение, чем её муж, и вернулся, покрытый почётом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спасаться бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она не была в состоянии скрыть своё неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казнённого родным отцом своим Аристобула, человек, впавший в такую нужду, что люди из сострадания изо дня в день доставляли ему всё необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царём, тогда как Ирод, сын царя, которому самое происхождение даёт право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком[46]. “Если ты, Ирод, — говорила она, — раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь по крайней мере воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своею бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера ещё и позавчера жили благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что нисколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола”. Ирод настойчиво отклонял это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от её намерения. Ввиду этого последняя, однако, ещё более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход всё, чтобы добиться царского престола. Она не раньше ус-

[46] В оригинальном тексте употреблено слово ἰδιωτεία, т.е. «частная жизнь». Таким образом, Флавий счёл возможным назвать человеком, проживающим «частную жизнь», тетрарха, правителя довольно обширной области, лишь потому, что тот не обладал царским титулом.

покоилась, чем склонила его на свою сторону; впрочем, он не умел ей ни в чём отказать и подчинялся её решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил всевозможною пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля одновременно пристали в Дикеархии. Гая они нашли в кампанском городке Байях, который отстоит от Дикеархии на расстоянии пяти стадий. …Гай только что разговаривал с Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержавшее обвинения против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиберии и в заговоре с парфянским царём Артабаном, направленном против Гая. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие[47]. Гай, прочитав письмо, пришёл в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии. Не имея возможности отрицать истину, Ирод признался, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил её к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум[48]. Узнав, что Иродиада —

[47] Скорее всего, это вооружение предназначалось для борьбы с набатеями, а не против Рима (см.: *Неклюдов К.В.* 2011b, 635).

[48] Лугдунум, или Лугдун Конвенарум, совр. Сен-Бертран-де-Комменж (в 100 км к юго-западу от Тулузы). В «Иудейской войне» тот же Иосиф Флавий в качестве места ссылки Ирода Антипы называет почему-то Испанию вместо галльского Лугдуна (Bell. Jud. II. 9. 6). Возможно,

сестра Агриппы, император вернул ей её личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат её. Однако Иродиада ответила на это: “Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоею моя преданность мужу: я, разделявшая с ним всё, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы”. Император рассердился на неё за это великодушие и приговорил её к ссылке вместе с Иродом. Имущество её он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за её зависть к брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а он её послушался» (Ant. Jud. XVIII. 7. 1–2).

Нельзя не признать, что в данной ситуации Иродиада повела себя в высшей степени достойно, как самая что ни на есть преданная и любящая жена. Что в дальнейшем сталось с ними обоими, неизвестно: с тех пор в источниках они не упоминаются. Более или менее определённо можно сказать только то, что бывший тетрарх Ирод Антипа и его жена Иродиада умерли в ссылке в галльском городе Лугдуне Конвенарум после 39 г.

ЛИТЕРАТУРА

Григер М.В. 2007: Социальный аспект взаимодействия Восток — Запад в римской Иудее (37 г. до н.э. – 135 г. н.э.) // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань/ Т. 149. Кн. 4. 193-202.

Деревенский Б.Г. (сост., ст. и комм.) 2013: Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетейя.

Караваев А.Г. 2021: Правящий дом Мавретании в семье постэллинистических династий Средиземноморья I в. н.э. // Египет и сопредельные страны. 2. 14-38.

Косидовский З. 1981: Сказания евангелистов. М.: Издательство политической литературы.

память изменила историку; впрочем, здесь вполне мог ошибиться средневековый переписчик рукописи, перепутавший Галлию с Испанией.

Неклюдов К.В. 2011a: Период правления тетрарха Ирода Антипы по данным археологии // Христианское чтение. 5 (40). 31-59.

Неклюдов К.В. 2011b: Ирод Антипа // ПЭ. XXVI. 634-640.

Неклюдов К.В., Ткаченко А.А. 2011: Иродиада // ПЭ. XXVI. 651-654.

Никишин В.О. 2017: Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. 2, 1-17.

Никишин В.О. 2019: Рим и вассальные цари: о некоторых аспектах взаимоотношений // АМА. 19. 129-168.

Никишин В.О. 2021: Династические браки клиентных царей в правление Августа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 13. 3. 310-318.

Свенцицкая И.С. 1987: Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат.

Тит Ливий 1993: История Рима от основания Города. М.: Наука. III.

Gillman F.M. 2003: Herodias: At Home in That Fox's Den. Collegeville: Liturgical Press.

Hoehner H.W. 1972: Herod Antipas. Cambridge: Cambridge University Press.

Jensen M.H. 2006: Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck.

Jensen M.H. 2007: Herod Antipas in Galilee: Friend or Foe of the Historical Jesus? // JSHJ. 5 (1). 7-32.

Jensen M.H. 2014: The Political History in Galilee from the First Century BCE to the End of the Second Century CE // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods. Vol. I. Life, Culture and Society. Minneapolis, 51-77.

Kokkinos N. 1998: The Herodian Dinasty: Origins, Role in Society and Eclipse. Sheffield: Sheffield Academic Press.

Krieger K.-S. 1994: Geschichtsshreibung als Apologetik bei Flavius Josephus / TANZ. Tübingen; Basel: Francke Verlag. 9.

Meshorer Y. 1982: Ancient Jewish Coinage. Vol. 2. Herod the Great Through Bar Kokhba. Dix Hills; N.Y.: Amphora Books.

Roller D.W. 2018: Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era. N.Y.: Oxford University Press.

Shillam M.W. 2016: Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings / PhD thesis: Armidale, New South Wales.

Schwartz D.R. 2018: Malthace, Archelaus, and Herod Antipas: Between Genealogy and Typology // Sources and Interpretation in Ancient Judaism: Studies for Tal Ilan at Sixty (Ancient Judaism and Early Christianity, 104) / Eds. M.M. Piotrkowski, G. Herman, and S. Dönitz. Leiden, 32-40.

Treggiari S. 1991: Roman Marriage. Justi Conigues from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford: Clarendon Press.

REFERENCES

Griger M.V. 2007: Social'nyj aspekt vzaimodejstviya Vostok — Zapad v rimskoj Iudee (37 g. do n.e. – 135 g. n.e.) // Uchyonye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. T. 149. Kn. 4. Kazan', 193-202.

Derevenskij B.G. (sost., st. i komm.) 2013: Iisus Hristos v dokumentah istorii. SPb.: Aletejya.

Karavaev A.G. 2021: Pravyashchij dom Mavretanii v sem'e postellinisticheskih dinastij Sredizemnomor'ya I v. n.e. // Egipet i sopredel'nye strany. Vyp. 2, 14-38.

Kosidovskij Z. 1981: Skazaniya evangelistov. M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury.

Neklyudov K.V. 2011a: Period pravleniya tetrarha Iroda Antipy po dannym arheologii // Hristianskoe chtenie. №5 (40), 31-59.

Neklyudov K.V. 2011b: Irod Antipa // PE. T. XXVI. M., 634-640.

Neklyudov K.V., Tkachenko A.A. 2011: Irodiada // PE. T. XXVI. M., 651-654.

Nikishin V.O. 2017: Kak kul'tura preodolela negativnyj stereotip: portret mavretanskogo carya YUby II v kontekste rimskih etnicheskih predrassudkov // Egipet i sopredel'nye strany. Vyp. 2, 1-17.

Nikishin V.O. 2019: Rim i vassal'nye cari: o nekotoryh aspektah vzaimootnoshenij // AMA. Vyp. 19, 129-168.

Nikishin V.O. 2021: Dinasticheskie braki klientnyh carej v pravlenie Avgusta // Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya. T. 13. № 3, 310-318.

Svencickaya I.S. 1987: Rannee hristianstvo: stranicy istorii. M.: Politizdat.

Tit Livij 1993: Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda. T. III. M.: Nauka.

Gillman F.M. 2003: Herodias: At Home in That Fox's Den. Collegeville: Liturgical Press.

Hoehner H.W. 1972: Herod Antipas. Cambridge: Cambridge University Press.

Jensen M.H. 2006: Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck.

Jensen M.H. 2007: Herod Antipas in Galilee: Friend or Foe of the Historical Jesus? // JSHJ. 5 (1), 7-32.

Jensen M.H. 2014: The Political History in Galilee from the First Century BCE to the End of the Second Century CE // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods. Vol. I. Life, Culture and Society. Minneapolis, 51-77.

Kokkinos N. 1998: The Herodian Dinasty: Origins, Role in Society and Eclipse. Sheffield: Sheffield Academic Press.

Krieger K.-S. 1994: Geschichtsshreibung als Apologetik bei Flavius Josephus / TANZ. Bd. 9. Tübingen; Basel: Francke Verlag.

Meshorer Y. 1982: Ancient Jewish Coinage. Vol. 2. Herod the Great Through Bar Kokhba. Dix Hills; N.Y.: Amphora Books.

Roller D.W. 2018: Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era. N.Y.: Oxford University Press.

Shillam M.W. 2016: Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings / PhD thesis: Armidale, New South Wales.

Schwartz D.R. 2018: Malthace, Archelaus, and Herod Antipas: Between Genealogy and Typology // Sources and Interpretation in Ancient Judaism: Studies for Tal Ilan at Sixty (Ancient Judaism and Early Christianity, 104) / Eds. M.M. Piotrkowski, G. Herman, and S. Dönitz. Leiden, 32-40.

Treggiari S. 1991: Roman Marriage. Justi Conigues from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford: Clarendon Press.

Vladimir O. NIKISHIN

THREE EPISODES FROM THE LIFE OF HERODIAS, A DAUGHTER OF ARISTOBULUS, A GRANDDAUGHTER OF HEROD

The article is devoted to the most vivid stories from the life of Herodias, the granddaughter of Herod the Great and the wife of her uncle Herod Antipas, the tetrarch of Galilee and Perea. These are three plots: the incestuous marriage with Herod Antipas, the execution of John the Baptist, and the exile of Antipas and Herodias to Gaul. After analyzing the sources and historiography, the author built the following chronological outline of events: in 34 A.D. the romance of Herod Antipas and Herodias began, in 35 A.D. they officially became husband and wife, in 36 A.D. a war broke out between Antipas' former father-in-law, Nabataean king Aretha IV, and the tetrarch of Galilee and Perea. This war ended in 37 A.D. without a decisive result for either side. According to this chronological outline, the execution of John the Baptist took place in 35 A.D., and Jesus was crucified in 36 A.D. at the age of about 40 years. The author came to the conclusion that the "dance of Salome" described in the Gospels did not and could not exist in reality. The fact is that neither Salome nor any other female person from the Herodias dynasty could dance at the feast due to the strictness of Jewish traditions and religious precepts. According to the author, some hetaera or a court courtesan could dance at Herod's feast. The author does not exclude that Antipas and Herodias could have staged the fatal scene at the feast in Macheron in advance in order to at least partially remove from the tetrarch the burden of responsibility for the execution of the prophet in the eyes of his subjects. Finally, in 39 A.D. a denouement occurred: as a result of an intrigue initiated by Herodias, Herod Antipas and his wife fell into disgrace and, by order of Caligula, were exiled to Gaul, where they died a few years later.

Keywords: Herod the Great, Herod Antipas, Herodias, Salome, tetrarch, Josephus, John the Baptist, levirate marriage, Judea, Macheron.

Vladimir O. NIKISHIN — PhD (History), Senior Tutor of the Department of Ancient History of the M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation. — cicero74@mail.ru

И.Е. Суриков

ВАРВАРСТВО И ГЕНДЕР У ДРЕВНЕЙШИХ ГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ

Древнейшие греческие историки (Акусилай Аргосский, Гекатей Милетский, Ферекид Афинский, Харон Лампсакский, Гелланик Лесбосский, Ксанф Лидийский и др.), принадлежали, наряду с Геродотом и в отличие от Фукидида, к ионийской традиции историописания. Именно в позднеархаической Ионии появился у греков сам концепт варварства (самые ранние случаи употребления слова «варвар» встречаем у нескольких ионийских авторов рубежа VI–V вв. до н.э.). Концепт этот имел, помимо прочего, свой гендерный аспект. Существовала отчетливая тенденция сближать варваров с женским полом, которая порождалась рядом факторов — от чисто внешних, привходящих, до более принципиальных (признавали приоритет эмоций над разумом как у женщин, так и у варваров, тем и другим приписывались разного рода девиации и т.п.). В статье рассмотрен релевантный источниковый материал, содержащийся в сохранившихся фрагментах ранних историков. Этот материал отличается чертой, которая в целом может быть определена формулировкой «феминизация варварского и варваризация фемининного».

Ключевые слова: раннее греческое историописание, варварство, гендерные представления, Восток, амазонки, Медея, девиации, жестокость.

Игорь Евгеньевич СУРИКОВ — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета культурологии РГГУ. Российская Федерация, Москва. — isurikov@mail.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 57-89
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 57-89
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.002

Среди многочисленных контрастов между сочинениями двух крупнейших эллинских историков V в. до н.э. — Геродота и Фукидида[1] — одним из наиболее бросающихся в глаза является вот какой: у Фукидида лишь в незначительной степени представлена проблематика, связанная с варварством[2], и практически совершенно не представлена гендерная проблематика[3], а у Геродота и то, и другое мы обнаружим в изобилии. Соответственно, если брать и современную исследовательскую литературу, о варварах и варварстве у Геродота написано немало[4], о женских образах у него же — тоже[5].

Геродот и Фукидид являют собой образчики двух разных историографических традиций[6]. Фукидид создал аттическую традицию. Последнюю часто определяют как научно-позитивистскую, а самого Фукидида сравнивают с Л. фон Ранке[7]. Сам Ранке, безусловно, видел в себе если не «второго Фукидида», то, во всяком случае, «наследника Фукидида». Его известнейший афоризм «wie ist es eigentlich gewesen», как указал М. Финли[8], напрямую восходит к фукидидовскому выражению (с тем же смыслом) οἷόν τε ἐγίγνετο (*Thuc.* II. 48. 3). Впрочем, ныне становится более популярной точка

---

[1] Строго говоря, Фукидид продолжал работать над своим трудом до самой смерти, последовавшей в начале IV в. до н.э. Однако в стадиально-типологическом плане он, несомненно, принадлежит к авторам V в. до н.э.

[2] *Суриков И.Е.* 2019.

[3] Приведем некоторые цифры (по: *Blok J.* 2002). У Геродота, по разным подсчетам, встречаются от 375 до 381 упоминания о женщинах. Что же касается сочинения Фукидида (а оно по размеру сопоставимо с геродотовским), то в нем, если исходить из минималистских оценок (упоминания конкретных женщин), таковых найдется 6, а если исходить из максималистских (то есть учитывать все места, где говорится в каком-либо контексте, скажем, просто о «женщинах и детях»), то и тогда наберется лишь около 20. Большее различие трудно себе представить.

[4] Укажем буквально несколько недавних работ, exempli gratia: *Ellis A.* 2017; *Leão D.F.* 2020; *McKeon K.P.J.* 2020.

[5] См. (с экскурсами о состоянии изученности темы): *Blok J.* 2002; *Суриков И.Е.* 2011, 247-259.

[6] *Momigliano A.* 1990, 29-53; *Суриков И.Е.* 2016.

[7] О Фукидиде и Ранке, см., например: *Tucker A.* 2016.

[8] *Finley M.I.* 1986, 116.

зрения, согласно которой Фукидид в действительности был ближе не столько к позитивистской исторической науке, как мы ее понимаем, сколько к политической философии, основоположником (или одним из основоположников) которой он фактически стал[9].

Геродота же следует назвать одним из завершителей (наряду с его старшими современниками Геллаником Лесбосским и Ксанфом Лидийским[10]) иной, более ранней (собственно, самой ранней в античном и всём европейском историописании) традиции — ионийской[11]. Так называют ее не потому, что все ее представители (сразу перечислим главных из них в хронологическом порядке: Акусилай Аргосский, Гекатей Милетский, Ферекид Афинский, Харон Лампсакский, а также упомянутые чуть выше Гелланик и Ксанф) жили в полисах Ионии или были родом оттуда (это не соответствовало бы действительности, по крайней мере, применительно к Акусилаю, Ферекиду, Гелланику), а потому, что они все писали на ионийском диалекте древнегреческого языка — таково уж было утвердившееся обыкновение, которому следовал, помимо прочих, и Геродот[12].

---

[9] Это точка зрения, в частности, такого видного специалиста, как Дж. Обер: *Ober J.* 2006, 131. О Фукидиде как политическом мыслителе см. также в известной, даже влиятельной книге: *Farrar C.* 1994, 126-191. Впрочем, не можем согласиться с С. Фаррар в том, что она считает Фукидида идеологом демократии: в пользу этого утверждения надежных данных меньше, чем в пользу противоположного (Фукидид как сторонник умеренной олигархии, см. его крайне похвальные высказывания о режиме «Пяти тысяч» в Афинах 411–410 гг. до н.э.: *Thuc.* VIII. 97. 2). Оценка Э. Бадианом (*Badian E.* 1993) метода Фукидида как близкого скорее к журналистскому кажется нам тоже не вполне корректной.

[10] Ксанфа особенно часто сравнивают с Геродотом, находя в творчестве двух авторов много общих черт (например: *Mehl A.* 2004). О Гелланике см. наши статьи (где указана и предшествующая литература о нем): *Суриков И.Е.* 2021а; *Суриков И.Е.* 2021б.

[11] О ней пишут редко. По сути, единственной полностью посвященной ей работой монографического формата является *Pearson L.* 1975.

[12] Различные мнения по вопросу о том, почему Геродот, выходец из дорийского Галикарнасса, избрал диалектом своего труда ионийский, см. в: *Cook J.M.* 1962, 30; *Фролов Э.Д.* 1981, 104.

Но как раз сам этот факт является несомненным признаком того, что данная традиция все-таки зародилась именно в Ионии в период поздней архаики. А ведь как раз там и тогда появился у греков сам концепт варварства, к чему справедливо привлечено внимание в одной относительно недавней работе[13], в которой указывается, что, хотя, согласно более распространенной точке зрения[14], это произошло несколько позже, во второй четверти V в. до н.э. (на «волне» Греко-персидских войн), начиная с Эсхила[15], но в действительности сама лексема «варвар» (что предполагает существование и соответствующего понятия) зафиксирована уже у нескольких позднеархаических ионийских писателей: поэта Анакреонта, философа Гераклита и известного уже нам историка (и географа) Гекатея.

Концепт этот имел, помимо прочего, свой гендерный аспект. Существовала отчетливая тенденция сближать варваров с женским полом[16], которая порождалась рядом факторов — от чисто внешних, привходящих (у народов Востока мужчины, подобно женщинам, носили длинные одежды, у греков — более короткие), до более принципиальных. Во-первых, в варварах, как и в женщинах, видели людей изнеженных, склонных к роскоши[17] (это одно из «общих мест» древнегреческой литературы). Во-вторых, согласно традиционным эллинским представлениям, коренное различие между женщинами и мужчинами заключается в том, что у первых эмоции властвуют над разумом, а у последних — разум над эмоциями[18], и только мужское поведение оценивалось со знаком позитива, что не удивительно для античной греческой цивилизации, насквозь пронизанной рациональным началом[19]. Варваров также

[13] *Kim H.J.* 2013.

[14] Ярко проявляющейся, например, в одном из важнейших монографических исследований по данной тематике: *Hall E.* 1991.

[15] Об образах варваров у Эсхила (и у других драматургов) см. также в более ранней книге: *Bacon H.H.* 1961.

[16] *Castriota D.* 2005.

[17] *Карпюк С.Г.* 2012.

[18] Этот момент хорошо оттенен в: *Just R.* 1989.

[19] *Murray O.* 1991.

считали чрезмерно склонным к неконтролируемым эмоциям, например, к гневу[20].

* * *

Итак, далее мы рассмотрим данные по интересующему нас кругу проблем, содержащиеся в сохранившемся наследии «праотцев истории» — представителей ионийской традиции, предшественников Геродота и Фукидида. К сожалению, труды этих авторов не сохранились полностью, мы имеем от них только фрагменты, однако таких фрагментов не столь уж и мало: например, от Гекатея их дошло около 400, от Гелланика — более 200, от Ферекида Афинского — почти 200. Таким образом, перед нами в совокупности весьма значительный объем источникового материала, и в ограниченных рамках статьи представляется возможным обратиться далеко не ко всем пассажам древнейших историков, находящимся на стыке варварской и гендерной проблематики, а лишь к некоторым из них, наиболее рельефным и / или информативным.

Начнем с Акусилая Аргосского, написавшего трактат «Генеалогии» в трех книгах. Именно Акусилая, пожалуй, следует считать самым ранним представителем древнегреческого историописания. Э.Д. Фролов называет «архегетом многочисленной группы ранних историков»[21] Кадма Милетского. Но относительно этого автора следует отметить, что на сегодняшний день уже практически безоговорочно доказана его неисторичность, фиктивность. Не случайно и Ф. Якоби не включил его первый том своих эпохальных «Фрагментов греческих историков»[22]. Циркулировавшее под его именем сочинение является позднейшим фальсификатом.

С другой стороны, в том же издании Якоби Акусилай идет под номером 2, а под номером 1 — Гекатей Милетский. Однако нам представляется, что Акусилай на хронологической шкале все-таки должен быть поставлен перед Гекатеем. Деятельность последнего еще продолжалась в начале V в. до н.э., в то время как

[20] *Ruberto A.* 2011 (применительно к Ксерксу).
[21] *Фролов Э.Д.* 1981, 97.
[22] *Jacoby F.* 1995 (ссылаемся на последнее по времени переиздание).

жизнь и творчество аргосского автора целиком укладываются в рамки предшествующего столетия и, вероятно, должны быть датированы примерно его серединой. Характерно, что имя Акусилая включалось в некоторые перечни «Семи мудрецов» (а, кстати, имя Гекатея — никогда). В любом случае, Акусилай входит в число первых греческих прозаиков, наряду с Ферекидом Сиросским[23] и Анаксимандром Милетским.

Среди фрагментов Акусилая есть такой (в связи с племенем лапифов, которое часто считалось варварским), который содержит одно из самых ранних в античной литературе упоминаний о трансгендере.

> *Acusil.* FGrHist. 2. F22 = P. Oxy. XIII. 1611. fr. 1. col. II. 38 (этот пространный фрагмент приводим не полностью, иррелевантные места опускаем): «Что следующие слова, сказанные у Феофраста во второй книге сочинения “О царской власти” о копье Кенея[24]: “И он[25] воистину является царствующим с помощью скипетра, а не с помощью копья[26], как Кеней; ибо Кеней считал достойным править копьем, а не скипетром, как многие цари, но не мог”, — следует объяснить с помощью истории, изложенной Акусилаем Аргосским. Ведь он говорит о Кенее так: “С Кеной, дочерью Элата, совокупляется Посейдон. Затем — ибо не подобало ей рожать детей ни от него самого, ни от кого-либо другого — Посейдон превращает ее в неуязвимого мужа, наделенного самой великой силой из всех тогдашних людей. И когда кто-либо наносил рану этому Кенею железом или медью, то тут же сам бывал им побежден. И он становится царем лапифов и часто ведет войны с кентаврами. Однажды, воткнув копье на площади, он велел считать его бо-

[23] Этого Ферекида не следует путать с Ферекидом Афинским. Мыслитель с Сироса (теолог мистического толка) жил примерно на век раньше тезки-афинянина. О необходимости различать их, см.: *Fowler R.L.* 1999 (ответ на неудачную попытку признать двух Ферекидов одним лицом: *Toye D.L.* 1997).

[24] Кеней — мифический царь лапифов

[25] Неясно, о ком идет речь.

[26] Выражение, очевидно, обозначает «правит мирно, а не насильственно».

гом. А богам это не было угодно, и Зевс, увидев, что он так поступает, угрозами побуждает кентавров к войне, а те убивают Кенея, закапывая в стоячем положении под землю, а сверху наваливают скалу, как надгробный памятник; так он и умирает[27]". Вот это-то, похоже, и означает, что Кеней правил копьем».

Итак, согласно излагаемому Акусилаем мифу, Кеней вначале был женщиной и звался Кеной. Потом он был превращен в мужчину Посейдоном по объясненным тут причинам.

Далее, как известно крупнейшему мифологическому столкновению между эллинским и варварским мирами — Троянской войне — античными авторами, начиная с Гомера, постоянно давалась гендерная интерпретация (сквозь призму похищения Елены). Акусилай тоже ее придерживается, но в нетрадиционном варианте.

Acusil. FGrHist. 2. F39 = Schol. Hom. Il. XX. 307: «Когда появилось пророчество, что власть Приамидов будет уничтожена, а царствовать над троянцами будут потомки Анхиса[28] (τῆς τῶν Πριαμιδῶν ἀρχῆς καταλυθείσης οἱ ἀπ' Ἀγχίσου Τρώων βασιλεύσουσιν), Афродита сошлась с Анхисом, который был уже немолод. А родив Энея и желая подготовить повод для уничтожения Приамидов, она и внушила Александру страсть к Елене. А после ее похищения она по внешней видимости помогала в войне троянцам, а на самом деле просто смягчала им

[27] Поскольку Кеней был неуязвим для оружия, кентавры убили его, завалив, по одному варианту мифа, камнями и землей, по другому — деревьями.

[28] Согласно раннему варианту мифа (известному уже Гомеру), когда в ходе Троянской войны погибли или были взяты в плен все представители основной ветви, правившей в Трое династии — Приам и его потомки, — власть над Троадой перешла к боковой ветви того же рода, восходящей к Анхису и его сыну от Афродиты Энею. Впоследствии большее распространение получила версия, согласно которой Эней не остался в Троаде, а бежал в Италию. Эту версию, разумеется, особенно «лоббировали» римляне, считавшие Энея своим предком. Но в греческой историко-мифографической традиции она появляется уже у Гелланика (V в. до н.э.), у которого, между прочим, Эней лично основывает Рим (*Hellan*. FGrHist. 4. F84, об этом фрагменте, см. *ниже*).

горечь поражения, чтобы они не выдали Елену, придя в полное отчаяние. Рассказ этот содержится у Акусилая».

Перейдем к Гекатею. Он работал в последней четверти VI в. до н.э.: по нашим расчетам, завершил свой первый труд, генеалого-мифографического содержания (он, возможно, назывался «Истории» — именно так, во множественном числе) примерно к 516 г. до н.э., второй, посвященный географии («Описание Земли») — к 500 г. до н.э. Гекатей — первый историк, у которого мы встречаем слово «варвары» (*Hecat*. FGrHist. 1. F119). Правда, во фрагменте, на который мы только что сослались, «варварская» проблематика никак не увязывается с гендерной. В большей степени они соотнесены в другом фрагменте того же автора (*Hecat*. FGrHist. 1. F127 = *Herod*. VI. 137), да и то, похоже, не самим Гекатеем, а ссылающимся на него Геродотом, который утверждает, со слов афинян, что одна из групп варваров (пеласги) была изгнана из Аттики за некие гендерные девиации («А сами афиняне говорят, что изгнали пеласгов по справедливости. Ведь, по их словам, пеласги, поселившись под Гимессом[29], с тех пор стали дерзать на следующие обиды: дочери афинян, да и их сыновья, постоянно приходили за водой на Эннеакрунос[30]: ведь в то время ни у них, ни у других эллинов не было домашних слуг. Итак, когда они приходили, пеласги-де из-за наглости своей и заносчивости насильничали над ними»), и при этом оговаривает, что Гекатей эту точку зрения не разделяет.

Встречаются в сохранившемся наследии Гекатея амазонки (*Hecat*. FGrHist. 1. F7; F34 — упоминается пьяная амазонка; F226). Об этих созданиях древнегреческой мифологии, имеющих прямое отношение к тематике данной статьи (амазонки воспринимались как племя, с одной стороны, варварское, с другой же — чисто женское, то есть объединяли в себе черты этнической и гендерной чуждости), можно было бы долго говорить, и о них, естественно, существует обильная литература. Впрочем, поскольку сейчас речь

[29] Так Геродот, пишущий на ионийском диалекте, передает название аттического горного хребта Гиметта.

[30] Известный источник на афинской Агоре.

идет о единичных высказываниях Гекатея, к тому же сделанных лишь кратко мимоходом, не будем подробно углубляться в этот вопрос и ограничимся тем, что отошлем читателя к одной из своих предыдущих разработок[31], где мы констатируем, что амазонки для греков были в полном смысле слова образом *Иного*[32] — и даже в концентрированной форме, добавили бы мы теперь.

Варварам приписывались ненормальные (для эллинов) гендерные реалии, с чем мы столкнемся и ниже. В частности, поскольку грекам были свойственны семьи с небольшим числом детей (это во многом обусловливалось недостаточными природными ресурсами страны, не способными прокормить значительное население — еще Гесиод в «Трудах и днях» рекомендовал иметь лишь одного сына во избежание дробления отцовского надела), им, конечно же, не могли не бросаться в глаза многодетные семьи Востока. Подобная сугубая многодетность воспринималась как нечто характерное именно для варваров и даже подчас гиперболизировалась.

Вот что, в частности, читаем у Гекатея (*Hecat*. FGrHist. 1. F19 = Schol. Eur. Or. 872):

> «Преобладающее мнение гласит, что Египт[33] не прибыл в Аргос; так говорит, помимо прочих, и Гекатей, пишущий следующее: “Сам же Египт не пришел в Аргос, а только его сыновья, а было их, как сочинил Гесиод, пятьдесят, по-моему же, и двадцати не было”».

Число сыновей здесь, как видим, сугубо фантастическое — и не только в основной версии мифа, опровергаемой Гекатеем, но и в его собственной «минималистской» оценке. Впрочем, можно припомнить и то, каким количеством детей наделяла традиция еще одного знаменитого варвара — Приама, царя Трои.

---

[31] *Суриков И.Е.* 2009.

[32] О концептуализации греками этнической идентичности через образ Иного, см., например: *Siapkas J.* 2003.

[33] Мифологический персонаж, потомок аргивянки Ио, оказавшейся на берегах Нила, и брат Даная. Пишем «Египт», а не «Египет» во избежание смешения с названием страны, эпонимом которой он у греков считался.

Следующим по времени после Гекатея крупным древнегреческим историком был Ферекид Афинский, писавший во второй четверти V в. до н.э. и также создавший историко-мифографический трактат, причем по объему превзошедший все предыдущие (10 книг — это даже больше, чем в сочинениях Геродота и Фукидида). В ряде его фрагментов также фигурируют амазонки (*Pherec.* FGrHist. 3. F15 — с указанием на их происхождение от Ареса и некой нимфы Гармонии; F151 — о походе Тесея на амазонок и взятии им в плен одной из них; F152 — о том же).

Необходимо упомянуть также освещение Ферекидом фигуры Медеи. Эта колхидская царевна воспринималась как некая квинтэссенция «гендерного варварства» (или «варварского гендера»). Большинству ее образ лучше всего знаком по трагедии Еврипида, в которой она является главной героиней. Но Еврипид, выученик философов (в основном софистов)[34], мог вносить произвольные изменения в мифы; здесь же перед нами более ранний автор, несомненно, сохранивший их аутентичные версии.

> *Pherec.* FGrHist. 3. F31 = Schol. Apoll. Rhod. IV. 156: «В этих и дальнейших строках автор (Аполлоний Родосский. — *И. С.*) говорит, что Медея, окропляя можжевельником снадобье, усыпила дракона колдовством и таким образом взяла руно; и оба (Медея с Ясоном. — *И.С.*) удалились на корабль в то время, как чудовище спало. Здесь он согласен с Антимахом[35]. А Ферекид в седьмой книге говорит, что дракон был убит Ясоном».
>
> *Pherec.* FGrHist. 3. F32a = Schol. Apoll. Rhod. IV. 223: «Аполлоний говорит, что Ээт, ничего не добившись, отступил с судном, которым правил Апсирт (сын Ээта, брат Медеи. — *И.С.*); а Дионисий Милетский[36] утверждает, что Ээт, когда он настиг корабль и герои построились, убил аргивянина Ифида, брата Еврисфея, и сам потерял многих людей. Ферекид же в седьмой книге говорит, что Медея подняла Апсирта — ма-

[34] *Nestle W.* 1902.

[35] В Античности было несколько поэтов этого имени. Не вполне ясно, о ком из них здесь идет речь.

[36] Один из ранних ионийских историков (V в. до н.э.).

ленького ребенка — с постели, когда Ясон велел ей принести его к аргонавтам; А когда они подвергались преследованию, они убили Апсирта и, разрубив на куски, бросили в реку. Софокл же в “Скифах” утверждает, что у Медеи и Апсирта были разные матери»[37].

Pherec. FGrHist. 3. F105 = Schol. Pind. Pyth. IV. 133a (к словам: «Обутого на одну ногу»): «Рассказ содержится у Ферекида: “Приносил жертву Посейдону, — говорит он, — Пелий, и заранее оповестил, чтобы все присутствовали; были же там и другие граждане, и Ясон. А случилось так, что он пахал близ реки Анавра[38] и разутым переходил реку; перейдя же, он правую ногу обувает, а левую — забывает. И так он приходит на обед. Пелий же, увидев, сопоставляет с пророчеством, и тогда он сохранял спокойствие, но на следующий день, призвав Ясона к себе, спросил, что тот стал бы делать, если бы ему было предсказано погибнуть от руки граждан. А Ясон предлагает послать его в Эю[39] за золотым руном, чтобы он привез его от Ээта. А в ум Ясону это вкладывает Гера, чтобы пришла Медея злом для Пелия”».

Как известно, Медея, привезенная Ясоном в Иолк, хитростью погубила Пелия — царя этого города, пославшего героя на «Арго» за золотым руном. Она посоветовала дочерям Пелия сварить его (от чего тот и умер), сказав, что от подобной процедуры он помолодеет. А сама перед тем аналогичным образом омолодила, по основной версии сказания, Эсона, отца Ясона, а согласно Ферекиду — самого Ясона (*Pherec.* FGrHist. 3. F113a = Schol. Eur. Med. arg.): «А Ферекид и Симонид говорят, что Медея, сварив Ясона, сделала его молодым». В этом есть нечто необычное: вождь аргонавтов еще отнюдь не был старцем, и не очень понятно, зачем потребовалось его омолаживать.

---

[37] Во фрагментах F32b и F32c — аналогичная информация, поэтому мы их не цитируем.

[38] Река в Фессалии.

[39] Колхида, страна Ээта, иногда именуется в источниках Эей или Ээей. Но чаще так именуют остров, на котором жила волшебница Кирка (Цирцея), сестра Ээта — отцом их обоих был Гелиос.

В любом случае, Медея предстает у Ферекида как парадигматичный образ варварской женщины (точнее, одного из типов варварской женщины) — жестокой, беспощадной, коварной и в то же время обуреваемой страстями, к тому же наделенной сверхъестественными способностями. Воплощением другого типа женщины из варваров была в греческой мифологической традиции изнеженная лидийская царица Омфала, появляющаяся в цикле мифов о Геракле: в одном из его эпизодов прославленный герой появляется в роли раба этой дамы, самая грубая маскулинность оказывается подчинена фемининности (Геракл на службе у Омфалы «обабливается», носит женскую одежду и т.п.).

У Ферекида есть фрагмент и об этом, впрочем, без подробностей. *Pherec.* FGrHist. 3. F82b = Schol. Hom. Od. XXI. 22:

> «Ифит, сын Еврита, а родом эхалиец, когда у него пропали кони, обходил окрестные города, разыскивая, не покажутся ли они где-нибудь. А прорицатель Полиид[40] сказал ему, чтобы он в поисках не являлся в Тиринф[41]: не полезно-де это ему будет. Ифит, рассказывают, не послушался и явился туда. Геракл же, прибегнув к некой хитрости и уловке, завел его на высокую стену и сбросил — из-за того, что имел обиду на него и на его отца: когда он завершил свои подвиги, те не дали ему в жены Иолу, а с бесчестием выпроводили. Говорят же, что Зевс, разгневавшись за убийство гостя, приказал Гермесу, взяв Геракла, продать его в наказание за кровопролитие. А тот, приведя его в Лидию, отдал царствовавшей в тех местах Омфале, оценив в три таланта. Этот рассказ содержится у Ферекида».

Встречается у Ферекида также трансгендер, — правда, в связи не с варварским, а с эллинским миром (это знаменитый фиванский прорицатель Тиресий), но все-таки для полноты картины приведем и это свидетельство.

---

[40] Один из знаменитейших в древнегреческой традиции легендарных прорицателей.

[41] Тиринф в мифологии — традиционно город Геракла.

> *Pherec*. FGrHist. 3. F82b = Schol. Hom. Od. X. 493: «Ферекид говорит[42], что он (Тиресий. — *И. С.*) был ослеплен, увидев Афину купающейся в…[43] поскольку она была девой и была пострижена Аполлоном, чтобы… быть сожженным отцом Евером… Она превратилась в мужчину[44] по воле бога и одна… стала. И после этого[45]… Он же сказал, что большее наслаждение получает женщина. Потому-то он и был ослеплен Герой; а Зевс даровал ему пророческое искусство».

Вернемся к теме варварства. Как известно, в древнегреческой литературе наряду с представлением о варварах-врагах присутствует также и представление о «добродетельных варварах». Часто считают, что это явление достаточно позднее, ведущее начало, возможно, с видных историков IV в. до н.э. Ксенофонта и Эфора[46]. Однако, как представляется, некоторые намеки на подобное можно встретить уже у тех историков, которые рассматриваются в данной статье, а ведь они писали заведомо раньше и Ксенофонта, и тем более Эфора.

Так, вот что читаем в одном месте у Ферекида в связи с одним таким «добродетельным варваром», весьма знаменитым, — скифом Анахарсисом, которого признавали мудрецом. Пассаж имеет отношение, помимо прочего, к сексуальной сфере.

> *Pherec*. FGrHist. 3. F174 = Clem. Alex. Strom. V. 8. 44, p. 355, 13 Stäh.: «И о скифе Анахарсисе говорят, что он, когда спал, прикрывал левой рукой срамной член, а правой — рот, намекая,

---

[42] «Говорит» — необходимое добавление издателей.

[43] Несомненная лакуна. Этот пассаж, как можно видеть и из дальнейшего, вообще сильно испорчен и изобилует лакунами, несколько препятствующими пониманию.

[44] Тот же Тиресий, ранее ставший женщиной.

[45] Далее рассказ (пропущенный Ф. Якоби) о том, как поспорили Зевс и Гера по вопросу о том, кто получает больше удовольствия при половом акте — мужчина или женщина. В качестве «эксперта» призвали Тиресия (поскольку он побывал лицом обоих полов), а этот последний заявил, что женщина получает гораздо большее наслаждение.

[46] О положительном образе варвара Кира у Ксенофонта, см. *Georges P.* 1994, 207-244.

что нужно сдерживать обе эти страсти, но в большей степени язык, чем похоть».

Правда, этот фрагмент Ферекида Ф. Якоби включает в число «спорных, сомнительных и недостоверных». Однако обратимся теперь к историку примерно того же времени, что и Ферекид, или, может быть, чуть более позднему (датировки несколько расплывчаты), но в любом случае относящемуся к периоду около середины V в. до н.э. Речь идет о Хароне Лампсакском[47], от которого сохранилось довольно мало, о чем приходится пожалеть, поскольку он был автором весьма интересным, склонным к пассажам новеллистического характера (например: *Char.* FGrHist. 262 F1; F17), подобно Геродоту[48]. До нас дошел исключительно важный (причем безусловно аутентичный) фрагмент Харона, в котором изображена добродетельная (и именно по отношению к грекам) девушка, царевна варварского племени бебриков. Фрагмент этот, излагающий легенду об основании родного города автора[49], настолько замечателен, что, несмотря на довольно большой объем, его имеет смысл процитировать целиком.

Char. FGrHist. 262 F7 = *Plut.* Mor. 255a–e: «Были братья-близнецы из Фокеи[50], из рода Кодридов (τοῦ Κοδριδῶν

[47] О. Лендле, правда, «переносит» Харона во вторую половину V в. до н.э., делая его младшим современником Геродота (*Lendle O.* 1992, 71-73). Но поступать так, на наш взгляд, неправомерно: есть ряд прямых свидетельств источников, указывающих на то, что Харон писал раньше, чем Геродот (*Dion. Hal*. Epist. ad Pomp. 3.7; *Plut.* Mor. 859ab; *Tertull*. De an. 46). Тот же Лендле (и опять же, как нам представляется, неоправданно), напротив, «удревняет» Ксанфа Лидийского (о котором см. *ниже*), считая его автором первой половины V в. до н.э. (*Lendle O.* 1992, 25-28).

[48] Об этой особенности стиля Геродота см. в классическом труде: *Доватур А.И.* 1957.

[49] Харон наряду с Геллаником выступил основоположником жанра κτίσεις — прозаических нарративов (часто во многом мифологизированных) об основаниях городов, чаще всего применительно к миру колоний. Об этом жанре см. прежде всего: *Dougherty C.* 1993.

[50] Фокея — один из самых значимых городов материковой Ионии.

γένους)[51], — Фоб[52] и Блепс; из них Фоб первым бросился в море с Левкадских скал[53], как рассказал Харон Лампсакский. Он, обладая властью и царским авторитетом (ἔχων δὲ δύναμιν καὶ βασιλικὸν ἀξίωμα)[54], приплыл в Парий[55] по собственным делам. И, став другом и гостеприимцем (φίλος καὶ ξένος) Мандрону, царствовавшему над бебриками[56] (βασιλεύοντι Βεβρύκων), которых прозвали питиоесцами[57], он оказал им помощь и воевал вместе с ними (ἐβοήθησε καὶ συμπολέμησεν αὐτοῖς), когда тех беспокоили соседи. А Мандрон оказал Фобу и многие другие знаки дружелюбия, когда тот отплывал, и, в том числе, пообещал отдать ему часть своей страны и города (μέρος τῆς τε χώρας καὶ τῆς πόλεως), если он пожелает прибыть в Питиоессу, взяв с собой фокейцев в качестве дополнительных поселенцев[58] (ἐποίκους). Итак, Фоб, убедив сограждан (τοὺς πολίτας), послал вождем этих поселенцев (ἐποίκους) брата. И всё им от

---

[51] Знаменитый древнегреческий аристократический род, ветвь Нелеидов из Пилоса. Основатель рода — Кодр, легендарный афинский царь. Согласно легендарной традиции (данные которой в этом случае, безусловно, в общей форме соответствуют действительности), некоторые из сыновей Кодра возглавили ионийскую колонизацию и основали эллинские города на восточном побережье Эгейского моря. Поэтому Кодриды зафиксированы и в ряде полисов Ионии.

[52] Вариант: Фокс.

[53] Знаменитая скала на острове Левкада у западных берегов Греции; с нее бросались те, кто страдал безнадежной любовью (например, источники часто называют в данной связи поэтессу Сапфо). Те, кому удалось выжить после прыжка, будто бы исцелялись от страсти.

[54] Поскольку вначале Кодриды были в Фокее (как и, например, в Милете, Эфесе) наследственными царями. К тому же Фоб (Фокс) был потомком ойкиста.

[55] Греческая колония на северо-западе Малой Азии, в Троаде.

[56] Фракийское (?) племя. Довольно часто упоминается в мифах о событиях «героической» эпохи (особенно в мифе об аргонавтах).

[57] От упоминаемого чуть ниже города с названием Питиоесса («Сосновый», распространенный топоним, иногда пишущийся, как «Питиусса»).

[58] Именно так обычно понимают употребленный здесь термин «эпойки» (в отличие от «апойков» — первоначальных колонистов).

Мандрона было, как они и ожидали, а они, получив от соседних варваров обильную прибыль как военную добычу, стали для бебриков вначале ненавистны, а потом и страшны[59]. Итак, желая от них избавиться, Мандрона, мужа честного и справедливого к грекам, бебрики не сумели убедить, а вот когда он покинул их, они стали готовиться погубить фокейцев обманом. А дочь Мандрона Лампсака, еще девушка, узнала об этих кознях; и прежде всего она пыталась отвратить от них своих друзей и родственников, объяснить им, что они посягают на ужасное и нечестивое дело, желая убить благодетелей и союзников (εὐεργέτας καὶ συμμάχους), которые к тому же теперь еще и сограждане (νῦν δὲ καὶ πολίτας). Но поскольку она не могла их убедить, то тайно предупредила эллинов об этих делах и посоветовала им остерегаться; а они, подготовив некое жертвоприношение и пир, вызвали питиоесцев в предместье, а сами разделились надвое, и одна их часть захватила стены, другая же перебила людей. Вот так-то овладев городом (τὴν πόλιν κατασχόντες), они и Мандрона призывали обратно, веля ему царствовать совместно с ними (συμβασιλεύειν τοῖς παρ᾽ αὐτῶν), и Лампсаку, умершую от болезни, с пышностью похоронили в городе, а город назвали Лампсаком в ее честь. Поскольку же Мандрон, избегая подозрений в измене, отказался жить с ними, а жен и детей погибших пожелал вывезти к себе, то поселенцы охотно, без всяких обид, выслали их. И Лампсаке они вначале воздавали почести как героине, а позже постановили приносить ей жертвы как богине[60]; и так они поныне приносят эти жертвы».

Р. Фаулер справедливо отметил[61], что в данном свидетельстве налицо некоторое смешение «исторического времени» и «мифологического времени». С одной стороны, в нем появляются бебри-

[59] В целом весьма корректно рисуются отношения между прибывшими греческими поселенцами и местными жителями в период колонизации.

[60] В действительности, возможно, Лампсака с самого начала являлась туземным божеством, почитавшимся в регионе, где была основана эта греческая колония.

[61] *Fowler R.L.* 2013, 642.

ки — племя, считающееся мифическим. С другой же стороны, речь явно идет о вполне реальном событии — основании Лампсака из Фокеи, которое имело место в середине VII в. до н.э. Подчеркнем, что в саму рассказанную здесь легенду мы верить совершенно не обязаны[62]. Это именно этиологическая легенда, объясняющая название города, но вряд ли имеющая реальные исторические корни. Не случайно «варвары» Мандрон и Лампсака носят здесь имена, которые могут быть поняты как вполне греческие.

Очень крупной фигурой среди ранних историков был Гелланик, проживший не менее 90 лет (496–406 гг. до н.э.), написавший множество трактатов, первым в Греции ставший серьезно заниматься проблемами хронологии[63], повлиявший на Геродота (и лично знакомый с ним[64]), удостоившийся чести быть упомянутым в сочинении Фукидида (*Thuc.* I. 97)[65], у которого, между прочим, нет упоминаний даже о том же Геродоте — настолько он презирал всех своих предшественников[66].

Соответственно, наш обзор будет неполным, если в него не войдут релевантные данные из фрагментов Гелланика. Последний ожидаемо упоминает амазонок (*Hellan.* FGrHist. 4. F106 — поход Геракла на амазонок; F166 — поход Тесея на амазонок; F167 — поход амазонок на Афины, для чего им пришлось перейти Боспор Киммерийский по льду; в последнем фрагменте приводится деталь об убийстве этими женщинами-воительницами рождающихся у них детей мужского пола, о чем, впрочем, говорят и многие другие авторы).

Некоторые из фрагментов об амазонках особенно интересны тем, что в них сообщается о некоторых менее известных особенностях «гендерного быта» их мифического племени.

---

[62] На нее делается чрезмерный, на наш взгляд, акцент в работе: *Malkin I.* 1985.

[63] *Möller A.* 2007.

[64] Гелланик и Геродот вместе посетили Македонию. Об историчности этого визита, см. *Vasilev M.I.* 2016.

[65] *Smart J.D.* 1986.

[66] Об этой особенности Фукидида как писателя и ученого, см., например: *Zagorin P.* 2005, 27.

Hellan. FGrHist. 4. F107 = Schol. Tzetz. Antehom. 23, p. 8 Schirach: «А почему амазонки? Потому, что они отрезали правую грудь (μαζός), дабы она не мешала при стрельбе из лука. Но это ложь: они бы от этого умирали. А Гелланик и Диодор говорят, что они, прежде чем повзрослеть, прижигали это место железом, чтобы оно не росло».

Не может не привлечь к себе внимания пассаж, пересказанный Иоанном Цецем в поэме «Постгомерика» («После Гомера») в стихотворной форме (*Hellan*. FGrHist. 4. F149 = *Tzetz.* Posthom. 8 sqq.), хотя сам Гелланик писал, естественно, прозой. Речь идет о царице амазонок Пенфесилее (явившейся с войском на помощь Трое и убитой в поединке Ахиллом) и в связи с ней рассказывается вот о каком обычае:

…Пришла тут Пенфесилея…
А пришла она — так нам Квинт[67] в своем эпосе молвит –
Ибо, охотясь, убил он[68] ее сестру Ипполиту…
Но Гелланик, Лисий[69] и прочие славные мужи
Говорят, что она из-за доблести к Трое явилась:
Славу умножить желала, да замуж выйти к тому же:
Ибо обычай у них[70] — не делить с мужчинами ложе
Прежде, чем над мужчинами верх не одержишь в сраженье.
Вот потому и пришла, говорят они, Пенфесилея.

Есть у Гелланика, как и у Ферекида, фрагменты о Медее, образ которой в представлениях двух упомянутых авторов в целом сходен.

Hellan. FGrHist. 4. F132 = *Paus.* II. 3. 8: «А Медея тогда, прибыв в Афины, стала жить с Эгеем; некоторое же время спустя она, будучи уличена в том, что злоумышляет против Тесея,

[67] Квинт Смирнский (IV в. до н.э.) — один из последних представителей древнегреческого эпоса. Его поэма являла собой продолжение «Илиады».

[68] Ахилл.

[69] Это, видимо, знаменитый оратор (иного автора по имени Лисий, кажется, не известно).

[70] Амазонок.

была изгнана и из Афин. Явившись в страну, называемую тогда Арией, она дала тамошним людям название — они стали именоваться мидянами в ее честь. А ребенок, которого она, уходя в изгнание, привела к ариям, как говорят, был у нее от Эгея, а имя его было Мед. Но Гелланик называет его Поликсеном и утверждает, что отцом его был Ясон».

Обратим внимание на то, что историк отступает здесь от основной версии мифа, согласно которой своих детей от Ясона Медея, мстя ему за то, что он ее бросил, собственноручно (и жестоко) убила; собственно, это и считалось самым дико-варварским ее поступком.

Hellan. FGrHist. 4. F133 = Schol. Eur. Med. 9: «Передается некое нелегкое мнение философов, которое излагает и ниск[71], — будто бы Еврипид, получив от коринфян пять талантов, свалил вину за убийство детей на Медею; а были, дескать, дети Медеи заколоты коринфянами, раздраженными на то, что она желала царствовать, ибо Коринф — ее[72] отеческий удел… А о ее переселении в Коринф рассказывают Гиппис[73] и Гелланик. А о том, что Медея царствовала в Коринфе, повествуют Евмел и Симонид[74]».

А вот еще один образ варвара (египтянина), выступающего как грубый насильник.

---

[71] Пармениск (Пармиск) — философ-пифагореец конца VI в. до н.э.

[72] Исправление издателей из рукописного «их». Данный вариант мифа исходит из того, что отец Медеи Ээт, будучи сыном Гелиоса и Эфиры (в мифах «Эфира» часто является альтернативным названием Коринфа, так что здесь перед нами эпонимная героиня города), вначале жил в Коринфе, но потом по какой-то причине покинул родину и переселился в Колхиду.

[73] Исправление издателей из рукописного «всадник». Гиппис (Гиппид) Регийский — историк V в. до н.э. В литературе иногда фигурирует как Гиппий Регийский, что некорректно.

[74] Симонид Кеосский — крупнейший лирик рубежа архаической и классической эпох.

> *Hellan.* FGrHist. 4. F153 = *Eustath*. Schol. Hom. Od. IV. 228: «Фон был царем Каноба[75] и Гераклова устья; он и до того, как увидел Елену, соперничал с Менелаем, а когда увидел ее — пытался ее изнасиловать. Узнав об этом, Менелай убивает его; отсюда получил название город Фонида, как повествует Гелланик».

Речь здесь идет об одном из эпизодов «Возвращений» (Νόστοι) ахейских героев по домам после Троянской войны[76]; согласно эпических традиций об этих «Возвращениях» Менелая по пути занесло бурей в Египет.

Теперь от варвара жестокого — к варвару изнеженному. Идеальным воплощением такового в древнегреческой литературе очень часто выступал Сарданапал (особенно выразительные рассказы о нем см. в: *Ctes.* FGrHist. 688. F1) — считается, что так исказили греки имя вполне реального ассирийского царя Ашшурбанипала. Есть упоминание о Сарданапале и у Гелланика.

> *Hellan.* FGrHist. 4. F63b = *Phot.* Lex. s.v. Σαρδαναπάλους: «Сарданапалов. О том, что их было двое, говорит во 2-й книге “Персидских дел” [Гелланик, равным образом как и (?)][77] Каллисфен: один-де был деятельным и благородным, другой же — изнеженным. А в Нине[78] на его надгробии написано следующее: “Сын Анакиндаракса, в один день воздвиг и Тарс, и Анхиал. Ешь, пей, совокупляйся, так как всё остальное не стоит этого”, то есть щелчка пальцами. Ведь стоящая при надгробии статуя сработана так, что она, держа руки над головой, как будто щелкает пальцами. То же самое написано и в Анхиале близ Тарса, который ныне называется Зефирием».

---

[75] Каноб — город в Нижнем Египте. От него получило название Канобское устье — одно из устий дельты Нила, самое западное. Греки лучше всего были знакомы именно с ним, поскольку при фараонах Саисской династии им разрешался вход в Нил только этим устьем (соответственно, на нем и возник Навкратис).

[76] Об эпической традиции Νόστοι, см. *Hornblower S., Biffis G.* (eds.) 2018.

[77] Слова в квадратных скобках со знаком вопроса — дополнение Якоби, предлагаемое им, как видим, сугубо гипотетично.

[78] То есть в Ниневии, столице Ассирии.

В случае с Сарданапалом, как его представляли греки, мы имеем типичную гендерную инверсию. Более поздний автор Ктесий в вышеуказанном свидетельстве пишет, что этот правитель носил женскую одежду, пользовался косметикой, старался даже свой голос сделать высоким, как у женщины, и т.п. Фактически это завуалированный трансгендер. А вот — из того же Гелланика — сообщение о трансгендере противоположного направления, и тоже якобы имевшем место в мире варваров.

> *Hellan.* FGrHist. 4. F178a = *Anonym*. De mulier. 7: «Атосса[79]: Гелланик говорит, что она, воспитанная своим отцом Ариаспом как мужчина, приняла царскую власть. Скрывая свою женскую сущность, она-де первой стала носить тиару, первой же — и шаровары, и изобрела службу евнухов, и давала ответы в письменном виде. Подчинив многие племена, она была чрезвычайно воинственной и мужественной во всяком деле».

Наконец, подходя к концу сводки материала из Гелланика, приведем принадлежащий ему весьма важный фрагмент, представляющий собой, кстати, самое первое во всей древнегреческой литературе (и, значит, самое первое в принципе, поскольку латинская литература появилась значительно позже) упоминание Рима. Наш историк уже придерживается версии о троянском происхождении римлян, однако его вариант легенды об основании «Вечного города» имеет коренное, принципиальное отличие от общеизвестного, утвердившегося позже. Согласно этому последнему[80], Рим был основан Ромулом, дальним потомком троянца Энея, и от Ромула же получил свое название. А вот что читаем у Гелланика.

> *Hellan*. FGrHist. 4. F84 = *Dion. Hal*. Ant. Rom. I. 72: «Поскольку имеются большие разногласия и относительно времени основания, и относительно основателей города, я и сам посчитал, что не следует подходить ко всему этому без подготовки, как к

[79] Исправление издателей из испорченного рукописного «Литтуса». В любом случае, это, видимо, фиктивный персонаж.

[80] Весьма фундированный анализ его формирования, см. в: *Erskine A.* 2001.

> чему-то бесспорному. Ведь Кефалон[81]… говорит, что город был основан во втором поколении после илионской войны людьми, спасшимися из Илиона с Энеем, а основателем его объявляет возглавившего колонию Рома, а он, дескать, был одним из сыновей Энея… И у Демагора[82], и у Агафилла[83], и у многих других указаны и то же время, и тот же предводитель колонии. Но тот, кто написал “Жриц, что в Аргосе”[84] и собрал события, происшедшие при каждой, говорит, что Эней, придя от молоссов[85] в Италию, вместе с Одиссеем[86] стал основателем города и назвал его в честь одной из илионянок, Ромы. Он утверждает, что она, утомившись от странствий, посоветовала другим троянкам сообща с ней поджечь корабли. С ним соглашаются и Дамаст Сигейский, и некоторые другие».

Таким образом, Гелланик и его ученик Дамаст о Ромуле еще ничего не знают, а основателем Рима делают непосредственно Энея. В свете же тематики данной статьи особенно интересно то, что, согласно лесбосскому автору, причиной события, имевшего столь грандиозные последствия, стал поступок троянских, то есть варварских, женщин (в честь одной из которых Рим якобы был

---

[81] Кефалон (Кефалион) Гергифский — фигура достаточно загадочная. На него ссылаются как на «весьма древнего» историка, а в то же время о нем ровно ничего не известно. Часто считается, что трактат, циркулировавший под именем Кефалона, являлся фальсификатом, выпущенным Гегесианактом из Александрии Троянской, автором II в. до н.э.

[82] Демагор Самосский — малоизвестный историк эллинистического времени.

[83] Агафилл из Аркадии — поэт-элегик, видимо, периода позднего эллинизма.

[84] Имеется в виду, естественно, Гелланик, хотя и не названный прямо по имени. «Жрицы Геры, что в Аргосе», — его главный хронологический труд.

[85] Племя в Эпире.

[86] В некоторых вариантах фрагмента имя Одиссея после предлога μετά стоит не в родительном, а в винительном падеже. Тогда это означало бы, что Эней основал Рим *после* Одиссея. Впрочем, подобное чтение куда более проблематично, ибо порождает какую-то совсем уж экзотическую версию с двумя основаниями Рима. См. к вопросу: *Мосолкин А.В.* 2018.

даже назван) и, таким образом, само событие тоже имело гендерный аспект[87].

Завершим нашу сводку данными из Ксанфа Лидийского, родившегося примерно тогда же, когда и Гелланик, в первом десятилетии V в. до н.э., то есть несколько раньше Геродота. Он сам был эллинизованным варваром-лидийцем (но, впрочем, и Геродот, как показывают имена его отца и дяди, был эллинизованным карийцем[88]) и свой главный труд, «Лидийские дела», посвятил истории своей родной страны.

Возможно, Ксанф имел даже какие-то родственные связи с первой династией лидийских царей, Гераклидами. Во всяком случае, его отец носил то же имя (Кандавл), что и последний представитель этой династии, свергнутый и убитый своим телохранителем Гигесом, основателем новой династии Мермнадов (*Herod*. I. 7 sqq.). Интересно, что в трактате Ксанфа, судя по сохранившимся фрагментам, было немало информации именно о Гераклидах, в то время как Геродот говорит о них предельно кратко, а вот о Мермнадах рассказывает подробно.

Ксанф неоднократно обращается к гендерной тематике, главным образом опять же в плане разного рода девиаций и перверсий. Приведем релевантные пассажи.

> *Xanth.* FGrHist. 765. F4a = *Athen.* XII. 11, p. 515d–e: «А лидийцы дошли до такой изнеженности, что и женщин первыми стали оскоплять… Итак, Ксанф во второй книге “Лидийских дел” говорит, что Адрамит, царь лидийцев, первый стал, оскопив женщин, использовать ими вместо мужчин-евнухов. Клеарх[89] же в четвертой книге сочинения “О жизнеописаниях”…».

Адрамит, — видимо, полулегендарная фигура, которую Ксанф относил как раз к династии Гераклидов. Несомненно, имя этого царя как-то связано с названием города Адрамиттия в Мисии.

---

[87] Очень похожую легенду рассказывали об основании Кротона в Южной Италии (*Strab.* VI. 1. 12, p. 262). Видимо, это дублет.

[88] О варварских корнях Ксанфа и Геродота, см. *Суриков И.Е.* 2022.

[89] Видимо, философ-стоик Клеарх из Сол (рубеж IV–III вв. до н.э.).

> *Xanth.* FGrHist. 765. F18 = *Athen.* X. 8, p. 415cd: «А Ксанф в “Лидийских делах” говорит, что Камблет, царствовавший над лидийцами, был большим любителем поесть и выпить, страшным обжорой. Он, дескать, однажды ночью съел собственную жену, изрубив ее в куски, а потом, утром, обнаружив у себя во рту руку женщины, закололся, и об этом деле было много толков».

Камблет — еще один царь из династии Гераклидов. Здесь перед нами забавный анекдот в духе «черного юмора» (таких немало и у Геродота).

Интересен фрагмент, в котором Ксанф рассуждает о Ниобе, стараясь «вырвать» ее из круга греческой мифологии и вписать в древнейшую лидийскую историю, давая ей для этого совершенно иные семейные связи.

> *Xanth.* FGrHist. 765. F20a = *Parthen*. Narr. am. 33: «Об Ассаоне. Рассказывают это Ксанф в “Лидийских делах”, Неанф[90] во 2-й книге и Симий Родосский[91]. У них не так, как у многих, рассказывается и о Ниобе: ведь они говорят, что она была дочерью не Тантала, а Ассаона, женой же Филотта. По их словам, она, поспорив с Лето о том, чьи дети красивее, понесла вот какое наказание. Филотт погиб на охоте, Ассаона же охватило желание жениться на собственной дочери. А когда Ниоба не позволила это сделать, он, позвав ее детей на пир, сжег их. И она из-за этого несчастья бросилась с высочайшей скалы, Ассаон же, осознав свои с дочерью грехи, совершил самоубийство[92]».

Ксанф, похоже, контаминирует тут греческий миф со своим отечественным преданием, причем последнее явно преобладает. Из эллинской традиции взята, в сущности, только идея мести Лето. Сама же месть предстает в совершенно рационалистической форме, полностью исключается *сверх*ъестественное (убийство детей Ниобы Артемидой и Аполлоном), зато появляется *противо*естест-

---

[90] Неанф из Кизика — историк III в. до н.э.

[91] Грамматик начала эллинистической эпохи.

[92] Место несколько испорчено, перевод по общему смыслу.

венное (стремление отца к браку с дочерью). Вполне в духе того же «варварско-гендерного» дискурса!

> *Xanth.* FGrHist. 765. F22 = *Hesych*. s.v. βουλεψίη: «Булепсия[93]. Слово у Ксанфа. Он говорит, что амазонки, если рождали детей мужского пола, собственноручно выкалывали им глаза».

Таким образом, и Ксанф в своем главном труде касался и популярного сюжета об амазонках.

У Ксанфа имелось также менее известное сочинение «Дела магов» (речь идет о мидийском племени этого названия). В одном из двух сохранившихся из этой книги фрагментов говорится об оригинальных брачных практиках, будто бы свойственных магам.

> *Xanth*. FGrHist. 765. F31 = *Clem. Alex*. Strom. III. 11. 1: «А Ксанф в приписываемых ему “Делах магов” говорит: “Маги совокупляются со своими матерями”. По его словам, у них позволено совокупляться и с дочерями, и с сестрами, а жены являются общими. Это делается не с помощью насилия и не в тайне, а по взаимному согласию, когда один хочет вступить в связь с женой другого».

Итак, у древнейших греческих историков, как видно из вышеизложенного, содержалось немало материала как по представлениям о варварах и варварстве, так и по гендерным реалиям. В данном отношении они ожидаемо стоят гораздо ближе к Геродоту, нежели к Фукидиду. Общая тенденция, свойственная соответствующим местам из интересовавших нас авторов, может быть *в целом* определена (подчеркиваем это «в целом», поскольку данное суждение не носит абсолютного характера, из любого правила можно найти исключения) формулировкой, употребленной другим ученым и по другому поводу: «феминизация варварского и варваризация фемининного»[94].

---

[93] Лексема неясного значения.

[94] *Castriota D.* 2005, 89.

ЛИТЕРАТУРА

Доватур А.И. 1957: Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.: Издательство ЛГУ.

Карпюк С.Г. 2012: Персидская роскошь в демократических Афинах // Вестник древней истории. 3 (283), 58-67.

Мосолкин А.В. 2018: Какого роста был Одиссей? // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ: Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею И.Е. Сурикова / О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Синицын (ред.). М.; СПб.: Издательство РХГА, 37-43.

Суриков И.Е. 2009: Удаляющиеся амазонки (гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 17, 7-39.

Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур.

Суриков И.Е. 2016: «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон (ред.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 168-202.

Суриков И.Е. 2019: Латентное варварство у Фукидида // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 215-237.

Суриков И.Е. 2021а: К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // Вестник древней истории. 81/ 4, 837-862.

Суриков И.Е. 2021б: Гелланик и Афины // Проблемы истории, филологии, культуры. 3 (73), 176-196.

Суриков И.Е. 2022: Межэтнические контакты, «варвары» и становление древнегреческой исторической мысли // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск 34. Межэтнические контакты в социокультурном контексте / Е.А. Мельникова (ред). М: ИВИ РАН, 237-242.

Фролов Э.Д. 1981: Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л.: Издательство Ленинградского университета.

Bacon H.H. 1961: Barbarians in Greek Tragedy. New Haven: Yale University Press.

Badian E. 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Blok J. 2002: Women in Herodotus' *Histories* // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F de Jong, H. van Wees (eds.). Leiden; Boston; Köln: Brill, 225-242.

Castriota D. 2005: Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives / J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.). Austin: University of Texas Press, 89-102.

Cook J.M. 1962: The Greeks in Ionia and the East. London: Thames and Hudson.

Dougherty C. 1993: The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece. Oxford: Oxford University Press.

Ellis A. 2017: Perser, Meder oder Barbaren? Herodots Gebrauch des Persernamen und -sitten: zwischen griechischer Literatur und persischer Ethnographie // Zwischen Assur und Athen: Altorientalisches in den Historien Herodots / H. Klinkott, N. Kramer (eds.). Stuttgart: Steiner, 45-59.

Erskine A. 2001: Troy between Greece and Rome: Local Tradition and Imperial Power. Oxford: Oxford University Press.

Farrar C. 1994: The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press.

Finley M.I. 1986: Ancient History: Evidence and Models. New York: Viking.

Fowler R.L. 1999: The Authors Named Pherecydes // Mnemosyne. 52, 1-15.

Fowler R.L. 2013: Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford: Oxford University Press.

Georges P. 1994: Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Hall E. 1991: Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford: Clarendon Press.

Hornblower S., Biffis G. (eds.) 2018: The Returning Hero: *Nostoi* and Traditions of Mediterranean Settlement. Oxford: Oxford University Press.

Jacoby F. 1995: Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Teil 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln: Brill.

Just R. 1989: Women in Athenian Law and Life. London; New York: Routledge.

Kim H.J. 2013: The Invention of the 'Barbarian' in Late Sixth-Century BC Ionia // Ancient Ethnography: New Approaches / E. Almagor, J. Skinner (eds.). London; New York: Bloomsbury, 25-48.

Leão D.F. 2020: Barbarians, Greekness, and Wisdom: The Afterlife of Croesus' Debate with Solon // Ethnicity and Identity in Herodotus / T. Figueira, C. Soares (eds.). London; New York: Routledge, 271-295.

Lendle O. 1992: Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

McKeon K.P.J. 2020: Barbarians at the Gate: Herodotus, Bisotun, and a Persian Punishment in Egypt // American Journal of Philology. 141 / 3. 349-380.

Malkin I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 63, 114-130.

Mehl A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia: Foundation A.G. Leventis, 337-348.

Möller A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.). Oxford: Oxford University Press, 241-262.

Momigliano A. 1990: The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley: University of California Press.

Murray O. 1991: Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander / O. Murray, S. Price (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1-25.

Nestle W. 1902: Untersuchungen ueber die philosophischen Quellen des Euripides. Leipzig: Dieterich.

Ober J. 2006: Thucydides and the Invention of Political Science // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden: Brill, 131-159.

Pearson L. 1975: Early Ionian Historians. Westport: Greenwood Press.

Ruberto A. 2011: Ira del barbaro, giustizia del re: La punizione dell'Ellesponto fra immaginario greco ed ideologia regale Achemenide // Ancient Society. 41, 31-44.

Siapkas J. 2003: Heterological Ethnicity: Conceptualizing Identities in Ancient Greece. Uppsala: Universitet.

Smart J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 19-35.

Toye D.L. 1997: Pherecydes of Syros: Ancient Theologian and Genealogist // Mnemosyne. 50, 530-560.

Tucker A. 2016: Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke // Knowing Future Time in and through Greek Historiography / A. Lianeri (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 361-384.

Vasilev M.I. 2016: The Date of Herodotus' Visit to Macedonia // Ancient West and East. 15, 31-51.

Zagorin P. 2005: Thucydides: An Introduction for the Common Reader. Princeton: Princeton University Press.

REFERENCES

Bacon H.H. 1961: Barbarians in Greek Tragedy. New Haven: Yale University Press.

Badian E. 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Blok J. 2002: Women in Herodotus' *Histories* // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F de Jong, H. van Wees (eds.). Leiden; Boston; Köln: Brill, 225-242.

Castriota D. 2005: Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives / J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.). Austin: University of Texas Press, 89-102.

Cook J.M. 1962: The Greeks in Ionia and the East. London: Thames and Hudson.

Dougherty C. 1993: The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece. Oxford: Oxford University Press.

Dovatur A.I. 1957: Povestvovatel'nyy i nauchnyy stil' Gerodota. Leningrad: Izdatel'stvo LGU.

Ellis A. 2017: Perser, Meder oder Barbaren? Herodots Gebrauch des Persernamen und -sitten: zwischen griechischer Literatur und persischer Ethnographie // Zwischen Assur und Athen: Altorientalisches in den Historien Herodots / H. Klinkott, N. Kramer (eds.). Stuttgart: Steiner, 45-59.

Erskine A. 2001: Troy between Greece and Rome: Local Tradition and Imperial Power. Oxford: Oxford University Press.

Farrar C. 1994: The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press.

Finley M.I. 1986: Ancient History: Evidence and Models. New York: Viking.

Fowler R.L. 1999: The Authors Named Pherecydes // Mnemosyne. 52, 1-15.

Fowler R.L. 2013: Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford: Oxford University Press.

Frolov E.D. 1981: Fakel Prometeya: Ocherki antichnoy obshchestvennoy mysli. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.

Georges P. 1994: Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Hall E. 1991: Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford: Clarendon Press.

Hornblower S., Biffis G. (eds.) 2018: The Returning Hero: *Nostoi* and Traditions of Mediterranean Settlement. Oxford: Oxford University Press.

Jacoby F. 1995: Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Teil 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln: Brill.

Just R. 1989: Women in Athenian Law and Life. London; New York: Routledge.

Karpyuk S.G. 2012: Persidskaya roskosh' v demokraticheskikh Afinakh // Vestnik drevney istorii. 3 (283), 58-67.

Kim H.J. 2013: The Invention of the 'Barbarian' in Late Sixth-Century BC Ionia // Ancient Ethnography: New Approaches / E. Almagor, J. Skinner (eds.). London; New York: Bloomsbury, 25–48.

Leão D.F. 2020: Barbarians, Greekness, and Wisdom: The Afterlife of Croesus' Debate with Solon // Ethnicity and Identity in Herodotus / T. Figueira, C. Soares (eds.). London; New York: Routledge, 271-295.

Lendle O. 1992: Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

McKeon K.P.J. 2020: Barbarians at the Gate: Herodotus, Bisotun, and a Persian Punishment in Egypt // American Journal of Philology. 141/3. 349-380.

Malkin I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 63, 114-130.

Mehl A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia: Foundation A.G. Leventis, 337-348.

Möller A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.). Oxford: Oxford University Press, 241-262.

Momigliano A. 1990: The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley: University of California Press.

Mosolkin A.V. 2018: Kakogo rosta byl Odissey? // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ: Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchennyy yubileyu I.E. Surikova / O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinitsyn (red.). Moscow; St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 37-43.

Murray O. 1991: Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander / O. Murray, S. Price (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1-25.

Nestle W. 1902: Untersuchungen ueber die philosophischen Quellen des Euripides. Leipzig: Dieterich.

Ober J. 2006: Thucydides and the Invention of Political Science // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden: Brill, 131-159.

Pearson L. Early Ionian Historians. Westport: Greenwood Press, 1975.

Ruberto A. 2011: Ira del barbaro, giustizia del re: La punizione dell'Ellesponto fra immaginario greco ed ideologia regale Achemenide // Ancient Society. 41, 31-44.

Siapkas J. 2003: Heterological Ethnicity: Conceptualizing Identities in Ancient Greece. Uppsala: Universitet.

Smart J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 19-35.

Surikov I.E. 2009: Udalyayushchiesya amazonki (gendernaya mifologiya i gendernaya geografiya v drevnegrecheskikh potestarnykh predstavleniyakh) // Adam i Eva: Al'manakh gendernoy istorii. 17, 7-39.

Surikov I.E. 2011: Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Surikov I.E. 2016: "V kruge pervom": Poyavlenie drevneyshikh pamyatnikov evropeyskogo istoriopisaniya (Gretsiya, VI–V vv. do n.e.) // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2013 god. Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya / D.D. Belyaev, T.V. Gimon (red.). Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 168-202.

Surikov I.E. 2019: Latentnoe varvarstvo u Fukidida // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). Moscow: Akvilon, VIII. 215-237.

Surikov I.E. 2021a: K khronologii zhizni i tvorchestva istorika Gellanika // Vestnik drevney istorii. 81 / 4, 837-862.

Surikov I.E. 2021b: Gellanik i Afiny // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 3 (73), 176-196.

Surikov I.E. 2022: Mezhetnicheskie kontakty, "varvary" i stanovlenie drevnegrecheskoy istoricheskoy mysli // Vostochnaya Evropa v drenvosti i srednevekov'e. Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Vypusk 34. Mezhetnicheskie kontakty v sotsiokul'turnom kontekste / E.A. Mel'nikova (red.). Moscow: IVI RAN, 237-242.

Toye D.L. 1997: Pherecydes of Syros: Ancient Theologian and Genealogist // Mnemosyne. 50, 530-560.

Tucker A. 2016: Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke // Knowing Future Time in and through Greek Historiography / A. Lianeri (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 361-384.

Vasilev M.I. 2016: The Date of Herodotus' Visit to Macedonia // Ancient West and East. 15, 31-51.

Zagorin P. 2005: Thucydides: An Introduction for the Common Reader. Princeton: Princeton University Press.

Igor E. SURIKOV

BARBARITY AND GENDER IN THE EARLIEST GREEK HISTORIANS

The earliest Greek historians (Acusilaus of Argos, Hecataeus of Miletus, Pherecydes of Athens, Charon of Lampsacus, Hellanicus of Lesbos, Xanthus of Lydia and others) belonged, side by side with Herodotus and in contrast to Thucydides, to the Ionian tradition of historical writing. It was exactly in Late Archaic Ionia that the very concept of barbarity made it appearance in the Greek tradition (the earliest cases of use of the word "barbarian" we can see in several Ionian authors of the late 6th and early 5th centuries B.C). The concept in question had, among other aspects, a gender-conditioned one. There was a distinct trend to bring together barbarians and women, which was generated by a number of factors, both purely external, attendant ones and ones based on principle (barbarians as well as women were considered creations with priority of emotions over reason, and deviations of various kinds were ascribed to both). The article deals with the relevant source material that extant fragments of early historians contain. That material is notable for a feature, which in general may be defined by the formula "feminizing the barbarian and barbarizing the feminine".

Keywords: early Greek historical writing, barbarity, gender notions, Orient, Amazons, Medea, deviations, cruelty.

Igor E. SURIKOV — Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Faculty of Cultural Studies of the Russian State University for Humanities. Moscow, Russian Federation. — isurikov@mail.ru

Т.В. Богаченко

ЖЕНЩИНА КАК СУБЪЕКТ НАСИЛИЯ В АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются античные сюжеты, в которых женщина выступает источником и исполнителем физического насилия, проводится их предварительная классификация и сравнительно-типологический анализ, а также характеризуется отношение к ним самих античных авторов. Исследование позволило прийти к выводу о типологическом разнообразии подобных персонажей и высокой степени их интегрированности в античные представления об устройстве мира.

Ключевые слова: античная мифология, женщины-воительницы, женщины-убийцы, мужеубийцы, детоубийцы, физическое насилие, вооруженное насилие.

Общим местом в исследованиях античности стало признание приниженного, подчиненного, «объектного» статуса женщины в древнегреческом и, в значительной степени, римском обществе[1]. Однако при этом фиксируется и некоторый пласт данных, показы-

---

Татьяна Викторовна БОГАЧЕНКО — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета. Российская Федерация. Ростов-на-Дону. — tanjathemiskira@mail.ru tvbogachenko@sfedu.ru

[1] Историография вопроса о положении женщин в античном мире огромна. См., например, сводки лишь некоторых исследований в работах: (*Павлов А.А., Елизарова Е.Ю.* 2002, 252-266; *Павлов А.А.* 2007; *Брюле П.* 2005, 234-236; *Суриков И.Е.* 2015; 2018; и др. его работы; *Pomeroy S.B.* 1975, 251-254; *Winkler J.J.* 1990, 237-254. и др.).

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 90-118
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 90-118
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.003

вающих, что дело обстояло не всегда столь однозначно, взгляды на устройство мира и место в нем человека вообще и женщин в частности были более сложными, а границы допустимого — более гибкими. Нас сейчас интересует только один аспект — право и возможность применения женщинами насилия, представленные в рамках сюжетов античной письменной традиции. Данное исследование посвящено выявлению мотивов и сюжетов античной письменной традиции, в которых женщина сама начинает выступать в качестве источника агрессии и исполнителя физического насилия (в том числе и вооруженного), предварительной их классификации и, по возможности, выяснению того, как такие сюжеты воспринимались самими античными авторами.

Значительная часть этих сюжетов имеет мифологическую окраску. Античная мифология — сложное комплексное явление, соединяющее в себе различные элементы. То, что дошло до нашего времени — не есть греческие мифы в том виде, как они бытовали у самих древних греков. Сотни лет устного существования, поздняя запись и разнообразные литературные обработки, частичная сохранность, а нередко — полная потеря текстов и фрагментарное цитирование в трудах более поздних авторов, смешение мифологических, фольклорных, религиозно-культовых, обрядовых, «этнографических» и «исторических» элементов — все это значительно затрудняет не только интерпретацию античного материала, но и определение степени соответствия текстов тем сюжетам, которые в действительности были распространены среди населения в античное время. Время и место появления того или иного мотива или сюжета, степень его распространенности в разных частях античного мира, и, тем более, установление семантики и историко-этнографического содержания — каждый раз самостоятельная научная задача, далеко не всегда имеющая удовлетворительное решение. Нередко мифы и фольклорные тексты начинают «читать» как исторические источники, видя в них всего лишь искаженное отражение реальности[2]. Однако мифология и фольклор, отражая

[2] Из интересующих нас персонажей здесь особенно «повезло» амазонкам, исторических прототипов которых сейчас даже в научной лите-

картину мира группы, с ее историей и реальной жизнью соотносятся не напрямую, а соединены сложными отношениями; их формирование и дальнейшее существование подчиняется определенным законам, причем каждый жанр имеет свои особенности в плане выстраивания связей с историко-этнографической реальностью, свою степень «историчности». Поэтому важной задачей при работе с подобным материалом является его классификация и установление жанровой принадлежности, выработка методологии подобных исследований; на этом пути сделано довольно много и зарубежной, и отечественной наукой[3].

К этому нужно еще добавить «периферийность» сюжетов с женской субъектностью, характерную для мифологии и фольклора. Центральное место в повествовании чаще всего было занято мужчиной-героем, женщины являлись лишь эпизодами в его подвигах и жизни, поводом, причиной, объектом, но не самостоятельной величиной. Сюжеты, о которых мы будем говорить, в той или иной степени отклоняются от этой генеральной линии. Не являясь реликтами былого высокого положения женщин (как это чаще всего было принято объяснять в отечественной и не только науке), они отражают представления о каком-то ином способе гендерного бытия, нежели тот, который мы считаем правильным или присущим традиционным обществам.

Все рассмотренные нами сюжеты зафиксированы в трудах авторов-мужчин. Как отмечает П.Ш. Пантель, используя древние

ратуре ищут в разных частях мира, буквально подсчитывая количество совпадений в описании воительниц, например, в «Истории» Геродота и у конкретного народа, или по находке наконечника стрелы в насыпи определяют могилу как «захоронение амазонки». См.: *Богаченко Т.В., Максименко В.Е.* 2008, 48-61.

[3] В этом плане нельзя не отметить очень значимые отечественные работы, представляющие разные направления исследований в области соотношения мифа, истории и этнографии, например, см.: *Мелетинский Е.М.* 1963; *Фрейденберг О.М.* 1978; *Дьяконов И.М.* 1977, 5-54; 1990; *Лосев А.Ф.* 1957; 2001; *Пропп В.Я.* 1976; 1998; *Путилов Б.Н.* 1976; 1988; *Андреев Ю.В.* 2018; и др.

источники, мы вынужденно полагаемся на мужской дискурс, «смотрим глазами мужчин»[4]. Как воспринимали свое положение в обществе и соответствующие мифы женщины, мы практически не знаем из первых уст.

Сюжеты о том, что насилие может осуществляться женщинами, есть в фольклоре и мифологии многих народов[5]. Одни из наиболее ранних подобных рассказов, зафиксированных письменно, дошли до нашего времени именно в античной традиции. Сама идея, что женщина может быть источником насилия и убийцей, отнюдь не была чужда античным авторам, и сюжетов этих много в произведениях самой разной направленности. Они встречаются как в эпосе и непосредственных пересказах мифов, так и в религиозно-культовых текстах, в произведениях поэтов, драматургов, комедиографов, ораторов, географов, историков, ораторов, в философских трактатах и т.д.

В этой статье мы не претендуем на полный охват всех вариантов, как и на детальный разбор всех текстов и историографических подходов — это задача для более объемного и глубокого исследования, однако основное ядро подобных сюжетов, основные характерные их черты, на наш взгляд, мы сумели охватить. Мы рассмотрим два основных пласта данных: о женщинах, осуществляющих насилие по отношению к родным, и о женщинах, вовлеченных в военное (вооруженное) насилие. В исследовании практически не будут затрагиваться две большие категории мифологических данных. Во-первых, мы не будем касаться сюжетов, связанных с насилием и убийствами, осуществляемыми богинями, а также с описанием обрядов, проводившихся на праздниках в честь богов[6]. Это отдельная, очень большая тема; в этом случае речь идет, как правило, о совершенно других категориях, в частности, о религиозно-культовых

---

[4] *Шмит Пантель П.* 2005, 30.

[5] См.: *Богаченко Т.В.* 2021.

[6] Таких как рассказ о сражениях ливийских девушек друг с другом на ежегодном празднике богини Афины (*Herodot.* IV. 180) или культовые мифы о вакханках, вооруженных и безумных спутницах-служительницах бога Диониса (*Eur.* Bacch.; *Aesch*. Suppl.; *Nonn.* Dion.; и др.).

представлениях[7]. Во-вторых, это мифы об амазонках. Античная традиция о них огромна[8], а самое главное — разнообразна по форме, типам и, вероятно, происхождению. Например, что касается нашей темы, амазонки не только изображались античными авторами умелыми и свирепыми воинами и охотницами, но и в ряде вариантов — калечащими рабов-мужчин хозяйками, которые избавлялись от родившихся мальчиков и оставляли себе только девочек. Трактовать эти мотивы нужно очень осторожно, привлекая типологически близкий мифопоэтический и этнографический материал, и не спешить делать конкретно-исторические привязки[9].

Пожалуй, самое большое распространение в античной письменной традиции получили рассказы о женщинах, убивших родственников: мужеубийцах, детоубийцах и др. В самой античной традиции уже было подобное разделение убийц, причем такие списки составлялись и для мужчин, и для женщин[10]. Мы условно можем определить сейчас такой тип женской агрессии как «бытовое» насилие, хотя во многом это, конечно же, модернизация и упрощение понятия, так как приводимые сюжеты имеют сложные отношения как с исторической реальностью, так и с другими античными текстами и мировым мифологическим и фольклорным фондом; и семантика отдельных мотивов связана не столько с действительными или подразумеваемыми событиями, сколько с мировоззренческими установками и особенностями мифологического мышления.

Прежде всего, отметим сюжеты о сообществах женщин, избавившихся от своих мужей. Это мифы о лемносских женщинах и

---

[7] Напр., посмотрите, как эти разделы представлены в 5-томной «Истории женщин на Западе» (*Лоро Н.* 2005, 36-70; *Зайдмэн Л.* 2005, 352-388).

[8] В составленную нами хрестоматию включены были отрывки из произведений более чем ста древнегреческих и римских авторов и, тем не менее, фонд источников не был исчерпан (*Богаченко Т.В., Максименко В.Е.* 2011).

[9] См.: *Богаченко Т.В.* 2017,

[10] Напр., см.: *Hyg*. Fab. 239; 240; и др. У Гигина лишь в некоторых случаях состав был смешанным, и это касалось деяний, оцениваемых положительно: благочестивые к родным, основавшие города (*Hyg*. Fab. 254; 275).

данаидах. Лемниянки отказались почитать богиню Афродиту, и та наказала их зловонием, а мужья сделали своими наложницами фракиянок. Тогда женщины перебили отцов и мужей, лишь правительница Гипсипила спасла своего отца. Аргонавты, причалив к острову, управляемому женщинами, вступили с ними в брак (*Apollod.* I. 9. 17; *Herodot*. VI. 138; *Hyg*. Fab. 15; 255; и др.). Геродот указывал на распространенное в Элладе мнение, что на Лемносе случаются «такие ужасные злодеяния», которые и называются поэтому «лемносские» (*Herodot.* VI. 138 — пер. Г.А. Стратановского). Данаиды, пятьдесят дочерей царя Даная, покоряясь силе, вступили в брак со своими двоюродными братьями, но в первую же ночь закололи их кинжалами по требованию отца (кроме Линкея, которого не убила Гипермнестра). В подземном царстве в наказание они наполняют водой пробитую бочку (*Hyg*. Fab. 168; 170; *Apollod.* II. 1. 4–5). Совокупность мотивов этих мифов очень интересна: «групповой» характер бытия этих героинь, наказание богиней, убийство мужей, отцов, либо вообще всех мужчин группы перед тем, как вступить в новый брак уже с собственно греческими героями, спасение одного из мужей (или отца), сопротивление браку с двоюродными братьями, вступление в брак с женщинами, живущими группой на острове — все это находит определенные аналогии в мифологии и фольклоре других народов, выявление семантики этих элементов требует отдельного исследования, выходящего за пределы данной статьи.

У этого типа героинь есть существенная для нас черта: они убивают своих законных мужей или отцов, но не являются воительницами как таковыми. Однако в поздних сборниках мифов их имена и деяния могут перекликаться с уже известными по другим мифам амазонскими именами и деяниями (что легко объяснить некоторым сходством — амазонки в «классическом» мифе тоже действуют как группа и убивают мужчин), с именами нимф и проч., они могут изображаться как охотницы[11], но это лишь по-

[11] Так, по данным Аполлодора и Гигина, Амимона — одна из данаид — была послана отцом искать воду; во время поисков воды, увлек-

верхностное сходство, свидетельствующее о вырождение традиции. Так, составление тематических «списков имен», легко переходивших от одного автора к другому, в поздней традиции стало очень популярным и затронуло многие сюжеты[12].

Широкую известность в античном мире получил миф о Клитемнестре, убившей своего мужа, царя Микен Агамемнона, одного из главных героев Троянской войны. Наличие множества вариантов изложения этого мифа античными авторами позволяет в какой-то степени проследить его эволюцию именно в связи с нашей темой. Наиболее раннее упоминание имени Клитемнестры как жены царя Микен содержится в «Илиаде» Гомера (I, 113). В «Одиссее» уже говорится об убийстве Агамемнона, но собственно виновником и исполнителем называется любовник жены — Эгисф, который льстивыми речами соблазнил Клитемнестру, пока герой был на войне (I, 263–266), а затем, коварно заманив Атрида на пир, убил его (IV, 529–536). Здесь женщина сама никого не убивает, но виновна в предательстве, о чем прямо говорится в тексте (I, 235). Видимо, лишь с VI в. до н.э. в античной литературе главным виновником убийства Агамемнона становится его жена[13]. У Пиндара Клитемнестра изображена безжалостной и коварной убийцей мужа и его любовницы: «вслед душе зарезанного Агамемнона / Дарданийскую деву, Приамову Кассандру / Белою медью на темный Ахеронт / Погнала безжалостная жена» (*Pind.* Pyth.11, 2 — пер. М.Л. Гаспарова). Поэт обозначает возможные мотивы ее преступления: гнев на мужа за убийство их дочери Ифигении или предпочтение любовника мужу. Но наличие любых причин не снимает вину: Пиндар прямо осуждает Клитемнестру («женская вина тяжела») и заканчивает сюжет ее смертью от руки сына Ореста.

Наиболее яркое и значительное по своему влиянию на всю последующую традицию воплощение сюжет мужеубийства нашел в трагедии Эсхила «Агамемнон». Клитемнестра здесь изображена

шись охотой, она метнула дротик в оленя, но попала в спящего Сатира (*Apollod.* II, I, 4; *Hyg*. Fab. 169).

[12] См., например: *Hyg*. Fab.

[13] *Ярхо В.Н.* 1989, 537.

не просто преступницей, а безжалостным кровожадным чудовищем: «врата раскрываются и являют зрелище совершённого убийства... Клитемнестра, с лицом, обрызганным кровью, двойным топором в руке, ступает навстречу Хору» (*Aesch.* Agam. 1371 sqq. — пер. В. Иванова). У Эсхила она полностью уверена в своей правоте, не стыдится своей измены и коварства, не скрывает следы преступления, в монологе подробно описывая кровавые детали убийства и предлагая начать веселый пир (1372–1398). Однако далее Эсхил устами героини объясняет мотивы ее страшного преступления: Агамемнон принес в жертву их дочь, чтобы этой ценой утихомирить бурю; с точки зрения Клитемнестры ее муж является детоубийцей и должен быть наказан; при этом, что особенно интересно, проводится сравнение женского (убийство мужа) и мужского (убийство дочери) преступлений — почему одно должно быть наказано, а другое нет? (1410–1421). Измены мужа также отмечаются Клитемнестрой, при этом проводится параллель между возлежанием Агамемнона с наложницей при жизни и после смерти (1338–1447). «Обоим — по делам их!» — заключает она.

Отдельный пласт античной традиции — сюжеты о женщинах-правительницах, убивших своих мужей (и иногда отцов). В них соединяются в разных пропорциях мифические черты и «исторический» контекст. Так, Геката, греческая богиня мрака, ночных видений и чародейства[14], в изложении Диодора Сицилийского превращается в дочь Перса (и, соответственно, мать Медеи и Кирки), отравившую своего отца и получившую его власть (*Diod.* IV, 45, 2). Кирка, хорошо знакомая античной мифологической традиции[15], в рассказе Диодора Сицилийского убивает своего мужа сармата (или скифа), получает власть, но правит слишком жестоко, поэтому изгоняется своими подданными и поселяется с другими женщинами на острове (*Diod.* IV, 45, 4–5). В этом рассказе присутствуют черты, сближающие его с уже упоминавшимися мифами о лесбосских женщинах и данаидах, а также с некоторыми эпическими произведениями других народов, где есть мотивы отдельно поселяющихся

[14] См., например, *Hesiod.* Theog. 409-452.

[15] См., например, *Hom.* Od. X, 207-574; *Apollod.* I, 9, 124; и др.

женщин, убийства мужей (или вообще всех мужчин), бегства из своей страны. Открытым остается вопрос о том, отразил ли Диодор какую-то древнюю традицию, не дошедшую до нашего времени, или скомпилировал повествование из элементов разных мифов и гипотетически существовавших в его время полуисторических преданий о воинственной царице сарматских племен[16]. Нам кажется важным, что у Диодора, как и в уже изложенных мифах, присутствует негативная оценка действий этих женщин, что, например, совсем не характерно для изложения рассказов об амазонках.

По данным некоторых источников, убивают своих мужей сакская царица Зарина (*Tract. de Mulier.* 2) и вавилонская царица Семирамида (*Hyg*. Fab. 240; *Ael.* Var.hist. VII, 1), однако этот мотив присущ далеко не всем изложениям истории этих персонажей. Обычно их изображают как прекрасных, мудрых, но воинственных правительниц и оценивают очень положительно[17].

Число сообщений о других мужеубийцах в античной литературе хотя и довольно значительно, но, как правило, присутствует в немногочисленных (или вообще единичных) вариантах.

В трагедии Софокла Геракла случайно убивает его жена Деянира: пытаясь вернуть благосклонность мужа, она, по совету Несса, мажет одежду Геракла кровью кентавра, отчего герой медленно сгорает. Деянира, поняв, что натворила, кончает с собой (*Soph.* Trach.; *Hyg*. Fab. 240).

Гигин упоминает, что Агава убила своего мужа Ликотерса в Иллирии, чтобы царство досталось ее отцу Кадму; Деифоба, сына Приама, убивает его жена Елена, а дочь Приама Илиона убивает царя фракийцев Полимнестора (Fab. 240). Однако в последних двух случаях речь обычно идет о том, что жены способствовали убийству, но сами не убивали[18]. Вообще, Гигин в тематических списках может называть некоторых женщин убийцами, а в кон-

[16] Подробнее об этом, см.: *Богаченко Т.В.* 2017, 161-162.

[17] См. о Зарине — *Diod.* II, 32, 3–5; о Семирамиде — *Herodot*. I, 184; III, 155; *Diod.* II, 1, 4–20; *Strab.* II, 1, 31; *Hyg*. Fab. 223, 275; *Polyaen.* VIII, 26; и др.

[18] Ср. у самого же Гигина об Илионе (Fab. 109) или у Аполлодора о Елене (*epit.* V, 22).

кретных фабулах повествовать, скорее, об их коварстве, предательстве или пособничестве. Так, в списке женщин, убивших родных, он называет Сциллу, которая убила своего отца Ниса (Fab. 255). Однако в посвященной ей фабуле Гигин описывает совершенно фольклорную историю, включающую международные сказочные мотивы, о том, что Сцилла отрезала у своего отца волшебный волос, связанный, согласно предсказанию, с устойчивостью его царствования (Fab. 198), а не лично убила.

Из известных историй римского времени отметим рассказ Тита Ливия о Туллии — младшей дочери царя Сервия Туллия[19]. Договорившись с мужем своей старшей сестры Луцием Тарквинием о двойном убийстве (Туллия убивает своего мужа, а Тарквиний — свою жену), она затем выходит замуж за сообщника и подстрекает нового мужа занять трон своего отца. Тарквиний сбрасывает Сервия Туллия с лестницы, а затем посылает убийц вслед за еще живым царем. Туллия на колеснице въезжает на форум, и первая провозглашает своего мужа царем. На обратном пути она видит на улице тело убитого отца (*Liv.* I, 46–48). Далее Тит Ливий, опираясь, по его собственным словам, на устные предания, передает историю преступления Туллии:

> «...обезумевшая, гонимая фуриями-отмстительницами сестры и мужа… погнала колесницу прямо по отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим и мужниным» (*Liv.* I, 48, 7 — пер. В.М. Смирина).

Деяние Туллии Тит Ливий обозначает как «гнусное и бесчеловечное преступление», хотя и объясняет его безумием. Вслед за своими источниками он считает именно Туллию виновницей не только всех уже свершившихся злодеяний, порожденных жаждой власти, но и будущих бед: «Разгневались домашние боги, и дурное начало царствования привело за собою в недалеком будущем дурной конец» (*Liv.* I, 48, 7).

[19] Эта история упоминается и другими авторами (*Ovid.* Fast. VI, 587–621; *Hyg*. Fab. 255)

Среди повествований о женщинах, виновных в гибели своих родственников (отцов, братьев, детей) отметим широко известный в античном мире миф о Медее, который представлен и в трагедиях (*Eur.* Med., *Sen*. Med.)[20], и в сборниках мифов (*Apollod.* I, 9, 16, 23–24; *Apoll. Rhod.* IV, 212–502; *Diod.* IV, 46, 48; *Hyg*. Fab. 23, 25, 26, 239), и в географических сочинениях (*Strab.* VII, 5, 5; *Paus.* II, 3, 5–8), и в поэтических произведениях (*Pind. Pyth.* IV; *Ovid.* Tristia III, 9; Met. VII, 396–397), и в философских трактатах (*Cic.* De nat. deor. III, 48, 66–67). Соответственно, мы имеем и разнообразные версии этого мифа. Как считают исследователи, изначально сказочный образ колхидской колдуньи Медеи был в значительной степени обработан античными авторами. Эволюция его шла по пути ужесточения: «тема неразделенной любви Медеи к Ясону, намеченная еще Пиндаром, получила развитие в одноименной трагедии Еврипида, где Медея стала убийцей своих детей. У Сенеки… она предстает как суровая мстительница, действующая с жестокой последовательностью»[21].

Античная традиция связывает имя Медеи с несколькими преступлениями против родственников. Первое — жестокое убийство брата Апсирта во время бегства из Колхиды с Ясоном и аргонавтами. По одним вариантам Апсирт погибает во дворце своего отца Ээта, зарезанный Медеей у алтаря (*Eur*. Med. 1334–1335). По другим версиям Медея бежала вместе с братом на корабле, но, чтобы задержать погоню, организованную ее отцом, она «убила брата, разрубила его тело на части и стала бросать в море» (*Apollod.* I, 9, 24) или разбросала по полю, прибив к скале голову и руки (*Ovid.* Tristia III, 9, 25–30; *Cic.* De nat. deor. III, 67). Цицерон комментирует действия колхидянки следующим образом: «У Медеи, несомненно, не было недостатка ни в коварстве, ни в уме» (De nat. deor. III, 67 — пер. М.И. Рижского). Он вообще использует образ Медеи в своем трактате именно как пример проявления великого ума (III,

[20] На эту тему было больше десяти античных трагедий и семь комедий (*Торшилов Д.* 1997, 79-80, примеч. 25; *Рабинович Е.Г.* 1983, 394).

[21] *Ботвинник М.Н*. 1997, 131.

66), однако отмечает, что эта трагедийная героиня всю силу своего ума направила на обдумывание тягчайших преступлений (III, 72).

По некоторым другим версиям Медея сама не убивала брата, однако способствовала его смерти, заманив в ловушку (*Apoll. Rhod.* IV, 392–481; *Hyg*. Fab. 23). И хотя Медея лишь присутствовала при убийстве брата, в «Аргонавтике» оценка ее действий однозначна: «Апсирта прибывшего страшной смертью / Погубила она» (IV, 450–451 — пер. Н.А. Чистяковой).

Другое убийство, которое приписывают Медее — убийство ею своих детей от Ясона. Здесь версии античной традиции тоже разнятся — вплоть до того, что детей принес в жертву либо сам Ясон, либо дети были убиты жителями города Коринфа (*Apollod.* I, 9, 28; *Paus.* II, 3, 6; *Ael.* Var.hist. V, 21; *Diod.* IV, 54, 5; и др.).

В трагедии Еврипида Медея, узнавшая о планах Ясона жениться на дочери царя Коринфа Креонта — Главке, задумывает отомстить сопернице, послав той отравленные диадему и пеплос (Med. 1120–1221), и убить своих детей, желая, как можно больнее уязвить Ясона (819). Для Еврипида характерно не совсем обычное для других античных авторов ви́дение насилия со стороны женщины: он изображает Медею страдающей, сомневающейся, не решающейся до последнего на убийство. Однако, совершив его, Медея обвиняет и Ясона в смерти детей: на его слова «моя рука не убивала их» она возражает «Но грех убил и новый брак» (1365–1366 — пер. И. Анненского). Подобную же версию, правда, лишенную подробностей, излагает и Аполлодор (I, 9, 28), и Гигин (Fab. 25)[22], и др. Этот вариант мифа вызвал широкий резонанс не только в самой античной культуре (особенно в римский период), но и в более поздние эпохи вплоть до нашего времени[23].

С именем Медеи в античной литературе связан также ряд эпизодов, в которых она подстрекает к преступлению, покушается на убийство или даже убивает ради Ясона персонажей, не связанных с ней родством. Так, по одной из версий, Медея предложила

[22] В пересказе Гигина вместе с Главкой-Креусой и Креонтом сгорает также и Ясон.

[23] Например, см.: *Ботвинник М.Н.* 1997, 131.

Ясону отомстить за истребление его родных, совершенное дядей аргонавта — Пелием. Обманом приобретя доверие дочерей Пелия, Медея уверила их, что может вернуть тому молодость, для этого надо сварить тело Пелия в котле. Девушки забили отца до смерти (или зарезали мечами), но Медея отказалась его воскрешать (*Diod.* IV, 50–52; *Paus.* VIII, 11, 2; *Ovid.* Met. VII, 297–349).

Встречаются и другие сюжеты об убийстве женщинами детей. Так, известна история Аэды (Аэдоны), нечаянно убившей своего сына и оплакивающей его, став соловьем (*Hom.* Od. XIX, 518–523; *Aesch.* Agam. 1142–1145; Suppl. 60–68; *Soph.* El. 147–149).

В более поздней традиции история Аэдоны нередко представлена развернуто, а ее детали могут значительно различаться и контаминироваться с другими сюжетами. Так, в наиболее распространенной версии действует Прокна, дочь афинского царя Пандиона и жена Терея из Фракии. Терей влюбился в ее сестру Филомену, отослал жену в сельскую местность и убедил родных в ее смерти. После этого он женился уже на Филомене, после первой брачной ночи вырезав той язык. Однако Прокна, узнав обо всем, вернулась, убила своего сына, сварила его мясо и дала его съесть неверному мужу. Убегая от преследующего их с топором Терея, сестры взмолились богам, и те превратили их всех в птиц (*Apollod.* III, 14, 8; *Ovid.* Met. VI. 426–674; и др.). У Овидия не только обман мужа и бесчестье сестры побуждают героиню к убийству, но и сходство ребенка с отцом, ставшее последней каплей:

> «Итис к матери льнул — и ее надоумил, что́ может / Сделать она. Глядит та взором суровым и молвит: / «Как ты похож на отца!» И уже не прибавив ни слова, / Черное дело вершит, молчаливой сжигаема злобой» (VI. 620–623).

Примером поздней компиляции на ту же тему является рассказ Антонина Либерала. Автор, хотя и сохраняет общую линию повествования, передает, по сути, иную историю, соединившую в себе различные мотивы, хорошо известные в мировом мифоэпическом фонде, в том числе, и в самой античной традиции (*Ant. Liber.* XI).

Убийство детей в качестве угощения их отцу встречается в античной литературе нередко и является воплощением известного фольклорного мотива под названием «пир Фиеста»[24]. К этой же категории относятся варианты мифа о Гарпалике, дочери Климена. Ею овладел собственный отец, она же в ответ убила своих детей (либо младшего брата), приготовила его мясо и подала отцу; за это отец ее убил (*Parthen.* XIII; *Hyg*. Fab. 206, 238). Парфений объясняет мотивы Гарпалики тем, что, по ее мнению, отец поступил с ней ужасно и нечестиво (XIII, 3).

Ряд сюжетов об убийстве женщинами своих детей связан с Дионисом. При всех различиях в них можно выделить основные элементы: некие женщины (Агава и фиванские женщины, или Левкиппа и другие дочери Миния) отказываются признавать Диониса богом (участвовать в вакханалиях и под.), тот наказывает их вакхическим безумием, во время которого они убивают сына одной из них (*Eur*. Bacch.; *Apollod.* III, 5, 2; *Ovid.* Met. III, 511; IV, 1–415; *Paus.* IX, 2, 4; *Ant. Liber.* X; *Hyg*. Fab. 184, 239).

У Гигина сохранилось несколько фабул, не дошедших до нашего времени по другим источникам. Так, он излагает историю Фемисто, которая из ревности хотела убить детей соперницы Ино, но случайно убила своих и покончила с собой (Fab. 1, 4, 239)[25]. Тиро, дочь Салмонея и племянница Сизифа, была изнасилована своим дядей и родила двоих сыновей. Узнав о предсказании Аполлона, что эти дети станут мстителями и помогут Сизифу убить ее отца, Тиро их умертвила (Fab. 60).

Примечательно, что Гигин создает три списка детоубийц: «Какие отцы [убили] своих сыновей» (Fab. 237), «Какие отцы убили своих дочерей» (Fab. 238) и «Какие матери убили своих сыновей» (Fab. 239). Последний напрашивающийся вариант об убийстве матерью дочерей отсутствует, хотя подобные мифы и встреча-

[24] О Фиесте см.: *Aesch.* Agam. 1590сл.; *Apollod. epit.* II, 13; *Hyg*. Fab. 88, 258; и др. В пьесе Сенеки «Фиест» Тантал подает Зевсу блюдо из мяса своего сына Пелопа (144–152). У Гигина даже есть раздел «Кто съел своих сыновей» (*Hyg*. Fab. 246).

[25] Восходит к несохранившейся трагедии Еврипида (*Торшилов Д.* 1997, 47, примеч. 1; 50, примеч. 4)

ются в античной традиции: например, в некоторых вариантах Медея убивает всех своих детей, включая девочек. В списке женщин–детоубийц Гигин приводит не только их имена, но и кратко поясняет причины, которые не всегда точно соответствуют тем, что присутствуют даже в его собственных фабулах (см., Фемисто, Тиро, Агава, Гарпалика). Интересно также отметить, что Гигин дает прямую оценку действиям женщин, убивших своих родных (отцов, сыновей, братьев) — он называет их нечестивыми (Fab. 255), по отношению же к мужчинам такая оценка не применяется (Fab. 244).

Если говорить о вооруженном насилии со стороны женщин, описываемом в античной традиции, то здесь исследователи обычно ограничиваются упоминанием мифов об амазонках[26]. Действительно, эти мифы присутствуют в античной литературе всех периодов, но этим не ограничивается фонд воинственных и вооруженных женских персонажей. Более того, другие «воинственные женщины» не характеризуются все по единому образцу, а могут быть определены как разные типы воительниц. Вооруженное насилие, то есть, активное участие в сражениях, а также охоте, с использованием оружия, обычно считается показателем мужественности и статусной прерогативой мужчин в традиционных обществах, а участие женщин в нем — нарушение основных устоев мироздания. Однако античные авторы воспринимали такие рассказы, как правило, довольно спокойно, как явление не то чтобы совсем обычное, но и не уникальное. Очень похожую ситуацию мы встречаем в мифологии и фольклоре других народов, что заставило исследователей искать причины появления подобных сюжетов (в том числе, и в историко-этнографической реальности) и породило поистине неисчерпаемую историографию[27].

Прежде всего, в античной традиции выделяется несколько богинь, непосредственно связанных с войной или охотой и обычно

[26] А также вспоминаются спартанки, однако, скорее, не как воительницы, а как более свободные («дерзкие и наглые») и физически развитые, чем женщины других греческих территорий, занимающие «ненормальное» положение в обществе. См., например: *Андреев Ю.В.* 1995, 44-62.

[27] Об этом см., напр.: *Богаченко Т.В.* 2017; 2021.

изображавшихся вооруженными: греческие Афина, Артемида, Энио, римские Минерва (соответствует Афине), Диана (соответствует Артемиде), Беллона (отождествляется с Энио), и некоторые другие. К ним примыкают мифы о спутницах этих богинь, порой тоже воинственных. Богини могли, по мнению античных авторов, не только покровительствовать воинской деятельности, но и лично вступать в битву. В данной статье мы, как уже говорилось, не будем разбирать мифы о богах, но один пример все же приведем. Так, в замечательном фрагменте поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» повествуется о сражениях друг с другом олимпийских богинь и богов: горная Артемида Лучница вызвала на бой Геру, но Гера ее победила, метнув замерзшую глыбу как дрот, и насмехаясь, предложила той заниматься охотой на зверей и другими делами, а не сражениями; Арей вызвал Афину, но та поразила его копьем (*Nonn.* Dion. XXXVI, 1–107).

Особая категория женских персонажей — нимфы из свиты Артемиды. Согласно античной традиции, они были девственными охотницами. Наиболее известна среди них аркадская Каллисто. Каллисто сопровождала Артемиду на охоте, носила точно такой же наряд, как Артемида, и поклялась навсегда остаться девушкой. Все это, по мнению исследователей, свидетельствует, что она была другой ипостасью богини[28]. Зевс, влюбившись в нее, разделил с ней ложе против ее воли, приняв облик Артемиды или Аполлона (*Apollod.* III, 8, 2)[29]. Артемида в наказание застрелила Каллисто, превращенную в медведицу, из лука, а Зевс поместил ее среди звезд.

Другой тип — это девушки, вызывающие женихов на состязания. Наиболее четко он выражен в образе Аталанты. Отец Аталанты, желавший иметь только сына, выбросил девочку, и ее вскормила медведица, а воспитали охотники. Аталанта сохраняла

[28] *Серов С.Я.* 1983, 183.

[29] Очень интересная деталь, по-видимому, порожденная представлением об андрогинности Артемиды. Вероятно, Артемида и Аполлон — ее близнец — первоначально составляли единое двуполое божество Великой Матери, разделившееся на мужскую и женскую ипостаси незадолго до прихода этого культа из Малой Азии на греческую почву (*Серов С.Я.* 1983, 183).

свою девственность и проводила время, занимаясь охотой в диких и пустынных местах в охотничьем снаряжении. Над ней пытались совершить насилие кентавры Ройк и Гилей, но она убила их, застрелив из лука. Аталанта вместе с мужчинами приняла участие в охоте на Калидонского вепря и в путешествии аргонавтов (*Hyg*. Fab. 173; *Apollod.* I, 8, 2; I, 9, 16; *Diod.* IV, 41; *Apoll. Rhod.* I, 769 sqq.; *Ovid.* Met. X, 560–704); вышла победительницей в поединке с Пелеем на играх в честь Пелия (*Apollod.* III, 9, 2; 13, 3). Она назначила для женихов состязания в беге: Аталанта следовала за женихами в полном вооружении; тот, кого она догоняла, должен был поплатиться жизнью. Влюбленный в нее Меланион (или Гиппомен) во время забега бросал на землю золотые яблоки, подаренные ему богиней Афродитой. Аталанта, подбирая их, оказалась побежденной, и Меланион на ней женился (*Apollod.* III, 9, 2; *Hyg*. Fab. 99, 173, 174, 185, 244, 270).

Как считают исследователи, видимо, образ Аталанты возник из слияния двух первоначальных образов героинь: аркадской, славившейся меткой стрельбой из лука, и беотийской, знаменитой быстротой ног[30]. С одной стороны, некоторые черты мифа об Аталанте (вскармливание молоком медведицы, девственность, успехи в охоте) сближают ее с богиней-девственницей Артемидой и позволяют считать ее ипостасью этой богини охоты[31]. С другой стороны, мотив состязания с женихами относится, как нам представляется, к иному кругу сказаний, а именно эпическому, и представлен он в «классическом» варианте, характерном для эпосов многих народов[32].

---

[30] Основываясь на схолиях к III идиллии Феокрита. См.: *Борухович В.Г.* 1972, 171; *Ботвинник М.Н.* 1997, 120; *Серов С.Я.* 1983, 183.

[31] *Ботвинник М.Н.* 1997, 120; *Ирмшер Й., Йоне Р.* 1994, 59; *Серов С.Я.* 1983, 183.

[32] Видимо, отголоски подобных представления сохранились и в повествованиях о девушках, славившихся быстротой бега. Например, в мифе об Апемосине также несомненна «брачная» направленность основного мотива — состязания в беге с женихом, в роли которого выступает бог Гермес (*Apollod.* III, 2, 1).

Поэтому в целом можно говорить о контаминированности нескольких, различных по своему происхождению, мотивов в античный миф об Аталанте.

Воинственным женским персонажем является в некоторых вариантах мифов и Деянира, супруга Геракла, причем в ее характеристиках проявляются черты, сближающие с героинями изложенных выше мифов. Некоторые авторы сообщают, что до замужества она правила колесницей и занималась военными упражнениями (*Apollod.* I, 8,1), сражалась рядом с Гераклом, когда на того напали дриопы, и была ранена в грудь (*Nonn.* Dion. XXXV, 78–90; Schol. Apoll. Rhod. I, 1212). В отличие от рассмотренных выше сюжетов, Деянира не сражается с женихами: за право жениться на ней Геракл борется с Ахелоем (*Soph.* Trach.; *Apollod.* I, 8, 1; II, 7, 5).

У Нонна упоминается Горга, которая, взяв щит своего брата Токсея, сражалась с врагами Калидона (*Nonn.* Dion. XXXV, 78–90). Имя Горги упоминается в античной традиции, но такой сюжет, насколько мы можем судить, встречается только у этого автора.

Однако в античном фонде сюжетов есть рассказы и о замужних женщинах — воительницах и охотницах. Так, в мифе о Прокриде героиня бежала от своего мужа, Кефала. Диана дала ей волшебные копье и собаку, и велела идти и состязаться с Кефалом. Прокрида постригла волосы и в одежде юноши пришла к мужу. Кефал захотел заполучить копье и собаку, но его переодетая жена согласилась отдать ему желаемое лишь за ночь с героем. Когда они пришли в спальню, Прокрида сняла одежду и показала, что она женщина и его жена. Позже Кефал случайно на охоте убил свою супругу (*Hyg.* Fab. 189). В более ранней версии Аполлодора этот миф изложен иначе, но и у него Прокрида является страстной охотницей; чтобы соблазнить героиню, Минос дарит ей резвого пса и не знающее промаха копье; вернувшись к мужу Кефалу в Афины, она идет с ним на охоту, но случайно погибает от копья, брошенного Кефалом (*Apollod.* III, 15, 1). В мифе о Прокриде мы видим мотивы, похожие на те, что известны нам по эпосам и новеллам других народов (переодевание женщины в мужскую одежду, неузнавание ее мужем до определенного момента, состязание

с мужем, гибель от руки мужа[33]), причем, на наш взгляд, первый из приведенных здесь вариантов даже более близок к эпическим текстам, хотя и в нем присутствует контаминация разных мотивов. Вариант Аполлодора типологически выглядит более поздним. Для нас же в нем очень интересным является редко встречающийся итог истории: по словам Аполлодора, за убийство жены Кефала судил ареопаг и приговорил к вечному изгнанию[34].

Ряд воинственных женских образов рисует Вергилий. Это прежде всего фракийская воительница Гарпалика, дочь царя племени. Воспитывавший ее отец научил дочь верховой езде и владению оружием. Она прославилась быстротой бега; вместе с отцом участвовала в битвах. Когда подданные изгнали ее отца за жестокость, Гарпалика вместе с ним укрылась в лесах и стала заниматься разбоем. После смерти отца она была поймана пастухами и убита (*Verg*. Aen. I, 317; *Hyg*. Fab. 193). Сюжет о ней восходит, вероятно, к неизвестному поэту александрийского времени[35]. Скорее всего, в нем так же контаминированы разные фольклорные образы воительниц, о которых уже шла речь, а также, возможно, оказали влияние мифы о злокозненных царицах.

Другая, римская героиня Вергилия — Камилла, жрица Дианы, изображена яростно сражающейся в окружении воинственных подруг, «лучших Италии дев» (*Verg*. Aen. XI, 540 sqq., 648–658). Поэт называет ее амазонкой и любовно выписывает ее образ. Но Камилла, как считают исследователи, является выдуманным поэтом персонажем[36], созданным под воздействием широко известных мифов, прежде всего, об амазонках — об этом свидетельствуют все детали описания Камиллы, ее спутниц, способов ведения боя и т.д. Именно в эпизоде с Камиллой поэт рассказывает собственно об амазонках. Кроме того, в этой части «Энеиды», на наш

[33] Напр., романические дастаны тюркоязычных народов, русские былины «Дунай», «Ставр»; и др. См.: *Богаченко Т.В.* 2021.

[34] Напр., согласно мифам, на Ареопаге судили Ореста за убийство матери Клитемнестры, но он был оправдан из-за вмешательства богов.

[35] *Торшилов Д.* 1997, 247.

[36] См.: *Торшилов Д.* 1997, 247. По его мнению, одним из образцов для Камиллы Вергилия мог послужить рассказ о Гарпалике.

взгляд, явно проявилось стремление Вергилия, идя по пути Гомера, отразить и эпизод сражения троянцев с отрядом амазонок во главе с царицей Пентесилеей[37]. Здесь отметим также, что античные источники очень редко сопоставляют разнообразных воительниц с амазонками, и то только в поздней традиции[38].

Завершая сюжет о воительницах и охотницах, нельзя обойти вниманием «Деяния Диониса» Нонна Панополитанского. Автор стремился в своей огромной поэме объединить все известные мифы о Дионисе, в том числе, связанные с вакханками. Не затрагивая вопрос о религиозно-культовых мифах, обратим внимание на несколько эпизодов, описывающих, во-первых, историю охотницы Ни́кайи, возлюбленной Диониса (*Nonn.* Dion. XVI), и во-вторых — сражение вакханок не только с мужчинами, но и с женщинами индов, которые присутствовали в войске Дериадея. Нонн называет по именам трех из них, сопоставляя с известными героинями мифов: Прото́нойя, желая отомстить за смерть мужа, бросается на вакханок как новая Аталанта; свирепая воительница Хейробия взяла щит и копье устранившегося от сражения мужа Моррея как когда-то Горга взяла оружие брата Мелеагра, отказавшегося вступить в битву; Орсибоя явилась на битву вместе с мужем, как Деянира (*Nonn.* Dion. XXXV, 78–90; XL, 14–17). Так как имена и деяния этих индских воительниц больше нигде, кроме Нонна, не встречаются, то, скорее всего, их образы созданы самим поэтом по известным образцам.

Авторы римского времени передают и историко-героические предания о женщинах, которые проявили мужество и отвагу, а также вступили в сражение с врагами в чрезвычайной ситуации[39].

---

[37] Этот эпизод, как считается, был позднее исключен из «Илиады», однако широко представлен в античной письменной и изобразительной традиции: *Apollod. epit.* V, 1*; Strab.* XII, III, 24; *Quint. Smyrn*. I; *Hyg*. Fab.112; *Paus.* X, 31, 8; *Nonn.* Dion. XXXV, 26–28; и многие др.

[38] Ср. *Nonn.* Dion. XXXV, 26–28; XL, 14–17.

[39] Павсаний пишет о поэтессе Телесиле, которая возглавила и вооружила женщин при обороне Аргоса от лакедемонян (II, 20, 7–8). В книге Плутарха «О доблести женской» содержится двадцать семь сюжетов о героических женщинах. Из них, помимо Телесилы, воевали также жен-

Это рассматривается ими как доблесть и не ассоциируется с насилием и агрессией со стороны женщин.

Таким образом, даже при анализе круга воительниц и охотниц античной традиции мы видим их типологическое разнообразие. Некоторые из них очень хорошо соотносятся с эпическими персонажами других народов. Это, прежде всего невесты-воительницы, которых героям надо победить, чтобы стать их мужьями, соответственно, речь идет о представлениях и обрядах, связанных с браком. Но есть и те, что видятся античными источниками как свирепые воительницы, источник насилия в полном смысле слова. Велико разнообразие и сюжетов, в которых женщина проявляет агрессию и осуществляет насилие со смертельным исходом не в бою. Здесь выделяются рассказы об убийствах женщинами родственников (братьев, отцов, детей) и мужей, сопровождаемые указанием на мотивировку преступлений (ревность, месть, случайная ошибка, насланное богами безумие — то же самое, что и у мужчин). Это часто развернутые, включающие множество деталей и живописующие кровавые подробности повествования, относящиеся к разным жанрам. Установление их сюжетных взаимоотношений друг с другом, возможных взаимовлияний, эволюции, соотношения с аналогичными сюжетами, но связанными с мужчинами, а, тем более, происхождения и историко-этнографического содержания — задача большого самостоятельного исследования.

Видимо, нельзя абсолютизировать положение, что для греков и римлян было удивительно и необычно наблюдать воительниц и вообще активных женщин, так как в их обществе женщина занимала приниженное положение и не могла себя так вести. По крайней мере, если говорить о мифологических и полуисторических повествованиях, надо отметить, что это не совсем так. В античной письменной традиции присутствует довольно большое количество и воительниц, охотниц, и просто активных женских персонажей,

---

щины города Салмантики в Испании, вместе с мужьями истреблявшие врагов (4; 10). В «Пирре» Плутарх рассказывает о спартанских женщинах, участвовавших в отражении армии Пирра от стен Спарты (*Plut.* Pyrr. XXVII).

не гнушающихся применять физическое насилие. И если их осуждают, то именно за свершенные злодеяния — как и мужчин. Многие из них мыслятся и действуют в пределах существования собственно античного мира либо довольно хорошо известных земель. Лишь некоторые типы подобных женщин (и прежде всего — амазонки) находятся на краю земли; они — чудовища, противники героев, а чудеса всегда расположены на периферии освоенного мира.

ЛИТЕРАТУРА

Ael. Var. hist.: Элиан. Пёстрые рассказы / Пер., ст., прим., указ. С.В. Поляковой. М.–Л., 1963.

Aesch. Agam.; Suppl.: Эсхил. Трагедии / Пер. Вячеслава Иванова. М., 1989; Эсхил. Трагедии / Пер. С. Апта, вступ. ст. Н. Сахарного, коммент. Н. Сахарного и С. Апта. М., 1971.

Ant. Liber.: Антонин Либерал. Метаморфозы / Вступ. ст., пер. и коммент. В.Н. Ярхо // ВДИ, 1997. 3. Приложение.

Apoll. Rhod.: Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Изд. подгот. Н.А. Чистякова. М., 2001.

Apollod.: Аполлодор. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. В.Г. Борухович. Л., 1972.

Cic. De nat. deor.: Цицерон. Философские трактаты / Отв. ред., составит., вступ. ст. Г.Г. Майоров, пер. М. И. Рижского. М., 1985.

Diod.: Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. О.П. Цыбенко. М., 2000; Диодора Сицилийского историческая Библиотека / Пер. И. Алексеев. СПб., 1774. I.

Eur. Bacch.: Еврипид. Трагедии / Пер. И. Анненского и С. Шервинского, коммент. Н. Подземской. («Вакханки» — пер. И. Анненского). М., 1980. 2.

Eur. Med.: Еврипид. Трагедии / Пер. И. Анненского, С. Апта, коммент. Н. Подземской. («Медея» — пер. И. Анненского). М., 1980. I.

Herodot.: Геродот. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 2001.

Hesiod. Theog.: Гесиод. Полное собрание текстов / Вступ. ст. В.Н. Ярхо, коммент. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М., 2001.

Hom. Il.: Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Изд. подгот. А.И. Зайцев. 2-е изд. СПб., 2008.

Hom. Od.: Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. Изд. подгот. В.Н. Ярхо. М., 2000.

Hyg. Fab.: Гигин. Мифы / Пер. Д. Торшилова, А.А. Тахо-Годи (общ. ред.). СПб., 1997.

Liv.: Тит Ливий. История Рима от основания города / Е.С. Голубцова (отв. ред.), М.Л. Гаспаров и Г.С. Кнабе (ред. пер.), В.М. Смирин (ред. коммент.). М., 1989. 1.

Nonn. Dion.: Нонн Панополитанский. Деяния Диониса / Пер. Ю.А. Голубца, вступ. ст. А.В. Захаровой. СПб., 1997.

Ovid. Fast.: Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер., сост. и предисл. М. Л. Гаспарова, коммент., ред. пер. М. Гаспарова и С. Ошерова. («Фасты» — пер. Ф. Петровского). М., 1973.

Ovid. Tristia: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. (Скорбные элегии III, 9 — пер. С. Шервинского). М., 1978.

Ovid. Met.: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Пер. С. Шервинского, вступ. ст. С. Ошерова, прим. Ф. Петровского. М., 1977.

Parthen.: Парфений, О любовных страстях / Пер., вступ. ст. и коммент. В.Н. Ярхо // ВДИ. 1992. 1–2.

Paus.: Павсаний. Описание Эллады. / Е.В. Никитюк (ред.), пер. С.П. Кондратьева. М., 2002. 1–2.

Pind. Pyth.: Пиндар. Пифийские песни // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1980.

Plut.: Плутарх. О доблести женской / Пер. Я.М. Боровского // Плутарх. Застольные беседы / Изд. подгот. Я.М. Боровский, М.Н. Ботвинник, Н.В. Брагинская, М.Л. Гаспаров, И.И. Ковалева, О.Л. Левинская. Л., 1990.

Plut. Pyrr.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. подгот. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. Изд. 2-е, испр. и допол. М., 1994. 1.

Polyaen: Полиэн. Стратегемы / Пер. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002.

Quint. Smyrn.: Квинт Смирнский. После Гомера / Вступ. ст., пер., примеч. А.П. Большакова. М., 2016.

Sen. Med.: Луций Анней Сенека. Трагедии / Изд. подгот. С.А. Ошеров, Е.Г. Рабинович. (Перевод С.А. Ошерова). М., 1983.

Soph. Trach.; El.: Софокл. Трагедии / Пер. С. Шервинского, вступ. ст. В. Ярхо, коммент. Ф. Петровского и В. Ярхо. М., 1988.

Strab.: Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.

Tract. de Mulier.: Анонимное сочинение «Находчивые и мужественные в военных делах женщины» // Полиэн. Стратегемы / Пер. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002.

Verg. Aen.: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. / Пер., вступ. ст. М. Гаспарова, коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М., 1979.

Андреев Ю.В. 1995: Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире: Сб. статей. М.

Андреев Ю.В. 2018: История и миф / Изд. подгот. Л.В. Шадричева. СПб.

Богаченко Т.В. 2017: Исторические основы сказание о женщинах-воительницах южнорусских степей / Е.В. Вдовченков (отв. ред.). Ростов-на-Дону; Таганрог.

Богаченко Т.В. 2021: Воительницы русского эпоса: Проблемы историко-этнографических основ сюжетов и образов / Е.В. Вдовченков (отв. ред.). Ростов-на-Дону; Таганрог.

Богаченко Т.В., Максименко В.Е. 2008: Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 9.

Богаченко Т.В., Максименко В.Е. 2011: Амазонки. Античная традиция о воинственных женщинах: хрестоматия. Ростов-на-Дону.

Борухович В.Г. 1972: Примечания // Аполлодор. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. В.Г. Борухович. Л.

Ботвинник М.Н. 1997: Аталанта // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / С.А. Токарев (гл. ред.). М. 1.

Ботвинник М.Н. 1997а: Медея // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / С.А. Токарев (гл. ред.). М. 2.

Брюле П. 2005: Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху / Пер. Т.А. Левиной. М.

Дьяконов И.М. 1977: Введение // Мифологии древнего мира / Пер. предисл. И.М. Дьяконова. М.

Дьяконов И.М. 1990: Архаические мифы Востока и Запада. М.

Зайдмэн Л. 2005: Дочери Пандоры, или Ритуалы в греческих городах // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 1: От древних богинь до христианских святых / Ж. Дюби и М. Перро (общ. ред.), П. Шмитт Пантель (ред.), пер., науч. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.

Ирмшер Й., Йоне Р. 1994: Словарь античности. М.

Лоро Н. 2005: Что есть богиня? // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 1: От древних богинь до христианских святых / Ж. Дюби и М. Перро (общ. ред.), П. Шмитт Пантель (ред.), пер., науч. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.

Лосев А.Ф. 1957*:* Античная мифология в ее историческом развитии. М.

Лосев А.Ф. 2001: Диалектика мифа / Сост., общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.

Мелетинский Е.М. 1963: Происхождение героического эпоса. М.

Мелетинский Е.М. 2001: От мифа к литературе: Учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М.

Павлов А.А. 2007: Женщина, семья, гендер в Античности: избранная российская библиография (1992–2007) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Л.П. Репина (ред.). М. 14. 235-243.

Павлов А.А., Елизарова Е.Ю. 2002: Женщина в античном Риме: новые зарубежные исследования // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Л.П. Репина (ред.). М. 3. 252-266

Пропп В.Я. 1976: Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.

Пропп В.Я. 1998: Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / Коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой, сост., науч. ред., коммент. И.В. Пешкова. М.

Путилов Б.Н. 1976: Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.

Путилов Б.Н. 1988: Героический эпос и действительность. Л.

Рабинович Е.Г. 1983: Примечания // Луций Анней Сенека. Трагедии / Изд. подгот. С.А. Ошеров, Е.Г. Рабинович. М.: Наука.

Серов С.Я. 1983: Медведь-супруг (Вариации обряда и сказки у народов Европы и Испанской Америки) // Фольклор и историческая этнография. М.

Суриков И.Е. 2015: Удаляющиеся амазонки (гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Суриков И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М.

Суриков И.Е. 2018: Гендерный аспект поэзии и законодательства Солона // Суриков И.Е. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II). 2-е изд. М.

Торшилов Д., 1997: Комментарии // Гигин. Мифы / Пер. Д. Торшилова, А.А. Тахо-Годи (общ. ред.). СПб.

Фрейденберг О.М. 1978: Миф и литература древности. М.

Шмит Пантель П. 2005: Образы женщин // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 1: От древних богинь до христианских святых / Ж. Дюби и М. Перро (общ. ред.), П. Шмитт Пантель (ред.), пер., науч. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.

Ярхо В.Н. 1989: Примечания // Эсхил. Трагедии / Пер. Вячеслава Иванова. М.

Pomeroy S.B. 1975: Goddesses, whores, wives and slaves: women in classical Antiquity. New York.

Winkler J.J. 1990: The constraints of desire: the anthropology of sex and gender in ancient Greece. New York, London.

REFERENCES

Andreev YU.V. 1995: Spartanskaya ginekokratiya // Zhenshchina v antichnom mire: Sb. statei. M.

Andreev YU.V. 2018: Istoriya i mif / Izd. podgot. L.V. Shadricheva. SPb.

Bogachenko T.V. 2017: Istoricheskie osnovy skazanie o zhenshchinakh-voitel'nitsakh yuzhnorusskikh stepei / E.V. Vdovchenkov (otv. red.). Rostov-na-Donu; Taganrog.

Bogachenko T.V. 2021: Voitel'nitsy russkogo ehposa: Problemy istoriko-ehtnograficheskikh osnov syuzhetov i obrazov / E.V. Vdovchenkov (otv. red.). Rostov-na-Donu; Taganrog.

Bogachenko T.V., Maksimenko V.E. 2008: Pogrebeniya «zhenshchin s oruzhieM» ehpokhi rannego zheleznogo veka na Donu (metodologicheskie aspekty problemy izuche-niya) // Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. Volgograd. 9.

Bogachenko T.V., Maksimenko V.E. 2011: Amazonki. Antichnaya traditsiya o voinstvennykh zhenshchinakh: khrestomatiya. Rostov-na-Donu.

Borukhovich V.G. 1972: Primechaniya // Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka / Izd. podgot. V.G. Borukhovich. L.

Botvinnik M.N. 1997: Atalanta // Mify narodov mira. Ehntsiklopediya: v 2-kh t. / S.A. Tokarev (gl. red.). M. 1.

Botvinnik M.N. 1997a: Medeya // Mify narodov mira. Ehntsiklopediya: v 2-kh t. / S.A. Tokarev (gl. red.). M. 2.

Bryule P. 2005: Povsednevnaya zhizn' grecheskikh zhenshchin v klassicheskuyu ehpokhu / Per. T.A. Levinoi. M.

D'yakonov I.M. 1977: Vvedenie // Mifologii drevnego mira / Per. predisl. I.M. D'yakonova. M.

D'yakonov I.M. 1990: Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada. M.

Irmsher I., Ione R. 1994: Slovar' antichnosti. M.

Loro N. 2005: Chto est' boginya? // Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. 1: Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh / ZH. Dyubi i M. Perro (obshch. red.), P. Shmitt Pantel' (red.), per., nauch. red. N.L. Pushkareva. SPb.

Losev A.F. 1957: Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii. M.

Losev A.F. 2001: Dialektika mifa / Sost., obshch. red. A.A. Takho-Godi, V.P. Troitskogo. M.

Meletinskii E.M. 1963: Proiskhozhdenie geroicheskogo ehposa. M.

Meletinskii E.M. 2001: Ot mifa k literature: Uchebnoe posobie po kursu «Teoriya mifa i istoricheskaya poehtika povestvovatel'nykh zhanroV». M.

Pavlov A.A. 2007: Zhenshchina, sem'ya, gender v Antichnosti: izbrannaya rossii-skaya bibliografiya (1992–2007) // Adam i Eva. Al'manakh gendernoi istorii / L.P. Repina (red.). M. 14. 235-243.

Pavlov A.A., Elizarova E.YU. 2002: Zhenshchina v antichnom Rime: novye zaru-bezhnye issledovaniya // Adam i Eva. Al'manakh gendernoi istorii / L.P. Repina (red.). M. 3. 252-266

Pomeroy S.B. 1975: Goddesses, whores, wives and slaves: women in classical Antiquity. New York.

Propp V. YA. 1976: Fol'klor i deistvitel'nost'. Izbrannye stat'i. M.

Propp V. YA. 1998: Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki / Komment. E.M. Meletinskogo, A.V. Rafaevoi, sost., nauch. red., komment. I.V. Peshkova. M.

Putilov B.N. 1976: Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora. L.

Putilov B.N. 1988: Geroicheskii ehpos i deistvitel'nost'. L.

Zaidmehn L. 2005: Docheri Pandory, ili Ritualy v grecheskikh gorodakh // Isto-riya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. 1: Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh / ZH. Dyubi i M. Perro (obshch. red.), P. Shmitt Pantel' (red.), per., nauch. red. N.L. Pushkareva. SPb.

Rabinovich E.G. 1983: Primechaniya // Lutsii Annei Seneka. Tragedii / Izd. podgot. S.A. Osherov, E.G. Rabinovich. M.: Nauka.

Serov S.YA. 1983: Medved'-suprug (Variatsii obryada i skazki u narodov Evro-py i Ispanskoi Ameriki) // Fol'klor i istoricheskaya ehtnografiya. M.

Surikov I.E. 2015: Udalyayushchiesya amazonki (gendernaya mifologiya i gendernaya geografiya v drevnegrecheskikh potestarnykh predstavleniyakh) // Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: Mental'nost', religiya, kul'tura (Opuscula selecta I). M.

Surikov I.E. 2018: Gendernyi aspekt poehzii i zakonodatel'stva Solona // Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II). 2-e izd. M.

Torshilov D., 1997: Kommentarii // Gigin. Mify / Per. D. Torshilova, A.A. Takho-Godi (obshch. red.). SPb.

Freidenberg O.M. 1978: Mif i literatura drevnosti. M.

Shmit Pantel' P. 2005: Obrazy zhenshchin // Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. 1: Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh / ZH. Dyubi i M. Perro (obshch. red.), P. Shmitt Pantel' (red.), per., nauch. red. N.L. Pushkareva. SPb.

Winkler J.J. 1990: The constraints of desire: the anthropology of sex and gender in ancient Greece. New York, London.

Yarkho V.N. 1989: Primechaniya // Ehskhil. Tragedii / Per. Vyacheslava Ivanova. M.

Tatyana V. BOGACHENKO

A WOMAN AS A SUBJECT OF VIOLENCE IN THE ANCIENT WRITTEN MYTHOLOGICAL TRADITION

The article deals with ancient plots in which a woman acts as a source and executor of physical violence, conducts their prelimi-

nary classification and comparative-typological analysis, and also characterizes the attitude of the ancient authors themselves to them. The study made it possible to come to the conclusion about the typological diversity of such characters and a high degree of their integration into ancient ideas about the structure of the world.

Keywords: ancient mythology, female warriors, female murderers, infanticides, physical violence, armed violence.

Tatyana V. BOGACHENKO — Candidate of History Science, Docent of the Department of Archaeology and Ancient History of South Federal University. Rostov-on-Don. Russian Federation. — tanjathemiskira@mail.ru; tvbogachenko@sfedu.ru

А.А. Клейменов

ВАРВАРСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЕНДЕРНУЮ РОЛЬ

О МАКЕДОНСКИХ ВОИТЕЛЬНИЦАХ IV ВЕКА ДО Н.Э.

Цель исследования заключается в анализе феномена македонских воительниц Кинаны и Адеи-Эвридики. Задачами являются определение характера и степени достоверности античных сообщений об особых качествах указанных женщин, определение возможных предпосылок формирования этих черт, сравнение особенностей поведения Кинаны и ее дочери Адеи-Эвридики с традиционной для Македонии женской гендерной ролью. Исследование опиралось на всесторонний анализ письменных источников, сравнительно-исторический метод, метод контент-анализа. Определено, что античный нарратив достаточно достоверно отражает особенности поведения Кинаны и Адеи-Эвридики, плохо вписывающегося в характерные для греческого мира установки, не допускавшие активного участия женщин в боевых действиях. Присутствовавшие у Кинаны и Адеи-Эвридики воинские качества были сформированы под влиянием иллирийских традиций, носительницей которых была первая жена Филиппа II Аудата. Немалую роль в обеспечении возможности для реализации уникальных для женщин из дома Аргеадов навыков сыграли особенности македонского государства, где представительницы правящей династии являлись значимыми субъектами политической жизни

Александр Анатольевич КЛЕЙМЕНОВ — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета. Российская Федерация, Тула — alek-klejmenov@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 119-145
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 119-145
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.004

и при определенных обстоятельствах могли решать военные задачи. Еще одним фактором стала политическая ситуация эпохи диадохов, когда исчезновение легитимного центра власти активизировало борьбу за власть и сделало военную силу главным средством удовлетворения политических амбиций.

Ключевые слова: Македония, Иллирия, Кинана, Адея-Эвридика, гендерная роль, диадохи.

«У войны не женское лицо» — провозглашает утверждение, впервые появившееся в романе А.М. Адамовича, а затем обретшее популярность и окончательную форму благодаря С.А. Алексеевич[1]. Не оспаривая гуманистическую ценность данного высказывания, необходимо отметить его немалую условность. Как показывает мировая история, лик войны чрезвычайно изменчив и способен принимать как мужские, так и женские черты, воплощенные в испепеляющей ярости Боудикки, воодушевляющем порыве Жанны Д'Арк и несгибаемой стойкости Зои Космодемьянской. Данное обстоятельство, впрочем, не отрицает наличия хорошо выявляемой тенденции: для большинства оседло-земледельческих культур доиндустриальной эпохи с их несовершенными средствами вооружения была характерна скромная роль женщин в военной сфере, в основном подразумевавшая включение в процесс обороны поселений или сопровождение воинов-мужчин в походах[2]. По-настоящему активное участие представительниц прекрасного пола в боевых действиях в истории подобных обществ встречается редко. Именно с таким феноменом мы сталкиваемся при обращении к бурным событиям второй половины IV в. до н.э., когда на фоне уходящей в прошлое Классической Греции и зарождающегося эллинистического мира проявили себя многие яркие личности, среди которых были и женщины, способные не только сражаться в битвах, но и вести за собой мужчин.

Переходя к рассмотрению данного явления, нельзя не отметить, что оно сильно контрастирует с установками, характерными для греческих государств предшествующего времени. С одной

[1] Подробнее: *Сивакова Н.А.* 2011, 80-81.

[2] *Laffin J.* 1967, 185-186; *De Pauw L.G.* 1998, 17-25; *Gat A.* 2006, 82.

стороны, на уровне религиозно-мифологических представлений война у греков нередко ассоциировалась с женскими образами. Достаточно вспомнить облаченную в доспехи и вооруженную копьем Афину, к обширным функциям которой уже со времен оформления гомеровского эпоса относилось покровительство над упорядоченными войнами, противопоставляемыми неуправляемой стихии Ареса[3]. В период вооруженных конфликтов эллины могли уповать на поддержку и других богинь, у которых явной военной «специализации» не было[4]. С другой стороны, этот компонент религиозной жизни плохо сочетался с реальной практикой, что стало поводом для одной из шуток в «Птицах» Аристофана, где экипированная щитом Афина противопоставлена сидящему за прялкой женоподобному афинянину Клисфену (*Arist.* Aves., 829–831)[5]. Активное участие смертных женщин в запланированных боевых действиях было для греков явлением необычайным, а местами и невозможным: именно такая оценка, в частности, обнаруживается в творчестве Ксенофонта, считавшего женщин физически неспособными сражаться в битвах (*Xen.* Oec., 7, 23). Отразилось это и в популярном образе амазонок. Представления об их обществе, якобы располагавшемся на одной из дальних окраин Ойкумены, видимо, возникли под воздействием сведений об особенностях жизни кочевых народов Северного Причерноморья[6], однако для греков амазонки, прежде всего, были квинтэссенцией варварства, подразумевавшего немыслимые в эллинском социуме гендерные роли[7].

---

[3] Об этом, к примеру, см. *Лосев А.Ф.* 1999, 261; *Deacy S.* 2008, 54-58; *Kutash E.* 2021, 25.

[4] *Parker R.* 2016, 127.

[5] Примечательно, что данный пассаж, в свою очередь, является отсылкой к «Мелеагру» Еврипида (fr. 522), где фигура мужчины с прялкой в своей немыслимости сопоставляется с образом вооруженной женщины (*Chrystal P.* 2017, 37).

[6] Наиболее актуальное и полное на настоящий момент исследование проблемы исторических истоков греческих представлений об амазонках см. *Mayor A.* 2014, 63-246.

[7] Об этом см. *Tyrrell W.B.* 1984, 8-24; *Hardwick L.* 1990, 17-23. Следует заметить, что образ женщины-амазонки, воплощающий в себе чуж-

В условиях полисной цивилизации статус воина было исключительной прерогативой сильного пола, формировавшего как гражданскую милицию, так и подразделения наемников. Женщины привлекались лишь для отражения критически опасных вражеских нападений на родной город[8] или же присутствовали в войсках в качестве танцовщиц, флейтисток, проституток, пленниц или жен, что в большей степени было характерно для «солдат удачи»[9].

В противовес этой тенденции, в античных сочинениях, затрагивающих события второй половины IV в. до н.э., неоднократно встречаются сообщения о женщинах, сделавших выбор между прялкой и оружием в пользу последнего, причем речь идет не об амазонках, якобы встреченных Александром в глубинах Азии[10], а о представительницах македонского царского дома. Первой из них была единокровная сестра Александра Великого Кинана (Κυνάνη) или Кинна (Κύννα), отличавшаяся как необычным поведением, так и примечательным происхождением. В частности, благодаря Афинею (*Athen.* XIII. 557 b–c) известно сообщение Сатира, который, отметив склонность Филиппа II вступать в брак при каждой новой

дые варварские порядки, был настолько силен, что повлиял на особенности изображения персов в искусстве классического времени (*Hall E.* 1995, 115).

[8] *Hornblower S.* 2007, 43-44; *Ducrey P.* 2015, 184-188; *Chrystal P.* 2017, 48-49; *Martinez Morales J.* 2019, 155-165.

[9] *Loman P.* 2004, 49; *Lee J. W.* 2008, 270-275; *Carney E.D.* 2021, 334-335.

[10] Рассказ о встрече Александра с царицей амазонок весьма распространен в античной историографии (*Diod.* XVII. 77, 1–3; *Curt.* VI. 5, 24–32; *Just.* XII. 3, 5–7), но уже в древности его достоверность вызывала большие сомнения, о чем сообщают Страбон (*Strab.* XI. 5, 4), называющий автором описания расположения страны амазонок Клитарха, а также Плутарх (*Plut.* Alex., 46), согласно которому о встрече царицы амазонок с Александром рассказывали Клитарх, Поликлит, Онесикрит, Антиген и Истр, при этом Аристобул, Харет, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский, Филипп из Теангелы, Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский и Дурид Самосский называли ее выдумкой. Предполагается, что изначальный сюжет мог быть создан Онесикритом (*Berve H.* 1926, 324; *Pédech P.* 1984, 87-89) или Клитархом (*Baynham E.* 2001, 119).

войне, из жен этого македонского царя первой упомянул иллирийку Аудату (Αὐδάτη), родившую Кинну. То же имя дочери Филиппа приводит Полиэн (*Polyaen.* VIII. 60 — Κύννα Φιλίππου θυγάτηρ). Согласно Арриану, дочь Филиппа носила имя «Кинана», а ее матерью являлась Эвридика (Εὐρυδίκη) (*Arr.* Hist. succ. I. 22)[11]. В настоящее время предполагается, что появление на свет Кинны/Кинаны стало результатом брачного союза между Филиппом и родственницей иллирийского царя Бардила, причем одни исследователи относят его заключение к 359 г. до н.э. и воспринимают как часть примирительной политики по отношению к находившемуся на пике могущества правителю дарданов[12], а другие считают способом закрепления македонской победы над иллирийцами 358 г. до н.э.[13].

О необычном нраве и судьбе дочери Аудаты наиболее пространно рассказывает Полиэн. По его данным, Кинна упражнялась в военном деле (τὰ πολεμικὰ ἤσκει), командовала войском (στρατοπέδων ἡγεῖτο) и сражалась с врагами (πολεμίοις παρετάσσετο). Сообщается об участии Кинны в битве с иллирийцами, где она ударом в шею убила их «царицу», многих врагов обратила в бегство и истребила. Рано потеряв мужа, коим был сын царя Пердикки Аминта, Кинна учила военному делу (τὰ πολεμικὰ) единственную дочь Эвридику. Как указывается, после смерти Александра Кинна, несмотря на сопротивление со стороны Антипатра, с боем перешла Стримон, переправилась через Геллеспонт и получила некоторую поддержку македонского войска. Далее Кинна вступила в конфронтацию с Алкетой и, не страшась многочисленных и хорошо вооруженных противников, «благородно» (εὐγενῶς) устремилась в бой, предпочитая погибнуть, но не видеть

[11] По господствующему в историографии мнению, Аудата приняла более характерное для македонской монархии имя «Эвридика» уже после брака. Подробнее об этом: *Carney E.D.* 1987, 497-498; *Heckel W.* 2006, 64. Иной вывод см. *Badian E.* 1982, 104-105.

[12] *Уортингтон Й.* 2014, 46; *Ellis J.R.* 1976, 48; *Thomas C.G.* 2007, 72; *Ashley J.R.* 1998, 112.

[13] *Борза Ю.Н.* 2013, 269; *Bosworth A.B.* 1971, 101; *Hammond N.G.L.* 1994a, 28; *Carney E.D.* 2000, 57; *Greenwalt W.S.* 2010, 291.

род Филиппа лишенным власти (см. *Polyaen.* VIII. 60). Сообщение Полиэна о воинском обучении дочери Кинны Эвридики хорошо соотносится с известными благодаря Афинею (*Athen.* XIII. 560f) данными Дурида Самосского (FGrH 76 F52), согласно которым в рамках «первой войны между двумя женщинами» Олимпиада выступала, подобно вакханке, под звук тимпанов, а Эвридика была в полном македонском боевом облачении (Μακεδονικῶς καθωπλισμένην), выучившись военному делу (τὰ πολεμικὰ) у Кинны Иллирийской. Учитывая значительную смысловую близость этого рассказа с информацией Полиэна, предполагается, что общим источником сведений о воинских качествах сестры и племянницы Александра было сочинение Дурида[14]. Подобное сообщение соответствует особенностям творчества указанного автора, который являлся современником диадохов и использовал самые разные источники при большем акценте не на событийной стороне истории, а на необычных, сенсационных деталях[15]. Конечно, следуя этому подходу Дурид часто давал волю своему воображению[16], однако информации об особом нраве Кинны / Кинаны и ее дочери Эвридики, до заключения брака с Филиппом III Арридеем носившей имя Адея (см. *Arr.* Hist. succ. I. 23), исследователи склонны доверять[17].

Для поддержки данной позиции есть все основания. Так, вряд ли Дурид имел возможность полностью выдумать детали жизни столь статусных и известных большинству его читателей современниц. Кроме того, приводимые сведения коррелируют с другими фрагментами письменной традиции, освещающими события конца IV в. до н.э. На решение Алкеты и Пердикки убить Кинану указывает Арриан, ничего не рассказывающий о бое, но, как и Полиэн, отмечающий популярность Кинаны в войске (*Arr.* Hist. succ. I. 22–23). Еще больше сообщений освещают войну Адеи-Эвридики

[14] *Vela Tejada J., Martín García F.* 1991, 560.

[15] *Walbank F.W.* 1960, 219-220; *Kebric R.B.* 1977, 48, 64.

[16] Об этом: *Morgan J.R.* 1993, 184-185.

[17] К примеру: *Macurdy G.H.* 1932, 48-49; *Carney E.D.* 1987, 497-499; *Chrystal P.* 2017, 89-91; *Grainger J.D.* 2019, 96; *Müller S.* 2021, 300.

с Олимпиадой и ее союзниками в лице эпирского царя Эакида и Полиперхонта, причем во всех из них дочь Кинны / Кинаны выступает как военный лидер. Согласно Диодору, взявшая на себя правление Эвридика рассылала гонцов, подкупала македонян дарами, в начале войны находилась в македонском городе Эви «со своим войском» (μετὰ τῆς δυνάμεως). Повествуя о самом столкновении, автор упоминает переход армии Эвридики на сторону Олимпиады, быстрое пленение царя Филиппа с его двором, захват Эвридики на пути в Амфиполь (см. *Diod.* XIX. 11, 1–3). По сообщению Юстина, Эвридика, «действуя из присущей женщинам ревности», воспользовалась болезнью мужа и присвоила власть себе, в том числе посылала от имени царя распоряжения Полиперхонту и Антигону о передаче войск Кассандру (*Just.* XIV. 5, 2–3). Здесь римский автор приводит характерное для него негативное оценочное суждение, связанное с пришедшими к власти женщинами[18], однако сами действия Эвридики описывает в схожем с Диодором ключе. Рассказывая о войне, Юстин также упоминает, что Эвридика и царь Арридей пытались остановить вторжение Олимпиады и Эакида в Македонию, но потерпели неудачу из-за перехода войска на сторону матери Александра (см. *Just.* XIV. 5, 9–10). Восходящие к Дуриду сообщения о воинских качествах Адеи-Эвридики также хорошо сочетаются с рассказом Диодора о ее смерти, где внучка Филиппа представлена как волевая личность, преисполненная чувством собственного достоинства. Согласно этому источнику, Олимпиада велела неким фракийцам зарезать плененного Филиппа Арридея, а Эвридике отправила меч, веревку и яд, приказав использовать любое средство смерти на выбор. В ответ Эвридика пожелала таких же подарков Олимпиаде, очистила раны мертвого мужа и совершила самоубийство, повесившись на собственном поясе. Автор замечает, что она ни оплакивала свою судьбу, ни смирилась под тяжестью неудач (*Diod.* XIX. 11, 5–7)[19]. Явный во-

[18] В частности, эта же тенденция явно прослеживается в созданном в «*Historiae Philippicae*» портрете Олимпиады (*Frank R.* 2018, 43).

[19] Элиан (*Ael.* Var. hist. XIII. 36) в своем более лаконичном сообще-

инский дух присутствует в торжественном ритуале погребения тел Филиппа Арридея, Адеи-Эвридики и Кинны / Кинаны, совершенном по распоряжению Кассандра. По наиболее раннему сообщению, оставленному Дииллом Афинским (FGrH 73 F1=*Athen.* IV. 155a), усопшие были почтены не только подобающими обрядами, но и поединками (μονομαχίας ἀγῶνα) между четырьмя воинами[20]. Существует некоторая вероятность связи письменных данных о воинских качествах Адеи-Эвридики и с археологическим материалом. В частности, наличие в знаменитой вергинской «Гробнице №2» женского погребения, сопровождаемого золотой накладкой для горита, панцирем и кнемидами, стало одним из оснований для идентификации памятника как захоронения Филиппа Арридея и его воинственной жены[21], однако необходимо отметить, что это мнение встретило в среде специалистов как поддержку, так и критику[22].

Последнее обстоятельство, конечно, не мешает констатировать достоверность античных сообщений о присутствии среди родственниц Александра женщин, готовых лично участвовать в сражениях и возглавлять войска. Наиболее рано появившееся и чаще всего приводящееся объяснение феномена македонских «амазонок» основано на особенностях происхождения жены Филиппа II Аудаты. То есть предполагается, что формирование воинских качеств Кинны / Кинаны и Адеи-Эвридики соответствовало иллирийским обычаям, которые, в отличии от македонских, допускали участие женщин в битвах[23]. Этот вывод, порожденный простым сравнением и исключением неизвестного, не противоре-

---

нии ошибочно называет Эвридику дочерью Филиппа от некой иллирийки и отмечает, что она повесилась на посланной Олимпиадой веревке.

[20] Диодор (*Diod.* XIX. 52, 5) также упоминает это торжественное захоронение и чествование покойных «погребальными играми» (ἐπιαφίοις ἀγῶσι).

[21] *Lehmann P.H.* 1980, 530; *Carney E.D.* 1991, 23-26.

[22] О проблеме: *Кузьмин Ю.Н.* 2007, 298-301; *Palagia O.* 2017, 158.

[23] *Дройзен И.* 1995, 73-74; *Pomeroy S.* 1984, 6-7; *Carney E.D.* 2000, 58; *Cohen A.* 2010, 61; *Greenwalt W.S.* 2010, 291.

чит нашим знаниям о традициях Иллирии, которые действительно предусматривали значительную военно-политическую активность представительниц правящей династии. Об этом свидетельствует не только сообщение Полиэна об убитой Кинной / Кинаной «царице», но и описанная греко-римскими писателями судьба жившей столетием позже правительницы ардиеев Тевте (Τεύτα или Τεῦτα), которая после смерти мужа Агрона стала регентшей при малолетнем царе Пинне. Получив власть, Тевта осуществляла разорительные походы на соседние земли, в итоге потерпев поражение в войне с Римом (см. *Polyb.* II. 4–11; *Dio Cass.* XII. fr. 49; *App.* Illyr., 7). Сказать что-то уверенно об этой личности сложно ввиду явной тенденциозности источников[24], однако Тевта в любом случае представлена в них как лицо, осуществлявшее верховное командование. Согласно Полибию, Тевта управляла делами с помощью верных друзей и отправляла в походы войска под началом лиц, которым давала определенные поручения (*Polyb.* II. 4). В историографии отмечается возможность воздействия на родственниц Александра не только иллирийских обычаев, но и хронологически близких прецедентов. Так, современникам македонских воительниц, безусловно, была хорошо знакома практика малоазиатской Карии, где в V–IV вв. до н.э. политическими и военными лидерами становились вдовы (а по совместительству и сестры) прежних правителей Артемисия I, Артемисия II и Ада, которые вполне могли выступить ориентиром для амбициозных представительниц дома Аргеадов[25].

---

[24] *Hammond N.G.L.* 1968, 5-6; *Wilkes J.J.* 1992, 160; *Eckstein A. M.* 1995, 154.

[25] Подробнее см. *Carney E.D.* 2005, 71-78, 85-87; *Chrystal P.* 2017, 41-46. Особо следует отметить посвященную карийским женщинам-военачальникам статью В. Себиллот Кюше. Указанная французская исследовательница пришла к весьма сомнительному, но хорошо соответствующему идеям постструктуралистского феминизма выводу: при игнорировании важного влияния различий в общественно-политическом устройстве греческих полисов и Карии, а также наличия разных форм вовлеченности в боевые действия, констатируется, что пример Артемисии II и Ады подтверждает необходимость деконструкции установок на половую

Впрочем, иллирийское происхождение Аудаты и, тем более, опыт Карии не могут полностью объяснить рассматриваемый феномен. Дочь Филиппа и его внучка, являлись, прежде всего, представительницами македонской элиты[26], поведение которых определялось окном возможностей, предоставляемым статусным женщинам их социумом, специфику которого нельзя недооценивать. Степень отличия Македонии Аргеадов от греческих полисных сообществ была настолько значительной, что позволяла эллинам относить родственных им македонян, не знавших полисной организации и живших в условиях монархии, к миру варваров[27]. В военной сфере особую роль здесь играл институт царской власти: выполнение функций командующего и участие в битвах было не только прерогативой, но и обязанностью македонских монархов, в этом отношении схожих с правителями соседних варварских государственных образований[28]. В условиях подобной военно-политической организации женщина, сумевшая взять в руки рычаги управления царством из-за благоприятной обстановки внутри правящей династии, одновременно приобретала и полномочия командующего, однако до IV в. до н.э. в истории Македонии таких случаев, видимо, не было. Конечно, многого о процессах, проходивших в царстве Аргеадов, мы можем не знать из-за особенностей греческого письменного наследия, рассказывающего о маке-

дифференциацию людей прошлого, при этом карийские реалии используются как повод считать женщин ценными участниками войн в архаическую и классическую эпохи (*sic*) и не доверять информации «идеологизированных» греческих авторов, не видевших в женщине личность (*Sebillotte Cuchet V.* 2015, 243-244).

[26] Как отмечено в литературе, нет серьезных оснований для предположений о том, что Кинна/Кинана идентифицировала себя как иллирийку (см. *Bartels J.* 2015, 385).

[27] Об этом обстоятельстве, к примеру: *Уортингтон Й.* 2014, 26–27; *Wilcken U.* 1962, 213; *Hammond N.G.L.* 1972, 441; *Mari M.* 2011, 79; *Anson E.M.* 2020, 18; *Hatzopoulos M.B.* 2020, 1-2.

[28] *Hammond N.G.L.* 1979, 156; *Errington R.M.* 1990, 221; *Greenwalt W.S.* 2015, 347.

донской монархии скупо и предвзято[29]. Кроме того, информация об участии женщин в политической жизни Македонии могла подвергнуться искажению из-за склонности эллинских авторов транслировать существовавшие у них гендерные стереотипы на европейские и азиатские сообщества с иными нормами и традициями[30]. Тем не менее, отмеченную выше политическую тенденцию нельзя считать историографическим миражом, так как она хорошо соотносится и с известным благодаря Плутарху (*Plut.* Alex., 68) замечанием Александра о неготовности македонян принимать верховную власть царицы, и с сообщением Диодора (*Diod.* XIX. 11, 5) о предсмертных словах Антипатра, призвавшего не допускать господства женщин в государстве. Данное обстоятельство позволяет считать по-прежнему актуальным вывод Г. Макарди о наличии в македонском обществе патриархальных традиций, достаточно сильных для того, чтобы не давать царицам достичь единоличной власти[31]. При этом необходимо принять замечание Э.Д. Карни, которая, критически разбирая заключение предшественника, обратила внимание на важный нюанс: в более позднее время эллинистические авторы были способны открыто восхищаться женщинами, бравшими на себя руководство вооруженной защитой интересов царства, в чем, очевидно, проявлялись особенности македонской политической культуры, возлагавшей обязанности по руководству военными действиями на правящий дом, при этом предусматривающей восприятие представительниц династии как важной части героического ойкоса[32].

События, имевшие место во второй четверти IV в. до н.э., показывают, что македонская политическая система потенциально могла позволить целеустремленной женщине получить большое влияние и даже взять на себя решение военных задач. Речь идет о матери Филиппа II Эвридике, являвшейся активной участницей

---

[29] Об этом: *Шофман А.С.* 1960, 59; *Борза Ю.Н.* 2013, 46; *Уортингтон Й.* 2014, 276; *King C.J.* 2017, 1.

[30] *Carney E.D.* 1993, 318-320; *Müller S.* 2021, 295.

[31] *Macurdy G.H.* 1927, 201.

[32] *Carney E.D.* 2004, 192-293.

политической борьбы, развернувшейся в царстве Аргеадов после смерти Аминты III. Сравнительно пространный рассказ о деяниях Эвридики оставил лишь Юстин, согласно которому она вместе с мужем дочери хотела убить своего супруга царя Аминту, а позже посредством козней лишила жизни собственных сыновей Александра и Пердикку (*Just.* VII. 4, 5 – 5, 8). Это сообщение весьма посредственно перекликается с другими источниками, в которых организатором убийства царя Александра II назван претендовавший на престол Птолемей Алорит (*Diod.* XV. 71, 1; *Athen.* XIV. 629d)[33]. Помимо того, Диодор пишет о гибели Пердикки в неудачном сражении с иллирийцами (*Diod.* XVI. 2, 5), а Плутарх упоминает заботу Эвридики о своих детях, выразившуюся в обучении их грамоте (*Plut.* Moral., 14b). Схолия к речи Эсхина «О преступном посольстве» содержит единственное указание на брачный союз Птолемея Алорита и Эвридики (*Schol Aesch*. II. 26), к чему можно присовокупить сообщение Плутарха, согласно которому Птолемей был обязан передать власть братьям Александра II из-за решения фиванского полководца Пелопида (*Plut.* Pelop., 27). Не вдаваясь в излишние подробности, следует отметить, что совмещение всех сведений позволяет оценивать рассказ Юстина как явно тенденциозный и демонизирующий образ Эвридики, видимо, ставшей женой Птолемея Алорита уже после заговора и стремившейся этим сохранить влияние на дела в государстве и оставить престол за сыновьями[34]. В контексте рассматриваемой проблемы важна способность Эвридики организовать защиту своих интересов военными средствами. Об этом известно благодаря Эсхину (*Aesch.* II. 26–29), по данным которого именно царица призвала знаменитого афинского полководца Ификрата помочь в войне с претендовавшим на македонский престол Павсанием[35]. Конечно, есть вероятность то-

[33] Демосфен называет убийцей Аполлофана из Пидны (*Dem.* XIX. 194-195).

[34] См. *Macurdy G.H.* 1927, 211–212; *Greenwalt W.S.* 2008, 93; *Carney E.D.* 2019, 60-64; ср. *Борза Ю.Н.* 2013, 248-249; *Ogden D.* 1999, 14-16.

[35] Эту информацию в общих чертах подтверждает Суда (*Suda,* s.v. Κάρανος). Корнелий Непот (*Nep.* Iph., 3, 2) сообщает, что Эвридика и ее сыновья нашли убежище в лагере Ификрата.

го, что промакедонский оратор тактично промолчал об участии Птолемея Алорита в этих событиях[36], однако источники в любом случае позволяют говорить об очевидном для современников вкладе Эвридики в заключение соглашения с Ификратом. Если речь Эсхина верно изображает царицу как главного инициатора и участника переговоров, то вполне оправданным будет предположение об оплате Эвридикой услуг греческих наемников за счет собственных средств[37].

Что же позволило Эвридике, помимо интеллекта и волевых качеств, получить ранее недоступные царицам полномочия? Прежде всего, сложно игнорировать широко распространенные в античной литературе сообщения об иллирийском происхождении матери Филиппа II[38]. Хотя исследователи и ставят под сомнение оправданность обозначения Эвридики как настоящей иллирийки в пользу констатации ее принадлежности к династии Линкестиды[39], нельзя отрицать родство этой царицы и с иллирийской элитой[40]. Соответственно, поведение Эвридики также может быть связано с особенностями «варварских» иллирийских представлений о возможностях женщин, принадлежащих к высшим слоям общества[41]. Впрочем, подробно не вдаваясь в проблему соотношения личностной и социальной детерминации, следует еще раз подчеркнуть, что жизненный путь неординарных македонских женщин был определен не только их представлениями о допустимом. И для Эвридики, и для ее младших родственниц многое решили особенности времени. Так, в судьбе матери Филиппа II значительную роль сыграла нестабильная ситуация в правящей династии, побудившая Эвридику вступить в борьбу за власть[42]. Эпоха, на

---

[36] *Carney E.D.* 2019, 64-67.

[37] *Müller S.* 2021, 300.

[38] См. *Strab.* VII. 7, 8; *Plut.* Moral., 14c; *Suda*, s.v. Κάρανος; *Libanius.* Vit. Demosth., 9.

[39] К примеру: *Уортингтон Й.* 2014, 34; *Hammond N.G.L.* 1966, 244; *Ogden D.* 1999. 12-13.

[40] *Carney E.D.* 2019, 23-30.

[41] Схожее мнение см. *Macurdy G.H.* 1927, 210-214.

[42] *Киляшова К.А.* 2015, 128.

которую пришлась деятельность Кинны / Кинаны и Адеи-Эвридики, предоставляла еще более широкое пространство для реализации политических амбиций. Напрямую с ней невозможно связать лишь упомянутое Полиэном участие Кинны / Кинаны в битве с иллирийцами, произошедшей, как предполагается, еще при жизни Филиппа II[43]. Остальные известные случаи активности македонских «амазонок» пришлись на бурное время, последовавшее за смертью Александра, создавшего чрезвычайно обширную и богатую «мировую» державу, но не оставившего легитимного дееспособного преемника. Рецепт успеха в развернувшемся дележе наследства великого полководца был один: как часто отмечается в историографии, в период диадохов политическое господство гарантировалась лишь поддержкой армии и способностью ее использовать[44]. Все эти обстоятельства, с одной стороны, подталкивали честолюбивых женщин принять участие в борьбе за власть, с другой стороны, вынуждали их использовать военную силу. Так, поход Кинны / Кинаны из Европы в Азию 323 г. до н.э., приведший к последней демонстрации ее воинственности, был связан со стремлением выдать дочь замуж за нового царя Филиппа Арридея и этим увеличить политическое влияние своей семьи, чего Антипатр и Пердикка не желали допускать[45]. Из-за острой реакции армии на смерть сестры Александра брак между Адеей-Эвридикой и умственно неполноценным Арридеем был все же заключен, результатом чего стал, как метко отметил А.Б. Босворт, «имевший роковые последствия союз амазонки и идиота»[46]. Именно статус супруги неспособного к самостоятельным решениям монарха предоставил Адее-Эвридике возможность реализовать имевшиеся благодаря матери задатки военного лидера[47]. Однако, полномочия регентши внучка Филиппа II получила в 317 г. до н.э. благодаря

[43] *Berve H.* 1926, 229; *Carney E.D.* 2004, 185; *Heckel W.* 2006, 100.

[44] *Ханиотис А.* 2013, 100-101; *Lévêque P.* 1968, 361–362; *Austin M.* 1986, 450-457; *Bosworth A.B.* 2002, 247; *Baker P.* 2005, 375.

[45] Анализ событий см. *Errington R.M.* 1990, 120-121; *Waterfield R.* 2011, 46-47; *Roisman J.* 2012, 90-91.

[46] *Bosworth A.B.* 1993, 425.

[47] Об этом: *Grainger J.D.* 2019, 108.

возникновению новой ситуации, связанной со значительной политической неопределенностью: после отбытия в Эпир Полиперхонта, желавшего заручиться поддержкой Олимпиады, Адея-Эвридика неожиданно оказалась единственной влиятельной личностью возле царя, очевидно, из-за своего состояния ничего и не знавшего о решительных действиях супруги[48].

Рассматривая эти события в контексте эпохи, нужно заметить, что македонская армейская масса продемонстрировала готовность принять женщин в качестве руководителей[49]. В данном случае свою роль сыграло традиционное для македонского общества отношение к царицам, которые и ранее участвовали в защите интересов правящей династии, обладая политической субъектностью, нехарактерной для женщин из греческих полисов[50]. Весьма показательно наличие в истории эпохи диадохов и других примеров превращения статусных женщин в военно-политических лидеров. В частности, благодаря сообщению Диодора (*Diod.* XIX. 67, 1–2) известно, что Кратесиполида, супруга сына Полиперхонта Александра, после смерти мужа сохранила влияние на армию, подавила восстание сикионцев и обеспечила себе контроль над городом[51]. Нельзя обойти стороной и такую яркую личность как Олимпиада: в борьбе за власть мать покойного завоевателя нередко прибегала к военной силе, предоставленной союзными военачальниками, от которых, в итоге, она сильно зависела[52]. Конечно, сопоставление известных вариантов участия высокопоставленных женщин в военных событиях посталександровского времени позволяет выявить не только общие тенденции, но и индивидуальные различия. Так, присутствие Олимпиады в войсках было скорее символическим и основывалось на популярности почившего Александра и эксплуа-

[48] *Anson E.M.* 2014, 105.

[49] *Carney E.D.* 2021, 336.

[50] Близкий вывод, см. *Carney E.D.* 2004, 192.

[51] Полиэн также сообщает о том, что Кратесиполида имела большой авторитет среди солдат, благодаря чему, как указывается, сумела обеспечить передачу Акрокоринфа Птолемею (*Polyaen.* VIII. 58). Об этой личности см. *Macurdy G.H.* 1929, 273-277.

[52] Подробнее: *Carney E.D.* 2006, 60-87.

тации образов, связанных с культом Диониса[53]. Кинна / Кинана и ее дочь, напротив, благодаря особому воспитанию обладали явно выраженными воинскими качествами, позволявшими им, в отличии от современниц, применять вооружение и непосредственно командовать армией. Характерная для этих женщин особая модель поведения побуждала их действовать более открыто по сравнению с Олимпиадой, предпочитавшей интриги и помощь со стороны полководцев-мужчин[54].

Таким образом, данные античной письменной традиции дают возможность сделать вполне уверенные выводы о присутствии на авансцене македонской истории IV в. до н.э. воительниц Кинны / Кинаны и Адеи-Эвридики, чье поведение ярко контрастировало с женской гендерной ролью, предписываемой нормами эллинской полисной цивилизации. Возникновение этого явления, по греческим меркам необычного и явно «варварского», стало возможным благодаря социокультурной среде и политическим реалиям, в которых формировались и существовали указанные личности. Речь идет об иллирийских обычаях, допускавших непосредственное участие женщин в боевых действиях и воспринятых дочерью и внучкой Филиппа II через посредство его первой жены Аудаты; особенностях македонского государства, где представительницы правящей династии являлись субъектами политической жизни и в некоторых обстоятельствах могли решать военные задачи; уникальной ситуации эпохи диадохов, когда исчезновение легитимного центра власти сделало военную силу главным, а иногда и единственным средством удовлетворения политических амбиций. Иными словами, появление воительниц среди родственниц Александра Великого было не результатом решительного преодоления гендерных ограничений, характерных для Классической Греции, а конкретно-историческим явлением, порожденным приграничным относительно эллинской цивилизации обществом в бурную эпоху перемен.

---

[53] *Macurdy G.H.* 1932, 41. О связи действий Олимпиады с особенностями македонского варианта дионисийского культа также см. *Müller S.* 2021, 300-301.

[54] *Carney E.D.* 1987, 501.

ЛИТЕРАТУРА

Борза Ю.Н. 2013: История античной Македонии (до Александра Великого) / М.М. Холод (пер. с англ.). СПб.

Дройзен И. 1995: История эллинизма. Ростов-на-Дону, 2.

Киляшова К.А. 2015: Царица Эвридика: к вопросу о политической роли женщин в древней Македонии // Учение записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 157. 3. 123-130.

Кузьмин Ю.Н. 2007: Из истории археологических раскопок в Вергине // Мнемон. 6. 289-308.

Лосев А. Ф. 1999: Афина Паллада // А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 227-328.

Сивакова Н.А. 2011: Функции заглавий в повествовательной структуре документальных произведений С. Алексиевич // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2 (65). 179-181.

Уортингтон Й. 2014: Филипп Македонский / С.В. Иванов (пер. с англ.). СПб.; М.

Ханиотис А. 2013: Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история / А.В. Махлаюк (пер. с англ.). СПб.

Шофман А.С. 1960: История античной Македонии. Казань, 1.

Anson E.M. 2014: Alexander's Heirs. The Age of the Successors. London; New York.

Anson E.M. 2020: Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York.

Ashley J.R. 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson.

Austin M. 1986: Hellenistic Kings, Wars and the Economy // CQ. 36. 2. 450-466.

Badian E. 1982: Eurydice // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / W.L. Adams, E.N. Borza (eds.). Washington, 99-110.

Baker P. 2005: Warfare // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine (ed.). Malden; Oxford, 373-388.

Bartels J. 2015: Cynnane "The Illyrian"? The Perils of Onomastics // CQ. 65. 1. 384-387.

Baynham E. 2001: Alexander and the Amazons // CQ. 51. 1. 115-126.

Berve H. 1926: Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München.

Bosworth A.B. 1971: Philip II and Upper Macedonia // CQ. 21. 1. 93-105.

Bosworth A.B. 1993: Perdiccas and the Kings // CQ. 43. 2. 420-427.

Bosworth A.B. 2002: The Legacy of Alexander. Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford.

Carney E.D. 1987: The Career of Adea Eurydice // Historia. 36. 4. 496-502.

Carney E.D. 1991: The Female Burial in the Antechamber of Tomb II at Vergina // AncW. 22.2. 17-26.

Carney E.D. 1993: Foreign Influence and the Changing Role of Macedonian Royal Women // Ancient Macedonia 5: Fifth International Symposium. Vol. 1. Thessalonica, 313-323.

Carney E.D. 2000: Woman and Monarchy in Macedonia. Norman.

Carney E.D. 2004: Woman and Military Leadership in Macedonia // AncW. 35. 2. 184-193.

Carney E.D. 2005: Women and Dunasteia in Caria // AJPh. 126. 1. 65-91.

Carney E.D. 2006: Olympias, Mother of Alexander the Great. New York; London.

Carney E.D. 2019: Eurydice and the Birth of Macedonian Power. Oxford.

Carney E.D. 2021: Women and War in the Greek World // A Companion to Greek Warfare / W. Heckel, F.S. Naiden, E.E. Garvin, J. Vanderspoel (eds.). Hoboken, 329-338.

Chrystal P. 2017: Women at War in the Classical World. Barnsley.

Cohen A. 2010: Art in the Era of Alexander the Great. Paradigms of Manhood and their Cultural Traditions. Cambridge.

De Pauw L.G. 1998: Battle Cries and Lullabies: Woman in War from Prehistory to the Present. Norman.

Deacy S. 2008: Athena. London; New York.

Ducrey P. 2015: War in the Feminine in Ancient Greece // Women & War in Antiquity / J. Fabre-Serris, A. Keith (eds.). Baltimore, 181-199.

Eckstein A. M. 1995: Moral Vision in the Histories of Polybius. Berkeley; Los Angelos; London.

Ellis J.R. 1976: Philip II and Macedonian Imperialism. London.

Errington R.M. 1990: A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles.

Frank R. 2018: A Roman Olympias: Powerful Women in the *Historiae Philippicae* of Pompeius Trogus Ancient Macedonians in Greek and Roman Sources: From History to Historiography / T. Howe, F. Pownall (eds.). Swansea, 41-58.

Gat A. 2006: War in human civilization. Oxford; New York.

Grainger J.D. 2019: Antipater's Dynasty. Alexander the Great's Regent and his Successors. Barnsley.

Greenwalt W.S. 2008: Philip and Olympias on Samothrace // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza / T. Howe, J. Reames (eds.). Claremont, 79-106.

Greenwalt W.S. 2010: Macedonia, Illyria and Epirus // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 279-305.

Greenwalt W.S. 2015: Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.). Malden; Oxford, 337-351.

Hall E. 1995: Asia unmanned: Images of victory in classical Athens // War and Society in the Greek World / J. Rich, G. Shipley (eds.). London; New York, 108-133.

Hammond N.G.L. 1966: The Kingdoms in Illyria *circa* 400 — 167 B.C. // BSA. 61. 239-253.

Hammond N.G.L. 1968: Illyris, Rome and Macedon in 229 — 205 B.C. // JRS. 58.1 / 2. 1-21.

Hammond N.G.L. 1972: A History of Macedonia. Vol. I: Historical Geography and Prehistory. Oxford.

Hammond N.G.L. 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 1-200.

Hammond N.G.L. 1994a: Alexander the Great: King, Commander and Statesman. London.

Hardwick L. 1990: Ancient Amazons — Heroes, Outsiders or Women? // GR. 37. 1. 14-36.

Hatzopoulos M.B. 2020: Ancient Macedonia. Berlin; Boston.

Heckel W. 2006: Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden; Oxford.

Hornblower S. 2007: Warfare in ancient literature: the paradox of war // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). Cambridge, 22-53.

Kebric R. B. 1977: In the Shadow of Macedon: Duris of Samos. Wiesbaden.

King C.J. 2017: Ancient Macedonia. London; New York.

Kutash E. 2021: Goddesses in Myth and Cultural Memory. London; New York.

Laffin J. 1967: Women in Battle. New York.

Lee J. W. 2008: A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis. Cambridge.

Lehmann P.H. 1980: The so-called tomb of Philip II: a different interpretation // *AJA*. 84.4. 527-553.

Lévêque P. 1968: La guerre à l'époque hellénistique // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / J.-P. Vernant (dir.). Paris, 341-375.

Loman P. 2004: No Woman No War: Women's Participation in Ancient Greek Warfare // GR. 51. 1. 34-54.

Macurdy G.H. 1927: Queen Eurydice and the Evidence for Woman Power in Early Macedonia // AJPh. 48. 3. 201-214.

Macurdy G.H. 1929: The Political Activities and the Name of Cratesipolis // AJPh. 50. 3. 273-278.

Macurdy G.H. 1932: Hellenistic Queens. Baltimore.

Mari M. 2011: Archaic and Early Classical Macedonia // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden; Boston, 79-92.

Martinez Morales J. 2019: Women on the Walls? The Role and Impact of Women in Classical Greek Sieges // Brill's Companion to Sieges in the Ancient Mediterranean / J. Armstrong, M. Trundle (eds.). Leiden; Boston, 150-168.

Mayor A. 2014 The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton; Oxford.

Morgan J.R. 1993: Make-Believe and Make Believe: The Fictionality of Greek Novels // Lies and Fiction in the Ancient World / C. Gill, T.P Wiseman (eds.). Exeter, 175-229.

Müller S. 2021: Argead women // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / E.D. Carney, S. Müller (eds.). London; New York. 294-306.

Ogden D. 1999: Polygamy, Prostitutes and Death: The Hellenistic Dynasties. London.

Palagia O. 2017: The Argeads: Archaeological Evidence // The History of the Argeads: New Perspectives / S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger (eds.). Wiesbaden, 151-161.

Parker R. 2016: War and Religion in Ancient Greece// The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome / K. Ulanowski (ed.). Leiden; Boston, 123-132.

Pédech P. 1984: Historiens, compagnons d'Alexandre: Callisthène, Onésicrite, Néarque, Ptolémée, Aristobule. Paris.

Pomeroy S. 1984: Women in Hellenistic Egypt. New York.

Roisman J. 2012: Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors. Austin.

Sebillotte Cuchet V. 2015: The Warrior Queens of Caria (Fifth to Fourth Centuries BCE): Archeology, History, and Historiography // Women & War in Antiquity / J. Fabre-Serris, A. Keith (eds.). Baltimore, 228-244.

Thomas C.G. 2007: Alexander the Great in his World. Oxford.

Tyrrell W.B. 1984: Amazons: A Study in Athenian Mythmaking. Baltimore; London.

Vela Tejada J., Martín García F. 1991: Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas. Madrid.

Walbank F. W. 1960: History and Tragedy // Historia. 9.2. 216-234.

Waterfield R. 2011: Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire. Oxford.

Wilcken U. 1962: Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. München.

Wilkes J.J. 1992: The Illyrians. Oxford.

REFERENCES

Anson E.M. 2014: Alexander's Heirs. The Age of the Successors. London; New York.

Anson E.M. 2020: Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York.

Ashley J.R. 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson.

Austin M. 1986: Hellenistic Kings, Wars and the Economy // CQ. 36. 2. 450-466.

Badian E. 1982: Eurydice // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / W.L. Adams, E.N. Borza (eds.). Washington, 99-110.

Baker P. 2005: Warfare // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine (ed.). Malden; Oxford, 373-388.

Bartels J. 2015: Cynnane "The Illyrian"? The Perils of Onomastics // CQ. 65. 1. 384-387.

Baynham E. 2001: Alexander and the Amazons // CQ. 51. 1. 115-126.

Berve H. 1926: Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München.

Borza E.N. 2013: Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo) / M.M. Kholod (per. s angl.). SPb.

Bosworth A.B. 1971: Philip II and Upper Macedonia // CQ. 21. 1. 93-105.

Bosworth A.B. 1993: Perdiccas and the Kings // CQ. 43. 2. 420-427.

Bosworth A.B. 2002: The Legacy of Alexander. Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford.

Carney E.D. 1987: The Career of Adea Eurydice // Historia. 36. 4. 496-502.

Carney E.D. 1991: The Female Burial in the Antechamber of Tomb II at Vergina // AncW. 22.2. 17-26.

Carney E.D. 1993: Foreign Influence and the Changing Role of Macedonian Royal Women // Ancient Macedonia 5: Fifth International Symposium. Vol. 1. Thessalonica, 313-323.

Carney E.D. 2000: Woman and Monarchy in Macedonia. Norman.

Carney E.D. 2004: Woman and Military Leadership in Macedonia // AncW. 35. 2. 184-193.

Carney E.D. 2005: Women and Dunasteia in Caria // AJPh. 126. 1. 65-91.

Carney E.D. 2006: Olympias, Mother of Alexander the Great. New York; London.

Carney E.D. 2019: Eurydice and the Birth of Macedonian Power. Oxford.

Carney E.D. 2021: Women and War in the Greek World // A Companion to Greek Warfare / W. Heckel, F.S. Naiden, E.E. Garvin, J. Vanderspoel (eds.). Hoboken, 329-338.

Chaniotis A. 2013: Vojna v ehllinisticheskom mire: Sotsial'naya i kul'turnaya istoriya / A. V. Makhlayuk (per. s angl.). SPb.

Chrystal P. 2017: Women at War in the Classical World. Barnsley.

Cohen A. 2010: Art in the Era of Alexander the Great. Paradigms of Manhood and their Cultural Traditions. Cambridge.

De Pauw L.G. 1998: Battle Cries and Lullabies: Woman in War from Prehistory to the Present. Norman.

Deacy S. 2008: Athena. London; New York.

Droysen J. 1995: Istoriya ehllinizma. Rostov-on-Don, 2.

Ducrey P. 2015: War in the Feminine in Ancient Greece // Women & War in Antiquity / J. Fabre-Serris, A. Keith (eds.). Baltimore, 181-199.

Eckstein A. M. 1995: Moral Vision in the Histories of Polybius. Berkeley; Los Angelos; London.

Ellis J.R. 1976: Philip II and Macedonian Imperialism. London.

Errington R.M. 1990: A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles.

Frank R. 2018: A Roman Olympias: Powerful Women in the Historiae Philippicae of Pompeius Trogus Ancient Macedonians in Greek and Roman Sources: From History to Historiography / T. Howe, F. Pownall (eds.). Swansea, 41-58.

Gat A. 2006: War in human civilization. Oxford; New York.

Grainger J.D. 2019: Antipater's Dynasty. Alexander the Great's Regent and his Successors. Barnsley.

Greenwalt W.S. 2008: Philip and Olympias on Samothrace // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza / T. Howe, J. Reames (eds.). Claremont, 79-106.

Greenwalt W.S. 2010: Macedonia, Illyria and Epirus // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 279-305.

Greenwalt W.S. 2015: Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.). Malden; Oxford, 337-351.

Hall E. 1995: Asia unmanned: Images of victory in classical Athens // War and Society in the Greek World / J. Rich, G. Shipley (eds.). London; New York, 108-133.

Hammond N.G.L. 1966: The Kingdoms in Illyria circa 400–167 B.C. // BSA. 61. 239-253.

Hammond N.G.L. 1968: Illyris, Rome and Macedon in 229–205 B.C. // JRS. 58.1 / 2. 1-21.

Hammond N.G.L. 1972: A History of Macedonia. Vol. I: Historical Geography and Prehistory. Oxford.

Hammond N.G.L. 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 1-200.

Hammond N.G.L. 1994a: Alexander the Great: King, Commander and Statesman. London.

Hardwick L. 1990: Ancient Amazons — Heroes, Outsiders or Women? // GR. 37. 1. 14-36.

Hatzopoulos M.B. 2020: Ancient Macedonia. Berlin; Boston.

Heckel W. 2006: Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden; Oxford.

Hornblower S. 2007: Warfare in ancient literature: the paradox of war // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). Cambridge, 22-53.

Kebric R. B. 1977: In the Shadow of Macedon: Duris of Samos. Wiesbaden.

Kilyashova K.A. 2015: Tsaritsa Ehvridika: k voprosu o politicheskoj roli zhenshhin v drevnej Ma-kedonii // Uchenie zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 157. 3. 123-130.

King C.J. 2017: Ancient Macedonia. London; New York.

Kutash E. 2021: Goddesses in Myth and Cultural Memory. London; New York.

Kuzmin Y.N. 2007: Iz istorii arkheologicheskikh raskopok v Vergine // Mnemon. 6. 289-308.

Laffin J. 1967: Women in Battle. New York.

Lee J. W. 2008: A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis. Cambridge.

Lehmann P.H. 1980: The so-called tomb of Philip II: a different interpretation // AJA. 84.4. 527-553.

Lévêque P. 1968: La guerre à l'époque hellénistique// Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / J.-P. Vernant (dir.). Paris, 341-375.

Loman P. 2004: No Woman No War: Women's Participation in Ancient Greek Warfare // GR. 51. 1. 34-54.

Losev A.F. 1999: Afina Pallada // A.F. Losev, A.A. Takho-Godi. Grecheskaya kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh. SPb., 227-328.

Macurdy G.H. 1927: Queen Eurydice and the Evidence for Woman Power in Early Macedonia // AJPh. 48. 3. 201-214.

Macurdy G.H. 1929: The Political Activities and the Name of Cratesipolis // AJPh. 50. 3. 273-278.

Macurdy G.H. 1932: Hellenistic Queens. Baltimore.

Mari M. 2011: Archaic and Early Classical Macedonia // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden; Boston, 79-92.

Martinez Morales J. 2019: Women on the Walls? The Role and Impact of Women in Classical Greek Sieges // Brill's Companion to Sieges in the Ancient Mediterranean / J. Armstrong, M. Trundle (eds.). Leiden; Boston, 150-168.

Mayor A. 2014 The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton; Oxford.

Morgan J.R. 1993: Make-Believe and Make Believe: The Fictionality of Greek Novels // Lies and Fiction in the Ancient World / C. Gill, T.P Wiseman (eds.). Exeter, 175-229.

Müller S. 2021: Argead women // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / E.D. Carney, S. Müller (eds.). London; New York. 294-306.

Ogden D. 1999: Polygamy, Prostitutes and Death: The Hellenistic Dynasties. London.

Palagia O. 2017: The Argeads: Archaeological Evidence // The History of the Argeads: New Perspectives / S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger (eds.). Wiesbaden, 151-161.

Parker R. 2016: War and Religion in Ancient Greece// The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome / K. Ulanowski (ed.). Leiden; Boston, 123-132.

Pédech P. 1984: Historiens, compagnons d'Alexandre: Callisthène, Onésicrite, Néarque, Ptolémée, Aristobule. Paris.

Pomeroy S. 1984: Women in Hellenistic Egypt. New York.

Roisman J. 2012: Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors. Austin.

Sebillotte Cuchet V. 2015: The Warrior Queens of Caria (Fifth to Fourth Centuries BCE): Archeology, History, and Historiography // Women & War in Antiquity / J. Fabre-Serris, A. Keith (eds.). Baltimore, 228-244.

Shofman A.S. 1960: Istoriya antichnoj Makedonii. Kazan, 1.

Sivakova N.A. 2011: Funktsii zaglavij v povestvovatel'noj strukture dokumental'nykh proizvedenij S. Aleksievich // Izvestiya Gomel'skogo gos. un-ta im. F. Skoriny. 2 (65). 179-181.

Thomas C.G. 2007: Alexander the Great in his World. Oxford.

Tyrrell W.B. 1984: Amazons: A Study in Athenian Mythmaking. Baltimore; London.

Vela Tejada J., Martín García F. 1991: Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas. Madrid.

Walbank F. W. 1960: History and Tragedy // Historia. 9.2. 216-234.

Waterfield R. 2011: Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire. Oxford.

Wilcken U. 1962: Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. München.

Wilkes J.J. 1992: The Illyrians. Oxford.

Worthington, I. 2014: Filipp Makedonskij / S.V. Ivanov (per. s angl.). SPb.; M.

Alexander A. KLEYMEONOV

A BARBARIC VIEW OF A GENDER ROLE

MACEDONIAN FEMALE WARRIORS OF THE 4th CENTURY BC

The main aim of this research is the analysis of the phenomenon of Macedonian female warriors Cynane and Adea-Eurydice. The research objectives are determination of the nature and degree of reliability ancient reports on the special qualities of these women, identification of possible prerequisites for the formation of these traits, comparison of the behavior of Cynane and her daughter Adea-Eurydice with the traditional female gender role for Macedonia. A multi-faceted approach to the ancient narrative sources, methods of comparative historical analysis and content analysis have been used. It defends that the ancient narrative fairly reliably reflects the peculiarities of the behavior of Cynane and Adea-Eurydice, which differs significantly from the attitudes characteristic of the Greek world that did not allow active participation of women in hostilities. The military qualities present in Cynane and

Adea-Eurydice were formed under the influence of Illyrian traditions, the bearer of which was Audata, the wife of Philip II. A significant role in providing opportunities for the implementation of unique skills for women from the Argead house was played by the peculiarities of the Macedonian state, where representatives of the ruling dynasty were significant subjects of political life and, under certain circumstances, could solve military tasks. Another factor was the political situation of the age of diadochos, when the disappearance of the legitimate center of power intensified the struggle for power and made military force the main means of satisfying political ambitions.

Keywords: Macedonia, Illyria, Cynane, Adea-Eurydice, gender role, Diadochi.

Alexander A. KLEYMEONOV — Dr. Sc. (History), Senior Researcher of History and Archeology Department of Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Tula, Russian Federation. — alek-klejmenov@yandex.ru

С.В. Смирнов

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В СТРУКТУРЕ ЦАРСКОЙ ИКОНОГРАФИИ СЕЛЕВКИДОВ

В работе приводится обзор ключевых проблем царского женского портрета у Селевкидов. Несмотря на то, что женщины царских династий играли важную политическую роль в системе международных отношений эллинистических государств, их изображения немногочисленны. Исключение составляет династия Птолемеев, где женский портрет был устойчивой практикой, зародившейся еще в начале III в. до н.э. Напротив, у Селевкидов женские портреты появляются гораздо позже. Вопреки устоявшемуся в историографии мнению, самым ранним женским царским портретом у Селевкидов стоит считать изображение царицы Лаодики, жены царя Антиоха III, известное по оттиску печати из Селевкии на Тигре. Анализ иконографического материала показывает, что птолемеевский женский портрет представляет собой скорее особый случай, связанный с устойчивой догреческой иконографической традицией. В системе царской идеологии Селевкидов женский портрет как элемент парного портрета царя и царицы выступал инструментом легитимации власти нового правителя. В середине II в. до н.э., ввиду усиления политического влияния Египта, в державе Селевкидов появляется новый вариант царского женского портрета, выстроенного по египетским иконографическим канонам.

Святослав Викторович СМИРНОВ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва — SmirnovSV3@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 146-162
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 146-162
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.005

Ключевые слова: иконография, Селевкиды, эллинизм, нумизматика, портрет.

Царская иконография — особая система визуальных образов и нарративов — представляла собой неотъемлемую частью официальной царской идеологии на всем эллинистическом востоке и в государстве Селевкидов в частности. Посредствам изображений, царская идеология транслировала наиболее значимые для династии, государства и элит политические установки, используя, таким образом, систему языка визуальных символов в качестве универсального инструмента. В распоряжении лиц, ответственных за выбор изображения, имелся достаточно богатый арсенал потенциальных носителей визуальной информации.

Важнейшим из них были, разумеется, монеты, в больших количествах производившиеся на десятках монетных дворов. Универсальный характер монеты, а также нарастающая степень монетизации экономики позволяли широко использовать этот носитель изображения в самых разнообразных идеологических целях: для прокламации отдельных решений и для коммеморации значимых событий. Более того, неравномерная доступность монет из разных металлов всем солям населения создавала осознанное разделение иконографических сюжетов, обращенных к отдельным группам реципиентов. Так, иконография золотых монет была очевидно ориентирована на политические элиты, серебряных тетрадрахм и драхм на экономически активное население, жителей полисов, воинов и царскую администрацию, а бронзовые монеты предназначались для беднейших слоев населения и мелких повседневных экономических операций. Кроме монет также существенными носителями изображений были царские печати и весовые гири. Отдельную группу составляли произведения пластики и глиптики — статуи и бюсты царей и геммы с их изображениями. Однако в данном случае определить заказчика, а, соответственно, и идеологический посыл, практически невозможно.

Не вызывает сомнений утверждение, что царская иконография Селевкидов представляла собой сложный многоукладный композит, сформированный из самых разнообразных культурных компо-

нентов: греческого, македонского, иранского, вавилонского, сирийского[1]. Идеологическая нагрузка изображения и его особая задача в рамках политики союза царской власти и локальных элит не редко демонстрирует присутствие в иконографии негреческих варварских сюжетов и мотивов, а также изобразительных техник и стилей.

Одним из ключевых элементов царской иконографии являлся царский портрет. Стоит отметить, что портретный жанр как таковой формируется именно в период раннего эллинизма и первые эллинистические правители — диадохи практически не знают портретного искусства[2]. Однако уже с начала III в. до н.э. царский портрет становится неотъемлемым атрибутом царской иконографии, в особенности, монетной. Сам по себе царский портрет представляет собой сложную иконическую систему, снабженную особым нарративом[3].

Одной из разновидностей царского портрета в эллинистическом искусстве является женский портрет. За исключением искусства эллинистического Египта, портреты представительниц царской династии — невероятно редкое явление. Как и практически во всем эллинистическом мире, в государстве Селевкидов женские портреты появляются довольно поздно — начиная с рубежа III/II вв. до н.э. Но почему же царицы и представительницы царской династии, будучи весьма влиятельными политическими игроками, принимавшими подчас самостоятельные политические решения, способные круто изменить ситуацию в государстве, союзы с которыми выполняли ряд важнейших политических задач не удостоились того, чтобы их портреты хоть как-то фигурировали в системе царской иконографии? Ответу на этот вопрос, главным образом, посвящено данное исследование.

В 2016 г. в сборнике работ под общим названием «Женщины царского дома Селевкидов: появление, представительство и угасание института цариц в державе Селевкидов», под редакцией А.

[1] *Erickson K.* 2019, 4-5.
[2] *Трофимова А.А.* 2017, 39-50.
[3] *Смирнов С.В.* 2020, 251-266.

Чошкуна и А. Масоли, вышла статья Ш. Агер и К. Хардимана с броским названием «Женские портреты Селевкидов: где они?»[4]. В этой работе приводится общий обзор проблемы возникновения женского царского портрета у Селевкидов, включая детальный анализ эпиграфических, литературных и нумизматических источников. Ключевой вопрос всей работы можно сформулировать следующим образом — почему в отличие от Птолемеев, где женский царский портрет появляется (прежде всего, на монетах) относительно рано — в первой половине III в. до н.э., у Селевкидов он появляется только в середине II в. до н.э.? Однако, несмотря на столь фундаментальную постановку вопроса, к сожалению, никакого ответа на него Ш. Агер и К. Хардиман не дают, констатируя лишь, что селевкидская традиция женского портрета появилась позднее птолемеевской и, очевидно, под влиянием последней[5]. В то же время стоит согласиться с авторами, что культы цариц, отправлявшиеся полисами и при царском дворе могли иметь существенные отличия, что, безо всяких сомнений, отражалось и на их визуальной репрезентации. Однако, озабоченность и досада, высказанная Ш. Агер и К. Хардиманом по поводу плохой сохранности статуй эллинистических цариц, которые могли бы стать хорошей базой для определения индивидуальных портретных черт, все же должны быть приняты с осторожностью. Портрет как жанр мог иметь реализацию в разных вариантах — пластика, глиптика, монеты, фрески, торевтика, мозаика. Однако каждый из этих вариантов портрета имел собственные каноны исполнения (прежде всего, с учетом особенностей материала), что предполагало индивидуальные инструменты нарратива[6]. Стоит обратить внимание, что работа Ш. Агер и К. Хардимана выполнена в дискурсе феминистского гиперкритицизма и, хотя само исследование, методы работы, выводы никак не окрашены какими-либо личными политическими или социальными предпочтениями авторов, общий посыл статьи

[4] *Ager S., Hardiman C.* 2016, 143-172.

[5] *Ager S., Hardiman C.* 2016, 171-172.

[6] См. об этом наш краткий обзор проблемы: *Смирнов С.В.* 2020, 251-266.

о *feminine invisibility* и *male-dominated visual propaganda* весьма отчетлив, что, как кажется, несколько смещает общие акценты и уводит читателя от главной проблемы работы.

И все же вернемся к ключевому вопросу работы Ш. Агер и К. Хардиман и нашего исследования — почему же царский женский портрет у Селевкидов появляется так поздно? Стоит отметить, что хорошая репрезентативность и сохранность птолемеевского материала уже достаточно давно «заставила» исследователей воспринимать женский птолемеевский портрет в качестве эталонного. В результате, ни одно исследование, посвященное этой проблеме не обходится без «обязательного» сравнения с птолемеевским «эталоном». Впрочем, исследователи постепенно отходят от такого подхода. В заключении своей работы Ш. Агер и К. Хардиман задаются, казалось бы, риторическим, но наш взгляд весьма важным вопросом — «а возможно, что все это — это не проблема «невидимости» Селевкидских цариц, а скорее, необычной «видимости» Птолемеевских?». Такой ракурс позволяет провести ревизию вопроса. Итак, когда же появились первые эллинистические и Селевкидские женские портреты и насколько распространенным был этот жанр в эллинистическом мире? Был ли царский женский портрет инструментом царской пропаганды, реализацией царского культа или имел дополнительные прочтение и функционал?

Стоит признать, что впервые в эллинистическом мире женский царский портрет появляется в Египте на серии монет, выпущенной Птолемеем II (CPE 307–309). На лицевой стороне этих монет помещался парный портрет правящих Птолемея II и Арсинои, на оборотной парный портрет Птолемея I и Береники. Данная серия представляла собой коммеморативный выпуск и, очевидно, была частью пропаганды царского культа первых правителей династии Птолемеев, о чем свидетельствует и легенда монеты — ΑΔΕΛΦΩΝ ΘΕΩΝ. Примечательно, что данная монетная серия включала монеты двух номиналов — мнаэйон (эквивалентный одной мине серебра) и пентеконтадрахму (эквивалентную половине мины серебра). Как полагает К. Лорбер, именно эта серия с ее необычными золотыми номиналами была началом реформы номиналов монет из драгоценных металлов, инициированной Птолеме-

ем II[7]. Это обстоятельство придавало особый статус изображению, помещенному на этих монетах. После этой серии женские портреты на птолемеевских монетах стали практически регулярным явлением, вплоть до последнего правителя эллинистического Египта Клеопатры VII. Женские портреты цариц династии Птолемеев встречаются не только на монетах. Они в больших количествах известны на геммах, где также дублировали монетное изображение[8].

Напротив, у Селевкидов царский женский портрет появляется гораздо позже. По мнению Ш. Агер и К. Хардимана первой селевкидской царицей, чье изображение дошло до наших дней была царица Лаодика IV, жена Селевка IV, а затем и его брата Антиоха IV. Речь идет о серии золотых октодрахм, отчеканенных около 175 г. до н.э. от имени царя Антиоха, сына Селевка IV и Лаодики IV, непродолжительно правившего сразу после смерти своего отца (SC 1368). На лицевой стороне монет этой серии помещался парный портрет царя Антиоха и царицы Лаодики, которая выполняла функции регента при своем малолетнем сыне. Однако, все же стоит отметить, что данный портрет не является самым ранним в истории Селевкидов. Стоит обратить внимание на то, что изображение царицы Лаодики IV помещалось на монетах еще в царствование ее мужа — Селевка IV, правда на мелких бронзовых номиналах (SC 1318). Но и этот случай нельзя считать самым ранним. В архиве оттисков печатей из Селевкии на Тигре, обнаруженном итальянскими археологами в 1960–1970 годах, есть несколько экземпляров с парным портретом царя и царицы, который отождествляют с Антиохом III и Лаодикой III[9]. Таким образом, если данная атрибуция справедлива, в чем, собственно не приходится сомневаться, поскольку портреты Антиоха III хорошо известны, именно Лаодика III, жена Антиоха III, является наиболее ранней селевкидской царицей, чей портрет дошел до нас. Стоит также отметить, что упоминание об изображениях царицы Лаодики сохранилось и в эпи-

[7] *Lorber C.* 2018, 319.
[8] *Plantzos D.* 1999, 47-52.
[9] Seleucia al Tigri. Se 27-29.

графических источниках. Так, в тексте царского декрета 193 г. до н.э. об учреждении культа царицы Лаодики упоминается диадема с изображением царицы[10]. К сожалению, нам неизвестно ни то, кому принадлежала печать с изображением Антиоха и Лаодики, ни тем более, какой документ она скрепляла. Следуя общей практике использования царского портрета в качестве государственного символа, можно лишь допустить, что данная печать могла принадлежать какому-то царскому чиновнику, но это всего лишь наше предположение.

Несмотря на такое хронологическое уточнение, системным явлением женский царский портрет у Селевкидов не становится ни в конце III, ни в середине II вв. до н.э. В целом, женский портрет встречается довольно редко на монетах, еще реже на печатях. Однако, со второй половины II в. до н.э. изображение цариц на селевкидских монетах встречается все чаще. При этом, женский портрет появляется на ранних монетных сериях в самом начале правления нового селевкидского царя и, по всей вероятности, выступает важным инструментом легитимации царской власти. Так, Деметрий I начинает свое правление в восточных областях державы с подавления восстания узурпатора Тимарха. После победы Деметрий выпускает серию золотых статеров (SC 1683) и тетрадрахм с портретами самого себя и царицы Лаодики (SC 1686). Примечательно, что монеты этой серии являются перечеканками монет Тимарха, что говорит о срочной необходимости выпуска новой монеты[11]. Александр Бала также начинает свое правление с выпуска монет с парным портретом — своим и царицы Клеопатры Теи (SC 1841). Дополнительно чеканится серия монет с портретом самой Клеопатры (SC 1840). Примечательно, что приход к власти Александра Балы, очевидно, самозванца, был инициирован египетским царем Птолемеем VI, который выдал замуж за Александра свою дочь Клеопатру. Таким образом, союз Александра с Египтом играл важную роль

[10] См. подборку эпиграфического материала по теме: *Ager S., Hardiman C.* 2016, 151-153.

[11] Примечательно, что парный портрет Деметрия и Лаодики известен также на печатях из Селевкии. Seleucia al Tigri. Se 43.

в становлении его власти. Стоит отметить, что Клеопатра Теа была самой изображаемой царицей династии Селевкидов. Кроме обозначенных монетных выпусков, портрет Клеопатры Теи также встречается на золотых (SC 2270) серебряных (SC 2259) и бронзовых (SC 2265) монетах периода ее соправительства со своим сыном Антиохом VIII, а также на серебряном номинале времени ее самостоятельного правления (SC 2258). Клеопатра Тея единственная царица Селевкидов, чье имя упоминается в монетной легенде.

Иконография портретов Клеопатры Теи заметно выделяется не только среди селевкидских, но в целом, эллинистических женских портретов. Более того, стоит признать, что несмотря на своего рода физиогномическую гомогенность, которая, по мнению Ш. Дилон, была характерна для раннеэллинистических женских портретов[12], изображения Клеопатры Теи снабжены набором атрибутов, придающих ее портерам индивидуальность. Прежде всего стоит отметить, что в селевкидском контексте особенно заметно египетское влияние. На серии тетрадрахм Александра Балы царица Клеопатра изображена в традиционном египетском облачении — с покрытой головой, калафом и рогом изобилия на спиной. Как отметил Р. Фляйшер, изображение голов Александра и Клеопатры не пропорциональны: голова Клеопатры находится на переднем плане, но, несмотря на это, уменьшена, вероятно, чтобы в общую композицию поместился калаф[13]. Следуя этому наблюдению можно заключить, что такой египетский образ селевкидской царицы имел ключевое значение для прочтения всего сюжета лицевой стороны монет этой серии.

Именно в таком египетском образе Клеоптра Тея изображена и на «рельефе Архелая»[14]. Серия тетрадрахм Клеопатры времени ее самостоятельного правления также иконографически близка птолемеевским изображениям и практически полностью копирует серию золотых монет царицы Арсинои. Как и на птолемеевских монетах, голова царицы порыта и украшена диадемой и венком,

[12] *Dilon S.* 2007, 64.
[13] *Fleischer R.* 1991, 76.
[14] *Fleischer R.* 1991, 79.

а на оборотной стороне помещается изображение двух рогов изобилия, дополненных лентами. Можно предположить, что египетское влияние на царский женский портрет у Селевкидов не ограничивается только особенностями иконографии, но было определяющим для становления этого жанра в середине II в. до н.э. Более ранние селевкидские женские царские портреты, как кажется, были менее зависимы от птолемеевского влияния.

В целом, царский женский портрет нечасто встречается на монетах эллинистических государств. Так, стоит вспомнить коммеморативную серию тетрадрахм Греко-Бактрийского царя Евкратида I, с парным портретом его родителей Лаодики и Гелиокла[15]. Монеты с парным портретом также выпускали греко-индийские правители Гермий и Каллиопа[16]. Женский портрет появляется и в эллинистическом Эламе, на серии монет царя Камнаскира III и царицы Азизы. Одним из наиболее заметных царских женских изображений является портрет боспорской царицы Динамии, отчеканенный на знаменитой серии золотых статеров в Пантикапее[17], а также портрет царицы Лаодики, жены Митридата IV.

Обратим внимание на одну важную особенностью эллинистического царского женского портрета, которая, как кажется, ускользает от большинства исследователей. Говоря о женском портрете мы преимущественно имеем дело с парным портретом, где царь и царица изображены вместе. Такие парные портреты встречаются куда чаще, чем одиночные женские портреты, которые, к слову, также известны в эллинистическом искусстве, в том числе, у Селевкидов. Парные портреты встречаются практически на всех носителях — геммах, монетах, печатях, в том время как одиночные чрезвычайно редки. Очевидно, что семиотически одиночный портрет и парный представляют собой два разных типа нарратива и должны рассматриваться как два самостоятельных подвида портретного искусства. При этом, у Селевкидов парные мужские портреты встречаются гораздо реже, чем парный портрет царя и цари-

[15] *Bopearachchi O.* 1991, Eucratides. S. 13. 68.

[16] *Bopearachchi O.* 1991, Hermaios et Calliope. S. 1. 1.

[17] См.: https: //bosporan-kingdom.com/253–5240/ (октябрь, 2022).

цы. С этой точки зрения, единственным индивидуальным женским портретом у Селевкидов стоит признать изображения Клеопатры Теи[18], что само по себе является, скорее, исключением, чем общим правилом. Напротив, для Птолемеев индивидуальные женские изображения были куда более распространенным явлением.

Можно предположить, что эллинистический царский женский портрет, будучи частным случаем портретного жанра, зарождался с учетом региональных иконографических особенностей. Так, в Египте парный портрет царя и царицы (как и царский женский портрет, в целом) был частью догреческой традиции[19]. Вероятно, изначально женский портрет в птолемеевском Египте появляется как часть царского культа. У Селевкидов же женский портрет, точнее говоря, парный портрет царя и царицы с момента зарождения в конце III в. до н.э. выступал, скорее, как инструмент легитимации власти, своего рода, династической стабильности. Появление женских изображений у Селевкидов изначально не было заимствованием птолемеевской традиции, однако, со времени правления Клеопатры Теи жанр женского портрета претерпевает серьезные изменения. Иконография портретов этой правительницы полностью выдержана в египетском стиле, что было предопределено не только египетским происхождением самой царицы, но и влиянием Египта на внутриполитическую обстановку в державе Селевкидов того времени.

Таким образом, стоит признать, что появление и развитие жанра женского царского портрета у Птолемеев и Селевкидов, а также, вероятно, у других эллинистических династий имело ряд индивидуальных особенностей и не представляло какого-либо глобального процесса. Следует обратить внимание на то, что женские портреты (как парные, так и индивидуальные) помещаются преимущественно на монетах из золота и серебра ограниченных се-

---

[18] Серия бронзовых монет с изображением царицы Лаодики, которую также можно считать примером индивидуального женского портрета у Селевкидов, на наш взгляд, должна быть исключена, из-за ненадежной атрибуции самого изображения как портрета царицы.

[19] *Smith R.R.R.* 1987, 43; *Pollitt J.* 1986, 273.

рий, что, во-первых, с самого начала обозначает целевую аудиторию, а во-вторых, свидетельствует о несистематическом, точечном использовании изображения. Более того, женский портрет часто встречается на нехарактерных для монетно-весовой системы Селевкидов номиналах, что также предполагает локальный характер выпуска и лимит объемов эмиссии. По все вероятности, использование женского портрета в рамках царской идеологии было предопределено конкретными политическими причинами, а также локальной традицией.

Учитывая изложенное выше, мы должны признать случай с относительным многообразием примеров женского царского портрета у Птолемеев скорее исключением. Это ни в коем случае не означает, что царицы династии Птолемеев играли более заметную политическую роль, чем представительницы других царских династий. И, скорее всего, речь здесь идет не о социальной и идеологической «видимости» и «невидимости», как это полагают Ш. Агер и К. Хардиман. На наш взгляд, формирование визуального образа женщин царской династии было более сложным процессом и имело точечный и нерегулярный характер. В отличие от образов правителей, каждый из которых обязательно помещал свое изображением на монетах, женский портрет не был системным и определялся, скорее, локальной традицией и конкретными историческими обстоятельствами. Хорошим примером устойчивости этой традиции служит мозаика III в. н.э. из Апамеи, на которой представлена сцена основания полиса Апамеи на Оронте[20]. Центральной фигурой всей композиции является Апама, жена Селевка I, в честь которой и был назван полис. Запечатленная на этой мозаике Апама в образе Тюхе — распорядительницы царской казны и ктиста полиса — часть образа, сохраненного локальной традицией, восходящей к полисным «легендам об основании».

[20] *Olszewski M.T., Saad H.* 2018, 365-408.

Рис. 1
Золотая октодрахма царя Антиоха
Антиохия на Оронте

Рис. 2
Тетрадрахма Александра I
Акка-Птолемаида

Рис. 3
Тетрадрахма Деметрия I
Селевкия на Тигре

Рис. 4
Тетрадрахма Клеопатры Теи
Сирия

Рис. 5
Оттиск печати с изображением Антиоха III и Лаодики III
Селевкия на Тигре

ЛИТЕРАТУРА

Ager S., Hardiman C. 2016: Femail Seleukid Portraits: Were Are They? // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coskun, A. McAuley (eds.). Stuttgart: Franz Stein Verlag. 143-172.

Bopearachchi O. 1991: Monnais gréco-bactriennes et indo-greques. Paris: Bibliothèque National.

Dilon S. 2007: Portraits of women in the early Hellenistic period // Early Hellenistic portraiture: image, style, context / P. Schultz, R. von den Hoff (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 76-80.

Erickson K. 2019: The Early Seleukids, Their Gods and Their Coins. London-New York: Routledge.

Fleischer R. 1991: Studien zur seleukidischen Kunst: Herrscherblindnisse. Mainz.

Lorber C. 2018: Coins of the Ptolemaic Empire. Lancaster-London: The American Numismatic Society.

Olszewski M.T., Saad H. 2018: Pella-Apamée sur l'Oronte et ses héros fondateurs à la lumière d'une source historique inconnue une mosaïque d'Apamée // Héros fondateurs et indentités communautaires dans l'Antiquité entre mythe, rite et politique / M. Castiglioni, R. Carboni et al. (eds.). Perugia. 365-408.

Plantzos D. 1999: Hellenistic Engraved Gemes. Oxford: Oxford University Press.

Pollitt J. 1986: Art in the Hellenistic Age. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Seleucia al Tigri 2004: Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi. G. Gullini, A. Invernizzi (eds.). Alessandria.

Smith R.R.R. 1987: Hellenistic Royal Portraits. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Смирнов С.В. 2020: «Говорящие головы»: модусы нарративности царского монетного портрета эпохи эллинизма // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2. 251-266.

Трофимова А.А. 2017: Существовал ли портрет в античном мире? К проблеме жанра // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб., 2017. 39-50.

REFERENCES

Ager S., Hardiman C. 2016: Femail Seleukid Portraits: Were Are They? // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coskun, A. McAuley (eds.). Stuttgart: Franz Stein Verlag. 143-172.

Bopearachchi O. 1991: Monnais gréco-bactriennes et indo-greques. Paris: Bibliothèque National.

Dilon S. 2007: Portraits of women in the early Hellenistic period // Early Hellenistic portraiture: image, style, context / P. Schultz, R. von den Hoff (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 76-80.

Erickson K. 2019: The Early Seleukids, Their Gods and Their Coins. London-New York: Routledge.

Fleischer R. 1991: Studien zur seleukidischen Kunst: Herrscherblindnisse. Mainz.

Lorber C. 2018: Coins of the Ptolemaic Empire. Lancaster-London: The American Numismatic Society.

Olszewski M.T., Saad H. 2018: Pella-Apamée sur l'Oronte et ses héros fondateurs à la lumière d'une source historique inconnue une mosaïque d'Apamée // Héros fondateurs et indentités communautaires dans l'Antiquité entre mythe, rite et politique / M. Castiglioni, R. Carboni et al. (eds.). Perugia. 365-408.

Plantzos D. 1999: Hellenistic Engraved Gemes. Oxford: Oxford Univ. Press.

Pollitt J. 1986: Art in the Hellenistic Age. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Seleucia al Tigri 2004: Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi. G. Gullini, A. Invernizzi (eds.). Alessandria.

Smith R.R.R. 1987: Hellenistic Royal Portraits. Oxford: Oxford Univ. Press, 1987.

Smirnov S.V. 2020: 'Govoryastshie golovy': modusy narrativnosti tsarskogo monetnogo portreta epohi ellinizma // PRAXEMA. Problemy vizual'noi semiotiki. 2. 251-266.

Trofimova 2017: Sustchestvoval li portret v attichnom mire? K probleme zhanra // Aktual'nye problemy teorii I istorii iskusstva. VII. Saint Petersburg. 39-50.

Svyatoslav V. SMIRNOV

A FEMALE PORTRAITURE IN THE STRUCTURE OF THE SELEUKID ROYAL ICONOGRAPHY

The survey provides an overview of the main problems of the royal Seleukid female portraiture. Despite the fact that the women of the Hellenistic royal dynasties played an important political role in the system of international relations of the Hellenistic kingdoms, their images are rare. The exception is the Ptolemaic dynasty, where the female portrait was a long-live practice that originated at the beginning of the III century BC. On the other hand, Seleukid female portraits appear much later. Contrary to the well-established opinion

in historiography, the earliest Seleukid female royal portrait should be considered the image of queen Laodice, the wife of king Antiochus III, known from the seal impression from Seleucia on the Tigris. The analysis of the iconography shows that the Ptolemaic female portrait is rather an extraordinary case associated with a stable pre-Greek iconographic tradition. In the system of the Seleukid royal ideology, a female portrait as an element of a jugate portrait of a king and a queen used as an instrument of legitimizing the power of the new ruler. In the middle of the II BC, while political influence of Egypt increases, a new version of the royal female portrait, based on Egyptian iconographic canons, appears in the Seleukid empire.

Keywords: iconography, Seleukids, Hellenismus, numismatics, portraiture.

Svyatoslav V. SMIRNOV — PhD (History), Senior Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation — SmirnovSV3@yandex.ru

РАЗДЕЛ 2

ВАРВАРСТВО И ГЕНДЕР
ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Л.Л. Селиванова

КАЗУС ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
«ЖЕНСКИЙ» ИНСТРУМЕНТАРИЙ МУЖСКОГО НАСИЛИЯ?

На современном этапе происходит переосмысление понятия «варварства» и его роли в мировой истории. Как наиболее коварная форма деструкции оно особенно ярко проявляется в гендерном ракурсе. Половые роли в традиционных обществах определены с самого рождения человека: мужское — активное, прямое, открытое, агрессивное начало, публичная сфера, женское — пассивное, опосредованное, скрытое, подчиненное, частная сфера: семья, брак, домашнее хозяйство. Однако они не являются застывшими, приобретая всё более произвольный характер по мере развития общества. Статья посвящена теме гендерных парадоксов варварства в мировой истории, отраженных в литературе. О том, как мужчины прибегают к «женскому» инструментарию насилия для получения власти и богатства, идёт речь в этой статье на примере «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина и связанных с ней аллюзий, знаков и символов. Особое внимание в этом контексте автор уделяет месту и роли религиозного скопчества. Автор зак-

---

Лариса Леональдовна СЕЛИВАНОВА — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук. Российская Федерация. Москва. — larleon@mail.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 163-182
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 163-182
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.006

лючает, что по мере усложнения цивилизационного развития гендерное варварство тоже усложняется и может приобретать такие изощренные формы, когда происходит латентный обмен половыми ролями в рамках традиционных ценностей.

Ключевые слова: Гендерное варварство, хлыстовство, скопчество, «женский» инструментарий, Шамаханская царица, А.С. Пушкин, *Сказка о золотом петушке*, древний Восток, Античность, Средние века, Россия XVIII–XX вв.

— А у него метод такой — он на подхвате только красавиц держит... психология в том, что красивая женщина сама по себе отвлекает внимание, для нее всегда хочется сделать что-нибудь приятное. Да и барыши с красавицей делить... приятнее…

— Вот в этом наверняка и есть вся его психология... обидно, что какому-то мерзкому воришке достаются красивые женщины и он их использует как воровской инструмент.

А. и Г. Вайнеры. Эра Милосердия

Феномен варварства всегда имел место в разных цивилизациях. Сегодня происходит переосмысление понятия «варварства» и его роли в мировой истории. Как наиболее коварная форма деструкции оно особенно ярко проявляет себя в гендерном ракурсе. В традиционных, патриархальных, обществах роли полов расписаны с самого рождения человека: мужское — активное, прямое, открытое, агрессивное начало, публичная сфера, женское — пассивное, опосредованное, скрытое, подчиненное, частная сфера: семья, брак, домашнее хозяйство. С усложнением цивилизационного развития усложняется и гендерное варварство, приобретая всё более произвольный характер, особенно когда дело касается власти и богатства. О том, как мужчины прибегают к «женскому» инструментарию насилия для достижения своих целей, и пойдет речь в этой статье на примере последней сказки А.С. Пушкина и связанных с ней аллюзий, тайных знаков и символов.

«Сказку о золотом петушке» А.С. Пушкин написал в свою третью болдинскую осень (она была окончена 20 сентября 1834 г.). Этот год стал переломным в судьбе великого русского поэта, началом самого мрачного периода его жизни. Был запрещен «Медный

всадник», критики состязались в рассуждениях о творческом упадке[1], постоянные долги, нераспродающийся тираж «Истории Пугачевского бунта», семейные хлопоты (болезни родителей, рождения детей, тяжелое бремя содержания родни: двух свояченицы, которых жена поселила в доме, брата, одолевавшего просьбами об уплате бесчисленных долгов, зятя — о разделе имений), негласный надзор Охранного отделения и перлюстрация, унизительное пожалование звания камер-юнкера, интриги света и начавшаяся в 1836 г. травля завершились роковой дуэлью и смертью 29 января (6 февраля) 1837 г. Опубликованная в 1835 г. «Сказка о золотом петушке» была проигнорирована критикой[2], а цензорскую правку текста поэт воспринял болезненно и с возмущением[3]. «Сказочка» меж тем оказалась совсем не детской. Многозначная и загадочная, полная намеков и умолчаний, насыщенная как русскими, западноевропейскими, так и восточными образами, она, пожалуй, является самой исследуемой из всех пушкинских сказок.

«Сказку о золотом петушке» пытались объяснить в контексте и «теории заимствования» Теодора Бенфея, и самобытности, предлагали множество различных толкований, включая конспирологические версии, идеи масонства, антиутопию, и критику самодер-

---

[1] Не устоял даже В.Г Белинский, сожалевший, что Пушкин «или умер, или обмер, или его уже нет», в чем, правда, позже раскаивался. См.: Жизнь Пушкина. 1988, 2, 553.

[2] «Только в XX в. “Золотой петушок” возродился из пепла в последней опере (1906–1907) Н.А. Римского-Корсакова, и пушкинская “Сказка” вдруг расцвела целым букетом новых ассоциаций из жизни Серебряного века. Цензура обеспокоилась так, будто впервые ее прочитала, а театры получили материал для удивительных экспериментов» (*Пащенко М.* 2009, 2, 202).

[3] Из дневника поэта: «Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку и
Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова» (Жизнь Пушкина. 1988, 2, 623).

жавия. Находили в ней законспирированную автобиографию, проявление скрытого эротизма в духе народной смеховой культуры, влияние идей мистического ислама или намек на русское мистико-экстатическое сектантство. В сказке также видели злую пародию (царствование «лежа на боку»), оборонительный союз царя и пророка, страх и поклонение женскому началу, скопческий эротизм власти и др.

Програмной стала статья Анны Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»[4], установившей в 1933 г., что одним из источников пушкинской сказки была новелла «Легенда об арабском звездочете» американского писателя-мистификатора Вашингтона Ирвинга в его книге «Альгамбра»[5], вышедшей в 1832 г. в Лондоне. Она также обратила внимание на три обстоятельства: Пушкин как бы сплющил фабулу, заимствованную у Ирвинга, сделав сюжет кратким и динамичным, в отличие от неспешных «восточных сказок» с их сложно развивающимся, витиеватым сюжетом. Поэт также переосмыслил ирвинговскую легенду в духе русской «простонародности», снизив книжную лексику до просторечной «бутафории народной сказки». Наконец, он ввел аллюзию к известной русской лубочной книге «Сказка о Бове Королевиче», где Дадон — «злой» царь[6]. В незавершенной юношеской поэме Пушкина «Бова» (1814)[7] Дадон — царь-тиран, сравниваемый с Наполеоном, который занял трон, «убив царя законного, Бендокира Слабоумного», отца Бовы.

С.М. Бонди считал, что Пушкин написал шутливую сказку о гибельности женских чар, не вкладывая в концовку никаких политических аллюзий; возмущение его было вызвано только безос-

---

[4] *Ахматова А.А.* 1933, 1, 161-176.

[5] *Ирвинг В.* 1989.

[6] В словаре В.И. Даля слово «дадон» толкуется как «неуклюжий, нескладный, несуразный человек».

[7] Эта лицейская поэма стала первым «казовым» произведением Пушкина: по свидетельству В.П. Гаевского, он в сентябре-октябре 1814 г. читал ее на уроке у А.И. Галича. Поэма была стилизована в духе «ироикомической» традиции, но ориентирована на известную Пушкину с детства лубочную книгу о Бове Королевиче.

новательной подозрительностью, «глупостью» цензора[8]. Напротив, А.Л. Слонимский видел в сказке политический памфлет с элементами личной сатиры[9]. В.С. Непомнящий находил в сказке скрытый биографический подтекст, не столько политическую сатиру на самодержца, сколько «трагедийную автопародию и автосатиру»[10]. В.Э. Вацуро говорит о «европеизации» и «фольклоризации» сюжета в духе русской «простонародной сказки. Он обращает внимание на то, что даритель волшебного средства, выручающего из беды, в фольклоре далеко не всегда положительная фигура. В новелле Ирвинга астролог Ибрагим ибн-Абу Аюб — зловещий персонаж с инфернальными чертами. Он — хищник, а халиф — жертва, не осознающая своей роли, и благодетельный дар — талисман служит своекорыстию дарителя. В этой связи и вводится известный фольклорный мотив «отдай то, чего дома не знаешь»: в награду за построенный дворец, оказавшийся иллюзией, властитель, ничего не подозревая, лишается невесты (Ибрагим требует себе первое животное с поклажей, которое войдет в ворота дворца; им оказывается лошадь с паланкином, везущая невесту халифа). Мотив «обманного договора» был хорошо известен Пушкину по русскому фольклору. Вацуро не считает сказку шуточной, напротив, утверждает, что травестирование и даже пародирование у Пушкина изменяют не только отдельные мотивы, но и сказку в целом, и это очень ясно показывает концовка, где зло наказано, но добро не торжествует. Это единственная из пушкинских сказок, которая оканчивается гибелью всех действующих лиц, исключая чудесного помощника[11]. Д.Н. Медриш уделил внимание существенным отличиям последней пушкинской сказки от русских волшебных сказок[12]. Соня Хойзингтон сконцентрировалась на анализе символики, имеющей фрейдистскую направленность[13]. Сложилась уже в неко-

---

[8] См. комментарий С.М. Бонди, 1960, III, 529-530.
[9] *Слонимский А.Л.* 1963, 424-429.
[10] *Непомнящий В.С.* 1973, 11, 124-168.
[11] *Вацуро В.Э.* 1995, 15, 122-133.
[12] *Медриш Д.Н.* 1993, 1, 115-138.
[13] *Hoisington S.* 1992, 23-33.

тором роде мода видеть в «Золотом петушке» эротическое произведение[14]. Хотя есть и противоположное мнение. Е.А. Розенков, к примеру, считает, что сказка говорит о поочередном оскоплении влюбленных в Шамаханскую царицу царевичей, а золотой петушок — это мужской половой орган, причина всех бед[15]. По А.М. Эткинду, эта сказка — первая русская антиутопия, формулирующая центральную идею: благополучие человека не может быть обеспечено ценой своей природы, потерей пола. Кроме того история союза царя Дадона и скопца-звездочета, якобы, детально предсказала судьбу отношений Николая II и Распутина[16]. Ф.А. Раскольников отметил особое внимание позднего Пушкина к «иррациональному началу в жизни человека и в истории народов», в основе сказки лежит случайность, за которой скрывается рок как наказание за противостояние иррациональному началу[17]. В.А. Кошелев находил в сказке «гамлетовский» пласт, позволявший понять запрещенный цензурой «намек», из которого следует извлечь «урок» — суждение о противоестественном устройстве мира, только кажущемся спокойным и «обыкновенным»: «Какая-то в державе датской гниль». Вместе с тем он считает, что «эта сказка напрямую связана с замыслом, волновавшим Пушкина на всех этапах его творческого пути, — с замыслом богатырской поэмы на тему лубочной книги о Бове Королевиче, постоянно возрождавшимся в творческих исканиях Пушкина начиная с первых лицейских его опытов. Заинтересовавшись еще в ранней юности этой лубочной сказкой, Пушкин вышел на ярчайшие сюжеты мировой словесности». Национальные темы Пушкин активно разрабатывал Болдинской осенью 1833 г. Европейский сюжет «Гамлета», спроецированный на «простонародную сказку», должен был развернуться в произведении, которое поэт замыслил уже после «Золотого петушка»[18].

---

[14] *Погосян Е.* 1992, 98-107; *Паперный В.* 1997, 1, 115-138.
[15] *Розенков Е.А.* 2007, 36-40.
[16] *Эткинд А.М.* 1996, 135, 169.
[17] *Раскольников Ф.* 2002, 152-157.
[18] *Кошелев В.А.* 2004, 2, 138-145.

В 2015 г. петербургский исследователь С.В. Горюнков предложил свою версию герменевтического анализа «Сказки» в статье « О чём кукарекал золотой петушок: к 100-летнему юбилею пушкинской сказки», в которой пытался доказать, что сказка Пушкина является облеченным в иносказательную форму разглашением компрометирующих масонство тайн. Он задался вопросом: откуда вообще взялась такая странная особенность русской культуры предпушкинского и пушкинского времени, как литературная мода на иносказательность? По его мнению, все дело во всеобщем увлечении масонством с его иносказательной атрибутикой и конспиративной ритуальной практикой. При этом теневая сторона масонства неискушенной русской общественностью не осознавалась, поскольку деятельность его намеренно вуалировалась просвещением и морализаторством, что не могло не отразиться и на литературной жизни того времени. И далее в духе конспирологии автор приходит к выводу, что «братство» наказало своего члена (т.е. Пушкина) за разглашение тайн ложи, за что масонский устав предусматривал самую суровую кару. В образе Дадона он увидел Наполеона, петушка объявил аллегорией Франции («галльский петух»), а события сказки связал с Великой Французской революцией. Шемаха — это поэтическая метафора Востока, фольклорный штамп и злободневная политическая тема[19]. Шамаханского старца (так был назван звездочет в черновике Пушкина) связал с Хасан ас-Сабахом, создателем ближневосточного ордена исмаилитов с центром в крепости Аламут, а Шамаханскую царицу тоже с масонами, потому что масонская ложа «Великий Восток Франции» первой допустила в свои ряды женщин: в 1774 г. первой «Великой Мастерицей Франции» стала герцогиня Бурбонская[20]. Утверждение Горюнкова, что для русского читателя Восток — это Шемаха, в корне неверно, ведь в 1820 г. она уже была частью России. Для читающей публики понятие «Восток» связывалось с зага-

[19] В 1805 г. Шемаханское ханство, занимавшее часть территории нынешнего Азербайджана, добровольно покорилось России, а 1820 г. вошло в состав Российской империи.

[20] *Горюнков С.В.* 2015, 1, 93-109.

дочным Китаем, таинственно-притягательной и мистической Индией, арабскими сказками «1000 и одной ночи», языческим древним Египтом, мусульманской Альгамброй[21].

Помимо легенды об арабском звездочете в «Альгамбре», М.П. Алексеев, указал на еще один возможный источник — повесть Ф.М. Клингера «История о золотом петухе»[22]. И здесь мы погружаемся в глубины гендерного варварства. Сравним фабулы ирвинговской легенды и пушкинской сказки.

В основе сказочных повестей Ирвинга из его «Альгамбры» лежали предания об испанских маврах с отголосками событий из многовековой эпопеи мусульманского владычества в Испании и даже в не столь отдаленном от нее Египте. Вкратце сюжет этот длинной псевдоарабской сказки в духе «1000 и одной ночи» таков. Много сотен лет назад в Гранаде правил мавританский царь Абен Габуз, воитель на покое: смолоду он только и делал, что разорял и грабил соседей, а состарившись и одряхлев, решил почивать на лаврах и безмятежно наслаждаться награбленным, живя со всеми в мире. Однако у него появились молодые соперники, решившиеся расквитаться по отцовским счетам, да и в собственных владениях было неспокойно: усмиренные в дни его молодости норовили поднять мятеж и осадить столицу. Враги наседали отовсюду. приступая под укрытием скалистых гор, окружавших Гранаду, из-за чего Абен Габуз был в постоянной тревоге и смятенье, не зная, с какой стороны ждать неприятеля. Тщетно он расставлял в горах дозорные башни, супостаты откуда ни возьмись вылезали из какой-нибудь тайной теснины, учиняли грабеж и спокойно скрывались под самым носом царя с пленниками и добычей. Тем временем ко двору явился некий седобородый арабский старец-знахарь с посохом, покрытым таинственными письменами. Он был сыном сподвижника Пророка, пришел из Египта, куда попал ребенком, и многие годы учился чернокнижию и магии у египетских жрецов. К старости он открыл секрет продления жизни, а еще овладел священной книгой, похищенной из пирамиды с мумии верховного

[21] *Белкин Д.И.* 1970; *Лобикова Н.М.* 1974.
[22] *Алексеев М.П.* 1987, 502-541.

жреца, помощника в том великом строительстве. Книга была вручена Адаму после изгнания из Рая, а затем попала к царю Соломону, после чего неведомыми путями очутилась у строителя пирамид. Давала она волшебные знания, всевластие и помощников-джиннов, вызываемых заклинаниями. Услышав жалобы царя, Ибрагим рассказал следующее: «Знай, повелитель, что, находясь в Египте, я лицезрел великое чудо, сотворенное некогда языческою жрицею. Над городом Борса, на горе, откуда открывается вид на долину великого Нила[23], стоит баран и на нем петушок — оба из литой меди, — и они вращаются на особой оси. Всякий раз как стране угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а петушок кукарекает, благодаря чему жители города заранее знают об опасности и о том, откуда она приближается, так что могут своевременно принять необходимые меры». Царь пришел в восторг и попросил о подобной защите, пообещав любую награду. Старец сказал, что поможет ему, для чего нужно воздвигнуть башню из камней, взятых от египетских пирамид, на что получил милостивое разрешение пользоваться казной, не считаясь с расходами. Построенную башню венчал шпиль с бронзовым всадником-мавром со щитом и копьем острием кверху. Лицо его было обращено к городу, за которым он как бы надзирал. Но если откуда-нибудь грозил враг, всадник обращался в ту сторону с копьем наперевес. В горах находят готскую принцессу необыкновенной красоты с серебряной лирой у пояса, царь влюбляется и, потакая всем ее прихотям и желаниям, расточает богатства казны. Тщетно Ибрагим призывал его остерегаться опасной пленницы, отказался царь и подарить ее звездочету. Произошла ссора. Через некоторое время, дождавшись смягчения царского гнева, коварный колдун предложил соорудить для царя райский дворец с садами и фонтанами на

[23] Такое пристальное внимание к Египту не случайно. Взгляд на древний Египет как на родину чародейства и колдовства и на египтян как всемогущих магов сложился в арабской литературе с раннего времени благодаря влиянию, с одной стороны, библейских и коранических представлений, а с другой коптского фольклора, частично влившегося в мусульманский фольклор Египта. См.: *Бойко К.* 1982, 131-136. Такое же мнение о Египте и египтянах было у древних греков и римлян.

горе, где впоследствии будет основана Альгамбра, а в награду скромно попросил отдать ему первое вьючное животное, которое пройдет под сводами башни с поклажей, на что получил милостивое согласие. И конечно, наградой оказалась принцесса на белом коне, ехавшая рядом с царем. Вместе со звездочетом она проваливается в его подземное жилище. Напрасно разгневанный царь заставлял тысячу землекопов снова и снова проводить раскопки. А талисман потерял свою силу, превратившись в обычный флюгер, и враги вновь напали на ослабевшего правителя, остаток дней которого прошел в кровавой суматохе. Обращает на себя внимание то, что акценты здесь другие: царь восточный — принцесса европейская, звездочет-нескопец в итоге побеждает и получает желанную добычу — безгласную христианскую пленницу. Однако очевидно, что прекрасную принцессу старец вначале использовал для своего влияния на царя и получения от него богатств из казны, а затем коварно отобрал себе инструмент манипуляции. Интересно, что Ирвинг использовал также анонимный арабский источник «Китаб ахбар аз-заман ва-ль-аджаиб аль-булдан» («Рассказы времени и диковинки стран»), переведенный французским арабистом Пьером Ватье по рукописи из собрания кардинала Мазарини, переписанной в 1584 г. Источник сохранился в нескольких списках в Парижской национальной библиотеке. В нем содержится один рассказ о «жрице огня», царице и волшебнице по имени Борса и о талисмане в виде металлических барана и птицы, насаженных на железную спицу. Мотив золотого петушка в сказке Пушкина, таким образом, восходит к этому памятнику в его французской версии[24].

В пушкинской сказке вояка царь тоже «напоследок захотел отдохнуть от ратных дел» с такими же соседями на границах. Звездочет (здесь уже скопец) дарит ему золотого петушка, упреждающего внешнюю угрозу. На радостях Дадон обещает за это исполнить любое желание мудреца: «Волю первую твою / Я исполню, как мою». Однако обманывает его, отказавшись подарить ему «девицу, Шамаханскую царицу». При этом царь задает примечательный вопрос: «Я, конечно, обещал, / Но всему же есть граница. /

[24] *Бойко К.А.* 1979, 113-120.

И зачем тебе девица?». Старик продолжает настаивать и получает сначала ответ: «Ничего ты не получишь. Сам себя ты, *грешник* (выделено нами. — *Л. С.*), мучишь», а потом и жезлом по лбу. А, действительно, зачем скопцу девица, если он, с точки зрения православного человека, не грешник? Только ли дело в том, что мудрец, прозревая опасность, пытался спасти царя? Шамаханская царица в сказке играет зловещую роль. Она появляется ниоткуда, губит влюбленных в нее сыновей Дадона и странным образом обе его рати («Было, не было сраженья»), выманивает и обольщает самого царя («Как пред солнцем птица ночи, / Царь умолк, ей глядя в очи / И забыл он перед ней / Смерть обоих сыновей»), провоцирует конфликт со звездочетом и его убийство под «хи-хи-хи да ха-ха-ха», дожидается смерти царственного жениха и, выполнив свою миссию, внезапно пропадает. В.Э. Вацуро обратил внимание на то, что эти события — блестящий образец травестии сказочных мотивов, переросшей в гротеск: старый царь привозит с собой молодую невесту, которую притом не завоевал, а сам был ею завоеван. Ситуация приобрела бы пародийный оттенок, если бы ей не предшествовала страшная сцена — отец, рыдающий над трупами сыновей, убивших друг друга в братоубийственной схватке. Шамаханская царица хоть и прекрасна, как Царь-девица, но за ней тянется кровавый след, так что образ ее не мог быть заимствован из русского фольклора[25]. Между звездочетом-скопцом и роковой красавицей существует определенная связь. Владения царицы в Шемахе, «шамаханским мудрецом» постоянно именует звездочета А.С. Пушкин в своих черновиках. Из Шемахи, древнего центра Ширванского ханства, исходит угроза царству Дадона (петушок постоянно кричит, обратившись на восток). С одной стороны, эта область современного Азербайджана является одной из зон распространения мистического ислама, впитавшего в себя идеи маздеизма и йезидизма. Тогда и звездочет, и царица — обладатели древнего восточного эзотерического знания, вызывающего подсознательный страх, несомненно, являются темной силой, враждебной православному государю. Анна Ахматова в статье «Последняя

[25] *Вацуро В.Э.* 1995, 130.

сказка Пушкина» объясняла сюжет сказки местью мудреца царю-завоевателю, захватившего его родину в 1820 г. Однако звездочет погибает, единственным, кто выигрывает во всей этой истории, оказывается таинственная царица, исчезнувшая со странным хихиканьем[26]. Таким образом, коварная восточная красавица решительно вышла из-под контроля старца и сменила роль послушного орудия на активные, по сути, мужские действия, ведя собственную игру по подчинению царя своей злой воле. Т.А. Волкова и Е.А. Романенко заметили, что в сказках А.С. Пушкина цари нередко в силу «женственного характера» (нерешительность, пассивность, подчинение обстоятельствам, консерватизм) оказываются вовлеченными в женский заговор, а женщины, в свою очередь, проявляют маскулинные черты: своенравность, доминантность, решительность, жестокость. При этом сам поэт придерживался традиционных представлений о гендерных ролях, поэтому отклонение в поведении сразу превращало его персонажей в отрицательных героев. Его Шамаханская царица — пример инфернальной женщины, завораживающей мужчин роковой, гипнотирующей красотой и толкающей их на убийства. Ее образ соответствует устоявшемуся метафорическому ряду: женщина — красота — природа — хаос. Своими чарами она сводит с ума бывшего воителя и превращает его в покорного раба[27].

Другим источником «Сказки о золотом петушке» были знания о скопцах[28] и слухи о секте Кондратия Селиванова в конце 1810 — начале 1820-х гг. (в частности, о встречах ересиарха с императорами Павлом и Александром), а также книга 1819 г. «О скопцах» бывшего лицейского надзирателя М. Пилецкого, изобразившего скопцов невиннейшими людьми. На Кавказ, после присоединения его к России в начале XIX в., ссылали хлыстов и скопцов отовсюду,

---

[26] *Селиванова Л.Л.* 2012а, 152-154.

[27] *Волкова Т.А., Романенко Е.А.* 2015, 88-89.

[28] *Казьмина О.Е.* 1998, 831; *Мельников-Печерский П.И.* 1998. Отдельным аспектам скопчества посвящены наши статьи: *Селиванова Л.Л.* 2011, 7-36; *Она же*. 2012, 114-142; *Она же*. 2021, 258-263; *Она же*. 2021а, 326-359; *Она же*. 2021б, 234-256.

и под Шемахой образовались их поселения[29]. И, может, «шамаханский скопец» (как иногда в черновиках Пушкина называется звездочет) — «никакой не восточный евнух, а ссыльный русский сектант»[30]. Тогда активная, самостоятельная царица напоминает хлыстовских «богородиц», «богинь», власть которых в кавказских «кораблях» была неограниченной[31]. Так считает и Розенков: Ша-

[29] В романе Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», действие которого разворачивается на фоне Закавказья, скопцы упоминаются постоянно.

[30] *Эткинд А.М.* 1996. 164, 169-173. Эткинд полагает, что «Сказка» могла отразить историю так называемого проекта Еленского. А.М. Еленский — бывший камергер последнего польского короля и статский советник русской службы, скопец и видный член скопческого «корабля» Петербурга, поспешествовавший освобождению из богадельни Смольного монастыря К. Селиванова. Думая, что скопцы находятся под покровительством императора, Еленский подал в 1804 г. Александру I проект переустройства государства Российского в скопческую теократию. Тоном библейского пророка он поучал императора слушать во всем «боговдохновенный сосуд», Настоятеля — К. Селиванова, а также учредить «божественную канцелярию» из хлыстов и скопцов, и возглавит это правительство сам Еленский. Дотоле мягкий к скопцам (как и прежние цари), государь приказал его арестовать и сослать, как сумасшедшего, в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, где оный прожектер и окончил свое земное существование (*Мельников-Печерский П.И.* 1963, 351; *Панченко А.А.* 2002, 178-180). Спасо-Евфимиевский монастырь был не столько обителью для подвижников, отказавшихся от мира, сколько острогом для опальных духовных и светских лиц. Сюда заключали не только ересиархов, но и некоторых декабристов. «Урок» сказки, по Эткинду, в том, что «скопцы и их проекты обещают, но не принесут счастья ни царям, ни добрым молодцам» (*Эткинд А.М.* 1996, 135).

[31] О кавказских хлыстах говорили, что они «стоят на своем, как слоны неповоротливые. Фанатизм невероятный, и повиновение. Слово, жест их богородицы — и село готово кинуться в огонь, готово зарезать или зарезаться». Одна такая богородица Лукерья устроила в степи свое царство. Губернатор, относясь к ней с уважением, обратился во время Русско-Турецкой войны: «Вызвольте, матушка». Та выставила целые табуны и денег не взяла. Ездила в коляске в сопровождении конвоя, одетого в форму его величества, всюду ее сопровождал конный строй. «Едет, как цари-

мохань была деревней скопцов во главе с женщиной (Шамаханская царица)[32]. И в древних восточных культах с ритуальным оскоплением, заимствованных потом римлянами, ведущая роль принадлежала богиням-матерям: Рее, Кибеле, Кубабе, Ма, Нане, Атаргатис и др. Готовящиеся стать «галлами» юноши совершали акт самооскопления спонтанно, однако, выйдя из транса, некоторые горько жалели о содеянном, испытав на себе непреодолимую зависимость от мрачного, иррационального могущества Великой Богини[33]. При этом они одевались в женские одежды и вели себя по-женски, а руководящая ими богиня первоначально была двуполым существом. В хлыстовских и скопческих «кораблях», где вообще большая роль принадлежала женщинам, молодых, красивых девушек, маскировавших существование секты, называли «богородицами» и «дочерьми бога живого»[34]. Миф о божестве-гермафродите или бисексуальном праотце выступает в качестве парадигмы для целого ряда ритуалов, нацеленных на возвращение к изначальному состоянию, считавшемуся совершенным выражением человеческой природы. К их числу относятся обряды обрезания, оскопления, обмена одеждой и проч., посредством коих достигается андрогиния. Смену гендерных ролей следует понимать так же, как ритуал «обмена одеждой». Время от времени человек ощущает потребность вернуться — хоть на мгновение — к тому райскому состоянию совершенной натуральности, когда имело место единство полов до начала Творения. Наиболее фундаментальные мифы заключают в себе архетипы, которые человек стремится переживать и за пределами религиозной жизни[35].

Небольшая сказка вобрала и переплавила в себе и шекспировского «Гамлета», и русские народные сказки, и литературные сочи-

---

ца, как икона... Лицо действительно было поразительно и… чрезвычайно красиво от особенного, никогда мной не виданного внутреннего блаженства, и блаженства гордого, но мягко-властительного, религиозно-властительного» (*Розанов В.В.* 1914, 54-58).

[32] *Розенков Е.А.* 2007.

[33] *Селиванова Л.Л.* 2021б, 235-236.

[34] Там же, 254.

[35] *Eliade M.* 1999, 385-386.

нения, и псевдоарабские легенды, которые хоть и дошли через мастерскую западного современника поэта, но в глубинных пластах содержали ценные зерна древних культур и верований. Гений великого русского поэта, творчески переработав все имеющиеся у него западные и восточные источники, а также русский лубок, художественные произведения, литературные мистификации и знания о русских мистико-экстатических сектах, создал текст, воспринимаемый как настоящая русская народная сказка, в которой отразились как традиционное, так и инверсивное представления о роли полов в обществе. По мере усложнения цивилизационного развития гендерное варварство, известное на протяжении всей мировой истории, тоже усложняется и приобретает порой изощренные формы, когда происходит латентный обмен половыми ролями в рамках традиционных ценностей. Такие проявления особенно характерны, когда мужчина испытывается жаждой власти и богатства, но, в силу обстоятельств, не может открыто выражать свои притязания и обращается к «женскому инструментарию», используя несвойственную своему полу мимикрию.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. 1987: Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о золотом петухе» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. М.: Наука. 502-541.

Ахматова А.А. 1933: Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1. 161-176.

Белкин Д.И. 1970: Индийские мотивы в творчестве А. С. Пушкина. Горький.

Бойко К.А. 1979: Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л.: Наука. 113-120.

Бойко К. 1982: Древнеегипетские истоки одного из мотивов «Сказки о золотом петушке» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л.: Наука. 131-136.

Бонди С.М. 1960: Комментарий // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. III. Поэмы. Сказки. М.: Гослитиздат. 529-530.

Вацуро В.Э. 1995: Сказка о золотом петушке (опыт анализа сюжетной семантики) // Пушкин. Исследования и материалы. СПб.: Наука. 15. 122-133.

Волкова Т.А., Романенко Е.А. 2015: Сказки А.С. Пушкина в свете гендерной теории // Вестник КемГУКИ. 32. 86-90.

Горюнков С.В. 2015: О чём кукарекал золотой петушок? (К 180-летнему юбилею пушкинской сказки) // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 1 (январь – февраль). 93-109.

Жизнь Пушкина. 1988: Жизнь Пушкина. Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х тт. Т. 2. М.: Правда. 04 с., 16 л. вкл.

Ирвинг В. 1989: Альгамбра. Новеллы. М.: Худож. лит. 448 с.

Казьмина О.Е. 1998: Скопцы // Народы и религии мира. М. 831.

Кошелев В.А. 2004: Царь Дадон и принц датский // Русская литература. 2. 138-145.

Лобикова Н.М. 1974: Пушкин и Восток. Очерки. М.: Наука.

Медриш Д. Н. 1993: От двойной сказки — к антисказке (Сказки Пушкина как цикл) // Московский пушкинист. М. 1. 115-138.

Мельников-Печерский П.И. 1963: Белые голуби // Собрание сочинений в 6 т. М.

Непомнящий В.С. 1973: К творческой эволюции Пушкина в 1830-е годы // Вопросы литературы. 11. 124-168.

Панченко А.А. 2002: Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.

Паперный В. 1997: Опыт о «Сказке о золотом петушке» // Пушкинский сборник. Иерусалим. 1. 115-138.

Пащенко М. 2009: «Сказка о золотом петушке»: сказка-ложь и сказка-правда // Вопросы литературы. 2. 202-234.

Погосян Е. 1992: К проблеме значения символа «Золотой петушок» в сказке Пушкина // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана / Е. Пермяков (отв. ред.). Тарту: Эйдос. 98-107.

Раскольников Ф. 2002: Загадки пушкинской «Сказки о золотом петушке» // Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. М. 152-157.

Розанов В.В. 1914: Апокалипсические секты (хлысты и скопцы). СПб.

Розенков Е.А. 2007: Скопцы — ошибка трактовки // Духовный вестник высшей школы. 1 (17). 01.02.2007. 36-40.

Селиванова Л.Л. 2011: Самооскопление во славу Богини // Адам и Ева. 19. 7-36.

Селиванова Л.Л. 2012: Ритуальное оскопление: религиозный и медицинский аспекты // Медицина в художніх образах. Статті. Вип. 10 / голов. ред. Заблоцька К.В. Донецьк. 114-142.

Селиванова Л.Л. 2012а: «Белые голуби» и «Матереохваченные» галлы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 20. 116-118.

Селиванова Л.Л. 2021: Галлы, «Белые голуби» и «Иерусалимский синдром» (древнее и новое скопчество на Востоке, Западе, в России // Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур / Т.Л. Лабутина (отв. ред.). М.: ИВИ РАН. 258-263.

Селиванова Л.Л. 2021а: Триггеры проявления и преодоления варварства на примере феномена религиозного скопчества // Цивилизация и варварство: триггеры появления и преодоления варварства / В.П. Буданова (ред.). Х. 326-359.

Селиванова Л.Л. 2021б: Древнее и новое скопчество на Востоке, Западе и в России // «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / Т. Л. Лабутина (отв. ред.). СПб.: Алетейя. 234-256.

Слонимский А.Л. 1963: Мастерство Пушкина: 2-е изд., испр. М.

Элиаде М. 1999: Очерки сравнительного религиоведения. Пер. с англ. М.: Ладомир. 488 с.

Эткинд А. 1998: Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение. 688 с.

Эткинд А.М. 1996: Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант. 413 с.

Hoisington S. 1992: Pushkin's “Golden Cockerel”: A Critical Examination // The Golden Age of Russian Literature and Thought: Selected Papers from the 4th Congress for Soviet and East European Studies / Derek Offord (ed.). London; New York. 23-33.

REFERENCES

Alekseyev M P. 1987: Pushkin i povest F. M. Klingera «Istoriya o zolotom petushke» // Alekseyev M. P. Pushkin i mirovaya literatura, 502-541. M.: Nauka.

Akhmatova A.A. 1933: Poslednyaya skazka Pushkina // Zvezda. 1. 161-176.

Belkin D.I. 1970: Indiyskiye motivy v tvorchestve A.S. Pushkina. Gorkiy.

Boyko K.A. 1979: Ob arabskom istochnike motiva o zolotom petushke v skazke Pushkina // Vremennik Pushkinskoy komissii. 1976. 113-120. L.: Nauka.

Boyko K. 1982: Drevneyegipetskiye istoki odnogo iz motivov «Skazki o zolotom petushke» // Vremennik Pushkinskoy komissii. 1979. 131-136. L.: Nauka.

Bondi S.M. 1960: Kommentariy // Pushkin A.S. Sobr. soch.: V 10 t. T. III. Poemy. Skazki. 529-530. M.: Goslitizdat.

Eliade M. 1999: Ocherki sravnitelnogo religiovedeniya. Per. s angl. M.: Ladomir.

Etkind A.M. 1998: Khlyst: Sekty, literatura i revolyutsiya. M.

Etkind A.M. 1996: Sodom i Psikheya. Ocherki intellektualnoy istorii Serebryanogo veka. M.: IC-Garant.

Goryunkov S.V. 2015: O chem kukarekal zolotoy petushok? (K 180-letnemu yubileyu pushkinskoy skazki) // Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye». 1 (yanvar – fevral). 93-109.

Hoisington S. 1992: Pushkin's “Golden Cockerel”: A Critical Examination // The Golden Age of Russian Literature and Thought: Selected Papers from the 4th Congress for Soviet and East European Studies / Derek Offord, ed. 23-33. London; New York.

Irving V. 1989: Algambra. Novelly. M.: Khudozh. lit. 448 s.

Kaz'mina O.E. 1998: Skoptsy // Narody i religii mira, 831. M.

Koshelev V.A. 2004: Tsar Dadon i prints datskiy // Russkaya literatura. 2. 138-145.

Lobikova N.M. 1974: Pushkin i Vostok. Ocherki. M.: Nauka.

Medrish D.N. 1993: Ot dvoynoy skazki — k antiskazke (Skazki Pushkina kak tsikl) // Moskovskiy pushkinist. 1. 115-138. M.

Melnikov-Pecherskiy P.I. 1963: Belyye golubi // Sobraniye sochineniy v 6 t. T. 6. M.

Nepomnyashchiy V.S. 1973: K tvorcheskoy evolyutsii Pushkina v 1830-e gody // Voprosy literatury. 11. 124-168.

Panchenko A.A. 2002: Khristovshchina i skopchestvo: folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt. M.

Papernyy V. 1997: Opyt o «Skazke o zolotom petushke» // Pushkinskiy sbornik. — Ierusalim. 1. 115-138.

Pashchenko M. 2009: «Skazka o zolotom petushke»: skazka-lozh' i skazka-pravda // Voprosy literatury. 2. 202-234.

Pogosyan E. 1992: K probleme znacheniya simvola «Zolotoy petushok» v skazke Pushkina // V chest' 70-letiya professora Yu. M. Lotmana / otv. red. E. Permyakov. 98-107. Tartu: Eydos.

Raskolnikov F. 2002: Zagadki pushkinskoy «Skazki o zolotom petushke» // Raskolnikov F. Stati o russkoy literature. 152-157. M.

Rozanov V.V. 1914: Apokalipsicheskiye sekty (khlysty i skoptsy). SPb.

Rozenkov E.A. 2007: Skoptsy — oshibka traktovki // Dukhovnyy vestnik vysshey shkoly. 1 (17). 01.02.2007. 36-40.

Selivanova L.L. 2011: Samooskopleniye vo slavu Bogini // Adam i Eva. 19. 7-36. M.

Selivanova L.L. 2012: Ritual'noye oskopleniye: religioznyy i meditsinskiy aspekty // Meditsina v khudozhnikh obrazakh. 10 / golov. red. Zablotska K.V. 114-142. Donetsk.

Selivanova L.L. 2012b: «Belyye golubi» i «Matereokhvachennyye» gally // Adam i Eva. Almanakh gendernoy istorii. Pod red. L.P. Repinoy. 20, 116-118. M.

Selivanova L.L. 2021: Triggery Selivanova L.L. Gally. «Belyye golubi» i «Ierusalimskiy sindrom» (drevneye i novoye skopchestvo na Vostoke. Zapade. v Rossii // Rossiya mezhdu Zapadom i Vostokom: traditsii i perspektivy razvitiya dialoga kultur / Otv. red. d.i.n. T.L. Labutina. 258-263. M.: IVI RAN.

Selivanova L.L. 2021a: Triggery proyavleniya i preodoleniya varvarstva na primere fenomena religioznogo skopchestva // Tsivilizatsiya i varvarstvo: Triggery poyavleniya i preodoleniya varvarstva / gl. red. V.P. Budanova. X, 326-359. M.

Selivanova L.L. 2021b: Drevneye i novoye skopchestvo na Vostoke. Zapade i v Rossii // «Svoi» / «Drugiye» / «Chuzhiye»: iz istorii vzaimodeystviya i protivoborstva Zapada. Vostoka i Rossii / otv. red. T. L. Labutina. 234-256. SPb.: Aleteyya.

Slonimskiy A.L. 1963: Masterstvo Pushkina: 2-e izd., ispr. M.

Vatsuro V.E. 1995: Skazka o zolotom petushke (opyt analiza syuzhetnoy semantiki) // Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. 15. 122-133. SPb.: Nauka.

Volkova T.A. Romanenko E.A. 2015: Skazki A.S. Pushkina v svete gendernoy teorii // Vestnik KemGUKI. 32. 86-90.

Zhiz'n Pushkina. 1988: Zhiz'n Pushkina. Perepiska; Vospominaniya; Dnevniki. V 2-kh tt. T. 2. M.: Pravda. 704 s., 16 l. vkl.

Larisa L. SELIVANOVA

THE CASE OF THE SHAMAKHI QUEEN

A "FEMALE" TOOLKIT OF MALE VIOLENCE?

Our age happens to reconceptualize "barbarism" and its role in the history of the world. It reveals itself as most insidiously destructive from a gender perspective. Traditional societies define gender roles from the moment of one's birth: the male role is seen as being active, straightforward, open, and aggressive, with a focus on the public sphere, whereas the female role is presented as passive, indirect, concealed, subordinate, and consigned to the private sphere, including the family, married life, and the household. These roles, however, are not set in stone, and they acquire a more and more arbitrary character with the development of society. This article examines barbarism's gender paradoxes as reflected in literary works, focusing on the male use of the "female" toolkit of violence for procuring power and wealth based on allusions, signs, and symbols in the text of "The Tale of the Golden Cockerel" by A.S. Pushkin. In this context, the author pays particular attention to the place and role of the sect of the Skoptsy. The author concludes that the mounting complexity of human development triggers the rising complexity of gender barbarism, whose more and more sophisticated forms include a latent exchange of gender roles within the traditional system of values.

Keywords: gender barbarism, the sect of the Khlysty, the sect of the Skoptsy, a "female" toolkit, the Shamakhi Queen, A.S. Pushkin, "The Tale of the Golden Cockerel", the ancient East, Antiquity, the Middle Ages, Russia in the 18th–20th centuries.

Larisa L. SELIVANOVA — Associate Researcher in the Department of Comparative Study of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — larleon@mail.ru

Е.В. Вдовченков

АРХЕОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНДЕРА У РАННИХ НОМАДОВ

(НА ПРИМЕРЕ САРМАТОВ)

В статье выявляются возможности исследования гендерной структуры и отношений у сарматов на основании археологических данных. Особое внимание уделено погребениям женщин с предметами вооружения и в целом значению оружия для сарматского социума. В результате исследования делается вывод, что системный анализ мужской и женской субкультур разного возраста позволяет реконструировать гендерные роли и статусы в изучаемой группе.

Ключевые слова: гендер, сарматы, сарматская культура, возрастные группы, половозрастная стратификация, мужская и женская субкультуры.

Гендер, то есть социальная характеристика пола, — одна из базовых категорий для анализа общества и человека. Но это явление сложнее, чем просто биологическая и социальная дихотомия. Историк Джоан Скотт, внесшая существенный вклад в развитие подобных исследований, дает следующее определение: «Гендер является составным элементом социальных отношений, основанным на воспринимаемых различиях между полами, и гендер есть

Евгений Викторович ВДОВЧЕНКОВ — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета. Российская Федерация. Ростов-на-Дону. — vdovchenkov@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 183-200
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 183-200
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.007

первичное средство означивания отношений власти»[1]. Вторая часть определения подчеркивает гендерное взаимодействие как властное взаимодействие. Сосредоточенность на положении женщин в обществе и их роли в истории — это особенности начального изучения развития гендера, цель которого была исправить перекос в исследованиях обществ прошлого[2]. Но в реальности понятно, что анализ гендера невозможен без обращения внимания на гендерное взаимодействие как систему, где особенности положения женщин, мужчин, феномен трансгендерности (в частности, известный на примере скифских энареев) должны пониматься в своей взаимозависимости и взаимодополнении.

В центре моего исследования находятся общества, известные по иноописаниям и археологическим данным — сарматы. Сообщения греков и римлян о древних номадах акцентируют свое внимание на отличиях и странностях варваров. На эти тексты оказывают влияние на взгляды самих античных авторов. Ярчайший пример — амазонки, мифический образ, связанный с окраиной освоенного мира, который по мере расширения греческого мира продвигался все далее и далее — из Аттики в Малую Азию, потом в Северное Причерноморье и наконец закрепился на плохо известном даже в римское время Кавказе[3]. Амазонки являются примером «антигендера», полной противоположностью привычных эллинам социальных ролей, порождением их фантазий и фобий. Натолкнувшись на женщин с оружием (которые были, судя по археологическим и письменным данным, реальностью ряда обществ ранних номадов[4]), греки актуализировали этот миф и локализовали амазонок за Танаисом. Но и помимо будоражащих воображение амазонок[5] население Северного Причерноморья давало пищу для раз-

[1] *Скотт Д.* 2001, 409.

[2] *Скотт Д.* 2001, 409.

[3] *Суриков И.Е.* 2009; *Богаченко Т.В.* 2017.

[4] См.: *Яценко С.А.* 2018; *Фиалко Е.Е.* 2005; 2010.

[5] Иногда современные исследователи переносят амазонок из мифов в историческую реальность Северного Причерноморья. Например, Е.Е. Фиалко пишет: «В поисках ответа на вопрос о реальности существования института амазонок у скифов археологические источники пусть не прямо,

мышлений древним авторам. Если учесть особенности положения женщин в греческом мире, то активное вовлечение их в жизнь общества номадов[6] было необычным для греков. Как известно из этнографических и исторических источников, женщины кочевых народов часто вынуждены были принимать на себя мужские обязанности во время продолжительного отсутствия своих занятых войной и грабежами мужчин[7]. Рассказы Полиена об Амаге и Тиргатао, наделенных властью и активно участвующих в политической жизни, примечательны именно такой значительной ролью женщин (*Polyaen*. Strat. VIII, 55; VIII, 56).

Но в целом женщины кочевников не привлекали особого внимания древнегреческих авторов, за исключением упомянутых героинь и женщин, участвующих в войнах. Повседневная жизнь оставалась за кадром; мы имеем лишь несколько анекдотов и топосов, передаваемых античными источниками от одного к другому.

Про мужчин, их жизнь и нормы поведения данных, конечно, больше. У нас есть материалы для характеристики мужского гендера и специфики его конструирования, однако этот ракурс еще не так часто привлекал внимание исследователей. Мужской гендер формировался, исходя из вовлеченности мужчин в войны и их пастушеского образа жизни, что было тесно связано между собой. Мужской (а, скорее, молодежный) гендер включал в себя и культивируемое насилие. В этом плане очень типична информация, содержащаяся в скифском рассказе Геродота, но немало есть данных

но подтверждают в определенной степени более раннюю письменную традицию» (*Фиалко Е.Е.* 2005, 247). Но амазонки были воображаемыми сообществами, и к археологическим реалиям (погребения женщин с оружием) и реалиям этнографическим (традиция участия женщин некоторых племен в войне, зафиксированная античными авторами) отношения не имеют. Высказывания наподобие приведённого выше только вводят читателя в заблуждение, потому что женщины с оружием в Северном Причерноморье нам известны, а амазонки как историческое, а не мифическое явление — нет.

[6] Неизбежное как в связи с нехваткой людей, так и из-за нередкого отсутствия части мужчин, характерного для кочевых сообществ.

[7] *Крадин Н.Н.* 2007, 209.

и о сарматах. Описывая сарматов, Луций Анней Флор отметил, что у них «такое варварство, что даже нет понятия о мире» (*Flor.* Ep. II, XXIX).

Аммиан Марцеллин оставил свидетельства, указывающие на существование обычая скальпирования врагов у аланов:

> «...они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» (*Amm. Marc.* XXXI, 2, 22).

Данные о скальпировании известны и по материал сарматских некрополей[8]. Сарматы и их соседи практиковали изготовление чаш из черепов людей. Фрагмент такой чаши был найден в меотском могильнике Крепостного городища на Нижнем Дону. Материал, сопутствующий ему, датируется I–II вв. н.э.[9]

Хочу обратить внимание на важную особенность ранних номадов. Опыт исследований показывает, что у номадов большую роль играют половозрастные принципы организации общества. Половозрастная стратификация в истории ранних обществ представляет собой универсальное явление[10]. Сложности здесь вызывает сам материал, который известен нам только на примере синполитейных обществ (если не считать данных археологии, которые всегда непросто интерпретировать). Существование возрастных групп у ранних номадов фиксируется в письменных источниках. Николай Дамасский сообщает о скифах следующее:

> «Млекоеды (Γαλακτοφάγοι), скифский народ… весьма справедливы, имея общее имущество и женщин, так что старших себя считают отцами, младших — сыновьями, а сверстников — братьями» (*Nic. Damsc.* Paradox. 3).

Примечательно упоминание языгов Валерием Флакком:

> «...не знающие убелённого сединами возраста язиги... Ибо когда уже изменяют прежние силы… у мужественных предков

[8] *Перерва Е.В.* 2005.
[9] *Батиева Е.Ф.* 2004.
[10] *Попов В.А.* 1981, 68; *Мисюгин В.М.* 2009, 289.

> создался обычай не медлительно претерпевать смертную участь, но погибать от руки дорогого потомства вручённым ему мечом; прерывают замедление и сын, и отец, единодушные оба и вызывающие сожаление своими мужественными поступками» (*Val. Flac.* Argonaut. VI, 120–129).

Здесь мы видим обычай убийства соплеменников по достижении определенного возраста. При всей дискуссионности информации Валерия Флакка как исторического источника в основе его сообщения лежит традиция возрастного деления у номадов.

Это возрастное деление оказывает значимое влияние на социальную ситуацию, на роль индивида в обществе и структурирование самого общества, и, соответственно, гендерные роли.

Античные авторы особо выделяют у номадов и других варваров воинственных юношей. Валерий Флакк в «Аргонавтике» отмечает: «хотя меотийская молодежь гибнет в вечных войнах, однако никогда на богатой почве нет недостатка в населении» (*Val. Flac.* Argonaut. VI, 38–39). Говоря о сарматах-лимигантах, обитающих на Среднем Дунае в IV веке, Аммиан Марцеллин сообщает о том, что эти сарматы, опасаясь карательной экспедиции со стороны Рима, обещали «платить ежегодную дань, поставлять свою сильную молодежь в войска и оказывать полное повиновение…» (*Amm. Marc*. XVII. 13. 3). Обращает на себя внимание сообщение Геродота о происхождении племени савроматов (*Herod.* IV. 111–116), в котором говорится о группе молодежи, живущей вдали от племени и занимающейся охотой и разбоем. Помпей Трог в своем сочинении «История Филиппа», написанном на рубеже нашей эры, тоже достаточно определенно сообщает о подобном явлении (*Iustin.* II, 4, 1–3). Аммиан Марцеллин упоминает молодежь у аланов в связи с войной:

> «Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (*Amm. Marc*. XXXI, 2, 20).

Есть предположение о существовании молодежных объединений у иранцев[11]. Но, принимать ли эту гипотезу или нет, все равно активное участие в военной деятельности является важной частью социальной жизни молодежи. А если следовать сообщениям Помпония Мелы — то иногда и девушек сарматов (*Pomp. Mela*. De situ orbis. I. 21. 5 и 114; III. 4. 35).

Отрывочные данные письменной традиции дополняются таким информативным источником по жизни древних номадов как археология[12]. Конечно, в отношении кочевников нам доступны преимущественно погребальные комплексы, и мы видим древние общества через эту искажающую призму погребального обряда. Археология изучает культурную традицию, а гендер — это социальная сфера. Понятно, что предметы материального мира являются носителями символического значения в традиционном обществе. И расшифровать эти данные далеко не так просто. Но все же связь между миром культурным и социальным прослеживаема. Предметы репрезентируют социальные статусы и помогают реконструировать общество.

Археология (совместно с физической антропологией) показывает нам существование границ между разными половозрастными группами[13]. Реконструкция половозрастной структуры населения по антропологическим данным, полученным при исследовании погребальных комплексов, является, как правило, первым шагом при моделировании социальной системы древних обществ. Распределение материального инвентаря по возрасту и полу, определение женских, мужских и детских погребений — это важнейшие задачи, стоящие перед исследователем. Очевидно, при анализе археологического материала первая задача — это выделение мужских, женских и детских групп и определение соответствующих субкультур — мужской, женской, детской[14].

---

[11] *Иванчик А.И.* 1988; *Ustinova Yu.B.* 2002; *Вдовченков Е.В.* 2013.

[12] *Nelson S.M.* 2007.

[13] *Балабанова М.А. и др.* 2015.

[14] В какой степени мы можем использовать по отношению к детским погребениям сарматской археологической культуры понятие «детская

Анализ может проводиться как по отдельным категориям инвентаря, так и по ансамблям. Н.А. Берсенева предложила рассматривать женские и мужские погребения по 4 ансамблям — комплексы с оружием, комплексы с украшениями, комплексы безынвентарные, и комплексы с универсальным инвентарем, которые нельзя отнести к первым двум категориям[15]. Эти ансамбли практически не пересекаются.

Половозрастные отличия я приведу на примере могильника Новый в междуречье Сала и Маныча, который датируется I в. н.э. В 1981–1982 гг. были исследованы 137 курганов этого могильника.

В найденных материалах можно выделить общекультурные категории инвентаря, присущие как женским, так и мужским погребениям. Это керамика, кости овцы, часто в наборе с ножом, более редкие находки зеркал, курильниц. Здесь сложно выявить яркую половозрастную специфику. Конечно, предпочтения есть — например, ножи и курильницы чаще встречается в женских погребениях.

Женские погребения содержали бусы, бисер, пряслица, алебастровые сосуды, куски мела и т.п. Характерны для них были ритуальные вещества и сакральные предметы — например, куски мела (каждое третье погребение).

Мужские погребения отличаются в первую очередь оружием и сопутствующим инвентарем: мечи, стрелы, в меньшей степени элементы конской сбруи. Следует отметить вооруженность молодых мужчин, особенно в парных подбоях, где встречаются погребенные примерно одного возраста с самыми большими наборами стрел, деталями конской сбруи, наконечниками копий, оселками (к. 59, п. 3; к. 70, п. 5; к. 79, п. 5).

субкультура», которое традиционно относится к «живой» культуре и наблюдается в самых разных обществах, вопрос дискуссионный. Попытка использовать это понятие в докладе «Особенности детских погребений ранне-, средне- и позднесарматских культур Нижнего Подонья» на конференции «Вещь в контексте погребального обряда» в РГГУ (28-30 января 2020 г.) натолкнулась на возражения коллег. Впрочем, в принципиально важном исследовании волгоградских коллег это понятие является одним из опорных (*Балабанова М.А. и др.* 2015).

[15] *Берсенева Н.А.* 2011, 72.

Таким образом, оружие — важный маркер именно мужских погребений, хотя есть и женские погребения с оружием. Юноши и мужчины в возрасте 16-35 лет играли ключевую роль в войне, и у них вооруженность была практически поголовной. В комплект вооружения входили и меч, и лук со стрелами, однако с возрастом остается только лук и стрелы.

Привлекают к себе внимание отклонения от погребального обряда и находки традиционных мужских предметов у женщин и женских у мужчин. В нескольких мужских погребениях встречаются такие типично женские предметы, как бусы, но исключительно одиночные экземпляры, которые, например, могли быть частью военной экипировки. В мужских погребениях найдено только одно пряслице и один алебастровый сосуд. В статье М.Г. Мошковой анализируются пряслица в мужских погребениях. По ее мнению, пряслица могли выполнять функции культовых предметов и в мужских погребениях играть роль амулетов-оберегов[16]. При характеристике гендерных особенностей сарматского общества (которые на археологическом материале могут быть только намечены) эти отклонения, возможно, являются отклонениями только на наш взгляд. Внутренняя логика развития сарматской культуры от нас скрыта, а отрывочные сообщения письменных источников и этнографические свидетельства не всегда дают возможность для надежной интерпретации. Тем не менее, культурное пространство содержит в себе информацию о социальном, в том числе, и о гендере.

Анализ сарматских комплексов подводит к выводу о культурных различиях между разными половозрастными группами. Следует отметить, что в курганном могильнике Новый встречаются курганы, где присутствуют только мужские (10 курганов — курганы 53, 59, 64, 67, 70, 80, 82, 100, 116, 119) или только женские погребения (5 курганов — курганы 14, 83, 86, 114, 134). Заметим, что «мужские» курганы встречаются в два раза чаще[17].

---

[16] *Мошкова М.Г.* 2012, 348-349.

[17] *Ильюков Л.С., Власкин М.В.* 1992, 182.

Самые выдающиеся погребения (содержащие маркеры статусности, богатства) — это погребения мужчин и молодых женщин. Данное наблюдение перекликается с выводами Н.Е. Берлизова, сделанными на основании использования очень широкой выборки комплексов савромато-сарматских культур: «наиболее сложный обряд и престижный инвентарь характерен для погребений возмужалых мужчин и молодых женщин»[18].

Нам известны у скифов и сарматов женские погребения с оружием. При этом в женских погребениях многократно найдены не только стрелы, но и разнообразное оружие для рукопашной схватки. Так, даже в преимущественно греческом Танаисе ещё во II–I вв. до н.э. отмечена серия женских могил с набором стрел или боевым копьем[19]. Эти могилы, очевидно, выходцев из степи, поскольку для гречанок этот обычай неизвестен вовсе.

Следует заметить, что наличие всего 1–3 наконечников стрел у женщины (особенно в зоне, где находились украшения и амулеты) свидетельствует, скорее всего, об использовании этих предметов в качестве амулетов.

Для женских погребений с оружием бассейна нижнего Дона показателен могильник Новый. Здесь оружие было положено с 9 взрослыми женщинами (16% от всех женских погребений), причем 7 из них были в возрасте 21–35 лет. В числе их вооружения — колчанный набор стрел (20–45 штук). Но при этом набор вооружения ограничивался стрелами лишь дважды; обычно же они сочетались с клинковым оружием (короткий меч или кинжал, в кургане 61 / 3 также боевой нож). Такой комплект совпадает с мужским и отражает объективную реальность тогдашних войн.

Оружие встречается и в погребениях женщин с детьми (в 20% таких комплексов). Наличие оружия в них можно было бы объяснить тем, что это оружие принадлежит сыну как будущему воину. Однако в детских погребениях нам известно только одно с оружием, и принадлежит оно подростку ориентировочно 13–15 лет (к. 31,

---

[18] *Берлизов Н.Е.* 2011, 257.

[19] *Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В.* 2005, 66-70.

п. 3). Во всех остальных случаях оружие является деталью инвентаря у погребенных от 16 лет и старше.

Письменные сведения о женщинах-воительницах крайне фрагментарны. О военной деятельности девушек-сарматок сообщает автор I в. н.э. Помпоний Мела. Он отмечает, что их главным оружием был лук со стрелами для дальнего боя (*Pomp. Mela*. De situ orbis. III. 4. 34–35); умели они обращаться и с арканом (I. 3. 114). Важно, что описанные Мелой объединения (иксаматы / язаматы, и, видимо, их прямые соседи) локализуются в самых низовьях Дона. Мела дважды, но в разных контекстах, упоминает о том, что для замужества женщинам северопричерноморских кочевников необходимо убить врага, иначе же они остаются в девицах. В одном случае речь идет об иксаматах, населяющих земли по побережью от Босфора до Танаиса ближе всего из остальных племен к устью реки (I. 3. 114); во втором случае — о сарматах (III. 4. 35).

В могильниках первых веков нашей эры на Нижнем Дону известна традиция помещать в могилу женщины (судя по инвентарю, знатной) один предмет вооружения. Так, на территории г. Ростова-на-Дону в кургане 1 / 8 Северо-Западного I это был меч, а в кургане 10 / 2 в Кобяково — двулезвийный топор. К раннему этапу позднесарматской культуры относятся две неразграбленные могилы знатных воительниц в группе некрополей Высочино на левобережье. В кургане Кобяково 10 группы I женщина имела длинный всаднический меч с навершием из горного хрусталя и украшенный золотом кинжал. В кургане 18 группы V ее сопровождал пробойник-клевец с инкрустацией медью. В находившемся чуть западнее, в Донецком кряже, кургане 2 у Чугуно-Крепинки таким предметом парадного вооружения была уникальная секира с 15 шипами[20]. Такой перечень оружия не соответствует мужскому. Возможно, это единичные символы сравнительно высокого статуса.

Оружие в сарматских и скифских женских комплексах — это интересный феномен. Нам известны женские погребения с оружием из крупного скифского могильника Мамай-гора и других некро-

[20] *Яценко С.А.* 2007, 61; 2020.

полей[21]. Сегодня в литературе существует множество объяснений причин того, почему женщинам у ранних номадов помещали в могилу предметы вооружения. Предполагают, что это свидетельство реального участия женщины в военных действиях; отражение статуса женщины как близкого «мужскому»; ритуальные предметы, амулеты; проявление уважения к умершей со стороны родственников-мужчин; средства защиты на пути в загробный мир женщин, лишенных покровительства; дары умершему ранее мужу; результат разрушения или символического мужского погребения, где женщина была лишь человеческой жертвой[22]. В сообщениях об амазонках ряд исследователей видят информацию о женских возрастных объединениях и отголоски женских инициаций. Но, как справедливо указывает Т.В. Богаченко, женские инициации (или иные обряды перехода) в форме военной службы этнографии неизвестны и являются неправдоподобными даже теоретически[23].

Женщины у скифов и сарматов, действительно, могли принимать участие в боях — кочевой быт приводит к необходимости взяться за оружие. С.А. Яценко связывает появление женских погребений с оружием у скифов в IV в. до н.э. с дезинтеграцией Скифии, а у сарматов начала — середины I века н.э. и 2-й половины II века н.э. — с двумя волнами миграции из Центральной Азии[24]. С.А. Яценко предположил еще одно назначение оружия для тех женщин, что из кочевого мира попадали на меотские поселения и в Танаис (скорее всего, путем заключения брака). Их оружие могло быть важным фактором самоидентификации на новом месте[25].

Интересно проанализировать погребения молодежи. Поиск различий между детскими, подростковыми погребениями и погребениями взрослых приводит к любопытным результатам. В погребениях детей еще не выражены мужские и женские признаки. Переход во взрослое состояние, если судить по могильнику Новый,

---

[21] *Фиалко Е.Е.* 2010; *Яценко С.А.* 2018.
[22] *Богаченко Т.В.* 2017, 217-218.
[23] *Богаченко Т.В.* 2017, 149-158.
[24] *Яценко С.А.* 2018.
[25] *Яценко С.А.* 2018.

проходил в 15–16 лет. Оружие появляется в погребальном инвентаре с 16–18 лет. Примерно с этого же возраста появляются полноценные наборы инвентаря и в женских погребениях. Это может быть свидетельством перехода в другой возрастной класс и маркированием важной социальной границы. Интересно, что эти данные согласуются с датой перехода у персов из категории детей в категорию холостых юношей — парна, в которой они пребывали с 16 по 25 лет[26].

Гендерные позиции для старшего поколения имеют свою специфику. Мужские и женские погребения утрачивают статусные маркеры с возрастом, так же, как и ослабевают гендерные отличия. Данные исследования древних некрополей показывают, что наибольший процент нестандартной ориентации (западная, восточная, северная) мы видим в детских погребениях и комплексах со старыми людьми. У пожилых людей степень вооруженности снижается, чаще попадаются находки всего лишь нескольких наконечников стрел — от 1 до 4, возможно, лишь символизирующих воинский статус погребенного. Отмечая простоту обряда и скромность инвентаря в погребениях пожилых людей и младенцев, Н.Е. Берлизов делает вывод о том, что дети и старики были ограничены в правах[27]. Если ограниченность в правах детей никакого сомнения не вызывает, то ограниченность в правах стариков является интересным предположением исследователя. Завершение жизненного цикла, тем самым, приближает стариков к детям.

Статус человека, власть и гендер — второй аспект гендерной проблематики. Несмотря на то, что женщины пользовались в обществе номадов большим почетом и объемом прав, чем у греков, это не означает, что статус женщины сопоставим с мужским.

Это мы видим по погребениям. Одежда и различные предметы (а оружие — в первую очередь), формирующие внешний облик, репрезентировали социальный порядок, и, следовательно, структурировали общественное неравенство и систему гендерных разли-

[26] *Тревер К.В.* 1947.
[27] *Берлизов Н.Е.* 2011, 257.

чий[28]. Могло ли быть наличие оружия в погребениях отражением особо высокого положения женщин? Оружие, особенно парадное, выступало статусным символом. Наиболее пышные захоронения, содержащие практически все виды известного на тот период оборонительного и наступательного вооружения, а также инсигнии власти — парадные мечи, дорогая конская упряжь, гривны — встречаются именно в мужских захоронениях. Тем не менее, наличие в женских погребениях оружия показывает достаточно высокое положение женщин в скотоводческих обществах Евразии раннего железного века, значительную степень их самостоятельности и сравнимые по значимости с мужскими социальные роли. Так, топоры были у сарматской знати во многих ситуациях своеобразными символами власти, и сегодня известно не менее 10 женских могил с ними[29]. Но высокий статус женщины символизировали в погребальном инвентаре, по-видимому, украшения и предметы роскоши в большей степени, чем оружие. А крупные насыпи и большие могильные ямы со следами пышных погребальных ритуалов и богатых тризн являлись общим для мужчин и женщин статусным признаком.

Есть любопытная особенность у женских, а особенно детских погребений — это обилие амулетов и оберегов. Можно предположить, что это способ защитить, дополнить положение тех умерших, которые были особо уязвимы, и, быть может, связано с их приниженным по сравнению с мужчинами статусом.

В заключение хотелось бы обратить внимание на источниковедческие проблемы анализа гендера у бесписьменных обществ. Наш взгляд, обусловленный посредничеством памятников материальной культуры, является изначально искаженным, что предостерегает от излишней уверенности и категоричности в выводах. Тем не менее, системный анализ общества, включающий в себя реконструкцию политической сферы, хозяйствования, разнообразные социальные и этнокультурные процессы, позволяет приоткрыть окно в загадочный мир ранних номадов, и на этом пути мы делаем только первые шаги.

---

[28] *Берсенева Н.А.* 2011, 75.

[29] *Яценко С.А.* 2020.

ЛИТЕРАТУРА

Val. Flac. Argonaut.: Валерий Флакк. Аргонавтика // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. Т. II. Вып. 2. СПб., 1904. 201-214.

Pomp. Mela. De situ orbis: Помпоний Мела. Хорография / А. В. Подосинов (общ. ред.). М., 2017.

Herod.: Геродот. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М., 2001.

Polyaen. Strat.: Полиэн. Стратегемы / Пер., общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002.

Flor. Ep.: Луций Анней Флор — историк древнего Рима / Пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой, коммент. А.И. Немировского. Воронеж, 1977.

Amm. Marc.: Аммиан Марцеллин. Res gestae // ВДИ. 1949. 3.

Nic. Damsc. Paradox: Николай Дамасский. Свод странных обычаев // ВДИ. 1947. 4.

Iustin.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // ВДИ. 1954. 2.

Балабанова М.А. и др. 2015: Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград.

Батиева Е.Ф. 2004: Костный фрагмент из могильника Крепостного городища // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 20. 464-465.

Берлизов Н.Е. 2011: Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. 2. 255-258.

Берсенева Н.А. 2011: Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (14). 72-79.

Богаченко Т.В. 2017: Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей / Е.В. Вдовченков (отв. ред.). Ростов-на-Дону; Таганрог.

Вдовченков Е.В. 2013: Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарных систем / В.А. Попов (ред.). СПб. 182-201.

Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. 2005: Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // Древности Боспора. М., 2005. 8. 52-97.

Иванчик А.И. 1988: Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 5. 38-48.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992: Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Крадин Н.Н. 2007: Кочевники Евразии. Алматы.

Мисюгин В.М. 2009: Три брата. СПб.

Мошкова М.Г. 2012: О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. М. 191. 338-350.

Перерва Е.В. 2005: О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 3. 36-44.

Попов В.А. 1981: Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы) // СЭ. 6. 89-97.

Скотт Д. 2001: Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков, СПб. 405-436.

Суриков И.Е. 2009: Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 17. 7-39.

Тревер К.В. 1947: Древнеиранский термин «parna» (к вопросу о социально-возрастных группах) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1. 73-84.

Фиалко Е.Е. 2010: Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. 3. 187-196.

Фиалко Е.Е. 2005: Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен / В.Ю. Зуев (отв. ред.). СПб. 242-247.

Яценко С.А. 2007: О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – III в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1. / П.К. Дашковский (отв. ред.). Барнаул, 58-65.

Яценко С.А. 2018: Женщины-воительницы ранних кочевников в больших и малых некрополях (к анализу планиграфии и уточнению статуса) // Сходознавство: The Oriental Studies. 82. 47-84.

Яценко С.А. 2020: Сарматские женские погребения с топорами I–III вв. н. э // Вещь в контексте погребального обряда: Материалы международной научной конференции, Москва, 28–30 января 2020 года. М. 186-191.

Nelson S.M. 1997: Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. Walnut Creek, CA.

Ustinova Yu.B. 2002: Lycanthropy in sarmatian warrior societies: the Kobyakovo torque // Ancient West and East. 1. 102-123.

REFERENCES

Balabanova M.A. i dr. 2015: Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya. Volgograd.

Batieva E.F. 2004: Kostnyi fragment iz mogil'nika Krepostnogo gorodishcha // Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g. Azov, 20. 464-465.

Berlizov N.E. 2011: Otrazhenie vozrastnoi stratifikatsii savromato-sarmatskikh plemen epokhi rannego zheleza v pogrebal'noi obryadnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2. 255-258.

Berseneva N.A. 2011: Zhenskie pogrebeniya s oruzhiem: realii zhizni ili otobrazhenie sotsial'noi identichnosti? (po materialam sargatskoi kul'tury) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 1 (14). 72-79.

Bogachenko T.V. 2017: Istoricheskie osnovy skazanii o zhenshchinakh-voitel'nitsakh yuzhnorusskikh stepei / E.V. Vdovchenkov (otv. red.). Rostov-na-Donu; Taganrog.

Vdovchenkov E.V. 2013: Problema sushchestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov // Rannie formy potestarnykh sistem / V.A. Popov (red.). SPb. 182-201.

Glebov V.P., Il'yashenko S.M., Tolochko I.V. 2005: Pogrebeniya s oruzhiem ellinisticheskogo vremeni iz nekropolya Tanaisa // Drevnosti Bospora. M., 2005. 8. 52-97.

Ivanchik A.I. 1988: Voiny-psy. Muzhskie soyuzy i skifskie vtorzheniya v Perednyuyu Aziyu // SE. 5. 38-48.

Il'yukov L.S., Vlaskin M.V. 1992: Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha. Rostov-na-Donu.

Kradin N.N. 2007: Kochevniki Evrazii. Almaty.

Misyugin V.M. 2009: Tri brata. SPb.

Moshkova M.G. 2012: O naznachenii pryaslits v pogrebeniyakh muzhchin // Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoi. Trudy GIM. M. 191. 338-350.

Pererva E.V. 2005: O skal'pirovanii u sarmatov (po materialam mogil'nika Novyi) // RA. 3. 36-44.

Popov V.A. 1981: Polovozrastnaya stratifikatsiya i vozrastnye klassy drevneakanskogo obshchestva (k postanovke problemy) // SE. 6. 89-97.

Skott D. 2001: Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II. Khrestomatiya / Pod red. S.V. Zherebkina. Khar'kov, SPb. 405-436.

Surikov I.E. 2009: Udalyayushchiesya amazonki (Gendernaya mifologiya i gendernaya geografiya v drevnegrecheskikh potestarnykh predstavleniyakh) // Adam & Eva. Al'manakh gendernoi istorii. 17. 7-39.

Trever K.V. 1947: Drevneiranskii termin «parna» (k voprosu o sotsial'no-vozrastnykh gruppakh) // Izvestiya AN SSSR. Seriya istorii i filosofii. 1. 73-84.

Fialko E.E. 2010: Pogrebeniya amazonok iz mogil'nika Mamai-Gora // Stratum plus. 3. 187-196.

Fialko E.E. 2005: Skifskie amazonki po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam // Bosporskii fenomen / V.Yu. Zuev (otv. red.). SPb. 242-247.

Yatsenko S.A. 2007: O zhenshchinakh-«zhritsakh» u rannikh kochevnikov (na primere znatnykh sarmatok I v. do n.e. – III v. n.e.) // Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive. Vyp. 1. / P.K. Dashkovskii (otv. red.). Barnaul, 58-65.

Yatsenko S.A. 2018: Zhenshchiny-voitel'nitsy rannikh kochevnikov v bol'shikh i malykh nekropolyakh (k analizu planigrafii i utochneniyu statusa) // Skhodoznavstvo: The Oriental Studies. 82. 47-84.

Yatsenko S.A. 2020: Sarmatskie zhenskie pogrebeniya s toporami I–III vv. n. e // Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 28–30 yanvarya 2020 goda. M. 186-191.

Nelson S.M. 1997: Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. Walnut Creek, CA.

Ustinova Yu.B. 2002: Lycanthropy in sarmatian warrior societies: the Kobyakovo torque // Ancient West and East. 1. 102-123.

Evgeny V. VDOVCHENKOV

ARCHAEOLOGY AND GENDER RECONSTRUCTION IN THE EARLY NOMADS

(AN EXAMPLE OF THE SARMATIANS)

The article reveals the possibilities of studying the gender structure and relations among the Sarmatians on the basis of archaeological data. Particular attention is paid to the burials of women with weapons and, in general, the importance of weapons for Sarmatian society. As a result of the study, it is concluded that the systematic analysis of male and female subcultures of different ages allows us to reconstruct gender roles and statuses in the study group.

Keywords: gender, Sarmatians, Sarmatian culture, age groups, sex and age stratification, male and female subcultures.

Evgeny V. VDOVCHENKOV — PhD (History), Head of the Department of Archaeology and Ancient History Institute of History and International Relations, Southern Federal University. Rostov-on-Don. Russian Federation. — vdovchenkov@yandex.ru

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев, А.А. Внуков, М.А. Малинин

НЕКРОПОЛЬ БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ АТРИБУЦИЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Статья посвящена анализу античных склепов и могил некрополя Белинского городища. Памятник расположен в Восточном Крыму и датируется II–V вв. н.э. На начальном этапе Белинское городище являлось одной из самых мощных пограничных крепостей Боспорского царства. Специфика жизни воинского гарнизона крепости, безусловно, нашла свое отражение и в особенностях погребального обряда местного населения. Особый интерес у авторов вызвали погребения с ярко выраженными нарушениями гендерной атрибуции. На основе

ЗУБАРЕВ Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого — parosta@mail.ru.

ЯРЦЕВ Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого — s-yartsev@yandex.ru

ВНУКОВ Артем Андреевич — документовед учебно-научной лаборатории «Палата древностей» Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого — mr.grandson@yandex.ru

МАЛИНИН Максим Алексеевич — специалист по учебно-методической работе факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого — malinin.maxim.a@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 201-217
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 201-217
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.008

анализа материала собственных археологических раскопок, авторы приходят к выводу, что наличие женского погребального инвентаря в мужских захоронениях или наоборот — мужского в женском, отражают не только прижизненный статус усопшего, но и некоторые религиозные воззрения жителей крепости. По мнению авторов, подобные предметы могли представлять собой жертвоприношение богам или предкам. Наличие же в некоторых погребальных комплексах вещей, принадлежавших разным этническим группам, исследователи связывают с существующей во II–III вв. н.э. на Белинском городище практикой межэтнических браков.

Ключевые слова: Античность, Крым, погребения, погребальный инвентарь, мужчины, женщины, гендерные атрибуции, сарматы.

Одной из главных тем, которые разрабатывают современные исследователи, является этническая история Северного Причерноморья, в том числе и Боспорского царства в эллинистическое и римское время. К сожалению, фрагментарное состояние большинства письменных источников по этнической истории греческих полисов Северного Причерноморья существенно осложняет процесс исследований. В этой связи растет значение археологического материала, получаемого в ходе ежегодных раскопок в Крыму. Очевидно, что на современном этапе, только материальные останки позволяют нам расширить знания об этническом составе населения Тавриды, как в античную, так и в позднеантичную эпоху.

Не вызывает сомнения, что на протяжении первых веков нашей эры этнический состав населения греческих городов Северного Причерноморья менялся. Безусловно, улицы полисов наполнялись различными варварскими компонентами. Отдельные представители сарматов, аланов, готов инфильтрировались в городское население Пантикапея, Херсонеса и прочих античных центров Северного Причерноморья, обогащая их культуру. Даже консервативные ольвиополиты, отличающиеся этнической интолерантностью, в конечном итоге поддались варварским культурным веяни-

ям[1]. В этой связи вызывает интерес степень контактов греческого населения полисов и их хоры с северопонтийскими варварами в античный и позднеантичный период. Тем более, когда в распоряжение ученых имеются сведения о различных формах взаимодействия цивилизованных греков с варварами. В качестве яркого примера таких контактов, можно вспомнить, одного жителя Паннонии, которого в конце 430-х или в начале 440-х гг. н.э. захватили гунны, во время очередного набега на римские провинции. Он предпочел не возвращаться в родные края, а остаться в ставке у кочевников, где ко времени посольства Приска он обзавелся женой варварского происхождения (Prisc. Fr, 8).

В связи с этим надо отметить, что римское оседло-земледельческое приграничное население активно взаимодействовало с кочевниками в различных сферах жизни. Примеры подобного этнокультурного взаимодействия можно найти и в населенных пунктах античных государств Северного Причерноморья[2], в том числе и в районах военных поселений, расположенных на границах Боспорского царства. В качестве примера, можно привести данные Артезианской надгробной стелы, посвященной Сосибию и его сыновьям. Анализируя этот эпиграфический памятник, С.Ю. Сапрыкин и Н.И. Винокуров пришли к выводу о полиэтничности данной семьи. Видимо, глава семьи, отец Сосибия, был эллином или эллинизованным боспорцем с фракийскими корнями, а его сыновья происходили от брака с женщиной, в жилах которой текла фракийская и сарматская кровь (или сыновья были рождены от браков с двумя разными женщинами — фракиянкой и сарматкой)[3].

Для исследования подобных сложных вопросов взаимодействия варварства и цивилизации, важным представляется использование материала с территорий крупных пограничных античных поселений, таких как городище Белинское. Представляется, что благодаря раскопкам на указанных культурно-археологических

---

[1] *Русяева А.С., Русяева М.В.* 2004, 166; *Подосинов А.В.* 2012, 21-51.
[2] *Яценко С.А.* 2019, 235-256.
[3] *Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В.* 2014, 151.

памятниках можно с предельной точностью восстановить и реконструировать, не только этнический состав населения, но и уточнить формы контактов античного населения с варварами.

Некрополь Белинского расположен напротив городища (в 600 м к востоку). Его территория начинается от восточного склона Аджиэльской балки, и следует далее в восточном направлении в сторону современного шоссе на г. Керчь. Площадь некрополя составляет примерно 7,8 га[4].

С момента открытия памятника в 2003 г. и начала его систематического изучения в 2005 г.[5] Белинской археологической экспедицией были выявлены и исследованы 23 склепа и такое же количество грунтовых могил[6]. В целом большинство погребений некрополя относится к античному периоду истории городища Белинское, однако здесь имеются и средневековые впущенные захоронения кочевников (склепы №16, №18, №19 и №23), которые сейчас мы рассматривать не будем. Что же касается античных погребений, то в преобладающих случаях они являются семейными и коллективными усыпальницами. Большинство из них были разграблены еще в древности, а также серьезно пострадали во время разработки карьера в 70-х гг. XX века, после чего полностью или частично были выбраны современными грабителями. Из нетронутых могил и погребальных сооружений стоит выделить могилы №12, №13 (Илл. 1-2). Их функционирование приходилось на середину II – начало III вв. нашей эры и в целом они представляют единый комплекс семейного участка некрополя.

Примечательны эти могилы в первую очередь тем, что помещенный в них погребальный инвентарь достаточно разнообразный. Среди артефактов имеются вещи, которые находились в пользование как греческого, так и варварского населения Крыма. Примером этому могут служить многочисленные находки бус: шаровидные поперечно сжатые из глухого темно-синего и темного стекла, с двумя пересекающимися волнистыми линиями из глухого

[4] *Зубарев В.Г.* 2018, 98.
[5] *Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* 2006, 316-339.
[6] *Зубарев В.Г.* 2018, 98.

белого стекла; цилиндрические с фестончатым орнаментом; формы параллелепипеда из гагата; цилиндрические с гагатовыми пронизями и прочие (Илл. 3).

Первый тип бус характерен для позднеримского времени и встречается в центральном Крыму. При этом все найденные на некрополе городища Белинское экземпляры относятся ко второй половине III–IV вв. н.э. Впрочем, при сопоставлении этих данных с данными Е.М. Алексеевой, во многих случаях прослеживается следующая тенденция — бусы одного и того же типа на Боспоре распространяются раньше, чем в предгорном Крыму; раньше они там и исчезают, а у скифо-сарматского населения продолжают бытовать еще более одного столетия.

Бусы с фестончатым орнаментом были распространены на протяжении всего римского времени[7]. В предгорном Крыму они почти одинаково часто встречаются как в погребениях I в. до н.э. – II в. н.э., так и в захоронениях III–IV вв., с незначительным преобладанием в позднеримский период.

Бусы в форме параллелепипеда из гагата встречаются в античных комплексах I в. до н.э. – II в. н.э. (типы 42, 43)[8]. В варварских памятниках предгорного Крыма наибольшее количество таких пронизей зафиксировано в погребениях конца II — первой половины III в. н.э., хотя единичные бусины известны и в более раннее – II в. до н.э. (могильник Фонтаны, катакомба эллинистического времени), и в более позднее — IV в. н.э. (могильник Нейзац).

Последний тип бус отмечен в захоронениях с III в. до н.э. до IV в. н.э. включительно, однако их подавляющее большинство сосредоточено в погребениях I – первой половины III в. н.э., где они иногда составляют наборы по несколько сотен экземпляров. К эллинистическому времени относятся только два комплекса с такими изделиями — катакомба №5 из могильника Фонтаны и склеп №39 из Беляуса, причем в последнем число попавших в коллекцию пронизей составляет 154 экземпляра[9]. Вероятно, носителями моды

---

[7] *Алексеева Е.М.* 1978, 48-50.

[8] *Алексеева Е.М.* 1978, 16.

[9] *Дашевская О.Д.* 2001, 94; *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* 2004, 239-269.

на украшения из гагатовых цилиндрических пронизей были сарматы Нижнего Поволжья, у которых эти бусы широко распространяются с III в. до н.э.[10]. По мере продвижения сарматских племен на запад, бусы этого типа появляются в Северном Причерноморье, где становятся особенно популярными в I–II вв. н.э. При этом подавляющее большинство находок таких пронизей связано с Боспором, в то время как в сарматских погребениях степи они встречаются спорадически, а наборы бус в целом носят иной характер, чем крымские. Однако активное использование таких пронизей продолжается варварским населением Центрального Крыма: 98% гагатовых бус рассматриваемого типа (около двух тысяч экземпляров) из могильника Нейзац сосредоточено в комплексах конца II – первой половины III вв. н.э., оставленных сарматским населением долины р. Зуя. В Центральном и Западном Крыму встречаются они и в комплексах второй половины III–IV вв. н.э.[11].

Помимо всего вышесказанного вызывает интерес и то обстоятельство, что в указанных погребениях обнаруживается гендерные несоответствия в помещенном в могилы инвентаре. Так, слева в области таза погребенной женщины из могилы № 12 (Илл. 4) был оставлен точильный камень (Илл. 5). Подобные оселки встречаются во многих погребальных комплексах Северного Причерноморья, однако чаще всего они входят в погребальный инвентарь мужских погребений[12]. Впрочем, В.Г. Зубарев не исключает, что данный оселок мог принадлежать погребенному ранее в этой могиле мужчине. Однако похожее противоречие встречается и в могиле № 13. Здесь в мужское захоронение была, вероятно, помещена деревянная шкатулка (Илл. 6). Об этом можно судить по сохранившейся накладке и замку подобных изделий. Деревянная шкатулка является одним из атрибутов женских погребений римского времени[13]. Тем не менее, они могут встречаться и в мужских захоронениях. Отметим и то, что не всегда помещаемые в могилу вещи

[10] *Скрипкин А.С.* 1990, 114.
[11] *Стоянова А.А.* 2004, 289, 301.
[12] *Высотская Т.Н.* 1994, 92-93.
[13] *Высотская Т.Н.* 1994, 121-122; *Пуздровский А.Е.* 2007, 154-155.

были предназначены покойному. Заупокойный дар мог представлять собой жертвоприношение богам или предкам. К примеру, дар божеству для сопровождения в загробный мир. Следовательно, наличие женских атрибуций в мужских погребениях или наоборот отражают не только прижизненную роль усопшего, но и некоторые религиозные воззрения населения.

В синхронных этим погребениям могилах на южном участке некрополя также обнаруживается схожий инвентарь. Однако конструкция могил здесь существенно отличается от захоронений, расположенных в центральной части некрополя. Если в первом случае мы имеем дело с обычными для боспорских некрополей грунтовыми могилами, то во втором — с могилами, в длинных стенах которых имеются пазы, предназначенные для удержания краев деревянного или каменного перекрытия. Аналогом этих погребений могут служить грунтовые могилы могильника Нейзац[14]. Появление подобных захоронений связывается исследователями с определенной группой сармат, не вступивших в тесные контакты с поздними скифами и отличавшихся некоторой замкнутостью[15].

В данных погребениях на южном участке некрополя гендерных несоответствий выявлено не было. В женские могилы (№14, №17, №20) в основном клали бижутерию и ювелирные украшения (бусы, бисер, перстни и серьги), в мужские, если судить по грабительскому отвалу, аксессуары именно мужского костюма.

Тем не менее, обращает на себя внимание, наличие в погребение №17 железного однолезвийного черешкового ножа. Подобные ножи были достаточно широко распространены в местных некрополях и на поселениях римского времени[16]. В погребениях их чаще всего обнаруживают в краснолаковых тарелках или блюдах. В частности, на некрополе «городища Белинское» такие ножи были найдены в могиле №12 и в краснолаковом блюде в могиле № 13, принадлежавшей мужчине в возрасте 30-40 лет. Аналогичные но-

---

[14] *Храпунов И.Н.* 2004, 134.

[15] *Храпунов И.Н.* 2004, 136.

[16] *Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С.* 2009, 130, рис. 67. 8-9.

жи происходят и из погребального комплекса могилы № 577 могильника Нейзац, датируемого II в. н.э.[17]. Ножи часто встречаются в боспорских и сарматских погребениях, и не всегда они указывают на какую-либо гендерную атрибуцию, а являются общекультурной категорией инвентаря. К примеру, для греческой культуры Боспора они служили своего рода оберегами, цель которых связана с охраной умершего. Однако наличие подобных предметов в погребениях принадлежащим разным этническим группам, но в тоже время живших на Белинском городище в определенный период указывает на явные этнокультурные контакты. Можно даже предположить наличие межэтнических браков на городище, но пока этот тезис трудно подтвердить на имеющемся у нас материале. Тем более, погребения, которые нами связываются с профессиональными мигрантами (военные поселенцы), являются одиночными. Поэтому остается только надеяться, что дальнейшие исследования позволят подтвердить наше предположение.

После варварских походов во второй половине III в., этнический состав Белинского городища меняется. Это хорошо заметно по массовым и индивидуальным находкам, а также по появлению склепов нетипичной для предыдущего периода конструкции. Речь идет о вырубленных склепах с коротким дромосом. Традиция строительства подобных склепов связана с Северокавказским регионом. В Крыму подобные склепы известны на территориях могильников Нейзац, Дружное, Суворово, и связываются они с аланами[18].

В основном погребения античного времени в рассматриваемых склепах не сохранились. Имеющийся в некоторых из них инвентарь и оставшиеся костяки принадлежат более поздним номадам (Илл. 7, 8). Античные находки представлены в основном фрагментами краснолаковой и лепной керамики, светильников, курильниц, гвоздей и т.д. Нарушение положения первичных погребений осложняет дальнейшую интерпретацию имеющего мате-

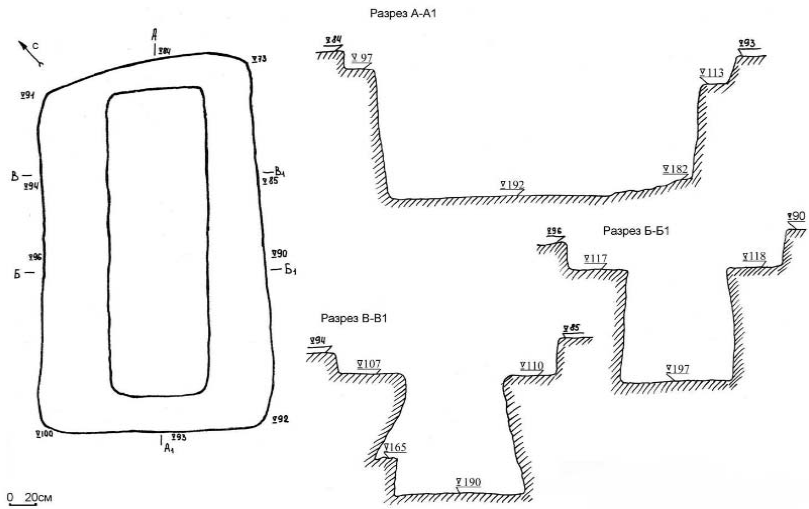
---

[17] *Храпунов И.Н. Стоянова А.А.* 2016, 203-206, рис. 12.19, 12.27.

[18] *Храпунов И.Н.* 2004, 137; *Храпунов И.Н.* 2018, 133-145; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.* 2019, 179-204.

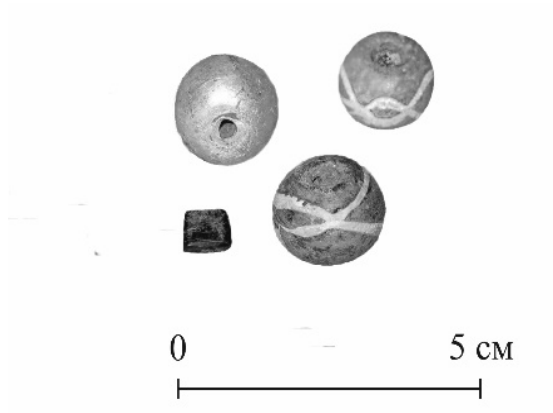
риала и не дает возможность детально и отдельно рассмотреть его по гендерному признаку. Остается только надеяться, что последующие исследования на некрополе городища Белинское позволят провести более подробный анализ Т-образных склепов, содержащих античные погребения in situ.

В заключение надо отметить, что в целом некрополь «городища Белинское» — это один из немногих памятников, который демонстрирует этнокультурные связи на западной границе Боспорского царства. Его дальнейшее изучение важно не только для понимания истории Крыма в античную и средневековую эпоху, но и для осознания гендерных ролей местных жителей в быту, при явных миграционных потоках, прослеживающихся на всех этапах существования Боспорского царства и городища в частности.



Илл. 1
Некрополь городища Белинское (центральная часть)
Могила №12. План разрез

Илл. 2
Некрополь городища Белинское (центральная часть)
Могила № 13

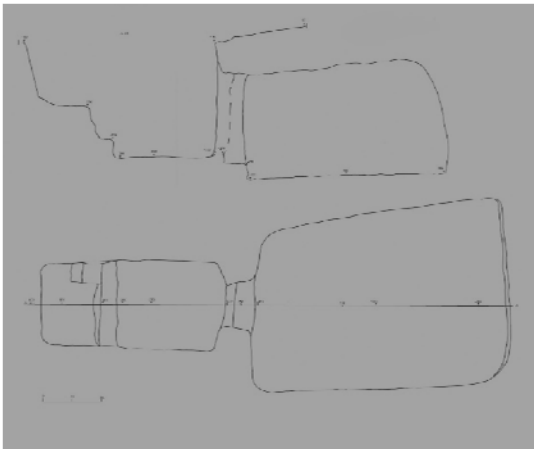


Илл. 3
Бусы с некрополя городища Белинское

Илл. 4
Некрополь городища Белинское (центральная часть)
Могила № 12. Фото после зачистки

Илл. 5.
Некрополь городища Белинское
(центральная часть). Могила № 12. Оселок

Илл. 6
Некрополь городища Белинское (центральная часть).
Могила № 13. Погребальный инвентарь



Илл. 7
Некрополь городища Белинское. Склеп 23

Илл. 8.
Некрополь городища Белинское. Одно из перезахоронений
в погребальной камере

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1978: Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12/2. М.

Высотская Т.Н. 1994: Усть-Альминское городище и некрополь. К.

Дашевская О.Д. 2001: Земляной склеп №39 в Беляусском некрополе / Поздние скифы Крыма // ТГИМ. 118. М. 87–95.

Зубарев В.Г. 2018: Южный участок некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму (по результатам полевых исследований в 2013–2015 гг.) // ДБ. 23. М. 98-113.

Зубарев В.Г., Ланцов С.Б. 2006: Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. 10. М. 316-339.

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л. 2019: «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II–V вв. н. э. (на примере городища Белинское) // БИ. XXXVIII. Симферополь-Керчь. 179-204.

Подосинов А.В. 2012: Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н.э. и данные археологии, и эпиграфики // АРИСТЕЙ VI. М. 21-51.

Пуздровский А.Е. 2007: Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.

Русяева А.С., Русяева М.В. 2004: Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. К.

Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму. (Его жители и культы) // ВДИ. 3(290). 134-162.

Скрипкин А.С. 1990: Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Стоянова А.А. 2004: Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // БИ. Вып. V. 263-319.

Храпунов И.Н. 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI. Симферополь-Керчь.

Храпунов И.Н. 2018: Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV. Симферополь. 133-145.

Храпунов И.Н. Стоянова А.А. 2016: Первые погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. 3. 200-234.

Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С. 2009: Поселения в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007–2008 гг.). Симферополь.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. 2004: Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 14. 239-269.

Ярцев С.В. 2011: Готы-тетракситы: от язычества к христианству // Каразінські читания (історичні науки). 93-94.

Яценко С.А. 2019: Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I–IV вв. н.э. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 4. 235-256.

REFERENCES

Alekseeva E.M. 1978: Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya // SAI. G1-12/2. M.

Dashevskaya O.D. 2001: Zemlyanoi sklep № 39 v Belyausskom nekropole / Pozdnie skify Kryma // TGIM. 118. M. 87-95.

Khrapunov I.N. 2004: Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke // BI. VI. Simferopol'-Kerch'.

Khrapunov I.N. 2018: Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze // Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). IV. — Simferopol'. 133-145.

Khrapunov I.N. Stoyanova A.A. 2016: Pervye pogrebeniya v mogil'nike Neizats // Istoriya i arkheologiya Kryma. 3. 200-234.

Khrapunov I.N., Mul'd S.A. 2004: Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoi kul'tury // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 14. 239-269.

Khrapunov I.N., Vlasov V.P., Smokotina A.V., Shaptsev M.S. 2009: Poseleniya v Barabanovskoi balke (po rezul'tatam raskopok 2007–2008 gg.). Simferopol'.

Podosinov A.V. 2012: Svedeniya Diona Khrisostoma o varvarizatsii Ol'vii v I v. n.e. i dannye arkheologii i epigrafiki // ARISTEI VI. M. 21-51.

Puzdrovskii A.E. 2007: Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki. Simferopol'.

Rusyaeva A.S., Rusyaeva M.V. 2004: Ol'viya Pontiiskaya: Gorod schast'ya i pechali. K.

Saprykin S.Yu., Vinokurov N.I., Belousov A.V. 2014: Gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu. (Ego zhiteli i kul'ty) // VDI. 3(290). 134-162.

Skripkin A.S. 1990: Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt. Saratov.

Stoyanova A.A. 2004: Busy i podveski iz mogil'nika Neizats (po materialam raskopok 1996–2001 gg.) // BI. Vyp. V. 263-319.

Vysotskaya T.N. 1994: Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'. K.

Yartsev S.V. 2011: Goty-tetraksity: ot yazychestva k khristianstvu // Karazins'ki chitaniya (istorichni nauki). 93-94.

Yatsenko S.A. 2019: Muzhchiny sarmatskogo proiskhozhdeniya v nekropolyakh bosporskoi elity I–IV vv. n. e // Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropolo-giya. 4. 235-256.

Zubarev V.G. 2018: Yuzhnyi uchastok nekropolya gorodishcha «Belinskoe» v Vo-stochnom Krymu (po rezul'tatam polevykh issledovanii v 2013–2015 gg.) // DB. 23. M. 98-113.

Zubarev V.G., Lantsov S.B. 2006: Nekropol' gorodishcha «Belinskoe» (predvari-tel'nye rezul'taty pervykh raskopok) // DB. 10. M. 316-339.

Zubarev V.G., Yartsev S.V., Smekalov S.L. 2019: «Varvarskii» komponent v ma-terial'noi kul'ture sel'skikh poselenii Evropeiskogo Bospora vo II–V vv. n. e. (na primere gorodishcha Belinskoe) // BI. XXXVIII. Simferopol'-Kerch'. 179-204.

Viktor G. ZUBAREV, Sergey V. YARTSEV
Artem A. VNUKOV, Maksim A. MALININ

THE NECROPOLIS “BELINSKOE HILLFORT” IN THE EASTERN CRIMEA IN THE CONTEXT OF GENDER ATTRIBUTION OF THE FUNERAL GOODS

The article deals with the analysis of ancient crypts and graves in the necropolis of “Belinskoe hillfort”. The archaeological site is located in the Eastern Crimea and dates from the 2–5th centuries AD. At its initial stage, the Belinskoe hillfort settlement was one of the most powerful frontier fortresses of the Bosporan kingdom. The specific lifestyle of the military garrison of the fortress was undoubtedly reflected in the funeral rites of the local population. The authors were particularly interested in burials with pronounced

gender attribution disorders. On the basis of an analysis of the material from their own archaeological excavations, the authors conclude that the presence of female funerary implements in male burials or vice versa — of the male in the female, reflects not only the lifetime status of the deceased, but also certain religious beliefs of the fortress residents. According to the authors, such objects may have represented an offering to the gods or ancestors. Researchers link the presence of items belonging to different ethnic groups in some burial complexes to the practice of inter-ethnic marriages in the Belinsky hillfort in the 2nd–3rd centuries A.D.

Keywords: Antiquity, Crimea, burials, funerary implements, men, women, gender attributions, Sarmatians.

Viktor G. ZUBAREV — Doctor of Science (History), Professor of the Department of the History and Archeology Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). — parosta@mail.ru

Sergey V. YARTSEV– Doctor of Science (History), Professor of the Department of the History and Archeology Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). — s-yartsev@yandex.ru

Artem A. VNUKOV — Documentologist of the educational and Scientific laboratory “Hall of Antiquities” of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). — mr.grandson@yandex.ru

Maksim A. MALININ — Specialist in Educational and Methodological Work of the Faculty of History and Law of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). — malinin.maxim.a@yandex.ru

И.Е. Ермолова

ПРОЦЕССЫ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ ВЕЛИЧИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV ВЕКА

В статье анализируется проблема потока обвинений в покушении на верховную власть в Римской империи в период правления императора Констанция II (337–361). Одним из самых важных источников по данной теме является историческое сочинение Аммиана Марцеллина. Текст его «Деяний» свидетельствует о том, что в высшем римском обществе козни и злоумышления были обыденным делом. Злонамеренное поведение мужчин из окружения императора зачастую проявляется не в форме прямой агрессии, а хитрыми, иногда усыпляющими внимание того, на кого они направлены, действиями исподтишка, что более свойственно женщинам. Историк иногда удивляется такому коварству, видя в нем отражение свойств характера обвинителей невинных людей, но в тексте его произведения есть материал, на основе которого можно предположить, каковы были предпосылки необоснованных наветов. Причиной козней могло быть желание устранить соперника по службе, уничтожить политического противника или того, кто стал слишком успешен, а то и просто обогатиться за счет имущества невинно осужденных. Гораздо большая инициативность мужчин в подобных действиях, вероятно, объясняется тем, что у женщин в IV в. было значительно меньше возможностей для участия в общественной жизни. Немногочисленные эпизоды «Деяний», описывающие злонамеренные действия женщин, показывают, что они могли быть не менее коварны и жестоки,

---

Ирина Евгеньевна ЕРМОЛОВА — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация, Москва — merira@mail.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 218-228
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 218-228
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.009

чем мужчины. И гендерные различия в данном случае, видимо, минимальны.

Ключевые слова: оскорбление величия, Аммиан Марцеллин, Констанций II, донос, казнь.

В IV в. в высшем римском обществе злоумышления и коварные интриги были обыденным делом. Инициировали их, по большей мере, как правило, мужчины, используя не прямую агрессию и применение силы, а действуя исподтишка, что больше свойственно женщинам. Как пишет Аммиан Марцеллин об одном из таких интриганов:

> «Подобно тому как змея, укрываясь в подземной норе, следит оттуда за проходящими мимо, внезапно бросается на них и жалит одного за другим, так и этот человек, прошедший путь от низшего звания до высших чинов, не будучи сам ни оскорбленным, ни задетым, осквернял себя необъяснимой склонностью вредить другим»[1].

Вряд ли действия такого рода были беспричинными, да и сам историк в своем сочинении предоставляет материал, на основе которого можно предположить, каковы были предпосылки наветов, обрушивавшихся на невинных людей.

Во время правления императора Констанция II чрезвычайно часто, по мнению Аммиана Марцеллина, возбуждались судебные дела по обвинению в оскорблении величия. Закон Юлия о (преступлении) против величия[2] был очень востребован в поздней империи. Если первоначально этот закон был направлен на защиту всего государства: «Преступлением же против величия является то, которое совершается против римского народа или против его безопасности»[3], то в последующей редакции он был изложен несколько иначе: «Закон Юлия об оскорблении Величества проявляет свою строгость

---

[1] *Amm. Marc.* XV. 2. 4.

[2] Закон императора Юлия Августа Октавиана 8 г. до н.э. (*Кофанов Л.Л.* 2005, 35).

[3] Dig. XLVIII. 4. 1. 1: Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum Romanum vel securitatem eius committitur.

относительно тех, которые злоумышляли что-либо против императора или государства»[4], то есть на первое место вышла личность правителя. В позднем Риме данная норма применялась для защиты именно императора.

По сведениям традиции, наиболее подозрительным из правителей IV в. был Констанций II, но и некоторые его родственники, в частности, цезарь Галл, от него не отставали.

Правда, значительную часть вины за злоупотребления в данной сфере историк возлагает на жену последнего, сестру Констанция и дочь Константина I: вопреки «свойственной женской природе мягкости»[5] она была «не менее жадной до человеческой крови, чем ее супруг»[6]. Аммиан Марцеллин сообщает, что «мегера в человеческом облике, она постоянно поощряла бешенство Галла»[7]. Целенаправленные действия супружеской пары совершались в полном согласии, и невозможно разделить в них мужское и женское начало. Они

> «...выведывали ложные, входившие в их расчеты, слухи через действовавших тайно коварных собирателей сплетен, которые имеют дурную привычку прибавлять легкомысленные измышления к тому, что им удалось узнать. На основании такого рода материала супруги стали возбуждать против ни в чем не повинных людей клеветнические обвинения в стремлении к верховной власти и в колдовстве»[8].

Приемы эти, как видно из текста, легко находили исполнителей, так как помимо сильного страха за свою власть, они стремились нажиться за счет конфискованного имущества обвиняемых, часть которого доставалась и их приспешникам.

Со временем источниками компрометирующих сведений стали не только случайно подслушанные разговоры ничего не подоз-

---

[4] Inst. Iust. IV. 18. 3: lex Iulia maiestatis, quae in eos, qui contra imperatorem vel rem publicam aliquid moliti sunt, suum vigorem extendit.

[5] *Amm. Marc.* XV. 1. 8.

[6] *Amm. Marc.* XV. 1. 2.

[7] *Idem.* XIV. 1. 2.

[8] *Idem.* XIV. 1. 2.

ревающих людей, но и специально организованные действия с целью фабрикации доносов:

> «Никому не известные люди, не вызывавшие ни в ком опасения из-за своего ничтожества, были направлены по всем концам Антиохии для собирания слухов и сообщения о них. Мимоходом и незаметно они появлялись в кружках людей с положением, проникали в дома богачей в одежде бедных просителей и все, что им удавалось узнать или тайком прослышать, доносили во дворец, имея доступ с заднего крыльца. Проявляя единодушное между собою согласие, они кое-что присочиняли, а то, что узнавали, преувеличивали в дурную сторону»[9].

Закон Юлия разрешал обвинять всем категориям населения без ограничений:

> «Бесчестные, которые не имеют права обвинения, без всякого сомнения допускаются к этому обвинению <...> Обвиняющие, и даже своих господ, рабы также выслушиваются, и вольноотпущенники, (обвиняющие) патронов»[10].

Этим положением в полной мере пользовались правители IV в. Вокруг императора Констанция тоже «появилось вдруг множество собирателей слухов, хватавших своей звериной пастью сначала богатых, а потом бедных и богатых без разбора»[11]. Один из служителей царского стола, перс Меркурий, умело втирался в доверие собравшихся на пирах и специализировался на подслушивании разговоров о сновидениях,

> «...расцвечивал это своим ядом и доводил до сведения императора, охотно внимавшего слухам, а в результате возникало обвинение в тяжком и неискупаемом преступлении», за что получил прозвище «комит сновидений»[12].

Один имперский агент в Испании, будучи приглашен на пир, злостно истолковал обычный возглас слуг, вносивших светильники

---

[9] *Idem.* XIV. 1. 6.
[10] Dig. XLVIII. 4. 7 pr.; 2.
[11] *Amm. Marc.* XV. 3. 3.
[12] *Idem.* XV. 3. 5.

«Да будет наша победа!», и этим доносом погубил знатное семейство[13].

Женщины в таких ужасных делах тоже иногда участвовали, так как закон и им давал возможность делать это: «В следствиях об оскорблении величия выслушиваются даже женщины»[14]. Аммиан Марцеллин приводит возмутительный, по его мнению, случай. Одна женщина из Александрии, по личным причинам возненавидевшая своего зятя, подкупила жену цезаря Галла богатым подарком и добилась смертного приговора несчастному[15] по закону Юлия.

Ни в чем не повинные люди могли пострадать из-за желания доносчика упрочить свое служебное положение. К такому приему неоднократно прибегал Руфин, занимавший должность начальника канцелярии префекта претория и хотевший сохранить ее как можно дольше. Множество людей якобы за стремление к близкому государственному перевороту были подвергнуты пыткам и казнены, а Руфин получил искомое[16].

В 359 г. в палестинском городе Скифополе проходил грандиозный процесс над жителями восточных провинций и, главным образом, Александрии[17]. Императору Констанцию II сообщили о якобы злоумышлении на его власть людей, обращавшихся к оракулу бога Безы в египетском городе Абиде[18]. Инициатором данного действа был епископ Александрии Георгий, незадолго до этого вынужденный бежать из города и жаждавший вернуться на свое место и отомстить своим недоброжелателям: «Перед Констанцием, который имел склонность допускать наушничество, он оговаривал многих»[19]. Об этом свидетельствуют и другие источники[20]. Для разбирательства был послан нотарий Павел, уже приобретший огромный опыт в расследовании преступлений против величия и получивший прозвище Катена, то есть «цепь», так как он сильно

[13] *Idem.* XVI. 8. 9. См. также: XVI. 8. 8.
[14] Dig. XLVIII. 4. 8.
[15] *Amm. Marc.* XIV. 1. 3.
[16] *Idem.* XV. 3. 7–9; XVI 8. 3–5.
[17] *Idem.* XIX. 12. 8.
[18] *Idem.* XIX. 12. 3.
[19] *Idem.* XXII. 11. 5.
[20] *Ведешкин М.А.* 2018, 197.

поднаторел в искусстве запутывания невиновных[21]. Павел был лично заинтересован в обвинении как можно большего количества людей, так как «получал барыши и доходы от дыбы и палача»[22]. На Восток Катена был отправлен с «широкими полномочиями (potestate delata)»[23]. И так, как и доносчиком, и дознавателем

> «...был предоставлен полный простор клевете (dataque calumniae indulgentia), то привлекли к суду множество людей чуть ли не со всех концов земли, знатных и простых; одних заковали в оковы, других заморили в темницах»[24]. «Так как обвинения распространялись все дальше, и сети козней растягивались без конца, то одни приняли смерть во время пытки, другие приговорены были к самым тяжелым наказаниям с конфискацией имущества»[25].

Во всех процессах об оскорблении величия IV в. был нарушен важный принцип презумпции невиновности, прямо декларируемый в законе Юлия:

> «Однако судьям следует рассматривать это обвинение не как случай (выказать) глубокое уважение к императорскому величию, но (основываясь) на истине; ибо следует обращать внимание и на личность: мог ли он совершить (такое), и совершал ли прежде что-нибудь, и имел ли намерение (совершить), и в здравом ли уме он находился. И необдуманные речи не должны вести к наказанию, потому что, хотя безрассудные заслуживают наказания, однако к ним, как к сумасшедшим, следует быть снисходительным»[26].

И если случайные люди страдали от беспочвенных обвинений в антиимператорских замыслах, то в еще большей опасности находились те, кто занимал высшие военные должности, поскольку они реально имели возможности для узурпации власти, командуя крупными контингентами войск. В первую очередь, под подозре-

---

[21] *Amm. Marc.* XIV. 5. 6–9; XV. 6. 1.
[22] *Idem.* XIX. 12. 1.
[23] *Idem.* XIX. 12. 5.
[24] *Idem.* XIX. 12. 7.
[25] *Idem.* XIX. 12. 13.
[26] Dig. XLVIII. 7. 3.

ние попадали магистры пехоты и конницы. Так, был оклеветан якобы в попытке государственного переворота и в результате этого вынужден был решиться на узурпацию власти и погиб магистр пехоты в Галлии Сильван. Аммиан Марцеллин пишет, что, пользуясь мнительностью Констанция,

> «...раздували пламя общественных бедствий также и влиятельные при дворе лица с тем, чтобы присоединить к своему имуществу добро осужденных и иметь возможность расширять свои земельные владения, включая в них соседние участки»[27].

В этом конкретном случае двигателем обвинения был, видимо, магистр конницы и консул 355 г. Арбецион, считавший Сильвана своим соперником[28]. По оговору рабыни Арбецион, «обладавший большим умением создавать обвинения», инициировал процесс и против преемника Сильвана, магистра пехоты Барбациона, закончившийся смертной казнью последнего и наказаниями многих других[29]. За покушение на верховную власть (ut iniectans imperio) был казнен сын бывшего магистра конницы и пехоты Марцелла[30].

Аммиан Марцеллин стремится уверить слушателя и читателя, что его командир Урзицин, магистр конницы на Востоке, подвергался таким же репрессиям. Он пишет о придворных Констанция:

> «Они старались тяжелыми обвинениями погубить этого храброго мужа (Урзицина), рассказывая, будто его взрослые уже сыновья <...> питают преступные замыслы, <...> верховная власть могла перейти к детям магистра конницы»[31].

Вероятно, среди недоброжелателей Урзицина опять был Арбецион:

> «Его товарищ Арбецион, поднаторевший в интригах против прямодушных людей и в ту пору не в меру могущественный, толкал его, под видом искреннего расположения, на гибель тем, что нередко публично называл его храбрым»[32].

---

[27] *Idem.* XV. 5; XVI. 8. 11.
[28] *Ермолова И.Е.* 2020, 421-422.
[29] *Amm. Marc.* XVIII. 3. 2–5.
[30] *Idem.* XXII. 11. 2.
[31] *Idem.* XIV. 11. 3.
[32] *Idem.* XV. 2. 4.

Историк сообщает, что после убийства цезаря Галла

> «...возбуждено было обвинение в оскорблении величества (crimen laesae maiestatis) против Урзицина, и зависть, враг всех хороших людей, все более настойчиво стала покушаться на его жизнь»[33].

Но далее эпизод о его опале представляется довольно туманным и неконкретным. Аммиан, который очень подробно описывает многие процессы об оскорблении величия, в данном случае не сообщает, кто был обвинителем и почему дело все-таки не дошло до суда[34]. И когда историк передает разговор Сильвана с Урзицином, он устами Сильвана не говорит, что и Урзицин был обвинен в оскорблении величия:

> «Он жаловался на то, что недостойных людей возвышают до консулата и высших постов, а что он сам и Урзицин после многих тяжких трудов, перенесенных на благо государству, попали в такую немилость, что сам он был позорно оскорблен следствием над друзьями и обвинен в оскорблении величества (in maiestatem arcesseretur), а Урзицин отозван с Востока и предан ненависти своих врагов»[35].

Это обстоятельство заставляет думать, что Аммиан Марцеллин преувеличил степень опасности, которая угрожала его начальнику. Да и благоприятный для Урзицина исход дела: он не только остался жив, но и продолжал служить, свидетельствует о том же:

> «Вряд ли кто вспомнит, чтобы существовали оправданные при Констанции, в правление которого подобные дела возбуждались на основании пустых слухов»[36].

Правда, поскольку постоянного органа или комиссии по расследованию и организации суда по преступлениям против величия

---

[33] *Idem.* XV. 2. 1.

[34] *Thompson E.A.* 1947, 44; *Matthews J.F.* 1989, 36; *Ибатуллин Р.У.* 2000, 64-65. Комментатор текста Аммиана Марцеллина справедливо отмечает то обстоятельство, что описания интриг против Урзицина в разных книгах клишированы и расплывчаты (*Szidat J.* 1977, 105).

[35] *Amm. Marc.* XV. 5. 28.

[36] *Idem.* XIV. 5. 9.

не было, результаты такого рода дел во многом зависели от их исполнителей, и в очень редких случаях были справедливы. Интриги при дворе были так сильны, что под следствие попали сами самые злостные доносчики, Арбеционом и Руфин. Первого комит Вериссим и бывший медик скутариев Дор обвинили в том, что он, не довольствуясь достижением высшего военного звания, стремится к императорскому достоинству[37]. Были приняты серьезные меры для производства дела, «и все ожидали подтверждения виновности»[38], но неожиданно расследование было прекращено, заключенные как соучастники отпущены, один обвинитель исчез, а второй замолчал[39]. Вероятно, у Арбециона в окружении императора были чрезвычайно могущественные покровители, недаром Аммиан пишет, что произошло это «благодаря старанию спальников, как гласила упорная молва»[40].

Что касается Руфина, то он сфабриковал очередное обвинение, вовлекши в мошенничество жену невиновного человека. Но на этот раз судьями были назначены честные чиновники, которые полностью раскрыли дело и, докопавшись до истины, осудили на казнь самого доносчика[41]. Единственный раз в процессах об оскорблении величия восторжествовала справедливость. Известие о казни Руфина привело Констанция в ярость, и та же участь грозила и самим судьям, но один из них сумел доказать императору правильность приговора и тем спас и себя, и своего коллегу[42].

Таким образом, при дворе Констанция II многие мужчины не гнушались пользоваться приемами, более свойственными женщинам, злоумышляя интриги, чтобы сохранить должность, устранить соперника по службе, уничтожить политического противника или того, кто стал слишком успешен, а то и просто обогатиться за счет имущества невинно осужденных. Женщины изредка (может быть, потому что возможностей у них для этого было гораздо меньше,

---

[37] *Idem.* XVI. 6. 1–2.
[38] *Idem.* XVI. 6. 3.
[39] Ibidem.
[40] Ibidem.
[41] *Idem.* XVI. 8. 3–6.
[42] *Idem.* XVI. 8. 7.

чем у мужчин) тоже принимали участие в подобных неблаговидных делах.

ЛИТЕРАТУРА

Аммиан Марцеллин. Римская история / Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (пер. с лат.). СПб.: Алетейя, 1996.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1978. 1-2.

Дигесты Юстиниана. Т. VII. П / т. 2. Книги XLVIII – L. / Пер. А.В. Щеголева. Москва: Статут, 2005.

Институции Юстиниана / Пер. Д. Расснера под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998.

Ведешкин М.А. 2018: Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб.: Алетейя.

Ермолова И.Е. 2020: Коварство и интриги в римской армии // Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства / В.П. Буданова (Ред.). М.: Аквилон. IX. 420-431.

Ибатуллин Р.У. 2000: Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи. Дисс. на соиск. ст. к.и.н. Казань.

Кофанов Л.Л. 2005: Примечания // Дигесты Юстиниана. Т. VII. П/т. 2. Книги XLVIII – L. М.: Статут.

Matthews J.F. 1989: The Roman Empire of Ammianus. London: Duckworth.

Szidat J. 1977: Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus Buch XX–XXI, Teil I: Die Erhebung Julians. Wiesbaden: Franz Steiner.

Thompson E.A. 1947: The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge: University Press.

REFERENCES

Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya / Yu.A. Kulakovskii i A.I. Sonni (per. s lat.). Spb.: Izd. “Aleteia”, 1996.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1978. 1-2.

Digesta Iustiniani. Vol. Septimum. Pars secunda. Libri XLVIII – L. / Per. A.V. Shchegoleva. M.: “Statut”, 2005.

Ibatullin R.U. 2000: Ammianus Marcellinus: problemy biografii v kontexte epokhi. Diss. na soisk. st. k. ist. n. Kazan.

Institutiones Iustiniani / Per. D. Rassnera pod red. L.L. Kofanova, V.A. Tomcinova. M.: “Zertsalo”, 1998.

Ermolova I.E. 2020: Kovarstvo i intrigi v rimskoy armii // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Lovushki, zasady i propasti latentnogo varvarstva. Vyp. XI / V.P. Budanova (gl. red.). M.: IVI RAN. S. 420-431.

Vedeshkin M.A. 2018: Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii IV–VI vv. SPb.: “Aleteya”.

Kofanov L.L. 2005: Primechania // Digesta Iustiniani. Vol. Septimum. Pars secunda. Libri XLVIII – L. M.: “Statut”.

Matthews J. F. 1989: The Roman Empire of Ammianus. London: Duckworth.

Szidat J. 1977: Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus Buch XX–XXI, Teil I: Die Erhebung Julians. Wiesbaden: Franz Steiner.

Thompson E.A. 1947: The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge: University Press.

Irina E. ERMOLOVA

THE TRIALS OF MAIESTATIS CRIMEN IN THE ROMAN EMPIRE OF THE IV CENTURY

In this article the problem of accusations of maiestatis crimen in the period of government of Constantius II (337–361) is analysed. The most important source for this subject is the Ammian Marcellinus' historical work. The text of his “Res gestae” shows, that intrigues were ordinary one in the higher Roman society. The wicked behavior of men from the emperor's environment has displayed not by means of direct aggression, but by means of intrigues, that more characteristic of women. Sometimes the historian sees in such deeds manifestation of bad character of denunciators, but in his work there is material, which allows to propose the motives of intrigues: personal hostility, envy, wish to appropriate other people's money. Men have made intrigues more often, than women, only because that women had not enough possibilities to take part in the public life in the IV century.

Keywords: maiestatis crimen, Ammianus Marcellinus, Constantius II, denunciation, capital punishment.

Irina E. ERMOLOVA — PhD (History), Associate Professor of Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation. — merira@mail.ru

А.А. Сазонова

КОРОЛЕВЫ МЕРОВИНГОВ И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ У ФРАНКОВ В VI ВЕКЕ

В статье исследуется граница между допустимой свободой в личных и политических действиях меровингских королев и неординарными поступками Хродехильды и Радегунды, которые привели их на мучительный путь христианского поиска утешения и прощения. Политическая культура франков допускала в VI веке активную позицию для меровингских королев в качестве супруг франкских правителей и матерей королевских наследников. Личный политический выбор Хродехильды и ее стремление к регентской власти при внуках стали причиной трагической гибели ее близких. Глубоко переживая череду драматических событий в своей жизни, Радегунда избрала монашескую стезю и крайние формы аскезы. На примерах этих королев в неоднозначных оценках трех авторов аутентичных источников (Григория Турского, Венанция Фортуната и монахини Баудонивии) были сформулированы гендерные парадоксы для проявлений крайней жестокости, насилия и самоистязания.

Ключевые слова: Хродехильда, Радегунда, Хлотарь, мятеж в Пуатье, кровная месть, экстремальный аскетизм, меровингская политика.

Анна Анатольевна САЗОНОВА — кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — tok6aas2011@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 229-262
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 229-262
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.010

Маловероятно, чтобы вдова Хлодвига королева Хродехильда (ум. ок. 545) и молодая королева Хлотаря Радегунда (ок. 520–587) лично не встречались в Туре или в другом — менее сакральном — городе франкских королевств. Шестой век в меровингской истории открывался зенитом правления Хлодвига и заканчивался на символическом финале внутриродовых междоусобиц с театрализованной казнью старой Брунхильды. Этот век королевских братоубийств всеми оттенками власти озарили и меровингские королевы. Самой неистовой в яростной борьбе за власть была королевская пара Фредегонды и Брунхильды. Другая пара королев — Хродехильда и Радегунда — в детстве осиротели, потеряв отцов в королевских войнах, прожили долгие и несхожие жизни со своими взлетами и падениями, а после смерти стали меровингскими святыми.

Скорее всего, франкские современники ощущали заметную разницу между меровингскими принцессами (дочерями и сестрами королей) и меровингскими королевами, которые к тому же были иноплеменницами. Общественное и правовое достоинство королев основывалось на социальном статусе супруги или вдовы короля и на их положении королевы-матери. Женская родня Меровингов по узам крови входила в состав рода и на этих неотъемлемых правах подлежала мужской защите, подчиняясь семейной юрисдикции. Эта далеко не тонкая грань явно проявилась в личных сварах Фредегонды и ее дочери Ригунты, которая считала себя по королевскому положению выше матери, и в отеческом покровительстве и надзоре Гунтрамна за племянницами и материнской родней. Аналогичным образом мной интерпретируются и действия Фредегонды, когда после убийства принца Хлодвига она отдала приказ жестоко расправиться с его матерью Аудоверой, разведенной королевой Хильперика, но не могла пойти на убийство ее дочери принцессы Базины, которую сослала в монастырь Радегунды.

На примере сравнительного анализа социальной и политической активности Хродехильды и Радегунды можно рассмотреть необычные проявления их королевского поведения, где личные качества характера переплетались и начинали доминировать над статусными нормами, выплескиваясь под влиянием сильных эмо-

ций и религиозных чувств в акты жестокой агрессии, направленной как во вне на других, так и на саму себя. Дошедшие аутентичные источники являются художественными произведениями, написанными с политическими и идеологическими целями авторами, которые или лично хорошо знали Радегунду, но слишком многое скрыли и утаили, или изначально (как Григорий Турский) создавали неоднозначно многослойный образ вдовы Хлодвига. В представлениях современной культуры истории двух королев предстают безусловными гендерными парадоксами: кровная месть Хродехильды к бургундской родне по-мужски беспощадна, а самоистязания Радегунды кажутся физически невозможными для женской природы. Однако чрезмерность совершаемого королевой-вдовой и королевой-монахиней выходила за рамки общественного сознания и для их современников — через века деяния Хродехильды будут переосмыслены в трагическом конфликте «Песни о Нибелунгах», а мученичество Радегунды станет основанием ее прижизненного чудотворства.

ХРОДЕХИЛЬДА — БЛАГОЧЕСТИВАЯ КОРОЛЕВА-ВДОВА?

Григорий Турский воспел королеву Хродехильду в истории крещения Хлодвига как истинную христианку и мудрую проповедницу[1]. Однако ее женский образ в его «Истории» самый неоднозначный, под стать фигуре ее супруга, когда из королевы-«святой» она превращается в германскую мстительницу и в горестную виновницу гибели внуков, а затем пытается искупить содеянное и вымолить с заступничеством святого Мартина прощение за властные поступки. Если у Фредегара история невесты Хлодвига максимально развернута и расцвечена романными подробностями (III, 18–19), то под пером турского епископа история Хродехильды до замужества подчеркнуто кратка, ее христианские

[1] О спорности датирования брака и крещения Хлодвига см.: *Сазонова А.А.* 2020, 301-302; 305-306; *Сазонова А.А.* 2021, 257-259. О сочетании политической деятельности Хродехильды с ее «святой» репутацией см.: *Dailey E.* 2015, 39-44.

словопрения с Хлодвигом убеждают читателей в благочестии и святости королевы, а история убийства внуков поражает своей драматичностью.

По моей гипотезе, Григорий Турский осознанно скрыл исторические события, которыми было наполнено десятилетие франкской истории после смерти Хлодвига (511)[2]. И главным из них было временное регентство Хродехильды при ее несовершеннолетних сыновьях[3]. Затем турский епископ путем смысловых аналогий и искусным построением нарратива (HF. III, 4–11), чередуя не всегда хронологически следующие друг за другом истории братоубийств в тюрингском королевском роду и совершенное бургундским королем сыноубийство с описанием франко-бургундской войны, создает картину из кровавых эпизодов королевских преступлений, внутриродовых междоусобиц и справедливой кровной мести полубургундских меровингов своей бургундской родне.

В «Истории франков» проводится историческая параллель между братоубийствами тюринга Герменефреда, убийством бургундом Сигизмундом своего сына Сигериха, ранее описанными братоубийствами Гундобада и призывом королевы Хродехильды к своим сыновьям отомстить за смерть ее родителей[4]. Так же епископ не случайно сделал акценты на провоцирующей роли трех королев в развязывании родовой вражды и войн их мужьями и сыновьями — супруги Сигизмунда (расправиться с сыном), Амалаберги, племянницы Теодориха Великого (напасть на брата), и Хродехильды (отомстить кузенам). Могла ли меровингская королева бургундского происхождения произнести эти слова:

---

[2] Об упадке королевства меровингов в этот период и об отсутствии исторических сведений о бургундских сыновьях Хлодвига за годы *хиатуса* см.: *Wood I.* 1985, 262; *Wood I.* 1994, 50-51. О специфике исторических данных Григория Турского по Оверни и Бургундии в первой половине VI века, см.: *Wood I.* 1988.

[3] *Сазонова А.А.* 2021, 261-262.

[4] HF. II, 28: Igitur Gundobadus Chilpericum fratrem suum interfecit gladio uxoremque eius, ligatu ad collum lapidem, aquis inmersit. Huius duas filias exilio condemnavit; quarum senior mutata veste Crona, iunior Chrotchildis vocabatur.

> «Да не раскаюсь я в том, что я вас, дорогие мои дети, воспитала с любовью. Разделите со мной мою обиду и постарайтесь умело отомстить за смерть моего отца и моей матери» (HF. III, 6. Пер. В.Д. Савуковой), —

и исторически достоверно ли ее обвинение? Ответить на эти вопросы исследователи могут лишь гипотетически. Существуют давние историографические сомнения в правдивости описанных обстоятельств смерти родителей Хродехильды[5].

По моему мнению, нападение на Бургундию и убийство Сигизмунда с его семьей *задним числом* списали на долго вынашиваемую месть племянницы Гундобада его сыновьям за преступление их отца[6]. Формально гендерное обоснование для кровной мести безупречно: Хродехильда уже десять лет как вдова и она призывает к мести своих выросших сыновей. Фраза королевы с призывом весьма расплывчата, идет ли речь о мести лично сыновьям и внукам Гундобада, королевствам Сигизмунда и Годомара или всем бургундам. Исторически нападение франков на бургундов было ожидаемо и произошло после стечения двух обстоятельств — разрыва союзных отношений остготов с бургундами после убийства Сигизмундом своего сына, внука Теодориха Великого, и возмужанием трех сыновей Хродехильды. После женского регентства вдовы Хлодвига, которое сопровождалось территориальными утратами (HF. III, 21), сыновья великого короля-воина продолжили осуществлять его давний геополитический замысел по завоеванию Бургундии.

Старший сын Хлодомер разбил войско Сигизмунда, а его с семьей во время бегства захватил в плен (HF. III, 6). Первый этап войны закончился разгромом одного из бургундских королевств, поэтому перед следующим походом на Годомара Хлодомер решил убить пленников. Объясняя причины решения, король мог учитывать и возможные политические перемены в настроениях матери и братьев. Аббат Авит выступил с пророческим предупреждением, но молодой меровинг не послушал его и жестоко расправился с

---

[5] *Wood I.* 1985, 253.

[6] О бургундской мести см.: *Сазонова А.А.* 2021, 263.

семьей двоюродного дяди с детьми, сбросив их тела в колодец. Обстоятельства гибели Хлодомера (524), попавшего затем в бургундскую западню, и насаживание его отрубленной головы на шест воинами Годомара свидетельствуют об ответной мести бургундов за смерть королевской семьи и посмертное надругательства над их телами, кощунственно лишенными погребения. Подробность об утоплении матери Хродехильды Гундобадом могла быть литературным ответом на мученичество Сигизмунда, который стал первым раннесредневековым святым королем.

Не вызывает сомнений, что Григорий Турский не одобрял бургундскую месть меровингов и прямо заявил о божественном воздаянии за такие преступления[7]. Во младенчестве Хлодомер заболел после крещения, но был спасен молитвами матери (HF. II, 29), теперь он погиб в ответной кровной мести бургундов на месть Хродехильды. Для меровингской королевы последовала цепочка воздаяний, одно следовало за другим: сначала гибель старшего сына на поле боя (524), затем убийство сыновей Хлодомера их дядьями, несчастливый брак дочери и ее смерть (ум. 531), и, наконец, постоянная вражда Хильдеберта с Хлотарем, стремившихся до конца своих дней расправиться друг с другом. В семейной и политической жизни двух сыновей Хродехильды также будут прослеживаться несомненные следы божественного воздаяния (отсутствие сыновей у Хильдеберта и изгнание Хлотарем его вдовы и дочерей; брачная история Радегунды и расправа Хлотаря над семьей мятежного сына Храмна).

Младший сын Хродехильды женится на вдове старшего брата с далеко идущими политическими и вполне меркантильными целями, чтобы овладеть королевской казной и приданым Гунтевки[8]. Сыновья погибшего Хлодомера не были круглыми сиротами, у них оставалась мать, и их опекуном мог стать Хлотарь, которому

[7] Сигизмунд искренне раскаялся в убийстве сына и вымаливал прощение в монастыре, «но возмездие господа преследовало его по пятам» (HF. III, 5), он принял с семьей мученическую смерть по воле родича.

[8] Об этом браке и Гунтевке, см.: *Сазонова А.А.* 2021, 263-264.

еще только, быть может, исполнилось двадцать лет. Однако вдова Хлодвига забрала внуков под свою опеку, заявляя этим права на регентскую власть над королевством их отца, то есть она повторяла ситуацию со своим первым регентством, второе — длилось бы до совершеннолетия десятилетнего внука. Хильдеберт и Хлотарь же претендовали на раздел наследства Хлодомера. Из описания преступного сговора двух братьев (HF. III, 18) становится очевидным, что их конфликт с матерью уже вовсю полыхал. И поэтому, получив обманное предложение от сыновей, Хродехильда могла решить, что победила в политической борьбе.

На мой взгляд, инициатива королевы в бургундской мести была воспроизведением древнегерманского архетипа мстящей вдовы, если и были какие-либо реальные предпосылки к кровной мести, то вряд ли бы только из-за них бургундская принцесса пошла на убийство родни и предательское разорение страны, ее роль мстительницы являлась лишь идеологическим конструктом в политической риторике завоевателей. История же с убийством внуков (при всей театральной неправдоподобности в подробностях) выглядит убедительно, хотя бы по двум причинам. По церковной мысли Григория Турского Хродехильда стала *почти* святой еще при жизни, в рамках пропагандистского догмата о крещении Хлодвига, поэтому художественный вымысел о ее второй роковой инициативе (первая — по франко-бургундской войне, вторая — по убийству родных внуков) был бы абсолютно очерняющим и отсылал бы к гражданской войне меровингов, к современным убийствам Фредегонды и Брунхильды. Второе основание совсем не бросается в глаза — это участие в истории с внуками советника Аркадия, *злого гения* сенаторского сословия из родного города епископа Григория и внука Аполлинария Сидония. Волнующий момент из истории малой родины, когда турский понтифик снова разоблачал эту недостойную фигуру с небосклона клермонского политикума, придает правдоподобный штрих всей истории убийства, к тому же перекладывая на посредника Аркадия часть вины.

В своем повествовании Григорий Турский пытался оправдать роль Хродехильды в случившемся, ссылаясь на ее горестный траур

по сыну, на испуг в стрессовой ситуации, на беспамятство и ужас от предложенного выбора:

> «А королева, испуганная известием и полная горестного отчаяния, особенно при виде обнаженного меча и ножниц, преодолевая скорбь и не сознавая от горя, что она говорит, только сказала: “Если они не будут коронованы, то для меня лучше видеть их мертвыми, чем остриженным”. А тот [Аркадий], ничуть не думая о ее горе и о том, что позже она все это осознает, быстро возвратился …».

Если Хильдеберт был назван «зачинщиком этого дела» (es incestatur huius causae), то Хлотарь с жестокостью убил одного племянника за другим[9]. Пожалуй, это самое чудовищное детоубийство на страницах «Истории франков», потому что даже Хлодвиг, коварно и беспощадно расправляясь по политическим мотивам со своей родней, лично не убивал детей и женщин.

Григорий Турский не датировал столь важное событие. По-моему, данные о назначении Хродехильдой трех бургундских клириков епископами Тура (города Хлодомера) могут дать хронологическую привязку ее политическому решению. Однако автор «Истории франков» запутал вопрос о последовательности служения бургундских понтификов (HF. III, 17; X, 31). По датированию из десятой книги Хродехильда назначает Теодора, Прокула и Динифия в 520–523 гг. при молодом Хлодомере, одаривая сокровищами из казны. По второму варианту из третьей книги Теодор с Прокулом были назначены ею в 524 / 5 г. и прослужили до 527 г. (когда Тур, очевидно, перешел к Хильдеберту), а их предшествен-

[9] HF. III, 18: Nec mora, adpraehensum Chlothacharius puerum seniorem brachium elesit in terra, defixumque cultrum in ascella, crudiliter interfecit… ipse vero excipiens, transfixum cultro in latere, sicut fratrem prius fecerat, iugulavit… Quorum unus decim annorum, alius vero septuennis erat. Оба короля затем формально раскаивались в этом преступлении: Хильдеберт мог покровительствовать монастырю под Парижем, где добровольно принял постриг третий племянник, а Хлотарь активно замаливал по святым местам длинный список своих преступлений в последний год жизни.

ником был Оммаций (521–523), поставленный лично Хлодомером. Таким образом, семейная трагедия произошла, вероятнее всего, в 526–527 гг., после чего Хродехильда была отстранена от политической жизни и добровольно (или в ссылку)[10] удалилась в Тур. Следующие два десятилетия королева провела в поисках духовного утешения, искупления и прощения, снискав «у всех почет и уважение», турский епископ пишет о ее ночных молитвах, благотворительности, щедрой раздаче милостыни, — и ее «смирение возвысило к благодати» (HF. III, 18).

РАДЕГУНДА — ВЛИЯТЕЛЬНАЯ КОРОЛЕВА-МОНАХИНЯ?

Если бургундка Хродехильда осталась в устной и письменной памяти меровингской королевой, безжалостно мстящей своей бургундской родне, божественным воздаянием для которой стала гибель сына и убийство внуков, то тюрингская пленница Радегунда, имея веские причины для мести сыновьям Хлодвига, став франкской королевой, проявила все христианские добродетели, отринула мстительные чувства к пленившим ее врагам и приняла Франкию как новую родину. Для политической культуры меровингского периода уход от светского мира в религиозную самоизоляцию для молодой и не вдовствующей королевы воспринимался как событие уникальное и неординарное.

В традиционной историографии[11], которая основывается на согласованном суммировании фактографических данных из трудов Григория Турского, Венанция Фортуната и Баудонивии, сложился свой тематический взгляд на изучение биографии Радегунды, содержательно акцентируя внимание на отдельных эпизодах из ее деятельности королевы и монахини. В западной литературе давно начался, отчасти под влиянием гендерной, интеллектуальной и по-

[10] *Сазонова А.А.* 2021, 262.

[11] В отечественной науке данное направление представлено в работах Н.Ю. Бикеевой, автора переводов на русский язык двух житий святой королевы, которая в течении многих лет комплексно исследует жизненный путь Радегунды, круг ее общения и историю основанного ею монастыря см.: *Бикеева Н.Ю.* 2019; 2016; 2013.

литической истории, пересмотр историографического канона, в наибольшей степени эта тенденция проявилась в новых реконструкциях по хронологической канве жизни Радегунды и по основным событиям, связанным с ее монастырем Святого Креста в Пуатье, — с историей основания, обретением святой реликвии и мятежом принцесс-монахинь через два года после смерти основательницы обители[12].

В тематическом ракурсе статьи мой исследовательский интерес вызвали проявления необычного аскетизма у Радегунды, которые подробно описывает Венанций Фортунат (и которые отсутствуют у Баудонивии) сначала в бытность ее королевой, а затем *до* и *после* основания монастыря. Перечисление благочестивых деяний тюрингской принцессы на королевской вилле в Атье, как королевы Хлотаря при дворе и поселившейся на вилле в Со Радегунды характеризует ее по житиям Венанция и Баудонивии как сострадательную христианку, набожно и смиренно исповедующую все заповеди веры. Церковь поощряет подобные проявления религиозности, когда высокородная госпожа выказывает духовное смирение с детства, избегает атрибутов королевской роскоши (VR. I, 2); постоянно раздает милостыню нуждающимся, одаривает отшельников и монастыри, послушно следует наставлениям церковнослужителей (VR. I, 3; 8); посвящает свое время делам милосердия, демонстрирует пищевое воздержание (VR. I, 4); отсылает королевские платья для алтарных покровов по святым местам (VR. I, 9); испрашивает супруга-короля о милости для осужденных и заключенных (VR. I, 10–11) и выкупает пленных (VR. II, 1). Однако умерщвление плоти для замужней королевы (VR. I, 5) и ношение власяницы под королевскими одеяниями во время Великого поста и после его окончания (VR. I, 6) относится к проявлениям тайного аскетизма, который не мог быть позитивно воспринят окружающими мирянами[13].

---

[12] *Widdowson M.* 2009; *Dailey E.* 2012; *Fauquier M.* 2017; *Flierman R.* 2021; *Casias C.* 2022.

[13] В историографии тайный аскетизм Радегунды рассматривается в ракурсе изучения авторской стратегии Венанция Фортуната по

Странноприимная деятельность Радегунды в Со, где она принимает нищих и больных, за которыми лично ухаживает и лечит, обмывает и прислуживает за столом, не боясь заразиться кожными болезнями от гноящихся ран и получить вшей и блох при телесном контакте (VR. I, 17–18), уже выглядит экстравагантно для знатной персоны ее статуса. Венанций Фортунат справедливо замечает: «Разве возможно без единого содрогания исполнить то, что она делала с такой любовью?»[14], когда описывает шокирующие подробности ее ухода за прокаженными женщинами, которых она мыла, лечила, кормила, заключала в объятия и целовала (VR. I, 19). Сама Радегунда осознает девиантность своего поступка, поэтому совершает это благодеяние в глубокой тайне, вызывая ожидаемую реакцию у служанки-свидетельницы.

В стенах своего монастыря в Пуатье королева-монахиня выходит на новый уровень телесного самоограничения, который можно назвать экстремальным аскетизмом[15]. К голоду и жажде она добавляет более жесткое умерщвление плоти (суровая власяница раздражает кожу, оставляя на теле кровоточащие раны с запекшимися корками, а ложе посыпано золой), когда в ночных молитвенных бдениях физически изнемогает в нервном истощении. Первый агиограф Радегунды, ее духовник и близкий друг Фортунат, в скрупулезных подробностях перечисляет все регулярные трудовые обязанности основательницы монастыря — от чистки обуви, уборки и готовки на кухне до выноса нечистот из уборных (VR. I, 23–24). А затем переходит к описанию суровых самоистязаний Радегунды, предваряя фразой: «Но кто не содрогнется, узнав о мучениях, которым она себя подвергла, сверх всех этих забот!», сковав себя железными кольцами и цепями, она рисковала уйти из

созданию жития основательницы обители Святого Креста см.: *Wehlau R.* 2002, 79; *Бикеева Н.Ю.* 2016.

[14] *Фортунат.* 2012, I, 19 (пер. Н.Ю. Бикеевой).

[15] Некоторые подробности о чрезмерном аскетизме Радегунды выходили за стены монастыря еще при ее жизни, так аббатиса Цезария предостерегала королеву-монахиню от сурового воздержания в посты, см.: *Цезария.* 2014, 76-78.

жизни, когда при снятии вериг начала истекать кровью[16]. Однако своеобразным венцом ее мученического истязания стали три эпизода пыток огнем: двойное выжигание на теле знака Христограммы, ванна с раскаленными углями и прижигание тела на медной пластине[17]. Все это оставило на женском теле страшные ожоги и шрамы от ран, ее кожа сжигалась и плоть обгорала. Фортунат свидетельствует этими поступками Радегунды о ее прижизненном мученичестве. Но что могло стать причиной таких страшных пыток, которым добровольно подвергла себя сорокалетняя (или пятидесятилетняя) монахиня?

Такая религиозная жестокость, направленная на сжигание собственного тела, безусловно, не могла одобряться христианским обществом по отношению к разведенной королеве, которая продолжает служить лицом королевской династии и обладает симво-

---

[16] *Фортунат*. 2012. I, 25: Однажды во время Великого поста она сковала свою шею и кисти рук тремя широкими железными кольцами, и три цепи крепко держали ее тело, покрыв тяжелым железом нежную плоть. И после того, как она завершила пост и захотела снять цепи, впившиеся в ее кожу, она не смогла этого сделать, спина и грудь под железной цепью были рассечены по кругу так, что потекла кровь, почти до последней капли, излившись из ее хрупкого тела.

[17] *Фортунат*. 2012. I, 26: В другой раз она велела изготовить медные пластины в виде монограммы Христа, раскалила их в своей келье и прижала к телу в двух местах так сильно, что сожгла свою плоть. Так ее пламенная душа заставила гореть тело. Во время одного из Великих постов она придумала для себя еще более страшные мучения пытками в дополнение к строгому голоданию и жажде; она велела положить себя в ванну, полную раскаленных углей, несмотря на то, что ее нежное тело было покрыто незаживающими ранами из-за жесткой щетины власяницы. Она была готова к этому, и, хотя ее тело содрогалось, душа была закалена в муках, хоть уже и миновали времена гонений, так, что она может считаться мученицей. После этого, чтобы успокоить свою пламенную душу, она решила сжечь свое тело, бросившись на раскаленную добела медную пластину; тогда зашипели ее обожженные части тела, кожа сильно обгорела, и глубокий шрам остался там, где ее коснулся огонь. Молча, прятала она раны, но запекшаяся кровь на них обнаружила то, что она не выдала голосом.

лическим статусом в социуме, и тем более, такое добровольное мученичество было за гранью допустимого для церковной культуры, где имитирование раннехристианских мученичеств могло восприниматься как проявление гордыни и девиации. Поэтому Фортунат обнародовал тайную историю прижизненных телесных страданий Радегунды в ее посмертном житии, подтверждая ее заявленный статус мученицы и исповедницы[18].

Такое прижигание тела раскаленным железом отсылает к реалиям того времени — жестоким пыткам, которые королева Фредегонда применила к женщинам-ведьмам, заподозрив их в смерти своих сыновей, приписывая им преступное колдовство, за что они были затем сожжены заживо на кострах[19]. Также на глазах Радегунды разыгралось трагическое противостояние Хлотаря и его сына Храмна, закончившееся сыноубийством, когда Храмн сначала был задушен людьми своего отца, а потом вместе с женой и дочерями сожжен в запертом доме[20].

Анализируя текст жития Фортуната, можно отметить два значимых обстоятельства: во-первых, экстремальный аскетизм Радегунды не носил постоянного характера, это были, скорее, периоди-

---

[18] Поэт и духовник выражал свое беспокойство о здоровье Радегунды в стихотворной форме (Кн. 8, IX. К ней же, когда уходила в затвор): «Ты, чтобы дух укрепить, члены, смиряя, палишь; // Свой наблюдая обет годовой, вновь спешишь затвориться // … Хоть, ускользнувшей, тебе недолгие дни сокрываться, // Месяц окажется тут быстрого года длинней. // … Здравой, молю я, тебя да вернет мне радость пасхальна…» (Пер. Р.Л. Шмаракова), см.: *Фортунат.* 2009, 149-150.

[19] HF. V, 39: Mulier, quae super Chlodovechum locuta fuerat, diiudicatur incendio concremare. Quae cum duceretur, reclamare coepit misera, se mendacia protulisse; sed nihil proficientibus verbis, legatam ad stipitem, vivens exuritur flammis. HF. VI, 35: At ille confitentur se maleficas esse <…>. Tunc regina, tormentis gravioribus mulieribus affectis, alias enegat, alias incendio tradit, alias rotis, ossibus confractis, innectit.

[20] HF. IV, 20: Quod cum Chlothario regi nuntiatum fuisset, iussit eum cum uxore et filiabus igni consumi. Inclusique in tugurium cuiusdam pauperculae, Chramnus super scamnum extensus orario sugillatus est; et sic postea super eos incensa casula, cum uxore et filiabus interiit.

ческие всплески религиозной экзальтации[21], которые, во-вторых, регулярно выпадали на дни Великих постов (особенно перед Пасхой), когда основательница обители затворялась ото всех в своей кельи, выдерживая голод и жажду на фоне молитвенных бдений в грубой власянице практически без сна, дополняя суровую аскезу физическими истязаниями. По моему предположению, на дни одного из Великих постов могли хронологически выпадать годовщины самых трагических моментов в жизни Радегунды, связанных с гибелью ее родни и с принудительным браком, символически соотносясь с земными страданиями Христа.

В истории Григория Турского династическая борьба у тюрингов и бургундская семейная распря не случайно оказались переплетены не только в контексте сопоставления судьбы Радегунды и мести Хродехильды, но и на нарративном уровне (HF. III, 4-7), навязывая Гундобаду и Герменефреду братоубийства и пленения юных племянниц. Возможно, следует более осторожно относиться к обстоятельствам гибели короля Бертахара, отца Радегунды, во время междоусобной борьбы за власть в Тюрингии (525). Так осиротевшая Радегунда со своим братом воспитывалась при дворе Герменефреда вместе с его наследником Амалафредом, к которому она всю жизнь испытывала глубокую привязанность и искреннюю любовь, не проявляя в своих литературных посланиях какого-либо негатива в отношении дяди, последнего тюрингского короля[22].

После гибели отца жизнь тюрингской принцессы переворачивает франкское завоевание, падение королевской династии и порабощение родины (531 / 2). По договоренностям между сыновьями

---

[21] Баудонивия акцентирует внимание на двух эпизодах (VR. II, 4; 7), когда до Радегунды доходили слухи о том, что Хлотарь хочет вернуть ее в качестве королевы ко двору, и она, стремясь избежать ненавистного супружества, в первый раз перешла к аскетическим крайностям, начиная мучительно поститься и еще более интенсивно молиться, доводя себя до изнеможения, во второй раз она тайно отсылает к Герману Парижскому, сопровождавшему короля, письма с мольбой избавить ее от приезда Хлотаря.

[22] Radegundis ad Artachin. 29–30: nam mihi Bertharius pater, illi Hermenefredus: // germanis geniti nec sumus orbe pari.

Хлодвига она, входящая в брачный возраст, становится заложницей и воспитанницей Хлотаря. Григорий Турский и Фортунат по понятным причинам не говорят о том, что брак Радегунды с Хлотарем носил принудительный характер. Нежеланное супружество с меровингским королем, лично убившим двух сыновей своей бургундской королевы Гунтевки, было, по словам Баудонивии, кратковременным (in ipso coniunctionis brevi tempore)[23], его прервал побег Радегунды после убийства ее младшего брата по приказу Хлотаря (541 / 5). В аутентичных источниках причина гибели юного принца не освящается, Фортунат в письме к Амалафреду пишет лишь о его невиновности (125: Как, невинный, вдался нечестиву в руки коварству; VR. I, 12: Frater interficitur innocenter)[24], а турский епископ говорит об убийстве руками преступников (HF. III, 7: cuius fratrem postea iniuste per homines iniquos occidit). Исследователи предполагают, что тюрингский принц мог намереваться уехать в Константинополь, а Радегунда удерживала его от побега из плена, боясь потерять единственного брата. На мой взгляд, наоборот, — сама Радегунда, в юности совершившая побег от Хлотаря перед брачными торжествами (VR. I, 2), могла инициировать бегство брата к Амалафреду к византийскому двору и этим скомпрометировать его благонадежность в глазах короля[25].

В обстоятельствах смерти брата Радегунды было что-то (131–132: Мне избегая жестокость явить, себя уязвлял он: // Кто страшился вредить, скорби причиною стал), за что она винила себя всю оставшуюся жизнь, искренне полагая себя виновницей его

[23] По новейшей реконструкции брак Радегунды относят к 536 / 40–541 / 5 гг., исходя из ее рождения в 518 / 20 году, см.: *Fauquier M.* 2017, 318, 320-322.

[24] Сестринское горе отягощала и невозможность присутствовать на погребении брата и, по-видимому, посетить его могилу (*Фортунат.* 2009. О разорении Тюрингии: 134–146).

[25] Так в письме к Амалафреду (105–120) воспроизводится известный топос о невозможности столь желанного бегства через бушующее море к адресату послания, и лишь монастырский затвор удерживает Радегунду от такого дерзновенья.

гибели (145–146: Я за твое бытие, нечестивая, верь мне, в ответе: // Смерти причиною быв, гроба тебе не дала)[26]. Страшная потеря последнего родного человека и чудовищное чувство вины стали эмоциональными причинами ее продуманного побега. На осмысленность ее поступка указывает то, что она выбрала епископа Медарда (которого рукоположил Ремигий, креститель Хлодвига) в качестве своего церковного заступника, умоляя его в нарушении религиозных канонов и матримониальных законов совершить над ней монашеское пострижение. Судя по всему, Медард Нуайонский вызывал у Хлотаря уважение и служил духовным авторитетом (после кончины он стал личным святым патроном короля), но придворные впавшего в безумную ярость меровинга в жесткой форме угрожали прелату в его церкви перед алтарем. Многоопытный епископ принял соломоново решение и посвятил беглую королеву в сан диаконисы, фактически подвесив ситуацию. Современные историки пытаются дать интерпретацию его поступка[27], но думаю, мы не в состоянии адекватно постичь все нюансы этого решения применительно к церковным реалиям того времени[28].

---

[26] (Несоответствие нумерации этих строк в изданиях) DET. 127–128: dum dare dura mihi refugit, sibi vulnera fixit: // laedere quod timuit, causa doloris adest; 141–142: impia, crede, tuae rea sum, germane, saluti: // mors cui sola fui, nulla sepulchra dedi. На мой взгляд, на всю безутешность горя тюрингской принцессы и через несколько десятилетий указывает то, что имя убитого брата нигде в тестах Фортуната не прозвучало, это было слишком интимное переживание для Радегунды, чтобы упомянуть его в житии, которое италийский поэт наполнил множеством проходных имен современников. Исследователи связывают смерть юного брата и монашеское «обращение» Радегунды в форме наложенного на себя наказания, как например, Мишель Руш (1988; 2003).

[27] *Fauquier M.* 2017, 322-324.

[28] Известны случаи вопиющих нарушений франкскими епископами однозначно понимаемых церковных канонов и обычаев (бракосочетание Претекстатом Брунхильды с племянником ее погибшего супруга или причина церковного развода королевы Аудоверы после того, как она стала по неведению крестной матерью собственной дочери см.: *Сазонова*

В обоих житиях Радегунды история основания ее монастыря в Пуатье описывается совершенно невнятно (VR. I, 15–21; VR. II, 3–5), осознанно затушевываются неудобные для агиографов подробности. Традиционно цепь событий освящают следующим образом: после рукоположения у епископа Медарда Радегунда прожила около десяти лет на королевской вилле в Со, проводя время в милосердной помощи бедным и больным; затем на свои средства и с финансовой помощью Хлотаря она возводит женский монастырь в стенах Пуатье, где довольствуется положением основательницы и благодетельницы обители, не становясь настоятельницей[29].

По моей гипотезе, к психологическому прессу из-за гибели близких и нежеланному браку прибавилось горестное и мучительное в своей неопределенности ожидание официального развода и возможности уйти в монастырь. Положение и статус Радегунды на вилле в Со был не до конца определенным: не получив развода, она оставалась королевой Хлотаря, находясь в полной зависимости от него и фактически под домашним арестом. Агиографы могут представлять ее заточение или ссылку как самоизоляцию, в которой она скрылась от придворной жизни и тягостного общения с супругом, убившим ее брата. Неслучайно Фортунат помещает главы (VR. I, 13–14) о религиозных паломничествах беглой королевы по святым мужам и благоговейному посещению святых мест Тура и его окрестностей *перед* главой о прибытии Радегунды на королевскую виллу Хлотаря, не уточняя, был ли свободным ее выбор места жительства. Очевидно, по первоначальной договоренности с королем ей было разрешено распоряжаться драгоценностями и королевской одеждой по собственному усмотрению, и ее, по моему мнению, поощряли паломническими поездками по святым местам.

А.А. 2021, 267; 269-271), что свидетельствует о регулярности таких решений иерархов по политическим мотивам.

[29] Судя по письму Цезарии Младшей, первой аббатиссой была Рихильда, о которой не упомянуто ни в одном из житий см.: *Прогунова Ю.М.* 2014, 69. Предположение о том, что Рихильда — это германское имя Агнессы, см.: *Fauquier M.* 2017, 327-328.

Реконструкция Мишеля Фокье предполагает длительное пребывание Радегунды на вилле в Со в ожидании своей участи, с диапазоном почти в два десятилетия (541 / 5–558 / 9)[30]. Около 555 г. Хлотарь женится на Вульдетраде, вдове умершего короля Теодебальда, королевство (куда и входила Тюрингия после ее завоевания франками) которого Хлотарь присоединил. До этого бракосочетания меровингский король должен был оформить официальный развод с Радегундой. В полный пакет договоренностей по их разводу, очевидно, входило получение королевой большого приданого (которым король-опекун ее сам и обеспечивал) и, по моему мнению, выплата своеобразного христианского вергельда по убитому брату (с разрешением Хлотаря на уход бывшей супруги в монастырь, возведением обители на королевской земле и получением особого иммунитета от власти местного епископа и митрополита под королевским покровительством). Под монастырь правитель выделил принадлежащую ему землю в центре Пуатье рядом с базиликой святого Илария. Работы по надзору за строительством (555–557 / 8)[31] были возложены на местного епископа Пиенция и графа Австрапия (VR. II, 5), верных Хлотарю людей.

На этом повороте в жизни Радегунды необходимо отметить два существенных, по моему мнению, момента, требующих прояснения. Во-первых, она, несомненно, хотела основать монастырь и поселиться в Туре, религиозной столице всех меровингских королевств, то есть повторить вторую половину жизни Хродехильды вблизи культового центра франкского христианства. На это указывает основание королевой мужского монастыря в Туре, фактография по которому крайне скудна, а датирование по возведению широко (541 / 5–573)[32]. По моей интерпретации, она планировала основать *двойной монастырь*, чтобы не быть зависимой в церковном отношении от местных властей. Однако Хлотарь, вероятнее всего, запре-

[30] *Fauquier M.* 2017, 324-325.

[31] *Fauquier M.* 2017, 325.

[32] Этот монастырь Баудонивия упоминает в истории о трансляции реликвии Святого Креста (VR. II, 16), и больше в планах Радегунды турский монастырь не сыграл значимой роли.

тил ей пребывание в Туре и его окрестностях, опасаясь повторения истории с возникновением мученического культа святого Сигизмунда и его семьи. Хлотарь обезопасил себя от появления в Туре мемориального очага по тюрингскому королевскому роду, как прежде он вместе с Хильдебертом пресекли, как можно предполагать, становление культа невинноубиенных племянников в Париже.

Во-вторых, никто из авторов аутентичных источников не дает точного ответа на ключевой вопрос — когда и кем была пострижена в монахини королева Радегунда? Фортунат сочинил двусмысленно и хронологически расширительно понимаемую фразу (VR. I, 15): «Nam ex illo tempore, quo, beato Medardo consecrante, velata est, …». У Баудонивии в главе (VR. II, 5) о возведении обители в Пуатье подразумевается, что там Радегунда стала *впервые* монахиней, в главе (VR. II, 7) о прибытии в монастырь епископа Германа Парижского подтверждается окончательный уход королевы от соблазнов мирской жизни на пути следования за Христом. А ранее в главе (VR. II, 4) о жизни королевы на вилле в Со рассказывается история о первой (по слухам) попытке Хлотаря вернуть Радегунду ко двору, когда, находясь в состоянии повышенной тревожности, она советуется со святым отшельником, решительно настроенная умереть, но не воссоединиться с королем[33] (то есть монахиней на тот момент она еще не могла быть). Если истинной целью прибытия епископа Германа, во время второй попытки Хлотаря вернуть королеву ко двору, было проведение богослужебных торжеств в новооткрытом монастыре и монашеское пострижение

[33] Баудонивия перечисляет, что совершила на данный момент Радегунда (Пер. Н.Ю. Бикеевой. Баудонивия. 4: … с презрением отвергла королевский трон, преодолела удовольствия супружества, отказалась от земных привязанностей, выбрала участь изгнанника, не отрешив себя от Христа), но не называет здесь главного и непреодолимого препятствия — принятого официально монашеского пострига. Хронологически этот эпизод можно датировать временем после развода Хлотаря с Вульдетрадой (ок. 556), когда возобновление супружества с тюрингской принцессой было значимым политическим решением для умиротворения настроения элит и народа в Тюрингии (об этом браке, см.: *Сазонова А.А.* 2020, 311).

самой Радегунды, то понятно, почему королева не желала личного присутствия при этом Хлотаря. Но не ясно, почему Баудонивия прямо не указала на истинную роль Германа Парижского, чей религиозный авторитет был общепризнан. Скорее всего, ситуация была весьма двусмысленна из-за того, что Радегунда уже прежде приняла постриг *тайно*, без разрешения короля и, быть может, не дождавшись развода, то есть не по церковным канонам[34].

Несмотря на отдельные проявления жестокого и самоистязательного аскетизма, в действиях Радегунды нельзя усмотреть какую-либо из характеристик юродивой. Тюрингская принцесса адекватно воспринимала и исполняла свою социальную роль королевы и свойственницы меровингских правителей как при королевском дворе, так и в своем добровольном изгнании (или под домашним арестом) на королевской вилле. В традиционной историографии чересчур расширительно понимают статусное и личное влияние Радегунды на Хлотаря и его сыновей, приписывая ей значимое эпистолярное участие в политической жизни королевств Сигиберта и Хильперика[35], когда она проявила самовольную инициативу, испросив разрешения у Сигиберта, и обратилась к императорской чете для обретения частицы Святого Креста, а затем повторно вмешалась во внешнюю политику меровингских королевств, отказав Хильперику в разрешении матримониального казуса с вестготами[36].

Со смертью Хлотаря (561) перед Радегундой встала серьезная проблема по подтверждению королевского покровительства над монастырем у ее пасынков-королей и переутверждение независимого статуса обители от внешней светской и церковной власти. Король Хариберт отклонил кандидатуру графа Австрапия на епи-

[34] Представляется, что этот вариант самый вероятный с учетом особой востребованности у Радегунды скрытных и тайных деяний — побегов и поминовений, посланий и посланников, обетов и форм аскетизма, чудес и милосердных дел.

[35] Хотя нельзя отрицать того, что вдова Хлотаря была в равно приязненных отношениях с Брунхильдой и Фредегондой, см.: *Van Dam R.* 1993, 34.

[36] *Бикеева Н.Ю.* 2019, 47-49, 53.

скопскую кафедру, хотя прежде она была ему обещана Хлотарем (HF. IV, 18), назначив местного аббата Пасценция понтификом Пуатье (ок. 561 / 4 – ок. 567 / 8), с которым, как предполагают, у Радегунды начались административные трения[37]. Затем Пуатье неоднократно захватывали сыновья Хильперика, но Сигиберт восстанавливал свою власть (567–575), и при нем, как считают, новым епископом стал Маровей, который с самого начала не просто игнорировал Радегунду и ее монастырь, но вел себя вызывающе оскорбительно.

Для Баудонивии личным и религиозным триумфом Радегунды стало обретение ею частицы Святого Креста, основательница женской обители была хранительницей святой реликвии и в ознаменовании этого выдающегося события переименовала свой монастырь. Однако все описанные эпизоды об обретении Радегундой на христианском Востоке множества святых реликвий вызывают у исследователей вопросы[38]. И основной проблемой является верификация истории по обретению Святого Креста (ок. 567 / 9). Мне кажется логичным исследование данной темы в ракурсе политической истории на примере гипотезы Марка Виддоусона, который предположил, что дарение императорской четой столь ценной христианской реликвии произошло не по личному запросу Радегунды, а частица Святого Креста отсылалась из Византии в королевство Сигиберта в рамках тайных договоренностей меровинга с Константинополем по франкскому походу против лангобардов[39].

Моральный авторитет королевы-монахини во времена правлений ее пасынков основывался на ее безупречном образе духовной наставницы и религиозной основательницы монастырей. Оче-

---

[37] *Dailey E.* 2012, 126. О знаковом отсутствии подписей митрополита Бордо и епископа Пуатье (без конкретизации их имен) под епископским ответом на письмо Радегунды, см.: *Van Dam R.* 1993, 30-31.

[38] О противоречивости и сомнительности данных аутентичных источников, см.: *Moreira I.* 1993, 285-305.

[39] *Widdowson M.* 2009, 12-15. Соответственно и отказ Маровея проводить торжественную церемонию по случаю прибытия святой реликвии в монастырь — это конфликт между королем Сигибертом и епископом, который политически ориентировался на Хильперика.

видно, что в условиях гражданской войны между сыновьями Хлотаря художественный портрет Радегунды как матери франкского отечества являлся риторическим преувеличением, хотя сама королева-монахиня проявляла политическую инициативу и обращалась в своих посланиях к противоборствующим королям и их военачальникам со словами религиозного миротворства (VR. II, 10). Апеллирование к авторитету Радегунды в речи Гундовальда по признанию его сыновьего родства с Хлотарем (HF. VII, 36) мною интерпретируется как обращение к свидетельству супруги меровинга, которая видела Гундовальда в дни его молодости при дворе.

Как духовную победу Радегунды над королем Хильпериком рассматривают ее отказ выдать принцессу Базину, ставшую по воле отца монахиней в Пуатье (581), чтобы король мог выдать ее замуж в Испанию по дипломатическому соглашению между королевствами. Хильперик потерял последнего из сыновей (583), и единственным ребенком Фредегонды осталась Ригунта, помолвленная с вестготским королем. Но теперь по политическим соображениям король с королевой не хотели лишиться этой наследницы, заменяя ее на монахиню Базину. Однако в тексте Григория Турского основной акцент сделан на личный отказ самой Базины (которая помнила о трагической судьбе своей кузины, ставшей супругой старшего брата Реккареда), который лишь подтверждается ссылкой на мнение королевы-монахини[40].

На мой взгляд, неоднозначное положение вдовы Хлотаря раскрывается в многолетнем конфликте Радегунды с епископом Маровеем, когда, лишившись поддержки Хлотаря[41], основательница женского монастыря, фактически с королевским статусом, не смогла добиться реальной помощи от франкских королей (Сигиберта, Хильперика и Гунтрамна) в урегулировании местного цер-

[40] HF. VI, 34: Voluit enim tunc aliam filiam illuc dirigere, quam de Audovera habebat, et eam in monasterium Pictavensi posuerat. Sed illa distulit, resistente praecipue beata Radegunde et dicente: 'Non est enim dignum, ut puella Christo dedicata iterum in saeculi voluptatibus revertatur'.

[41] О неоднозначной интерпретации по франкским законам легального статуса жены и вдовы короля для королевы-монахини, см.: *Casias C.* 2022, 21-26.

ковного противостояния. Здесь проявилась та разница между королевой-матерью (как в случаях Хродехильды и Фредегонды), наделяемой правом сыновьей защиты ее интересов во всех спорных ситуациях, и бездетной королевой-вдовой, у которой мог быть личный и общественный авторитет, но официально в системе кровно-родовых отношений не было безоговорочной мужской поддержки.

Личная враждебность Маровея добавляла Радегунде душевные страдания на протяжении двух десятков лет, так как местный понтифик был до конца последователен в своем грубом игнорировании королевы-монахини и ее роли основательницы женского монастыря, располагавшегося по соседству с городской базиликой святого Илария, служившей епископской кафедрой. В описаниях Баудонивии (Фортунат в своем житии принципиально не писал о церковном конфликте и об обретении священной реликвии) вопиющие поступки Маровея, когда он отказал в официальной церемонии встречи Святого Креста в Пуатье (унижение реликвии) и затем, поправ все нормы христианской этики и церковного служения, не стал провожать Радегунду в последний путь, представляются чуть ли не дьявольскими наущениями (VR. II, 16; 23). Не вызывает сомнений, что основания для такого отношения Маровея были как персонального (экстремальные практики личной аскезы, странная толерантность к проявлениям мирского гедонизма у монахинь[42], возможные приемы в женской обители светских и церковных политиков), так и церковно-институционального характера (сан диаконисы, королевский иммунитет для обители, собирание в закрытом женском монастыре церковных реликвий, подлинность

[42] К упомянутым в тексте Баудонивии несуровым условиям проживания в монастыре (бытовой комфорт с обслуживанием личными и монастырскими слугами, употребление винных напитков и разнообразного стола, декоративный сад) можно добавить и то, что аббатиса Леубовера, оправдываясь перед епископами за вольные нравы и свое поведение в стенах обители (игра в кости, трапезы с мирянами, проведение светских праздничных церемоний в закрытом монастыре), сослалась на бытование таких обычаев при жизни Радегунды (HF. X, 16).

которых могла вызывать сомнение[43], политические притязания на духовное лидерство в стенах города и умаление этим культа Илария Пиктавийского, церковный патронаж над местной обителью турских епископов Евфрония и Григория)[44]. И, быть может, это еще накладывалось на политический антагонизм между Маровеем, предполагаемым сторонником Хильперика, и Радегундой, звездным часом которой стало удачное согласование личных устремлений с внешнеполитическим курсом Сигиберта и Брунхильды.

Пожалуй, несомненной личной победой Радегунды над печальными обстоятельствами в ее жизни стало установление ею поминальной мемории по своим родным, то, чего мог опасаться Хлотарь, и то, что с помощью поэтического дарования Венанция Фортуната она смогла выразить в эпистолярной форме для будущих поколений[45]. Если Баудонивия пишет (VR. II, 8), что Радегунда, став монахиней, отринула память о родных, что говорит о том, что насельницы Святого Креста не поминали ее погибших родственников (и, очевидно, автор жития не знала о посланиях королевы-монахини к тюрингской родне), то Фортунат, бывший духовником Радегунды, сознательно не стал затрагивать тему горестных переживаний королевы о завоевании Тюрингии и убийствах близких людей в своем агиографическом труде. Радегунда пронесла в одиночестве через всю жизнь память о трагедии своего рода и народа, увековечивая ее в официальных посланиях к кузену и его сыну в Византию. На мой взгляд, в качестве второго объекта для поминовений тюрингского королевского рода могла *тайно* задумываться погребальная базилика самой Радегунды, ставшая цен-

---

[43] Предполагают, что Григорий Турский первоначально сомневался в подлинности реликвии Святого Креста, пока лично не засвидетельствовал о чуде с маслом в лампаде см.: *Dailey E.* 2012, 127. К тому же турский понтифик сам хранил несколько реликвий, связанных со Святым Крестом, см.: *Van Dam R.* 1993, 33-34.

[44] Гипотезы по истории конфликта с Маровеем см.: *Moreira I.* 1993; *Wehlau R.* 2002; *Edwards J.* 2007; *Dailey E.* 2012.

[45] Об интерпретации авторства посланий, см.: *Бикеева Н.Ю.* 2013, 21-25.

тром ее персонального культа святой мученицы и притягательным мавзолеем для жаждущих чуда паломников.

Свидетельством политической проницательности Радегунды стало публичное составление так называемого завещания, в котором она прописала все возможные внешние и внутренние посягательства на статус и имущество обители Святого Креста, а также защищала властные интересы своей духовной дочери-аббатисы. Однако настоятельница Агнесса не прожила и года после смерти благодетельницы, а все церковно-административные, (не названные) персональные и экономические бедствия, расхищения и захваты произошли сразу после смерти Радегунды. Так, обратившись к королю Хильдеберту, епископ Маровей получил церковную власть над монастырем, несмотря на весь заявленный по завещанию королевский иммунитет. Основной скандал в стенах женской привилегированной обители произошел в 589–590 гг., через два года после смерти основательницы и через год после избрания (или назначения) новой аббатисы.

По моей версии, прекрасно разбирающаяся в меровингской политике и в церковных отношениях королева-монахиня пыталась оформить свои предсмертные пожелания по монастырской жизни в (квази)юридическую форму завещания, реально опасаясь активных действий от конкретных персон — Маровея и двух меровингских принцесс-монахинь, которые имели все политические и административные основания для захвата внешней и внутренней власти над обителью. Все известные данные по монастырскому скандалу в Пуатье сохранились у Григория Турского, который в силу личной заинтересованности преподнес историю мятежа монахинь в сильно искаженном виде[46]. По моему мнению, такой политический накал, кровавая жестокость и резкая эскалация конфликта в стенах небольшого города, каким был Пуатье, были связаны с тем, что обе принцессы находились в *своем праве*, требуя передачи им властного контроля над женским монастырем под особым королевским покровительством, имеющим фамильно-династийное происхождение. Хродехильда, дочь умершего короля

[46] *Dailey E.* 2012, 119-123; *Flierman R.* 2021, 135-142; *Casias C.* 2022.

Хариберта[47], и Базина, дочь убитого Хильперика от первого брака, были законнорожденными внучками Хлотаря[48], по приказу и на земле которого был выстроен монастырь Радегунды. Он же был и главным донатором недвижимости обители, за счет которой содержались насельницы и сами монастырские стены[49].

В итоге типичная меровингская борьба за власть была перенесена за высокие стены женского монастыря, выплеснув волнами жестокой агрессии и гражданской войны на улицы города и в храмы. Принцессы обратились за справедливостью к дяде Гунтрамну, который пообещал рассмотрение их дела епископами, но начал

---

[47] Насколько добровольным был постриг для Хродехильды — неизвестно. Так ее сводная сестра Берта стала кентской королевой (см.: *Сазонова А.А.* 2020, 310-311), другая же — Бертефледа (по-видимому, дочь Мерофледы), нерадиво исполнявшая монашеские обеты в Туре, во время отъезда своей аббатисы самовольно покинула обитель (HF. IX, 33).

[48] Базина была, вероятно, против своей воли пострижена в монахини, когда ее сослали в обитель Радегунды Хильперик с Фредегондой после убийства ее брата Хлодвига и матери Аудоверы (581). В современных переводах содержится существенная неточность (HF. V, 39: Mater autem eius crudele morte negata; soror ipsius in monasterio **delusa a pueris reginae** transmittitur, in quo nunc, veste mutata, consistit; opesque eorum omnes reginae dilatae sunt. Пер. В.Д. Савуковой: Мать же его была жестоко умерщвлена. А сестру его, после того как **ее опозорили слуги королевы**, отослали в монастырь, в котором она находится и теперь, сменив светскую одежду на монашескую. Все их богатство было передано королеве), из-за которой исследователи иногда интерпретируют *delusa a pueris* как чуть ли не групповое надругательство. Конечно, речь шла о словесном **осмеянии** принцессы, быть может, дополненном срыванием королевских одежд и покрывала с головы, а также лишением средств для передвижения, но без физических оскорблений, не считая того, что она, по-видимому, присутствовала при убийстве матери.

[49] Григорий Турский приводит (HF. X, 16) список всех обвинений против мятежных принцесс, которые составили епископы по итогам разбирательства на церковном суде, где выделен пункт о том, что они захватили дары разных королей (Хлотаря и его сыновей) обители и отказывались их вернуть. И для истребования этих даров требуется особый королевский указ.

затягивать время. Поэтому, когда местный митрополит с епископами отлучили беглых монахинь от церкви, сторонники (HF. IX, 40; HF. X, 15) принцесс

> «...устроили такое побоище в самой базилике святого Илария, что епископы, повергнутые на пол, с трудом могли подняться, а диаконы и прочие клирики, залитые кровью, вышли из базилики с разбитыми головами» (HF. IX, 41. Пер. В.Д. Савуковой).

После чего Хродехильда стала угрожать (HF. IX, 41) физически расправиться с аббатисой, сбросив ее с монастырской стены[50]. После безрезультатного вмешательства Маровея Хродехильда завладела монастырской недвижимостью. Король Хильдеберт и местный граф также не могли разрешить конфликт мирным путем.

На следующем этапе (HF. X, 15) Хродехильда организовала ночной штурм и захват монастыря вооруженными людьми с мечами, луками и копьями, во время которого захватчики разрывали на монахинях одежды, схватили по ошибке приорессу Юстину, племянницу Григория Турского, а затем похитили аббатису, после чего разграбили весь монастырь[51]. На угрозу епископа Маровея силой освободить настоятельницу из темницы, Хродехильда приказала: «Если кто попытается силой освободить аббатису, вы ее тотчас сразите мечом» (HF. X, 15. Пер. В.Д. Савуковой). Турский епископ пишет (HF. X, 15) о смертях и об убийствах, которые произошли в монастыре перед ларцом со Святым Крестом и в погребальной базилике у саркофага Радегунды, а также в вооруженных стычках между слугами аббатисы, Хродехильды и Базины. Хиль-

---

[50] Таким же образом король Теодорик расправился с Герменефредом, когда во время их беседы последний тюрингский король был сброшен с крепостной стены (HF. III, 8).

[51] HF. X, 16: …как бешеные, ворвались в монастырь, подожгли во дворе бочки, взломали ломами и топорами двери, развели костер, избили и ранили монахинь, находившихся во дворе монастыря и даже в самих часовнях, ограбили монастырь, сорвали с аббатисы одежды, растрепали у нее волосы и выставили ее на посмеяние, силой протащив по улице, и бросили в темницу; хотя ее и не связали, однако она не была свободной (Пер. В.Д. Савуковой).

деберту и Гунтрамну пришлось созывать суд епископов двух королевств для рассмотрения дела принцесс-монахинь и городского бунта, а местный граф жестоко покарал светских участников мятежа, захватив их после штурма монастыря.

По моему мнению, церковные иерархи (Маровей и Григорий Турский) адекватно осознавали, что конфликты с меровингскими принцессами и их кровной родней находились вне их юридической компетенции. Здесь могли включаться неписанные родовые законы по защите женской родни, даже при их максимальной неправоте. Все деликатные ситуации с такими женщинами, которые грубейшим образом нарушали церковные каноны и светские законы, если и получали сначала надлежащую епископскую оценку и заслуженное наказание, то потом по личным распоряжениям франкских правителей разрешались благоприятным исходом (Базина вернулась в свою обитель; Хродехильда переехала на подаренную королем виллу; Бертефледа, самовольно покинув монастырь Инготруды, уехала жить в Ле Ман; Бертегунда получила всю захваченную в монастыре матери собственность[52]).

Странное бездействие светских властей и поддержку со стороны клира святого Илария можно интерпретировать как представление современников о законности притязаний меровингских принцесс-монахинь на власть в монастыре Святого Креста. Это могло быть связано с фамильным определением обители Радегунды, настоятельское преемство в которой ожидали для себя внучки Хлотаря и дочери королей. К тому же эксклюзивный статус королевского монастыря подтверждался его первоначальным иммунитетом от местной церковной власти. Приют и защита для беглых монахинь, полученные в базилике и монастыре святого Илария, настоятель которого был сподвижником епископа Маровея, также свидетельствуют о неоднозначном отношении местного понтифика к нарушительницам монастырских правил. Тем более, что Маровей добился после смерти аббатисы Агнессы права церковного контроля над обителью по распоряжению короля Хильдеберта

[52] О королевском родстве Ингоберги, Инготруды и Бертегунды, см.: *Сазонова А.А.* 2021, 272-273.

(предполагают, что Леубовера была креатурой Маровея). Вопрос заключался лишь в допустимости активных действий Хродехильды и Базины, от их оправданного непокорства распоряжениям местных епископов до скандального избиения высших иерархов и ночного штурма монастыря с грабежом и похищением аббатисы. Самое парадоксальное в том, что, описывая в негативном ключе историю и поведение принцесс-монахинь, Григорий Турский в это самое время находился в аналогичной епископу Маровею ситуации (HF. X, 12), когда терпел семейные дрязги родственниц короля Гунтрамна[53], в итоге смирившись с расхищением Бертегундой фамильного имущества из монастыря ее умершей матери, вопреки воле последней, но по милостивому решению короля-родственника.

* * *

По моему мнению, гендерные парадоксы варварства, рассмотренные на примерах, с одной стороны, бургундской мести Хродехильды и ее роли в убийстве внуков, и экстремально аскетичной практики Радегунды, с другой стороны, можно классифицировать как проявления *внутрицивилизационного* варварства[54], архаичные формы жестокости, агрессии и религиозной девиации которого были характерны для раннесредневековой христианской цивилизации, воспринимаясь чрезмерно разрушительными для политической культуры и церковной идеологии того времени.

Жестокое убийство кровных родственников воздалось для Хродехильды гибелью старшего сына и чудовищным убийством внуков собственными дядьями. Внутрисемейная трагедия вдовы Хлодвига, вдохновившей его, по словам Григория Турского, на принятие христианства, стала для нее источником неизбывного чувства вины за смерть близких. Поэтому, проводя в Туре десятилетия христиански благочестивой жизни, она пыталась вымолить прощение за содеянное перед порогом святого Мартина. Радегунда же с юности стремилась к делам милосердия и смиренному служению больным, нищим и обездоленным. Взвалив на свои плечи всю

[53] *Сазонова А.А.* 2021, 272-273.
[54] *Буданова В.П.* 2018, 523, 530.

эмоциональную тяжесть горького плача по родине и поминальной мемории по умершим родным, она рано избрала радикальную форму религиозности — суровое монашество и аскезу, скрывая следы мученического самоистязания на своем теле.

Древнегерманская политическая культура давала значительную свободу супруге и матери франкских королей при исполнении ими соответствующих королевскому положению функций. Но выход за отведенные гендерные рамки показал — на примере страшного проигрыша Хродехильды в борьбе за регентскую власть над королевским наследством для своих внуков и тщетность всех предусмотрительных усилий Радегунды по сохранению в первозданном виде королевского иммунитета от церковно-административного и имущественного подчинения своего монастыря — недостаточность их политического и персонального авторитета, а также отсутствие мужских силовых ресурсов для сохранения имеющихся прерогатив.

Женское регентство, придание статуса женской родовой мести военному завоеванию, ссылка и своеобразный домашний арест как самоизоляция, неопределенное положение в ожидании официального развода, политическая и личная подконтрольность распоряжений над личным имуществом — все это по неписанным обычаям, в данном случае как королевская практика рода Меровингов, синтезировало нормы традиционной германской культуры и новую римско-христианскую традицию, формируя властный круг привилегий и обязанностей раннесредневековой королевы. Максимально ярко это было продемонстрировано на уникальном примере монашеского призвания Радегунды и последующей меровингской борьбы за власть в стенах и за оградой монастыря Святого Креста. Кровавая месть своим родным и самоистязание как два полюса возможностей для гендерной жестокости во франкском обществе были осмыслены Григорием Турским через призму божественного воздаяния, а Венанцием Фортунатом как прижизненное мученичество. Однако, на мой взгляд, ни королеву-вдову Хродехильду, ни королеву-монахиню Радегунду нельзя назвать жертвами жестоких нравов и суровых политических реалий той эпохи, их похожие и непохожие судьбы святых королев стали

двумя гранями трагической доли германских принцесс из поверженных династий, ставших королевами меровингских правителей.

ЛИТЕРАТУРА

Фортунат Венанций. 2009: Избранные стихотворения / Р.Л. Шмараков (пер.). М.

<*Фредегар*> 2015: Хроники Фредегара / Г.А. Шмидт (пер.). СПб.

Цезария Младшая. 2014: Послание Рихильде и Радегунде / Ю.М. Прогунова (пер.) // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. 6. 73-79.

Бикеева Н.Ю. 2019: Образы святой Радегунды в источниках эпохи Меровингов: письма, жития, история, поэзия // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 161 (2–3). 43-59.

Бикеева Н.Ю. 2013: Письма св. Радегунды: социальные функции и риторика // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 21. 7-28.

Бикеева Н.Ю. 2016: «Тайный» аскетизм Св. Радегунды: конструирование святости в агиографии раннего Средневековья // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 158 (3). 796-806.

Буданова В.П. 2018: Варварство как вызов и парадокс мировой истории // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе / О.В. Воробьева (общ. ред.). М. 509-544.

Прогунова Ю.М. 2014: «Благочестивым госпожам Рихильде и Радегунде смиренная Цезария...»: к вопросу о распространении «Правила» Цезария Арелатского в Галлии VI века // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. 6. 68-69.

Сазонова А.А. 2021: Крещение Хлодвига как социокультурный триггер в меровингской политике // ЦиВ. X. 255-281.

Сазонова А.А. 2020: Латентная форма заложничества в германских королевствах раннего Средневековья // ЦиВ. IX. 297-318.

Casias C. 2022: Rebel Nuns and the Bishop Historian: The Competing Voices of Radegund and Gregory // Studies in Late Antiquity. 6 (1). 5-34.

Dailey E. 2012: Misremembering Radegund's Foundation of Sainte-Croix // Erfahren, Erzählen, Erinnern Narrative Konstruktionen von Gedächtnis und Generation in Antike und Mittelalter / H. Brandt, B. Pohl, W. Sprague, L. Hörl (hrsg.) Bamberg. 117-140.

Dailey E. 2015: Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden.

Edwards J. 2007: Their Cross to Bear: Controversy and the Relic of the True Cross in Poitiers // Essays in Medieval Studies. 24. 65-77.

Fauquier M. 2017: La chronologie radegondienne : un enseignement sur la conception de la vocation à la fin de l'Antiquité en Gaule // Antiquité Tardive. 25. 315-340.

Flierman R. 2021: Gregory of Tours and the Merovingian letter // Journal of Medieval History. 47 (2). 119-144.

Moreira I. 1993: 'Provisatrix Optima: St Radegund of Poitiers' relic petitions to the east' // Journal of Medieval History. 19. 285-305.

Van Dam R. 1993: Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton.

Wehlau R. 2002: Literal and Symbolic: The Rhetoric of Asceticism in Two Lives of St. Radegund // Florilegium. 19. 75-89.

Widdowson M. 2009: Merovingian Partitions: a 'Genealogical Charter'? // EME. 17 (1). 1-22.

Wood I. 1988: Clermont and Burgundy: 511–534 // Nottingham Medieval Studies. 32. 119-125.

Wood I. 1985: Gregory of Tours and Clovis // RBPH. 63 (2). 249-272.

Wood I. 1994: The Merovingian Kingdoms, 450-751. L.

REFERENCE

Fortunat Venancij. 2009: Izbrannye stihotvoreniya / R.L. Shmarakov (per.). M.

<Fredegar> 2015: Hroniki Fredegara / G.A. Shmidt (per.). SPb.

Cezariya Mladshaya. 2014: Poslanie Rihil'de i Radegunde / Yu.M. Progunova (per.) // Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya. 6. 73-79.

Bikeeva N.Yu. 2019: Obrazy svyatoj Radegundy v istochnikah epohi Merovin-gov: pis'ma, zhitiya, istoriya, poeziya // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 161 (2–3). 43-59.

Bikeeva N.Yu. 2013: Pis'ma sv. Radegundy: social'nye funkcii i ritorika // Adam & Eva. Al'manah gendernoj istorii. 21. 7-28.

Bikeeva N.Yu. 2016: «Tajnyj» asketizm Sv. Radegundy: konstruirovanie svya-tosti v agiografii rannego Srednevekov'ya // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 158 (3). 796-806.

Budanova V.P. 2018: Varvarstvo kak vyzov i paradoks mirovoj istorii // Ci-vilizacionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoj perspektive / O.V. Vorob'eva (obshch. red.). M. 509-544.

Progunova Yu.M. 2014: «Blagochestivym gospozham Rihil'de i Radegunde smi-rennaya Cezariya...»: k voprosu o rasprostranenii «Pravila» Cezariya Arelatskogo v Gallii VI veka // Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhde-niya. 6. 68–69.

Sazonova A.A. 2021: Kreshchenie Hlodviga kak sociokul'turnyj trigger v me-rovingskoj politike // CiV. X. 255-281.

Sazonova A.A. 2020: Latentnaya forma zalozhnichestva v germanskih korolev-stvah rannego Srednevekov'ya // CiV. IX. 297-318.

Casias C. 2022: Rebel Nuns and the Bishop Historian: The Competing Voices of Radegund and Gregory // Studies in Late Antiquity. 6 (1). 5-34.

Dailey E. 2012: Misremembering Radegund's Foundation of Sainte-Croix // Erfah-ren, Erzählen, Erinnern Narrative Konstruktionen von Gedächtnis und Generation in An-tike und Mittelalter / H. Brandt, B. Pohl, W. Sprague, L. Hörl (hrsg.) Bamberg. 117-140.

Dailey E. 2015: Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden.

Edwards J. 2007: Their Cross to Bear: Controversy and the Relic of the True Cross in Poitiers // Essays in Medieval Studies. 24. 65-77.

Fauquier M. 2017: La chronologie radegondienne : un enseignement sur la conception de la vocation à la fin de l'Antiquité en Gaule // Antiquité Tardive. 25. 315-340.

Flierman R. 2021: Gregory of Tours and the Merovingian letter // Journal of Medieval History. 47 (2). 119-144.

Moreira I. 1993: 'Provisatrix Optima: St Radegund of Poitiers' relic petitions to the east' // Journal of Medieval History. 19. 285-305.

Van Dam R. 1993: Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton.

Wehlau R. 2002: Literal and Symbolic: The Rhetoric of Asceticism in Two Lives of St. Radegund // Florilegium. 19. 75-89.

Widdowson M. 2009: Merovingian Partitions: a 'Genealogical Charter'? // EME. 17 (1). 1-22.

Wood I. 1988: Clermont and Burgundy: 511–534 // Nottingham Medieval Studies. 32. 119-125.

Wood I. 1985: Gregory of Tours and Clovis // RBPH. 63 (2). 249–272.

Wood I. 1994: The Merovingian Kingdoms, 450-751. L.

Anna A. SAZONOVA

MEROVINGIAN QUEENS AND GERMAN POLITICAL CULTURE

GENDER CHARACTERISTICS OF THE FRANKS IN THE 6TH CENTURY

The article explores the boundary between the permissible freedom in the personal and political activity of the Merovingian queens and the extraordinary actions of Clothild and Radegund, which brought them on the painful path of the Christian search for consolation and absolution. The political culture of the Franks in the sixth century allowed an active position for the Merovingian queens as spouses of Frankish kings and mothers of royal heirs. The personal political choice of Queen Clothild and her desire for regency with her grandchildren led to the tragic death of relatives. Deeply experiencing the dramatic events in her life, Queen Radegund chose the monastic path and extreme forms of ascetic practices. Based on the contrasting descriptions of these queens, in the ambiguous assessments of three authors of contemporary sources (Gregory of Tours, Venantius Fortunatus and the nun Baudonivia), gender paradoxes were formulated for manifestations of extreme cruelty and violent self-aggression.

Keywords: Clothild, Radegund, Chlothar I, rebellion in Poitiers, bloodfeud, extreme asceticism, Merovingian politics.

Anna A. SAZONOVA — PhD (History), Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — tok6aas2011@yandex.ru

РАЗДЕЛ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО ВАРВАРСТВА

М.В. Кузьмина

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

ТИПЫ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ XIV–XV ВЕКОВ

Статья посвящена проблеме сосуществования различных форм брачно-семейных отношений в средневековой Франции в XIV–XV веках. Цивилизаторская деятельность Церкви, направленная на внедрение христианских нравственных норм, смягчение нравов, тем не менее не смогла искоренить бытование таких форм взаимоотношений в супружеской паре, которые даже по меркам Средневековья могли бы считаться чересчур жестокими и грубыми, то есть варварскими. Однако существование таких форм в какой-то мере отвечало превалирующему в этот исторический период отношению к женщинам как более слабым, менее умным и вздорным созданиям, требующим постоянного контроля, чему способствовала и сама Церковь. Средневековый человек, для которого важным было сохранение реноме своей семьи и брака, обращал большое внимание на соответствие поведения каждого отдельного чле-

***Маргарита Владимировна* КУЗЬМИНА** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, Российская Федерация, Москва. — kuzmmargarita@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 263-285
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 263-285
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.011

на общества общепринятым нормам и правилам. Отклонение от них, что могло вызвать исключение индивида из сообществ, грозило разрушением социального порядка, поэтому могло жёстко наказываться, даже переходя рамки разумного.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, супружеская пара, семья, христианские нравственные нормы, сосуществование, родственные и семейные связи.

Феномен варварства всегда присутствовал в разных цивилизациях, в разные эпохи и в разных регионах. Проявлял он себя также и в гендерном аспекте, в частности, в сфере брачных и семейных отношений. Как менялись и менялись ли взгляды на агрессивное поведение мужчин и женщин в брачных отношениях в средневековой Франции — эти вопросы рассматриваются в настоящей статье.

В марте 1417 года в городе Крейе (Creil) крестьянин Жеан Пти Па (Jehan Petit Pas) получил письмо о помиловании (lettre de rémission) за убийство своей жены. Согласно сведениям, изложенным в письме, это произошло так:

> «Карл, милостью Божьей король Франции… Мы получили смиренное прошение от родственников и близких друзей Жеана Пти Па, крестьянина (laboureur), некоторое время назад проживавшего в Жо (Jaux) и обременённого тремя малыми детьми, следующего содержания: в понедельник, в 21 день только что прошедшего февраля месяца, незадолго до рассвета упомянутый Пти Па и Изабель, в то время его жена, проснулись и отправились разжигать очаг в доме. Здесь упомянутый Жеан спросил у своей жены, наступил ли уже рассвет? Она же ему ответила в неуважительной манере (manière de despit) такими словами: “А тебе разве не сказали, что завтра увидимся с тобой?!”. От этого ответа Жеан разгневался и, взяв свой кожаный мяч (для игры в суль. — *М. К.*), запустил им ей в голову. Она же, весьма высокомерно снова сказала мужу: “Если ты снова кинешь, я брошу мяч в огонь”. От этих слов он снова разозлился, взял другой мяч и бросил в голову жены. Она же, из-за напускной смелости, взяв один из мячей мужа, кинула его в огонь. Сделав это, она убежала и скрылась в своей комнате. Жеан пошёл за ней и, взяв веретено, ударил им её так, что от

> этого удара веретено сломалось. Затем он вышел из комнаты. После этого упомянутая женщина закрыла дверь и легла спать. Жеан тут же вернулся к двери комнаты, тщетно попытавшись войти в неё. Тогда он взял в руку железную вилку, у которой был только один зубец, так как второй был сломан, и чтобы войти в комнату, упомянутый Жеан ударил этой вилкой в перегородку, которая была земляной, отчего в перегородке образовалась дыра. Прямо за перегородкой спала жена, и он через дыру случайно (par cas de fortune) этой вилкой нанёс ей удар прямо в горло. То ли из-за этого изъяна вилки, то ли из-за плохого владения (petit gouvernement) (видимо, вилкой? — *М. К.*) или ещё почему, но жена сразу же или чуть погодя скончалась. В результате этого происшествия Жеан, опасаясь строгости правосудия, сбежал из этой местности, оставив трёх малых детей, у которых не было на что жить, поскольку всё их наследство и движимое имущество названный Жеан, их отец, передал в наши руки…».

После этого следует резюме текста помилования с заключением: помимо содержания в закрытой тюрьме в течение месяца и после того, как Жеан Пти Па совершит паломничество в Нотр-Дам-дю-Пюи в Оверни, он должен в течение трёх месяцев после этого предоставить об этом паломничестве подтверждение[1].

В июне 1418 года в Париже было получено письмо о помиловании крестьянином (laboureur) Жаком Ле Блуа (Jaqet Le Bloy) и также за смерть жены, наступившей в результате побоев. Причины преступления весьма схожи с изложенными в первой истории:

> «Карл, милостью Божьей король Франции… Мы получили смиренное прошение от родственников и близких друзей Жака Ле Блуа, простого человека, крестьянина, проживающего в приходе Аз (Aze), что в диоцезе Шартра, обременённого несколькими детьми, следующего содержания: «Как-то в месяце сентябре прошлого года он и покойная Жеанна, его жена, приехали из упомянутого местечка Аз на свадьбу некоего человека по имени Жеан ле Филандрие и Марион, бывшей жены

[1] Choix de pieces inedites relatives au regne de Charles VI, 1864, 138-139.

покойного Жеана де Блуа (так в тексте — де Блуа. — *М. К.*). На этой свадьбе Жеанна, мужем которой был упомянутый Жак, имевшая привычку много пить и становиться от этого пьяной, отчего часто попадала в неприятности, напилась так, что опьянела. Поэтому названный Жак, увидев свою жену, уже напившуюся сверх меры, и желая избежать бесчестья (deshonneur), поступил, таким образом, с ней, что после ужина он заставил её уехать с этой свадьбы, желая увезти её в Аз из гостиницы, в которой они остановились. И когда они вместе, без посторонних, шли, упомянутый Жак указал своей жене на стыд и позор, каковые в любой день могли бы из-за её поведения пасть на их потомство, а эта женщина уже имела плохую репутацию в смысле порядочности телесной (petitement renommée de proudommie de son corps). Упомянутая женщина отягчила своё поведение манерой говорить и словами. Жак тогда стал злым и раздражённым. Он, найдя на дороге палку, нанёс ею два или три удара по своей жене. От этого палка сломалась, и тогда он ударил жену пару раз оставшейся от палки рогаткой и ещё маленьким ножом за 2 денье, который он и его жена нашли утром, идя на упомянутую свадьбу. Затем, придя домой, Жак предположил, что, оказавшись вне его гнева и раздражения, жена пойдёт за ним или вернётся на свадьбу. Но она вообще не пришла домой, и Жак на следующий день очень рано утром поднял 10 своих детей, чтобы самому идти за женой в дом Филандрие. Жак отправился туда по этой своей надобности, и он пошёл через поля. Дети довольно скоро прибежали вслед за Жаком, их отцом, плача и говоря, что они обнаружили их мать, и она была мёртвой, как им показалось. Тогда упомянутый Жак в великом горе развернулся и пошёл назад с детьми. Они нашли её мёртвой довольно близко от того места, где он её бил. От этого Жак очень расстроился и разозлился. Он поднял её и положил в тележку, которую он туда притащил, и увёз в свой дом. Дома он её прятал до вечера, а соседям сказал, что нашёл её умершей от очень тяжёлой болезни, которая у неё была. Жак запеленал её в саван и похоронил хорошо и с почтением, согласно её положению. С тех пор Жак постоянно проживал в своём доме, не обвиняемый в случившемся и не призываемый к ответу. И только в среду 8 дня этого месяца этот Жак был приведён в Тампль де Мондублё, где его и нашёл Жеан Раие, сержант нашей дражайшей и любимейшей кузины —

> королевы Сицилийской… который заподозрил его в преступлении… и поместил упомянутого Жака в тюрьму. Он был освобождён, как только за него поручились и дали гарантии Жеан Юбер, Жеан Виоло и Жеан ле Блуа, которые уплатили в качестве наказания 10 турских ливров, и которые слёзно обещали вернуть его на ближайшее заседание суда в Манс в день, когда позовут. И также обещал Жак туда вернуться под угрозой быть наказанным за это дело. В результате этих событий Жак не отваживается ни находиться, ни проживать в безопасности в своём доме, не может решиться ни вернуться, ни лично явиться на вызов в суд, но будет находиться в неопределённом (может быть, опасном. — *М. К.*) положении (maiz seroit en adventure»)…»[2].

Решение суда по делу было таково: Жак Ле Блуа должен заказать 30 месс за покойницу и быть заключённым в тюрьму на месяц на хлеб и воду.

Здесь можно выделить несколько важных моментов. Во-первых, довольно мягкое решение суда, хотя в обоих случаях было совершено одно из самых тяжких преступлений — убийство, поскольку во втором случае женщина скончалась в результате избиения и ранения ножом. Во-вторых, такое решение можно трактовать хотя и не как оправдание, но как почти снисходительное отношение, поскольку в тексте писем о помиловании в том изложении событий, которое было получено в ходе допроса обоих преступников, поведение мужа в отношении жены приобретает явный оттенок обоснованного действия. В-третьих, очень важно отметить то, что оба убийцы всё-таки осознавали степень тяжести ими содеянного, однако их пугало не только это, а реакция властей и реакция родственников и соседей, которые выступали каждый на своём уровне регуляторами социальных отношений (соседи также могли донести властям о совершённом преступлении), что могло повлечь строгое наказание.

В рамках заявленной темы также неизбежно встаёт вопрос: насколько общество (цивилизация) в этот период допускало варварские формы взаимоотношений, в данном случае — в семье и

[2] Ibid. 140-142.

между супругами, и можно ли эти формы считать варварскими? Очевидно, что такое поведение — жестокое, нетерпимое, проявленное обоими мужчинами по отношению к своим жёнам, не осознаётся ими как недопустимое, ведь только страх наказания и порицания заставляет их скрывать до определённого момента совершённое и лгать. А тайна, ложь и провокация являются часто методами сокрытия варварской сути идей, действий, явлений, персон[3].

Цивилизация Средневекового Запада — это, прежде всего, христианская цивилизация. Лежащие в основе поведенческого кода людей нравственные постулаты христианского учения, ценность которых очевидна, тем не менее неизбежно трансформировались, приобретая на практике не слишком строгие формы. Эта трансформация не обязательно означала скатывание в варварство. Однако она могла это включать, поскольку и «проявления и природа варварства постоянно трансформируются вместе с историей общества в зависимости от цивилизации, в рамках которой живёт варвар»[4]. Можно предположить, что образцы варварского поведения мужчин и женщин часто можно встретить именно в семье, где сословные рамки и моральные ограничения часто бывают если не сняты, то размыты.

Семья в период Средневековья — важная часть социума, построенного на принципах иерархии. В семье этот принцип также должен был неукоснительно соблюдаться. Нарушение его влекло разрушение отношений.

Поддержание мира, порядка и справедливости в семье, где каждый, как и в обществе в целом, занимает свое место и делает своё дело, а, следовательно, и получает то, что заслуживает, — забота обоих супругов. Согласно преобладающей в этот период точке зрения, у мужчин и женщин есть свои обязанности. Для женщины — это забота о детях и муже, забота о домочадцах, управление хозяйством. Это тем более важно, что дом (и в прямом смысле, и как метафора) для женщины — защита от ненужных

[3] *Буданова В.П.* 2019, 19.
[4] *Буданова В.П.* 2018, 67.

контактов, место укромное, трансформирующееся в место религиозное, где можно молиться. Дом — это место, где женщина проявляет себя как добрая христианка[5]. И в этом качестве обязана заботиться о реноме своего мужа, своей семьи и своего сословия.

Сохранение чести семьи и сословия — одна из составляющих «доброго мира» между супругами, оно обеспечивается подчинением жены мужу (и в чём-то мужа жене), ведь это именно то, к чему призывает Господь. Это мнение ярко продемонстрировал анонимный автор нравоучительного сочинения конца XIV в. «Le Ménagier de Paris». Но он же дал нам образец и альтернативного относительно приведённым в начале статьи примерам поведения супруга[6].

Отношения супружеской пары в рамках семьи и рода не мыслятся без включенности каждого отдельного их члена в схему устройства общества в целом. Связи горизонтальные, такие как семья, родство, сословие пересекаются и сочетаются со связями вертикальными: сеньора и подданного, Бога и человека. Отношения по вертикали предполагают, что один подчиняется, а другой осуществляет свое господство. Обоснование такой формы миропорядка утверждал, в частности, Блаженный Августин, объединив мир в политическом, правовом и социальном смысле с космосом и его порядком, а тем самым и с практикой приказаний и послушаний[7]. Характерными чертами официальной христианской модели мира была некоторая приниженность женщины, ее неравноправие по сравнению с мужчиной[8]. Средневековый мир (и не только он) не сумел до конца своего существования преодолеть это неравноправие, однако в разные периоды это представление обретало различные формы[9]. Вероятно, свой вклад внёс и культ Прекрасной Дамы как умонастроение, проникающее в менее благородные слои общества, но и культ Девы Марии, и сама картина мира, меняющаяся

---

[5] Histoire des femmes en Occident. 1990, 132-139; *Кузьмина М.В.* 2011.
[6] Le Ménagier de Paris. 1846. I. 155, 169.
[7] *Эксле Отто Герхард.* 2007, 160.
[8] *Бессмертный Ю.Л.* 1991, 282-310.
[9] Там же. 292.

благодаря широкомасштабным событиям конца XIV – начала XV веков (Чёрная смерть, Столетняя война). Таким образом, нужно говорить не только о возможных варварских чертах отношений между двумя полами, но и преодолении самых грубых форм, сглаживании существовавших резких противопоставлений.

На бытовом уровне порой очень серьёзное отхождение от христианских нравственных идеалов объяснялось некоторыми «конформными» умами несоблюдением Божьих заветов[10], которым в действительности было очень трудно следовать, а некоторые и не пытались их соблюдать, хотя попытки осуществлять цивилизаторскую роль Церкви в этом смысле общепризнанны. Иначе говоря, поведение, игнорирующее христианские этические нормы, можно рассматривать как знак варварства для этого периода французской истории. Но здесь необходимо учитывать степень отступления от этих норм. Жерсон говорил относительно лжи (а это один из способов выживания и приспособления в обществе, который в предельно отрицательных своих проявлениях является маркером варварства):

> «Лгать ради того, чтобы причинить кому-либо максимальный ущерб — грех смертный, а лгать в шутку или же для своей или чьей-то пользы — грех простительный. То есть можно скрывать правду без лжи и без греха»[11].

Если обратиться к характеристикам цивилизованного человека и варвара, которые, в частности, перечисляет Н.В. Мотрошилова, имея в виду, конечно, прежде всего современного человека, можно сказать, что они не могут быть безоговорочно применимы к людям Средневековья, тем не менее, её мысль о том, что «…цивилизация в принципе нацелена на создание объективных механизмов человечности, о которых со своей, уже субъективно-нравственной стороны, с древнейших времен заботятся этика и религия», важна для анализа взаимодействия цивилизации и варварства в этот период[12]. Действительно, варварами не рождаются,

[10] Там же. 296-297.
[11] *Gerson J.* 1967, 381.
[12] *Мотрошилова Н.В.* 2007, 32-35, 76.

а становятся[13], и характеристики варварского поведения и его границы соответствуют определённой исторической эпохе. Однако, по нашему мнению, одной из характеристик и средневекового «цивилизованного человека» (в рамках христианских нравственных норм), можно считать слова Н.В. Мотрошиловой о том, что:

> «…цивилизованный индивид — человек, и ничто человеческое ему не чуждо, в том числе и страсти, устремления, которые обладают не только созидательной, но и деструктивной силой. Но он учится, умеет сдерживать, «окультуривать» свои нужды и эмоции»[14].

Для периода Средних веков было характерно такое явление, как мизогония, которая, однако, не была абсолютной. Определённую негативную роль в распространении женоненавистнических взглядов, при общей направленности на воспитание прихожан в русле христианских нравственных идей, сыграла и Церковь, поскольку склонна была видеть в женщине корень зла (это касалось, прежде всего, сексуальных отношений). Такое восприятие женщины прослеживается и в более раннее и в более позднее время. В XV веке появилась книга «Молот ведьм», где была дана подробнейшая характеристика женщин, которые, как считали её авторы, по сути своей наиболее склонны ко злу, но особенно они склонны к плотским наслаждениям. Этимология слова «женщина» выводится ими из словосочетания «имеющая меньше веры»[15]. Женщина лжива по природе, она горче смерти, она — скрытый, льстивый враг[16]. Это крайняя точка зрения, значимость которой не нельзя недооценивать, так и переоценивать. Тем не менее, она играла существенную роль в умонастроениях общества, и, как представляется, имела сторонников во всех социальных слоях. И это была

---

[13] *Буданова В.П.* 2017, 8.

[14] *Мотрошилова Н.В.* 2007, 34.

[15] *Шпренгер Яков, Институрис Генрих.* 2006, 123: «… ”fe”(Fides — вера) и “minus” (менее). Таким образом, слово “femina” значит — «имеющая меньше веры»… женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру…».

[16] Там же. 126-127.

преимущественно мужская точка зрения. Такой подход преобладал в литературных сочинениях, но он не был столь категоричным в реальной жизни. Учёные мужи упражнялись в негативных характеристиках женщин полагая, что «муж выступает по отношению к супруге как большее к меньшему, как совершенное к несовершенному (т.е. с недостатками. — *М. К.*)»[17].

Можно в этой связи упомянуть и литературные произведения, написанные мужчинами и в которых отразился взгляд на положение женщины в семье[18]. Так Эсташ Дешан в «Советах дамам» (“Conseils aux Dames”) перекликается и с Кристиной Пизанской, и с автором “Le Ménagier de Paris”:

> «…Будьте мудрыми, храните свое доброе имя… И любите Бога… И пусть в ваших делах смиренно верность пребывает с вами, и также сострадание…И пребудет с вами во всякое время Честь, Смирение, Кротость и Учтивость…И всюду избегайте шума и свар; со всеми людьми разговаривайте мягко; будьте скромны, избегайте даров от посторонних; …подавайте ради Бога, возносите уединенно молитвы, не из-за лицемерия…единственно, чтобы снискать любовь Нашего Господа, служите хорошо Богу и Деве Марии…Также берегите ваше тело и ваше доброе имя, которое и после вашей смерти вашим друзьям будет примером, как известно; благо, совершенное вами, послужит для спасения ваших душ…А доброе имя пребудет словно цветок…»[19].

---

[17] *Martin H.* 1996, 4-407.

[18] См., например, в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера «Пролог батской ткачихи», где мужская и женские точки зрения на положение женщины в обществе противостоят друг другу // *Чосер Джеффри*. 2008, 374-402. Точку зрения мужчин на брак (негативную) высказывал еще Петрарка в его «Средствах против превратностей судьбы» (1354–1366) // *Петрарка Франческо*. 2008.

[19] *Deschamps Eustache*. 1880, 113–114: “…Soiez saiges, gardez vostre renom / Et amez Dieu…, / Et en vos fais vous portez humblement / Loyauté soit en vostre compaignie, / Pitié aussi… / Et avec vous soit en tout temps Honeur, / Humilité, Douçour et Courtoisie… / Et en tout lieux fuiez noise et tonson; / A toutes gens parlez benignement; / Sobre soiez; fuiez estrange don; / A vo pouoir gouvernez loyaument; / Donnez pour Dieu, faictez secretement /

Все, что приказывает муж, будь то обычное дело или дело, кажущееся странным, должно быть исполнено женой и сохранено в тайне. Те же женщины, что поступают иначе — строптивые, надменные и скрытные — мужа своего не уважают:

> «…жена должна подчиняться своему мужу и исполнять его любые приказания, малые и большие, и даже очень маленькие. И сверх того, муж вовсе не обязан сознаваться в причинах или мотивах своего приказания, так как это могло бы вас подбить на то, чтобы зависеть в выполнении его от своего суждения о значимости причины, тогда как это не должно ни играть какой-либо роли в ваших глазах, ни влиять на ваше суждение: ибо одному мужу пристало всё знать, а вам — не спрашивать его, но лишь тогда, когда вы только вдвоём, в укромном месте”[20].

Причём таким укромным местом может быть не только их дом, комната, но и супружеская постель. Ведь и юная супруга автора “Le Ménagier” — мужчины многоопытного и в летах — просит исправлять её и поучать, давать ей советы даже в их интимной жизни[21].

Анонимный автор сочинения “Les échecs amoureux”[22], выделяет из добродетелей, которыми должны обладать девушки, желающие выйти замуж, стыдливость, миролюбивость и умение мало

Vos aumognes, non par ypocrisie, / …Fors pour gaigner l’amour Nostre Seineur; / Servez bien Dieu et la Vierge Marie… Ainsi vo corps garderez et vo nom / Qui demourre, puis vo traspassement // A vos amis exemple, ce scet on; / Et vo bien fait sera le sauvement / De voz ames… / Et le bon nom demourra comme fleur…”.

[20] Le Ménagier. 1846, 134-135: “…la femme doit obéir à son mary et faire ses commandemens quelconques grans et petis, et mesmes les très petis; ne il ne convient point que vostre mary vous die la cause de son commandement, ne qui le meut, car ce sembleroit un signe de le vouloir ou non vouloir faire selon ce que la cause vous sembleroit ou bonne ou autre, ce que ne doit pas de cheoir en vous ne en vostre jugement, car à luy appertient de le savoir tout seul, et à vous n’appartient pas de luy demander, se ce n’est après, à vous deux seulement et à privé”.

[21] Ibid. 1-2.

[22] Трактат написан м. 1370–1380 гг. мирянином. В нем он учит девушек быть достойными душой и телом // *Hentsch A.* 1906, 135-138.

говорить, не быть праздными. Особенно важна стыдливость, так как стыд — это «оковы, наложенные природой на женщину», и он же является защитой для ее чести. Умение быть немногословной ценно потому, что женщин, начавших ссору, невозможно остановить, что наносит ущерб чести, поскольку в этот момент они становятся несдержанными на язык.

В духе времени высказалась Кристина Пизанская — защитница женщин перед лицом неуважительно к ним относящихся мужчин, посоветовав:

> «Если у вас плохой и гневливый муж, его должно успокоить добрыми словами; не беспокоить его ни делами, ни чем-либо из того, что нужно скрывать, ни за столом, ни перед домашними, но в сторонке и в его комнате»[23].

Она полностью одобряет такое смиренное поведение, замечая:

> «Определённо, это доброе правило, что каждая женщина имеет ту одежду и то положение, которые соответствуют ей и её мужу… Так пристало поступать любой женщине, которая желает сохранить доброе имя (bonne renommee)… И поэтому во Франции, которая является самым благородным королевством в мире, и где всё должно быть устроено согласно старинным обычаям... не подобает, чтобы жена крестьянина занимала то же положение, что и жена городского ремесленника, а жена ремесленника была похожа на жену буржуа, жена буржуа — на демуазель, демуазель же была как дама, дама — как графиня или герцогиня, графиня или герцогиня — как королева; таким образом, каждая должна занимать своё собственное положение, и так же, как существует разница в образе жизни людей, такая же разница есть и в их положении. Но эти правила не соблюдаются хорошо в наши дни во Франции…»[24].

---

[23] *Christine de Pizan.* 1989, 175: “Et se son mary est mal et rioteux, le doit appaisier a son pouoir par belles parolles; ne lui enquiere point de ses besoingnes ne autres choses aucunement secretes a tables ne devant maignee, mais a part et en sa chambre”.

[24] Ibid. 178-184: “Nonpourtant c’est bien droit que chasqune port tel abit et estat qu’apertient a son mary et a elle… Et pour ce en France 0 qui est le plus

Способность принимать те или иные решения, быть обучаемым и иметь определённый круг интересов также определяется социальным статусом человека, его окружением, его психикой, опять-таки во многом зависящей от социальной среды, в которой он родился и воспитывался[25].

Если суммировать все то, что подразумевает автор «Le Ménagier de Paris» под «preudefemme», будет видно, что это совокупность многих составляющих: внешний вид, одежда, поведение (сохраняющее репутацию и добрую славу), речь, образ жизни (который, в свою очередь, имеет в виду и уважение авторитетов).

Если христианская составляющая превалирует во внешних проявлениях добродетельного поведения, отношения между супругами “Le Ménagier” считает возможным регулировать лично, поскольку считает себя нравственным, а свое поведение соответствующим общепринятой христианской морали. Вероятно, это не было только его личным мнением, но разделялось мужчинами его круга.

Автор трактата рассказывает очень популярную историю о Гризельде — дочери бедного крестьянина, ставшей женой маркиза (хотя «истинно, что женитьба — дело сомнительное»[26]), испытавшую много унижений и страданий по воле мужа. Однако автор подчеркивает, что он всё описал лишь для того, чтобы нау-

---

noble royaume du monde, et ou toutes choses doivent ester les plus ordonnees selon qu’il est contenu es ancians usages de France — n’aperient point… que la femme d’un laboureur de plat païs porte tel estat que la femme d’un home de commun mestier, ne la femme d’un home de mestier comme une bourgeoise, ne une bourgeoise comme une demoiselle, ne un demoiselle comme la dame, ne la damr comme un contesse ou duchece, ne la contesse ou duchece comme une royne; ainsi se doit chascune tenir en son propre estat, et ainsi qu’il ya difference es manieres de vivre des gens, doit avoir es estat. Mais ces rigles ne sont mie bien gardee au jour d’uy en France…”.

[25] Литература, посвященная вопросам влияния социальной среды на когнитивные особенности индивидов, их адаптации в социуме, обширна, см., например: *Ахутина Т., Александров Д., Бугрименко Е.* 2015.

[26] Le Ménagier. 1846. T. I, 101: “Vray est que marriage est une chose doubteuse…”.

чить. Он не ждёт от жены какого-то особого подчинения, поскольку не является маркизом, а его супруга — не пастушка. Но самое главное, он « *не настолько безумен, чересчур жесток, не столь незрел умом»*, чтобы подвергать жену проверке какими-либо испытаниями и наказаниями[27], да и вообще рассказывать жестокие истории[28]. Он резюмирует: «*…И, ради Бога, помните, никогда не может быть причин говорить своему господину «я ничего этого делать не буду», это неразумно, лучше подчиниться*»[29].

Ведь через послушание разумная женщина завоёвывает любовь своего мужа и имеет от него всё, что пожелает[30]. Согласно Библии, Ева плоть от плоти Адама — первого мужчины, она его часть, а части сосуществуют упорядоченно. Согласное сосуществование мужа (господина) и жены в семье (супружеской паре), таким образом, вытекает как из христианских нравственных установок.

Гендерные представления автора трактата и, как следствие, ожидаемое от супруги поведение, необходимое для выполнения её социальных ролей, формировались в зависимости от многих причин. Прежде всего, это та социокультурная среда, в которой воспитывался и он, и его жена, откуда берут начало всего представления и установки. Его отношение к супруге и, в более широком смысле — женщине, можно назвать поведением цивилизованного средневекового человека (он — образованный человек, имеющий хорошую библиотеку, большой круг друзей и родственников того же

---

[27] Ibid. 125-126: “Et je que seulement pour vous endoctriner l’ay mise cy, ne l’y ay pas mis pour l’applicquer à vous, ne pour ce que je vueille de vous telle obeisance, car je n’en suis mie digne, et aussije ne suis mie marquis ne vous ay prise bergière, ne je ne suis si fol, si oultrecuidié, ne si jeune de sens, que je ne doie bien savoir que ce n’appartient pas à moy de vous faire tells assaulx, ne essays ou semblebles…

[28] Ibid. 138: “…Mais toutesvoies, je lesse le cas qui est villain à raconteur…”.

[29] Ibid. 128: “Et, par Dieu, il n’est pas tousjours saison à son souverain: Je n’en frais rien, ce n’est pas raison; plus de bien vient obéir…”.

[30] Ibid. 126: “...à moy suffist bien l’espreuve jà faicte par la bonne renommée de vos prédécesseurs et de vous…”.

положения, что и он) хотя и допускает проявление если не жестокости, то жёсткости в отношении провинившейся женщины, ценит её и уважает её интересы.

Впрочем, в целом его представления не выходят за рамки поведенческих норм, характерных для общества, в котором они живут, а это могли быть и всплески варварского поведения, выраженные (хотя он сам не сторонник этого!) в рукоприкладстве, грубости. Но ведь и женщины часто грешили этим, унижая своих мужей, оскорбляя их, демонстрируя свою варварскую часть натуры.

Своё положение автор определяет чётко: за ним первенство во всём, он намного более свободен в своих поступках, что, собственно, отражает вытекающую из физиологии полов ситуацию. Однако и в резких антифеминистских взглядах, являющихся частью социокультурной действительности эпохи, его невозможно упрекнуть, он не отъявленный мизогонист.

Гендерная иерархия, а также социальные роли мужчины и женщины, вытекающие из высказанных автором “Le Ménagier de Paris” советов и пожеланий супруге, вполне соответствуют представлениям времени: он — человек, чья деятельность вне дома служит благу общества, благу сословия и благу семьи; в семье — хозяин, отец, муж и друг; супруга, чья жизнь проходит в основном в кругу семьи, — мать, хозяйка, жена, подруга. Особому контролю подвергалось поведение именно женщин, от которых зависело появление законного потомства. Одним из главных в поведении женщины, следовательно, в сохранении её репутации, было послушание — obeissance.

Ж. Жерсон (1363–1429) — известный богослов и канцлер Парижского университета в работе “Douze dégres d’humilité” («Двенадцать степеней смирения») дал определение того, что такое смирение и послушание для христианина:

> «Первая ступень смирения — всегда и постоянно иметь страх Божий и помнить о том, что приказывал наш Господь Бог, как и об огне адском, приуготовленном для дурных людей, и о жизни вечной — для хороших… учитывая также всегда то, что Бог и ангелы видят всех, и то, что люди делают, и говорят,

а Бог знает и то, что они думают. Вторая степень смирения — ничего не делать по собственной воле, чтобы не ошибиться. Третья — подчиняться и быть послушным всему законному и приличествующему. Четвёртая степень — иметь истинное терпение и послушание, подчиняясь тому, что вынуждены делать в течение долгого времен. Пятая — доверять все свои мысли Отцу нашему — Богу через истинную и полную исповедь. Шестая — испытывать удовлетворение от смирения и самоуничижения… Седьмая — считать себя самым ничтожным, самым малым из всех как на словах, так и в сердце… Восьмая степень — ничего не делать обособленно, но только сообща, по-доброму, согласованному и мудрому совету и подтвержденному другими людьми по примеру Святых Отцов, которые таким же образом поступали. Девятая ступень смирения — скромно молчать и сохранять молчание пока не спросят, отвечать — по необходимости. Десятая — не быть вспыльчивым и небрежным в поведении, не смеяться и не говорить легкомысленно, также и во всём другом поступать. Одиннадцатая — не говорить необдуманно, а говорить без смеха, смиренно и учтиво, рассудительно и без пустословия. Двенадцатая степень — выказывать смирение не только в сердце, на также в одежде, в том, как ходишь, ступаешь, во взгляде, в словах, будь то в деревне, в городе, в церкви, в доме, среди людей знатных или простых, короче, всюду и везде»[31].

[31] *Gerson J.* 1967, 99-100: “Le premier degree d’humilité est avoir deuant les yeulz continuelment pa paour de dieu sans le point oublier, et avoir memoir de toutes les choses qur nostre seigneur Dieu a commandeer, comment le d’enfer est apparilliez aus mauvais et la vie pardurable aus bons…en cosiderant aussy soy ester contimuellement en la presense de Dieu et de ses anglez qui voyent quonqu’on fait et dir, et Dieu voit les pensees. Le second est non faire sa propre voulenté en quelque chose que ce soit, affin que on ne soit deceu. Le tiers est soy soubzmettre a obedience en toutes choses hcitez et honnestez. Le quart est avoir vray patience en soustenant les fors choses et dures soubz altrui et en obedience. Le quint est reueler toutes ses penses a bon pere en Dieu par vray et entiere confession. Le 6e est ester content de toute humilitié et vilité…Le 7e est soy reputer le plus vil et le plus petit de tous les autre, tant de bouche comme de cuer, sans faintise. Le 8e est rien faire de singularité, force que la vie commune, bonne, approuvee et saintte conseillé et

Вернёмся к вопросу, поставленному в начале статьи: насколько общество (цивилизация) в этот период допускало варварские формы взаимоотношений, в данном случае — в семье и между супругами, и можно ли эти формы считать варварскими? Разумеется, источниковый материал, представленный в статье, не может отразить всю палитру гендерных отношений во Франции в период XIV–XV вв. Однако можно увидеть, что включённость в общепринятую христианскую этику не означала безусловное следование ей. Кроме того, для этого исторического периода было характерно подчинённое отношение женщины и восприятие её как более слабого существа, что, несомненно, способствовало при отсутствии иных традиций в семейном воспитании, отхождения от строгих норм христианской нравственности (часто вынужденного), в силу психофизиологических особенностей индивидов, осознанию мужчинами себя неограниченными в своей власти в доме и семье. Тем более, если женщины нарушали заведённый порядок. Правда, и женщина могла быть прощена за убийство мужчины в некоторых случаях и даже за адюльтер, который сурово осуждался как одно из проявлений греха сладострастия. Адюльтер (прелюбодеяние) автор “Le Ménagier de Paris” определяет как нарушение верности между супругами, но что еще хуже, возможно появление ненастоящих наследников (“faulx héritiers”),[32] и это уже опасно. Жерсон, возможно, поэтому настаивает: адюльтер весьма портит женщину (о мужчине он не упоминает), “…*нет никакого сомнения, что это тот самый грех, за который в прежние времена такую*

demonstre en congregacion, a l’exemple des sains peres qui ainsy l’ont fait. Le 9e est soy taire discretement en tenant sa silence tant que on soit interrogiez, excepté en necessité. Le 10e est non ester prompt et abandonné et ryre lesierement tant en parlant comme en autres choses faisant. Le 11e est non parler legierement et parler sans rire, hublement et morigement, et a pou de parollez et raisonnablement. Le 12e degree d’humilité est mostrer humilité non pas seulement en cuer mais aussi en habit, en aler, en venire, en regars, en parlers, aux champs, en la ville en l’eglise, en l’ostel, entre les gens, et grans et petis, et breifnement en tous liens et en toutes places’.

[32] Le Ménagier. 1846. T. I, 52.

женщину побивали камнями”[33]. А вот автор “Le Ménagier” упоминает такое наказание за адюльтер как о реальном:

> «…И совершенно точно то, что евреи и еврейки, кои ныне проживают в нашем королевстве, настолько ненавидят этот грех и верны своему закону, что, если какая-нибудь женщина будет заподозрена в адюльтере, она будет забита камнями до смерти, согласно этому закону. И если даже неверные (les mauvais) придерживаются этого закона, то и мы должны его придерживаться, ибо это хороший закон»[34].

Это высказывание можно расценить в качестве инструмента психологического воздействия на молодую жену, а можно — как проявление сдерживаемого внутреннего варвара автора.

Сохранение реноме означало уважительное отношение со стороны членов семьи, социальной группы, а, следовательно, укреплению всего общества в целом, в котором потеря доброго имени влекло за собой потерю социального статуса. Нарушение общепринятых норм морали влекло за собой наказание. Однако, зачастую само преступление (жестокое избиение, повлекшее смерть женщины, убийство) превышало уровень допустимого, превращаясь в варварскую жестокость. Государство в лице королевской власти наказывало за это, но, как мы увидели, не слишком сурово, поскольку видело в нарушении этими женщинами норм

---

[33] *Gerson J.* 1967, 818: “…adultere est corrumpre la femme d’aultruy; et n’est point doubte que c’est tel peche que on lapidoit en l’anciene loy une telle personne”.

[34] Le Ménagier. 1846. T. I, 67-68: “O femme pleine de foy et de grant loyaulité qui crémont tant Dieu et le péchié de marriage enfaindre qe’elle voulloit mieulx mourir qu son corps vilainement atoucher! Et certes il est tout certain que les Juifs et les Juifves qui sont à present en ce royaume ont si abhominable ce péchié, et est telle leur loy, que se une femme estoit trouvée en adultère, elle estiot lapidée et tourmentée de pierres jusques à la mort selon leur loy. Mesmes les mauvais tiennent cette loy, et nous la devons bien tenir, car c’est bonne loy”. И это при том, что, судя по «Регистру Шатле», понятия «старьевщик», «еврей», «скупщик краденого» к концу XIV в. стали почти синонимами, хотя отношение королевской власти к евреям в 60–90 годы XIV в. можно назвать толерантными / *Тогоева О.И.* 2006, 230-231.

принятого поведения угрозу социальному порядку, где мужчины играли главенствующую роль. Кроме того, отметим, что обе женщины, мужья которых получили королевское прощение, отличались непокорством, неуважительным отношением к мужьям, имели плохую репутацию, не умели сдерживать себя ни в словах, ни в поступках, на чём делался акцент уже в ходе судебного разбирательства, нарушали тем самым принятые нормы гендерных отношений, за что и поплатились. Но такое радикальное решение вопроса их мужьями всё-таки не могло соответствовать духу христианской цивилизации, хотя и уживалось с другими формами брачно-семейных взаимоотношений, более цивилизованными.

В статье намечены лишь основные линии сложной структуры взаимоотношений мужчин и женщин в рамках нуклеарной семьи, которая начала преобладать в этот период, но семьи, связанной системой родственных, родовых, деловых, дружеских связей с другими семьями. Очевидно, что социальный, культурный, финансовый уровень, воспитание в определённых традициях и привычках при общей включённости в общую для людей XIV–XV вв. цивилизацию не отрицает, а, напротив, подчёркивают возможность индивидов быть склонными к варварскому поведению, которое лишь сглаживается властью (право), культурой (христианская этика), но не исключается. Варварство, проявляясь в различного рода «злонамеренных»[35] действиях, чаще всего неосознаваемое, является, как представляется, неотъемлемой частью средневековой цивилизации и средневековой личности, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

Ахутина Т., Александров Д., Бугрименко Е. 2015: Бедность и развитие ребёнка / Д.А. Александров, В.А. Иванюшина, К.А. Маслинский (ред.). М.: Рукописные памятники Древней Руси.

Бессмертный Ю.Л. 1991: Брак, семья и любовь в средневековой Франции // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. М.: Наука.

[35] *Буданова В.П., Селиванова Л.Л.* 2020, 372–379.

Буданова В.П. 2019: Латентное варварство: фантом или реальность? // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (отв. ред.). М.: Аквилон. VIII. 9-28.

Буданова В.П. 2018: Античная матрица современного латентного варварства // Вестник РГГУ. М.: РГГУ. № 4. 65-81.

Буданова В.П. 2017: Варварский мир в представлении человека варварского мира // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека / В.П. Буданова (отв. ред.). М.Ж Аквилон. VI. 7-48.

Буданова В.П., Селиванова Л.Л. 2020: Ловушки, засады и пропасти латентного варварства: интерпретация и перспективы исторических исследований теневой зоны цивилизации // Диалог со временем / Л.П. Репина (гл. ред.). М.: Аквилон. 71. 372-379.

Кузьмина М.В. Индивид и общество. Нравственные идеалы в понимании автора “Le Ménagier de Paris” (Франция, конец XIV века). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG 2011.

Мотрошилова Н.В. 2007: Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН.

Петрарка Франческо. 2008: Диалоги на гендерные и эстетические темы» / Н.И. Девятайкина и Л.М. Лукьянова (сост.). Саратов: Наука.

Тогоева О.И. 2006: Выбор Соломона // «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: Наука.

Чосер Джеффри. 2008: Кентерберийские рассказы. М.: Эксмо.

Шпренгер Яков, Институрис Генрих. 2006: Молот ведьм. СПб.: Амфора.

Эксле Отто Герхард. 2007: Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М.: НЛО.

Choix de pieces inedites relatives au regne de Charles VI. 1864 / L.Douët d’Arcq (éd.). 2 tt. T.2. Paris.

Christine de Pisan. 1989: Le livre des trois vertus. Paris.

Deschamps Eustache. 1880: Oeuvre complètes. T. II. Paris.

Gerson J. 1967: Oeuvres complètes. 10 vol. Vol.VII. Paris.

Hentsch A. 1903: De la littérature didactique au Moyen Age s’adressant spécialement aux femmes. Cahors.

Histoire des femmes en occident. 1990: T. 2. Le Moyen Age / G. Duby et M. Perrot (dir.). Paris.

Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique, composé ver 1393. 1846 / J. Picnon (éd.) T. I, II. Paris.

REFERENCES

Akhutina T, Alexandrov D., Bugrimenko E. 2015: Bednost' i razvitie rebionka / D.A. Alexandrov, V.A. Ivanyushina, K.A. Maslinskiy (red.). M.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

Bessmetnyy Yu.L. 1991: Brak, semya b lubov' v srednevekovoy Frantsii // "Pyatnadtsat' radostey braka" b drugi sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV–XV vekov. M: Nauka.

Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo: fantom ili real'nost'? // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (otv. red.). M.: Akvilon. VIII. 9-28.

Budanova V.P. 2018: Antichnaya matritsa sovremennogo latentnogo varvarstva // Vestnil RGGU. M.: RGGU. № 4. 65-81.

Budanova V.P. 2017: Varvarskiy mir v predstavlenii cheloveka varvarskogo mira // Tsivilizatsiya i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskiy mir cheloveka / V.P. Budanova (otv. red.). M.: Akvilon. VI. 7-48.

Budanova V.P., Selivanova L.L. 2020: Lovushki, zasady i propasti latentnogo varvarstva: interpretatsiya i perspektivy istoricheskikh issledovaniy tenevoy zony tsivilizatsii // Dialog so vremnem / L.P. Repina (gl. red.). M.: Akvilon. 71. 372-379.

Kuz'mina M.V. Individ b obschestvo. Nravstvennye ideally v ponimanii avtora "Le Ménagier de Paris" (Frantsiya, konets XIV veka). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG 2011.

Motroshilova N.V. 2007: Tsivilizatsiya i varvarstvo v sovremennuyu epokhu. M.: IF RAN.

Petrarka Franchesko. 2008: Dialogi na gendernye i esteticheskie temy / N.I. Devyataykina i L.M. Luk'yanova (sost.) Saatov: Nauka.

Togoeva O.I. 2006: Vybor Solomona // "Istinnaya Pravda". Yazyki srednevekovogo pravosudiya. M.: Nauka.

Choser Dzheffri. 2008: Kenterberiyskie rasskazy. M.: Eksmo.

Shprenger Yakov Institoris Genrikh. 2006: Molot ved'm. SPb.: Amfora.

Eksle Otto Gerkhard. 2007: Deystvitel'nost; i znanie. Ocherki sotsial'noy istorii srednevekov'ya / per. s nem. Yu. Ю. Arnautovoy. M.: NLO.

Choix de pieces inedites relatives au regne de Charles VI. 1864 / L.Douët d'Arcq (éd.). 2 tt. T.2. Paris.

Christine de Pisan. 1989: Le livre des trois vertus. Paris.

Deschamps Eustache. 1880: Oeuvre complètes. T.II. Paris.

Gerson J. 1967: Oeuvres complètes. 10 vol. Vol.VII. Paris.

Hentsch A. 1903: De la littérature didactique au Moyen Age s'adressant spécialement aux femmes. Cahors.

Histoire des femmes en occident. 1990: T. 2. Le Moyen Age / G. Duby et M. Perrot (dir.). Paris.

Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique, composé ver 1393. 1846 / J. Picnon (éd.) T. I, II. Paris.

Margarita V. KUZ'MINA

THE INEXTRICABLE LINK BETWEEN CIVILIZATION AND BARBARISM

TYPES OF MARTIAL RELATIONSHIPS IN FRANCE IN THE 14th – 15 th CENTURIES

The article is devoted to the problem of the coexistence of the different forms of marriage and family relationships in medieval France in the XIV-XV centuries. The civilizing activities of the Church and the legal regulation of the life of subjects by royalty, aimed at introducing Christian moral norms, softening morals and observing laws, nevertheless, could not eradicate the existence of such forms of relations in a married couple, which, even by the standards of the Middle Ages, could be recognized too cruel and rude, that is, barbaric Nevertheless, the existence of such forms to some extent corresponded to the prevailing attitude in this historical period towards women as weaker, less intelligent and absurd creatures requiring constant control, which was also facilitated by the Church itself. A medieval individual, for whom it was important to preserve the reputation of his family and marriage, paid great attention to the compliance of the behavior of each individual member of society with generally accepted norms and rules. Deviation from them, causing the exclusion of the individual from the community, threatening to destroy the social order, that is why it could be severely punished, even going beyond the reasonable limits.

Keywords: civilization, barbarism, married couple, family, Christian moral standards, coexistence, relationships.

Margarita V. KUZ'MINA — PhD (History), Senior Researcher at the Department of Historical and Theoretical Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — kuzmmargarita@yandex.ru

П.С. Бычков

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ВОИНА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIV–XVI ВЕКОВ

МАСКУЛИННОСТЬ ВЛАСТИ И ФЕМИННЫЕ ВАРВАРЫ

На протяжении Средневековья складывалась собственная модель интерпретации античного мифа об амазонках, согласно которой они представлялись варварским народом, обитавшим вместе с монстрами на окраинах ойкумены. Но в преддверии эпохи Возрождения создаются литературные источники, поиному раскрывавшие образ амазонок, в частности, Кристина де Пизан выбирает их в качестве защитниц чести женского пола. В то же время и на заре Нового времени сочинения европейских авторов утверждали, что Индия и прочие отдалённые страны населены амазонками и соседствующими с ними монстрами и каннибалами. Даже после того, как европейцы установили, что Христофор Колумб обнаружил не западный проход в Индию, а новый континент, сопоставление Америки и амазонок будет сохраняться в образе аллегорической женской фигуры, покорённой мужчиной-конкистадором. Для инверсии ролей завоевателя и подданной женщинам XV–XVI вв. необходимо было сконструировать маскулинный образ при помощи мужского костюма и инсигний.

Павел Сергеевич БЫЧКОВ — младший научный сотрудник Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН. Российская Федерация. Москва. — rumblebuffin@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 286-307
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 286-307
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.012

Ключевые слова: гендер, варварство, амазонки, Новый Свет, аллегория, Кристина де Пизан, Америка, репрезентация, символика власти.

В эпоху Великих географических открытий европейские народы сталкиваются с землями, населёнными обитателями, ничуть не похожими на людей Старого Света, и потому эти новооткрытые явления требуют своей рефлексии и категоризации в глазах завоевателей. Таким образом, в XIV–XVI вв. неожиданным образом реактуализуются некоторые стратегии интерпретации, которые на протяжении веков носили отвлечённый характер и существовали на периферии дискурса средневековых европейских авторов. К примеру, в своих дневниках 13 января 1493 г. Христофор Колумб крайне необычно описывает остров Мартинику:

> «…на острове Матинино живут одни только женщины и там много металла “туоб”, т.е. золота или бронзы»[1].

Свои представления об обычаях и нравах женщин на обозначенном острове он основывает на предположительных сообщениях местного населения, которые скорее всего пропущены через призму его знаний о чужеземцах:

> «Индейцы говорили ему, что на этом пути он встретит остров Матинино, населённый безмужними женщинами, а адмирал очень хотел побывать на этом острове, чтобы захватить, как он пишет, с собой для королей пять или шесть его обитательниц»[2].

Согласно тексту дневниковых записей Колумба «безмужние женщины», в которых мы совершенно справедливо можем увидеть *амазонок*, соседствуют и потому отчасти ассоциируются с «каннибалами» — племенем каниба, т.е. карибами[3].

---

[1] Путешествие Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Пер. Я.М. Свет. М., 1956, 184.

[2] Путешествие Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы, 189.

[3] См.: *Braham P*. 2012, 17-49.

Карибы становятся не просто соседями, а парным к амазонкам народом, их мужским аналогом. От этих дикарей, которых Колумб называет *coniuge* (супругами; автором источника подбирается созвучное этнониму латинское слово), и будут зачинать детей амазонки, что ставило женщин-воительниц на один уровень с другими народами, жившими на окраинах ойкумены:

> «Но адмирал утверждает, что эти безмужние женщины действительно имеются и что к ним в определённое время года приходят мужчины с острова Кариб, расположенного, как он говорит, в 10 или в 12 лигах от Матинино. Если у этих женщин рождаются мальчики, их отправляют на остров мужчин, девочек же матери оставляют с собой»[4].

Карибов или канибов, «супругов» амазонок, очень быстро отождествили с антропофагами, вследствие чего и возникает термин *каннибалы*, поэтому можно сказать, что Новый Свет населяется монстрами, амазонками и варварскими племенами непосредственно с момента прибытия Колумба. Как пишет профессор университета Висконсин, специалист по испанской литературе Маргарита Замора, «триада монстров, карибов и женщин формировала сложную метафору, идеологический источник которой может быть возведён к аристотелевским категориям. Аристотель настаивал, что маскулинный принцип управляет вселенским порядком. Отклонение от маскулинного принципа является деградацией»[5]. Таким образом, европейский мир выступал как мир мужской, а вот неисследованные земли, ожидавшие колонизации, представлялись феминными, варварскими, монструозными, что давало санкцию на их завоевание и облагораживание. Но как именно родилась связь между варварским и женственным в европейской традиции?

Начиная с раннего Средневековья, мифологема, связанная с амазонками, складывалась под влиянием латинской литературы и, как нетрудно догадаться, корнями уходила в античную мифологию

---

[4] Путешествие Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы, 189.

[5] *Zamora M*. 1993, 170.

и культуру. Поскольку произведения Гомера или Геродота были не так распространены, сведения об амазонках черпали у римлян — у Марка Юниана Юстина, Диодора Сицилийского и Павла Орозия. (*Iust*. II, 4; *Diod*. *Sic*. II, 45–46; *Oros*. I, 15). В сочинениях о географии, в литературных источниках, посвящённых путешествиям, а также на картах мира (*mappae mundi*) амазонок часто окружали представители монструозных антропоморфных рас. Это должно было навести читателя или зрителя на мысль о дисгармоничности и развращённости матриархата, об анормальности такого социального устройства, при котором женщины участвуют в войнах и лишены супругов. Во многом подобное отношение к условному народу амазонок опирается на античную традицию, в которой сюжет войны с амазонками — *амазономахии* — воплощал страх греков перед угрозой хтонического, неизвестного, таящегося в глубинах земли и на краю мира. В древнегреческой мифологии их страна выступала в качестве антимира, а женщины-воительницы находились в конфликте с нормальной иерархической структурой, во главе которой стоял мужчина[6].

Многие средневековые авторы XI–XIII вв. будут следовать этой классической традиции восприятия амазонок, описывая их как получеловеческих существ, близких к монстрам и склонных к жестокости даже в отношении своего потомства. Один из самых известных английских средневековых авторов, монах-францисканец Роджер Бэкон таким образом отзывается о девах-воительницах в «Большом труде» (*Opus Majus*, 1267):

> «Амазонки, как о том сообщает Этик [Истрийский], были жёнами, возглавлявшими великое войско, только из жён состоявшее, которые приглашали в определённое время года мужчин и от них зачинали. Но мужского рода [младенцев] истребляли, а женского оставляли. Этим [девочкам] во младенчестве хирургическим искусством удаляли правую грудь, чтобы грудь эта при стрельбе из лука препятствием не служила. И минотавры, и кентавры, самые дикие из монстров,

[6] Подробнее относительно мифа об амазонках см.: *Котина А.В*. 2012; *Косвен М.О*. 1947, 3-32; *Скрипник Т.А*. 1988, 29-39; *Mayor A*. 2014.

вскармливались ими с младенчества собственной грудью и посему шли впереди их войска, так что матери их и всё остальное войско оставалось позади, уподобляясь более монстрам, чем вооружённым людям» (Пер. автора)[7].

В этом сообщении Бэкон обобщает практически все тропы, которые будут сплетаться в образ средневековых амазонок: это «безмужние» жены, приглашающие мужей (*viri*) и убивающие младенцев, а их маркеры — обычай лишать себя груди, воинственность и соседство с монстрами.

Следует заметить, что в Средние века складывается традиция причислять амазонок к окраинным народам, обитавшим где-то в Азии, например, в Скифии или около Индии, и чем дальше проникают европейские первооткрыватели, тем дальше отодвигается этот манящий завоевателей топос. На самом деле корни этого предубеждения ведут своё начало также от античных авторов, таких как Геродот и Страбон, которые помещали амазонок в пространстве вместе со скифами (*Hdt*. IV, 99–101, 110–117; *Strab*. XII, 3, 21). Геродот писал, что савроматы произошли от брака амазонок и скифов, которые для греков были далёким варварским народом (*Hdt*. IV, 110–117). Псевдо-Гиппократ соотносил амазонок с савроматскими женщинами, обитавшими на другом, восточном берегу Каспийского моря. Расположил королевство амазонок в Скифии и Джованни Боккаччо в своём трактате «О знаменитых женщинах» (*De claris mulieribus*, 1362, XI, XII), а Кристина де Пизан, в свою очередь, в «Книге о Граде Женском» (Le Livre de la Cité des Dames, 1405) будет прямо соотносить скифских женщин с амазонками:

[7] The ‘Opus Majus’ of Roger Bacon. L., 1900. V. I, 361-362. «Amazones enim, ut refert Ethicus, fuerunt mulieres ducentes exercitum magnum ex mulieribus sine viris collectum, quae advocantes viros certis temporibus anni conceperunt; sed masculos genitos interfecerunt foeminas reservando; quarum in juventute mamillas dextras per masculos genitos interfecerunt foeminas reservando; quarum in juventute mamillas dextras per artificium chirurgiae abstulerunt, ne sagittando reciperent impedimentum per mamillas. Et minotauros ac centauros monstra ferocissima nutriverunt a juventute mamillis suis; unde antecedebant eas sicut matres suas et omnem exercitum premebant magis per hujusmodi monstra quam per arma».

> «Есть вблизи Европы страна на берегу большого моря-океана, охватывающего весь мир, её называют Скифией или землёй скифов. Случилось так, что война лишила эту страну всех благородных мужей»[8].

Помимо того, что амазонок сопоставляли с соседями-скифами, племенем диким и воинственным, их могли связывать иногда и с гуннами, так, например, на карте мира из Эвешемского аббатства (ок. 1390–1415) Амазония названа *Aviazonna* и помещена между Готией и «Гуннами» в Азии, в преддверии Малоазиатского полуострова[9]. В «Путешествиях Мандевиля» (1357–1371) королевство амазонок располагается на границе с маврами и сарацинами, живущими на Ближнем Востоке, предваряя ареол обитания сциаподов и других антропоморфных жителей Индии и окраинных земель[10]. На Эбсторфской карте XIII в. амазонки помещаются в Азию, на побережье Каспийского моря, на другом берегу которого обитают каннибалы, изображённые поедающими различные части человеческого тела.

Кроме того, родина дев-воительниц является неким антимиром для мужчин, даже столь кровожадных как гунны, готы, скифы, сарматы и каннибалы, нарушая границы которого, они либо терпят поражение, либо умирают от рук амазонок. Кристина де Пизан в «Книге о Граде Женском» говорит о том, что такие законы стали основополагающими для королевства амазонок с момента его возникновения:

> «Женщины сей страны, увидев, что лишились они своих мужей, братьев и отцов, что не осталось никого, кроме стариков и малых детей, решительно сошлись вместе, чтобы принять решение; и постановили, что отныне будут править королевст-

---

[8] *Christine de Pisan*. Le Livre de la Cité des Dames. P., 2014, 71 (далее — *Christine de Pisan*). «Il est, proche de l'Europe, une terre jouxtant la grande mer océane qui entoure le monde: on l'appelle la Scythie ou terre des Scythes. Il advint un jour que les ravages de la guerre privèrent cette terre de tous les nobles hommes de la région».

[9] См.: *Barber P*. 1995, 13-33.

[10] См.: The voiage and travaile of Sir John Maundeville. L., 1883, 155-157.

вом без мужского участия и обнародуют закон, запрещающий мужчинам ступать на эти земли» (Пер. автора)[11].

Схожую версию о законах на земле амазонок мы находим и у автора «Послания пресвитера Иоанна» XII в., который пишет о жестоком наказании для тех мужчин, что пересекли границы женского царства:

«Супруги этих женщин не живут вместе с ними и не осмеливаются к ним приходить, если только тотчас же не хотят быть убитыми, но обитают на другом берегу упомянутой реки. Так установлено, что, если какой-нибудь мужчина вступит на этот остров — в тот же день он должен быть умерщвлён»[12].

Таким образом, государство амазонок становится антиподом мира мужского, «нормального», территорией опасности и тайны.

Можно заметить, что и Колумб помещает амазонок на отдалённый остров — эту деталь он почерпнул опять-таки у средневековых авторов, в частности, из упомянутого «Послания пресвитера Иоанна». Во французском прозаическом «Романе об Александре» XIV в. (L'Ystoire du Roi Alexandre) королева Фалестрида, обращаясь к македонскому царю, утверждает, что королевство амазонок расположено

«…на острове посреди моря, с одной стороны окружённом потоком без конца и начала, а с другой стороны есть узкий проход в горах, сквозь который мы проходим в королевство»[13].

---

[11] *Christine de Pisan*. Op. cit.,71. «Les femmes du pays, voyant qu'elles avaient toutes perdu mari, frères et parents, et qu'il ne leur restait plus que les vieillards et les petits enfants, s'assemblèrent courageusement pour délibérer; elles décidèrent que désormais elles gouverneraient le royaume sans tutelle masculine et promulguèrent une loi interdisant aux hommes l'accès du territoire».

[12] *Zarncke F*. Der Priester Johannes. Leipzig, 1879, 91. «Mariti praedictarum mulierum non morantur cum eis nec audent eas venire nisi statim vellent mori sed habitant in ripa praedicti fluminis ultra. Statutum est enim, quod quicunque vir intraverit praedictam insulam, ipso die morietur».

[13] Der Altfranzösische Prosa-Alexander-roman. Halle, 1920, 155. «…en une ille de la mer, avironnee d'une part dou flum qui n'a coumencement ne fin, et d'autre part avons une estroite entree par ou nous poonsissir as montaignes».

Итак, средневековые авторы часто поселяют дев-воительниц на отдалённом острове, отделяя их таким образом от всего остального мира, к тому же населяя соседние земли жестокими варварами-соседями, которые выступают супругами амазонок. Но остров дев-воительниц не единственный — есть ещё один, на котором происходят свидания амазонок с их супругами-варварами. Об этом пишет Бенуа де Сент-Мор в своем «Романе о Трое» (Le roman de Troie, 1155–1160):

> «Но, как гласит автор, вблизи весьма от той земли, есть остров совсем неподалёку, менее чем в шестидесяти лигах, полный ценных деревьев и редких дорогих трав. <…> Они (т.е. женщины. — *П.Б.*) отправлялись туда после начала весны. <…> В начале апреля они прибывают и уезжают лишь в июне, пребывая в веселии и праздности. Мужи соседних королевств приходят к ним: таков обычай. Три месяца проводят они вместе, но не более» (Пер. автора)[14].

Острова подчёркивают изолированность мира Другого, к которому можно причислить и амазонок, и их супругов — мира, где царят иные социальные порядки и существуют иные законы.

Похожую картину матримониальных обычаев амазонок рисует и Кристина де Пизан в «Книге о Граде Женском»:

> «…чтобы обеспечить себе потомство, они отправлялись ненадолго в соседние страны в определённое время года; если у них рождались младенцы мужского пола, тех отсылали своим отцам, если это были девочки, то они воспитывались амазонками»[15].

---

[14] *Benoît de Sainte-More*. Le roman de Troie. P., 1904. Vol. 4, 12-13. «Mais, si com dïent li autor, / delez la terre près assez / a un isle qui bien est lez: / seisante liuës tient al meins; / de precios arbres est pleins / et d'erbes chieres speciaus.<…> La vont contre le tens novel. <…> Dès qu'est li meis d'avril entrez / desci que juinz s'en est alez, / i sont a joie e a sojor. / Li home des regnes entor / vienent a eles: c'est lor us. / Tres meis i sont e neient plus».

[15] *Christine de Pisan*. Op. cit. 71. «Toutefois, pour assurer leur descendance, elles se rendaient dans les pays voisins à certaines époques de l'année, retournant ensuite dans leur pays; si elles mettaient au monde des enfants mâles, elles les renvoyaient à leurs pères; si c'étaient des filles, alors elles les élevaient».

Кристина де Пизан излагает более комплиментарную по отношению к амазонкам версию, но, как можно было увидеть выше, Роджер Бэкон вполне категорично писал о том, что амазонки младенцев «мужского рода истребляли, а женского — оставляли». Описание обычая амазонок убивать или калечить младенцев мужского пола впервые встречается, по всей видимости, в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского:

> «У детей мужского пола они калечили ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе…» (*Diod. Sic*. II. 45, 3. Цит. в пер. В.В. Вертоградовой).

Марк Юниан Юстин пишет о том, что мальчиков они убивали сразу же после рождения (*Iust*. II, 4,10**)**. *Инфантицид* — детоубийство — тоже становится одним из элементов мифологемы о жестоких и кровожадных амазонках, которая возобладает в европейской литературной традиции. Даже в тех источниках, где практика инфантицида не приписывается девам-воительницам, всё равно подчеркивается их равнодушие к мужскому потомству и независимое существование от партнеров-мужчин. Некоторые средневековые авторы даже связывали происхождение королевства амазонок с подобным истреблением мужчин, причем не некой третьей силой, а именно самими воительницами. В анонимном «Романе о Фивах» (Le roman de Thèbes, ок. 1150) в качестве местоположения этого государства указывается остров Лемнос, где не остаётся мужчин,

> «...поскольку дамы в дикой ярости, / Обуянные гневом, / Посредством величайшей измены / Перебили каждая своего господина, / А незамужние — своего отца, / Сына или племянника, кузена или брата» (Пер. автора)[16].

Подобный этимологический миф рисовал амазонок как непосредственную угрозу для мужчин и «правильного» мироустройства в целом, как силы природы, вышедшие из-под контроля разума.

---

[16] Le roman de Thèbes. 2 t. P., 1890. t. 1, 117. «Car les dames, par lor outrage,/ Porparlérent une grant rage: / Par merveillose traïson, / Ocist chascune son baron; / Qui n'ot mari ocist son père, / Fil o nevo, cosin o frère».

Легенда о жестокости амазонок по отношению к своим детям будет встречаться не только у авторов XIII–XV в. — в сообщениях завоевателей, шедших вслед за Колумбом, можно найти следы всё тех же предубеждений. В 1535 г. Гонсало Хименес де Кесада предпринял поход в страну чибча-муисков, населявших территорию современной Колумбии. Вслед за этим предприятием в 1536–1539 гг. появился доклад испанских чиновников Хуана де Сан Мартина и Антонио де Лебриха «О завоевании Нового Королевства Гранада и основании города Богота» (Descubrimiento del Nuevo Reino de Granada y Fundación de Bogotá, 1536–1539). Вот что якобы рассказали испанцам местные жители о близлежащих землях:

> «…мы получили известия об одном народе женщин, живущих самостоятельно, без проживания у них индейцев; посему мы назвали их амазонками. Эти, как говорят те, кто нам о них сообщил, от некоторых рабов, ими купленных, они зачинают, и если рожают сына, то отправляют его к его отцу, а если это дочь, то растят её для увеличения этой их республики. Сказывают, что они используют рабов только для зачатия от них…»[17].

Как можно видеть, легенда о женщинах-воительницах приобретает новое географическое измерение, остров амазонок сменяет континентальная Южная Америка, до которой европейцы еще не могут добраться, и потому она получает название Амазонии. Сомнительно, что до нас доводят оригинальное сообщение местных информаторов, скорее в тексте Сан Мартина и Лебриха бытуют все те же тропы Бэкона, Мандевиля, Боккаччо и Кристины де Пизан, а ссылка на аборигенов-очевидцев — не более, чем давний прием придания достоверности тексту, известный ещё Античности. В описании испанцев институт брака, освящённый Церковью, амазонки превращали в механический процесс воспроизводства, в котором отсутствует семья как важнейший элемент социума: бла-

[17] *Хуан де Сан Мартин и Антонио де Лебриха*. Доклад о завоевании Нового Королевства Гранада и основание города Богота (июль 1539 года) // Энциклопедия доколумбовой Америки. Часть 1. Южная Америка. Том 2. Источники XVI–XVII веков по Южной Америке: Хроники. Документы / Пер. А. Скромницкий. К., 2012, 96.

городные женщины вступают в неравные отношения с рабами, а дети подвергаются остракизму по половому признаку.

Помимо жестокого обращения с детьми мужского пола амазонкам приписывали и изуверство над девочками, представления о котором восходят к греческой этимологии их этнонима, первыми о «безгрудых» упоминают Страбон, Диодор Сицилийский, Юстин и Псевдо-Гиппократ (*Strab*. XI, 5, 1; *Diod*. *Sic*. II. 45, 3; *Iust*. II, 4, 11). Мы находим описание варварского обычая амазонок калечить девочек у анонимного автора «Путешествий Мандевиля»:

> «…а если [рождается] девочка, они отсекают грудь калёным железом; и если это женщина из благородного рода, то они удаляют левую грудь, чтобы им удобнее было держать щит; а если это женщина простой крови, то они удаляют правую грудь, чтобы те стреляли из турецкого лука» (*Пер. автора*)[18].

Пересказывает Мандевиля, а также своего предшественника Боккаччо и Кристина де Пизан в «Книге о Граде Женском», вновь связывая изуверство с этнонимом амазонок:

> «Их стали называть с тех пор амазонками, что значит удалившие себе грудь. У них был в самом деле обычай по собственной методике прижигать левую грудь у девочек высокородных, чтобы она не мешала носить щит; менее знатные, которые должны были стрелять из лука, лишались правой груди»[19].

Подвергая себя подобной операции и искажая своё женское естество, амазонки в глазах авторов приведённых источников тем самым становились похожими на антропоморфных монстров.

---

[18] The voiage and travaile of Sir John Maundeville, 154. «…and zif it be a femele, thei don away that on Pappe, with an hote Hiren: and zif it be a Womman of gret Lynage, thei don awey the left Pappe, that thei may the better beren a Scheeld: and zif it be a Woman of symple Blood, thei don awey the rygt Pappe, for to scheten with Bowe Turkeys».

[19] *Christine de Pisan*. Op. cit. 71. «On les, appela par la suite Amazones, ce qui signifie “qui a subi l’ablation d’un sein”. Elles avaient en effet l’habitude de brûler, selon une technique bien à elles, le sein gauche des petites filles de haute noblesse, afin que celles-ci ne soient point gênées en portant le bouclier; aux moins nobles, qui devaient tirer à l’arc, elle enlevaient le sein droit».

Один из главных признаков этого народа для европейских авторов — это их воинственность. Гаспар де Карвахаль, современник де Кесады, в «Повествовании о новооткрытии достославной великой реки Амазонок», написанной в 1542 г., говорит о том, что во время боя одна амазонка может сравниться с десятком мужчин-воинов:

> «Пусть все знают, что тамошние индейцы — подданные и данники амазонок и что, узнав о нашем приближении, они отправились к ним [амазонкам] за помощью, и десять или двенадцать явились к ним на подмогу. Мы видели воочию, что в бою они [амазонки] сражаются впереди всех индейцев и являются для оных чем-то вроде предводителей. <…> Именно по этой причине индейцы стойко оборонялись. Сии жены весьма высокого роста и белокожи, волосы у них очень длинные, заплетённые и обёрнутые вокруг головы. Они весьма сильны, ходят же совсем нагишом — в чём мать родила, и только стыд прикрывают. В руках у них луки и стрелы, и в бою они не уступают доброму десятку индейцев…»[20].

В описании Карвахаля соприкасаются сразу два образа — воинственной женщины, способной сойтись в бою с воинами-европейцами, и варвара-аборигена, не знакомого с одеждой и социальными нормами.

Даже когда позднесредневековые писатели пытаются преобразовать негативный образ амазонок в пример добродетельности и женской доблести, их милитаризм и беспощадность к врагам остаются неизменными элементами этого образа. Кристина де Пизан в «Книге о Граде Женском» посвящает несколько глав «амазонкам», имена которых она позаимствовала у Боккаччо (многие из них изначально не были связаны с амазонками античного мира). В перечень воинственных королев и героинь, выбранных Кристиной де Пизан, вошли и некоторые из «*Девяти достойных жён*», группы воинов-женщин, составлявших пару для «Девяти достойных

[20] Открытие великой реки Амазонок. Хроника и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны / Пер. с исп. С.М. Вайнштейна. М., 1963, 81.

мужей»[21]. Можно вспомнить, что Карвахаль также называет около дюжины сражающихся на стороне индейцев амазонок, как бы вновь отсылая к сюжету «Девяти достойных». Цель «Книги о Граде Женском» — доказать читателям то, что достаточное число женщин являлось в прошлом примером целомудрия, храбрости, мудрости и добродетели наравне с мужчинами, но тем не менее основными чертами амазонок и здесь были именно воинская доблесть и жажда завоеваний:

> «Множество боевых подвигов амазонок заставило мир страшиться и остерегаться их. Слава их достигла Греции, страны расположенной весьма далеко от Скифии: эти воительницы неустанно вторгались в соседние страны и покоряли их, а также опустошали все те, что медлили подчиниться добровольно. Поговаривали также о том, что нет такой силы, которая могла бы им противиться…» (Пер. автора)[22].

Тем самым амазонки выступают не как пример женского смирения или жертвенности, но как воины и стратеги, ни в чём не уступающие мужчинам.

Но если девы-воительницы присваивают часть мужских добродетелей, то и многие пороки, присущие мужчинам, тоже становятся частью их образа. Одной из королев-амазонок в произведении Кристины де Пизан стала царица массагетов Томирис, по преданию победившая Кира Великого. После победы над ним в «Книге о Граде Женском» женщина-полководец, хитрая и расчётливая в бою, собирает его военачальников для жестокой расправы:

> «Перед взором Кира она сначала отсекла головы всем его баронам, а после этого сказала ему: “Кир, раз ты столь жаден до

---

[21] Подробнее о соотношении традиции «Девяти достойных» и творчества Кристины де Пизан см.: *Бычков П.С.* 2022, 73-91.

[22] *Christine de Pisan*. Op. cit. 73-74. «Les nombreux faits d’armes des Amazones les firent craindre et redouter par le monde entier. Leur renommée parvint jusqu’en Grèce, pays pourtant fort éloigné de la Scythie : il n’était question que de ces guerrières qui inlassablement envahissaient des pays pour les conquérir, dévastant toutes terres et régions qui hésitaient à se rendre. On disait alors qu’aucune force ne pouvait leur résister».

человеческой крови, ты теперь можешь напиться ею допьяна". Тут она отрубила ему голову и бросила её в чан, в котором собрали кровь всех его баронов» (Пер. автора)[23].

Хотя в произведении Кристины де Пизан эта жестокость оправдана достойным мотивом мести за убийство Киром сына Томирис (что мало вяжется с традицией высылки сыновей амазонок за пределы их королевства), тем не менее, эта деталь прекрасно укладывается в образ кровожадных и беспощадных к мужчинам девоительниц.

То, что в предыдущих примерах прослеживается явное противопоставление «мужское-женское», не является простой прихотью, а абсолютно закономерно в глазах авторов рассматриваемых источников. Соотнесение новых земель, которые в 1507 г. впервые получат название «Америки» и не будут более считаться Индией, с амазонками имеет важную символическую подоплеку. Подобно тому, как между правителем и отданным в его руки королевством в Старом Свете заключался мистический брак, *иерогамия*, так же и новые земли выступали в пассивной феминной роли покоряющейся завоевателям невесты[24]. Как замечает Маргарита Замора, соотнесение королевства амазонок с Вест-Индией предполагало женскую природу осваиваемых земель, в то время как завоеватели-испанцы (и в целом — европейцы) выступали в качестве мужского агента, что отсылает нас к старой метафоре мужчины-правителя (или победоносного завоевателя) и женщины-общины-страны[25]. Амазонки одновременно становятся притягательными, вызывающими интерес благодаря своей таинственности и экзотичности, и пугающими, угрожающими естественному порядку вещей вследствие своей инаковости, а в сумме — народом, подлежащим завоеванию и облагораживанию.

---

[23] *Christine de Pisan*. Op. cit. 73. «Devant lui, elle fit trancher la tête à tous ses barons. Puis elle lui dit: "Cyrus, toi qui as tant eu soif de sang humain, maintenant tu vas pouvoir en boire tout ton saoul". Là- dessus, elle lui fit trancher la tête et la jeta dans le baquet où on avait recueilli le sang de ses barons».

[24] См.: *Бойцов М.А*. 2009, 29.

[25] См.: *Zamora M.* 1993, 171-174.

Наиболее эксплицитно метафору покорения, которая толковалась двояко — как военного, так и любовного завоевания, визуализирует гравюра из антверпенского сборника «Новые открытия» (*Nova Reperta*, 1590–1600), созданного Яном Коллартом по мотивам произведений Яна ван дер Страта, известного как Страданус[26]. На первой из гравюр изображено открытие Америки, причем в роли первооткрывателя выступает не Христофор Колумб — об этом читателям сообщает надпись на латыни: «*Americen Americus retexit*», — а Америго Веспуччи, первым описавший новые земли как неизвестный до того континент. Прибытие Веспуччи на берег Америки пробудило ото сна обнажённую женщину, спавшую в гамаке — это характерный предмет обихода американских аборигенов, описанный испанскими и португальскими первопроходцами. Она полулежит в постели, с которой ещё не успела подняться, на ногах у обнажённой дамы — браслеты из неких драгоценных металлов, а на голове — экзотичный убор из листьев, напоминающий папскую тиару: подобные эмблемы недвусмысленно намекают на то, что она является аллегорией Америки. На заднем плане можно заметить группу из четырёх человек, двух женщин и двух мужчин, зажаривающих две человеческие ноги на костре — одна уже готовится на огне, а другая насажена на вертел и лежит в стороне. Америка, по аналогии с аллегорическим изображением страны / земли в европейской символике, предстает покоряющейся маскулинному завоевателю женщиной, и, как мы видим, сохраняется, пусть и в имплицитной форме, рассмотренная до этого в статье связка «амазонки-каннибалы», намекающая на варварство обитающих на континенте народов.

Но какова была стратегия женщины, если ей было необходимо взять на себя роль воина, полководца или правителя, традиционно принадлежавшую мужскому полу? Для того, чтобы женщина могла легитимировать в общественном сознании собственные претензии на власть, ей необходимо было обрести атрибуты мужественности, уподобиться правителю-мужчине. В структуре социальной иерархии женственность по умолчанию воспринималась как

[26] См.: *Markey L.* 2012, 385-442.

находящаяся в состоянии подчинения. Согласно иерархии элементов, из которых состоит наш мир, приводимой в «Политике» Аристотеля, мужчина стоит выше женщины и должен властвовать над ней точно так же, как душа управляет телом:

> «Живое существо состоит прежде всего из души и тела; из них по своей природе одно — начало властвующее, другое — начало подчинённое. <…> Душа властвует над телом, как господин, а разум над вашими стремлениями — как государственный муж. <…> То же самое положение остаётся в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу. Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая — ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всём человечестве». (Aristot. polit I. 10–12. Цит. в пер. И.В. Брагинской, М.Л. Гаспарова, С.А. Шевелева, Г.А. Миллер).

Именно поэтому женщинам во власти необходима была инверсия этого образа — нужно было при помощи тех или иных средств добиться собственной маскулинной репрезентации.

Наиболее общеизвестным примером конструирования маскулинного образа женщиной-воином в XV в. безусловно является история Жанны Д'Арк, которая посредством немногих средств — в первую очередь за счёт мужского платья и воинских инсигний — создала образ полководца-святой, позволивший ей встать во главе французской армии. Наиболее важными аспектами этого образа являлись девственность Жанны и меч Карла Мартелла, два ключевых элемента исключавших её идентификацию как женщины из третьего сословия[27]. Иногда подобная легитимация через визуальные образы мужественности была необходима даже женщинам-монархам: «…Елизавета Тюдор, явившаяся 9 августа 1588 г. в форт Тилбери подбодрить свои войска перед возможным напа-

[27] См. подробнее: *Тогоева О.И.* 2016.

дением испанцев, восседала на боевом коне, сжимала в руках маршальский жезл и была облачена в доспехи»[28]. Присутствовавший при королевском выезде к войскам поэт Томас Делони в своей балладе «Посещение королевой лагеря в Тилсбери» («The Queenes visiting of the Campe at Tilsburie with her entertainment there»), посвящённой этому событию, называет Елизавету «правителем» в мужском роде: «Поскольку это была воля нашего правителя / объехать армию всю кругом» (Пер. автора)[29].

В поэме 1588 г. «Elizabetha triumphans» другой английский автор того времени, Джеймс Аске, пишет всё о том же военном смотре, при этом он сравнивает королеву с амазонкой Пентесилеей. Эта царица упоминается у римских авторов как предводительница отряда амазонок, воевавших на стороне троянцев. Именно поэтому она становится символом триумфа английской королевы:

> «Не отлична ничем от королевы амазонок, / Которая вовсю громит проклятых греков, / И схватиться может с бравым Ахиллесом, / Даже во время ожесточенной осады Трои»[30].

В первом случае Елизавета Тюдор сравнивалась с мужчиной-монархом, а во втором — с королевой амазонок, что подчёркивало не только её военную ипостась, но и права на королевский титул, по умолчанию созданный для мужчины.

Сравнение это не является случайным: в XVI в. образ амазонки является не только аллегорией Нового Света, но и синонимом *Virago*, женщины-воина, которая ничем не уступает мужчине на троне или на поле боя. Наиболее распространенным воплощением

---

[28] *Тогоева О.И.* 2010, 26.

[29] *Deloney Thomas*. The Queenes visiting of the Campe at Tilsburie with her entertainment there // Thomas Deloney: His Thomas of Reading and Three Ballads on the Spanish Armada. N.Y., 1903, 199. «Because it was our Princes' will / to ride about the army round».

[30] «In nought unlike the Amazonian Queene, / Who beating downe amaine the bloodie Greekes, / Thereby to grapple with Achillis stout, / Euen at the time when Troy was sore besieg'd». *Aske J.* Elizabetha triumphans. P. 23 // [Электронный ресурс] Early English Books Online (EEBO) TCP. — https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A22071.0001.001 (февраль, 2022).

этого архетипа в XV–XVI вв. становятся именно амазонки, фигурирующие у Джованни Боккаччо в произведении «О знаменитых женщинах» и у Кристины де Пизан в «Книге о Граде Женском». Как уже упоминалось, Кристина производит переворот в традиции восприятия дев-воительниц: они более не устрашающая сила, но образцы храбрости, мудрости и самоотверженной любви. «Девять достойных жён», часто переплетающиеся с рядом королев-амазонок, становятся популярным мотивом в изобразительном искусстве, а Пентесилея, Гипсикратея, Орифия, Антиопа, Марпесия и Лампедо предстают как воительницы в доспехах, готовые посоревноваться в воинском искусстве со знаменитыми рыцарями прошлого[31]. Одним из самых радикальных примеров смены ролей являлась история Меналиппы и Ипполиты, изложенная Кристиной де Пизан в «Книге о Граде Женском». Согласно нарративу Кристины эти две дамы отражают предательское нападение под покровом ночи Тесея и Геркулеса и одерживают победу в поединке с ними, выбив героев-мужчин из сёдел[32]. Эта история рисует новаторскую по своей сути картину перед читателями: мужчины, добивавшиеся своей цели коварством и необоснованным насилием, оказываются посрамлены доблестными и благородными женщинами. Таким образом, как можно видеть, к образу амазонки начинают прибегать не только ради изображения «перевёрнутого мира» варварских народов, но и для конструирования нового образа «женщины во власти», необходимого для исполнения функций правителя или полководца.

Итак, можно проследить как на сломе Средневековья и раннего Нового времени образ женщины-воина приобретает новые и противоречивые интерпретации европейских авторов. Традиционной средневековой вариацией мифа об амазонках был образ полудиких женщин-варваров, истребивших мужей и отцов и расправлявшихся с сыновьями, который строго ассоциировался с окраинами известного мира. По мере продвижения на запад и юго-восток королевство амазонок стали помещать на неисследованных

[31] См.: *Ворошень В.А*. 2014, 106-153.
[32] См.: *Бычков П.С*. 2022, 87.

землях, ожидавших покорения, что придало ему политическое измерение. Вместе с осознанием того, что был открыт новый континент, аллегорический образ Америки стал соотноситься с образом амазонок, имевших недостойных супругов в лице местных аборигенов, карибов или каннибалов. Но амазонки не воспринимались однозначно отрицательно, ведь их существование было не только вызовом мужскому миру, но и шансом для женщин установить равноправные отношения с противоположным полом в политической сфере. Благодаря этому стала возможна моральная инверсия, когда амазонка из полумонстра-варвара превращалась в образцовую женщину-воина, женщину-правителя. Существовавший поначалу лишь в литературной традиции, к примеру, в произведениях Боккаччо и Кристины де Пизан, образ амазонки впоследствии лёг в основу репрезентации женщины во власти, как это было в случае с формами легитимизации власти Елизаветы Тюдор.

ЛИТЕРАТУРА

Открытие великой реки Амазонок. Хроника и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны / Пер. с исп. С.М. Вайнштейна. М., 1963.

Путешествие Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы / Пер. Я.М. Свет. М., 1956.

Хуан де Сан Мартин и Антонио де Лебриха. Доклад о завоевании Нового Королевства Гранада и основание города Богота (июль 1539 года) // // Энциклопедия доколумбовой Америки. Часть 1. Южная Америка. Том 2. Источники XVI–XVII веков по Южной Америке: Хроники. Документы / Пер. А. Скромницкий. К., 2012.

Benoît de Sainte-More. Le roman de Troie. P., 1904. Vol. 4.

Christine de Pisan. Le Livre de la Cité des Dames. P., 2014.

Deloney Thomas. The Queenes visiting of the Campe at Tilsburie with her entertainment there // Thomas Deloney: His Thomas of Reading And Three Ballads on the Spanish Armada. N.Y., 1903.

Der Altfranzösische Prosa-Alexander-roman. Halle, 1920.

Le roman de Thèbes. 2 t. P., 1890. T. 1.

The ‘Opus Majus’ of Roger Bacon. L., 1900. V. I.

The voiage and travaile of Sir John Maundeville. L., 1883.

Zarncke F. Der Priester Johannes. Leipzig, 1879.

Бойцов М.А. 2009: Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОСПЭН.

Бычков П.С. 2022: Интерпретация мифа об амазонках в «Книге о Граде женском» (1405) Кристины де Пизан // Средние века. 83(1), 73-91.

Ворошень В.А. 2014: «Девять доблестных мужей» и «Девять доблестных жён» в западноевропейском изобразительном искусстве XIV–XVI веков. Дисс. …канд. иск., МГУ. М.

Косвен М.О. 1947: Амазонки. История легенды // Советская этнография. № 3, 3-32.

Котина А.В. 2012: Миф об амазонках и его развитие в античной традиции. Автореферат дисс. …канд. ист. наук. Белгород.

Скрипник Т.А. 1988: Амазонки в античной традиции // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону. Вып. 5, 29-39.

Тогоева О.И. 2016: Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Тогоева О.И. 2010: Женщина у власти в Средние века и Новое время: о понятии "virago" // Диалог со временем. № 31, 16-35.

Barber P. 1995: The Evesham World Map: A Late Medieval English View of God and the World // Imago Mundi. The International Journal for the History of Cartography. L. №. 47, 13-33.

Braham P. 2012: The Monstrous Caribbean // The Ashgate Research Companion to Monsters and the Monstrous. Burlington, Vt. P. 17-49.

Markey L. 2012: Stradano's Allegorical Invention of the Americas in Late Sixteenth-Century Florence // Renaissance Quarterly. Vol. 65. №. 2, 385-442.

Mayor A. 2014: The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton.

Zamora M. 1993: Reading Columbus. Berkeley: U. of California Press.

REFERENCES

Barber P. 1995*:* The Evesham World Map: A Late Medieval English View of God and the World // Imago Mundi. The International Journal for the History of Cartography. L. №. 47, 13333.

Bojcov M.A. 2009: Velichie i smirenie. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope. M.: ROSPEN.

Braham P. 2012: The Monstrous Caribbean // The Ashgate Research Companion to Monsters and the Monstrous. Burlington, Vt, 17-49.

Bychkov P.S. 2022: Interpretaciya mifa ob amazonkah v «Knige o Grade zhenskom» (1405) Kristiny de Pizan // Srednie veka. 83(1), 73-91.

Kosven M.O. 1947: Amazonki. Istoriya legendy // Sovetskaya etnografiya. № 3, 3-32.

Kotina A.V. 2012: Mif ob amazonkah i ego razvitie v antichnoj tradicii: avtoreferat diss. …kand. ist. nauk. Belgorod.

Markey L. 2012: Stradano's Allegorical Invention of the Americas in Late Sixteenth-Century Florence // Renaissance Quarterly. Vol. 65. №. 2, 385-442.

Mayor A. 2014: The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton.

Skripnik T.A. 1988: Amazonki v antichnoj tradicii // Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Rostov-na-Donu. Vyp. 5, 29-39.

Togoeva O.I. 2010: Zhenshchina u vlasti v Srednie veka i Novoe vremya: o ponyatii "virago" // Dialog so vremenem. № 31, 16-35.

Togoeva O.I. 2016: Eretichka, stavshaya svyatoj. Dve zhizni ZHanny d'Ark. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ.

Voroshen' V.A. 2014: «Devyat' doblestnyh muzhej» i «Devyat' doblestnyh zhen» v zapadnoevropejskom izobrazitel'nom iskusstve XIV–XVI vekov: diss. … kand. isk., MGU. M.

Zamora M. 1993: Reading Columbus. Berkeley: U. of California Press.

Pavel S. BYCHKOV

INCONSISTENT IMAGE OF A WOMAN-WARRIOR IN WESTERN EUROPEAN LITERARY SOURCES OF 14th –16th CENTURIES

THE MASULINITY OF POWER AND FEMININE BARBARIANS

During the Middle Ages was formed an original interpretive model of Amazon Myth which represented them as barbarians living among monsters on the outskirts of the Ecumene. But as the

Renaissance was approaching, other interpretation of this archetype emerged: particularly, Christine de Pizan included Amazon queens in her "Book of the City of Ladies" as the defenders of womanhood. Imagination and medieval literary tradition inhabited India and other distant lands by Amazons and their cannibal and monstrous neighbor, and even upon the revelation that Columbus discovered not a passage to India but a whole new continent Amazons would still represent America as an allegorical figure conquered by a masculine warrior. It was necessary for a woman to construct a masculine representation in XV–XVIth cc. if she needed to replace a man as a ruler or a warrior, particularly with insignia and a man's costume.

Keywords: gender, barbarism, Amazons, New World, allegory, Christine de Pizan, America, signs of power, representation.

Pavel S. BYCHKOV — junior-researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — rumblebuffin@yandex.ru

М.П. Айзенштат

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И «ВАРВАРСТВО» В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКЕ БРИТАНЦЕВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

В статье автор анализирует литературную практику на основе материалов популярного либерального издания «Эдинбургского обозрения, или критического журнала». Это было издание, специально посвященное критическим обзорам книг, вышедших в Британии, Париже, Берлине и других городах мира. Их тематика охватывала широкий круг тем по политике, экономике, общественным проблемам и истории. Рецензии освещали либеральный взгляд на историю в контексте идей Просвещения. Авторы обзоров восприняли теоретическое осмысление исторического процесса шотландскими просветителями. Они предполагали, что все люди в своем развитии проходят одни и те же стадии: дикость, варварство и цивилизацию. В контексте идей о стадиях развития рецензенты рассматривали труды, где говорилось о путешествиях, встречах с иной культурой чиновников, миссионеров и военных. При несовершенстве предложенной схемы вслед за авторами книг рецензенты оценивали уровень развития народов и племен, населявших Африку, Америку и Азию. Как правило, они относили их к стадии дикости и варварства. Полагая, что британцы достигли высшего уровня — цивилизации, авторы ряда книг и рецензенты выдвигали планы по цивилизации этих народов.

Марина Павловна АЙЗЕНШТАТ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук. Российская Федерация. Москва. — m.aizen@mail.ru

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 308-322
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 308-322
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.013

Ключевые слова. Стадии развития, варварство, цивилизация, либерализм, «Эдинбургское обозрение», шотландское Просвещение.

Распространенное в британском обществе представление о том, что все народы проходят одни и те же ступени в своем развитии получило теоретическое осмысление в последней трети XVIII века в трудах шотландских просветителей А. Фергюсона, Ф. Хатчисона, Г. Хоума, Д. Юма, А. Смита и других. Идеи просветителей широко распространились в Британии и Европе благодаря переизданиям их сочинений и переводам на другие языки, в том числе русский. Просветители выделили следующие основные стадии: дикость, варварство и цивилизация. Актуализация их трудов была связана с расширением Британской империи и увеличением торговой активности жителей метрополии, а также чиновников и путешественников, которые разъезжали по всему миру, где встречались с другими народами и их культурой, отличной от европейской. Для них теоретические построения превратились в удобный универсальный инструмент при общении с местным населением Северной Америки, Африки, Азии и Австралии. Интерпретация британцами культуры, уровня жизни, религиозных верований и т.д. населения этих континентов в контексте теории стадиального развития стала предметом рассмотрения статьи на основе материалов популярного журнала «Эдинбургского обозрения». Солидное и авторитетное издание неоднократно привлекало внимание исследователей. История создания, коллектив авторов, содержание статей разрабатывались в контексте интеллектуальной истории и истории журналистики[1]. Однако представление либералов об истории на рубеже XVIII–XIX вв. получило лишь фрагментарное освещение.

Среди печатной продукции журналы как ежемесячные, так и ежеквартальные представляли собой собрание наиболее важных новостей: отчеты о заседаниях парламента, сообщения о свадьбах, рождении детей, даровании титулов, информацию о преступлениях. На их страницах присутствовали поэзия, из номера в номер

[1] *Еремин В.С.* 2016; *Апрыщенко В.Ю.* 2016; *Christie W.* 2009; etc.

в течение года осуществлялась публикация отрывков из наиболее востребованных сочинений. Кроме того, помещалась информация о вышедших из печати книгах с небольшими, а то и более развернутыми аннотациями их содержания. По мере увеличения числа издаваемых книг, возрастало количество рецензий, что давало возможность заработка молодым людям, находившихся в стесненных обстоятельствах. Среди них начинали свою деятельность будущий политик Эдмунд Бёрк, драматург и писатель Оливер Голдсмит, Джеймс Миль и другие. К концу столетия число наименований журналов достигало 50, при этом они были предназначены для различных слоев населения.

Поиск нетрадиционной редакторской политики завершился успехом шотландских либералов с выходом в свет первого номера «Эдинбургского обозрения» в октябре 1802 г. Журнал издавался вплоть до 1929 г. Ежеквартальное издание содержало только книжные обзоры и сведения о вышедших книжных новинках широкого спектра содержания. В этих обзорах-рецензиях книги анализировались с либеральных позиций. Тем самым, содержание «Обозрения» предоставляет исследователю весьма интересный материал для изучения либеральной мысли, представлений британцев о других народах, идеях об их цивилизации, а также для анализа состояния книжного рынка.

Основателями «Обозрения» были Фрэнсис Джеффри, Сидни Смит, Генри Брум, Горнер и другие.

Фрэнсис Джеффри (1773–1850) обучался в университетах Эдинбурга и Оксфорда, был практикующим адвокатом. 26 лет являлся редактором и издателем журнала. Основной принцип его критики заключался в поиске, установлении связи между произведениями искусства и чувством долга, нравственностью, т.е. этикой и моралью. В 1830 г. Джеффри получил пост лорда-адвоката Шотландии, заседал в парламенте. В 1834 г. — назначен судьёй в Шотландии и возведен в лорды.

Англиканский священник и английский писатель Сидней Смит (1771–1845) родился в семье торговца. Окончил Винчестер колледж, затем университет Эдинбурга; изучал философию в Оксфорде. Сидней отредактировал первый номер «Обозрения», вскоре

после его публикации переехал в Лондон, где быстро стал популярным проповедником. Благодаря женитьбе брата Сиднея на одной из представительниц семейства Холландов, Смит познакомился и сблизился с лордом Холландом, благодаря связям которого начал тесно общаться с вигами. Помимо литературного дарования Смит обладал юмором и слыл острословом. Он также получил известность за твердую позицию в отношении так называемой «эмансипации» католиков, полагая, что им должны быть предоставлены гражданские и политические права наравне с англиканами.

Генри Брум (или Брогэм) (1778–1768), государственный деятель, блестящий оратор, член Лондонского королевского общества. Первым наставником юного Генри был его дядя — историк Робертсон. После окончания Эдинбургского университета занялся адвокатской практикой. Брум являлся убежденным сторонником отмены ограничений в торговле и запрета работорговли, с 1815 г. на парламентских выборах неизменно избирался в палату общин. С 1830–1834 гг. занимал пост лорда-канцлера государства. После отставки отошел от вигов, занял позицию независимого депутата, впоследствии — влиятельного пэра.

Это были люди одного поколения, взросление которого пришлось на 1780–90-е годы в атмосфере просветительских идей Эдинбурга. Они обучались в колледжах университета столицы Шотландии, где каждый из них впитал либеральное мировоззрение, ратовал за либерализацию экономической политики и изменение системы представительства на парламентских выборах. За исключением С. Смита они получили юридическое образование, занимались адвокатской практикой. Однако существовали и различия, не оказавшие, впрочем, серьезного влияния на их сотрудничество. Они принадлежали к семьям различного социального и материального статуса, в раннем детстве получили разное образование. В складывании их судеб сказались не только передовые взгляды, но и традиционные обычаи, связанные с выбором профессии. Как отмечал исследователь истории Шотландии В.Ю. Апрыщенко:

> «В XVIII в. стало распространенной практикой, что выходцы из семей джентри пополняли слой шотландского среднего класса. Так, зачастую землевладелец средней руки одному сы-

ну передавал землю, второго отправлял на обучение в Духовную семинарию, третьего — на Факультет адвокатов, а четвертый отправлялся в колонии»[2].

И именно С. Смит, увлекавшийся философией, по настоянию отца принял сан англиканского священника вопреки собственным устремлениям.

Именно в их кругу утвердилась идея о публикации журнала в новом формате как издания, которое последовательно освещало и разъясняло либеральные представления о мире, обществе и человеке. Предполагалось, что страницы «Обозрения» будут содержать критические разборы книг, опубликованных в Эдинбурге, Лондоне, Париже и других городах мира. Притом проблематика таких изданий была весьма широка: минералогия, оптика, финансы, торговля, положение Ирландии, новации в кулинарии, а также литературные новинки и т.д. Тем самым ежеквартальное издание заняло собственную нишу среди печатной продукции, осуществляя важные функции присущие прессе. Оно информировало читателей о выходе новых книг в перечне, который помещался в конце каждого номера, и о содержании наиболее заметных сочинений в обзорах; способствовали формированию мировоззрения читателей. С первых номеров издание получило широкую известность, превратившись в один из наиболее востребованных публикой журналов. Среди многочисленных книжных изданий значительное место занимали разного рода исторические произведения, биографии, которые в списках изданной литературы помещались отдельно, наконец, различного рода путевые заметки, отчеты о путешествиях гражданских чиновников и военных. Тем самым, «Обозрение» могло удовлетворить самого взыскательного читателя, интересовавшегося состоянием естественных наук, литературой и историей, а главное — представлениями о них либералов. Журнал выходил ежеквартально, и в ближайшие годы после выхода первого номера стал популярным изданием благодаря литературным дарованиям авторов обозрений, их четкой политической позиции и разнообразию затрагиваемых проблем. Популярность журнала подвигла тори

[2] *Апрыщенко В.Ю.* 2008. С. 126.

приступить к изданию собственного ежеквартального «Обозрения», а через некоторое время появилось подобное издание радикалов.

Британцы были убеждены в том, что они достигли высокой стадии цивилизации. Основанием такой веры служило развитие производства, торговли и финансов, существование конституции, обеспечение прав неприкосновенности личности и собственности, свободы вероисповедания и слова. И «цивилизация» превратилась в одно из часто употребляемых терминов в парламентской полемике и исторических произведениях. Злоупотребления в использовании термина не могла не отметить критика. Так, сочинение по современной истории Британии А. Стефенса вызвало грустную иронию автора обзора. Он утверждал, что наиболее полно и достоверно современные события могут быть описаны не ранее, чем не менее десяти лет спустя после их свершения [3]. Исходя из тщательного прочтения труда Стефенса, рецензент с горькой насмешкой давал совет начинающим сочинителям подобных книг. Он писал: надо собрать все газеты, журналы, памфлеты того периода, расположить и описать их в хронологическом порядке. Как можно чаще упоминать такие слова, как «развитие цивилизации», «прогресс», высказывать некомпетентное мнение по любому предмету и сочинение готово[4].

Представления британцев о других странах и народах формировались во время поездок за границу. Путешествия в отдаленные регионы и континенты в целях как познавательных, так и деловых постепенно увеличивались в количестве и разнообразии посещаемых мест. В «Обозрении» отмечалось, что увлечение британцев путешествиями поражает иностранцев. За возвращением в родные края нередко следовали публикации рассказов о впечатлениях, которые сохранились в памяти путешественников, либо в ежедневных дневниковых записях. И тогда, писал автор обозрения, мы узнаем о законах, манерах и взглядах даже самых варварских народов, что позволяет составить представление о натуре человека[5].

---

[3] The Edinburgh review, or critical journal: for 1802. vol. III. P. 487. (Далее — ER)

[4] ER, 1802, vol. III. P. 488, 491.

[5] ER, 1805–1806, vol. VII. P. 35, 36.

Быт и нравы других народов кардинально отличались от жизни британцев и вызывали большой интерес не только познавательный, но и практический. Поэтому заметки, в которых личность автора затмевала реалии жизни и быта другого народа, вызывали резкую критику. Авторы обзоров были уверены в том, что читателей в большей мере интересовали подробности устройства жизни этих людей, чем обстоятельства личных переживаний автора[6]. Однако подобного рода сочинения являлись скорее исключением, нежели правилом.

Обычно помещались отчеты о поездках в отдаленные уголки мира, которые содержали достаточно подробный материал, где освещались бытовое устройство местных жителей, их религиозные культы, отчасти сообщалось видение их культурного развития. В политике, как её понимали европейцы, жители заморских территорий едва ли продвинулись от семейно-кланового управления[7]. Обычный набор состояния и образа жизни африканцев, населявших соседние со Сьерра-Леоне области, присутствовал в обзоре книги о путешествии в этот регион. Автор сочинения писал, что независимое население находится на уровне варварства, племена поглощены спорами о границах территорий их размещения. Отмечалось примитивное земледелие, приоритет обычаев и идолопоклонство; натуральное хозяйство и отсутствие разделения ремесленного труда. Тем самым, они занимали низшую ступень варварства, едва преодолев состояние дикости[8]. Члены экспедиции, отправившиеся из Южной Африки на север, столкнулись с племенем бушменов. По отзыву автора обзора, они встретили «племена дикарей», которые не были в состоянии обеспечить поддержание самой простой и примитивной жизни. Особо подчеркивалось, что они не заботились о детях, могли убить ребенка в случае его болезни или голода, отдать напавшему на племя льву[9]. Напротив, их соседи-охотники питались мясом, употребляли молоко, научились

[6] ER, 1802, vol. II. P. 443.
[7] ER, 1802, vol. II. P. 34.
[8] ER, 1803–1804, vol. III. P. 355-360.
[9] ER, 1806, vol. VIII. P. 434-435.

возделывать землю. Правление носило патриархальный характер. Вождь опирался на свой авторитет, при этом не было религиозных институтов, отсутствовала торговля. Тем самым, заключал автор статьи, они преодолели стадию дикости, но не продвинулись дальше[10]. Дикарями считались и индейцы Северной Америки[11].

Османская или как её называли в «Обозрении» Турецкая империя, несомненно, отличалась от племен Африки и Америки. В наше время, писал рецензент, она представляет самое исключительное и аномальное явление. При взгляде со стороны, она может показаться могущественной, даже солидной структурой, но при близком рассмотрении она всего лишь вызывает удивление от того, что не рассыпается на части[12]. Греция, Египет, Сирия, Анатолия пробуждают тысячи приятных мыслей и впечатлений. Притом они противоречат их современному состоянию — варварства, рабства, деградации[13]. Отмечались такие признаки стадии варварства, как безграничная власть правителя, отсутствие частной собственности, церемонии последователей Магомета[14].

Иная оценка страны, её народа и уровня его развития звучала в отчетах о поездках в Китай или описание истории Индии. Китай был, практически, закрыт для европейских путешественников, при этом серьезно ограничен доступ торговцев. Поэтому описание путешествия мистера Бэрроу состояло не столько в подробностях его путешествия, сколько из размышлений о моральном и политическом характере китайцев. Автор рецензии замечает, что мы редко видим другие нации полностью, или достоверно. Чтобы получить точное знание другого народа, его образа жизни и т.д., надо поселиться среди этого народа, изучать язык, общаться с людьми. Однако, несмотря на отсутствие подобного опыта, он подчеркивал, что «этот знаменитый народ» всегда рассматривался, как только наполовину варварский. Он отличался от соседей своим числом, подчи-

[10] ER, 1806, vol. VIII. P. 437-439.
[11] ER, 1806, vol. VIII. P. 443.
[12] ER, 1806, vol. VIII. P. 45.
[13] ER, 1806, vol. VIII. P. 47.
[14] ER, 1806, vol. VIII. P. 49.

нением деспотизму, но при этом созданием великолепных садов, строений и каналов, проявлением ремесленного мастерства[15].

Отношение к Индии было особенным в силу своеобразия присутствия британцев в регионе и её статусу в структуре британских владений. На Востоке английские купцы появились после обосновавшихся там голландцев и португальцев, заинтересованных в сохранении их монополии на торговлю специями. Соперничество с ними, а позднее и с французскими торговцами, завершилось победой британцев в лице акционерной торговой Ост-Индской компании. Она получила право вести войны, взимать налоги, осуществлять правосудие в Бенгалии. Начав с торговых фортов, Компания стала постепенно подчинять многочисленные княжества, чаще всего оно осуществлялось за счет заключения субсидиарных договоров. Монопольные права Компании отстраняли от участия в восточной торговле многочисленный слой так называемых аутсайдеров, т.е. независимых купцов. Многочисленный штат чиновников, ведение войн, содержание князей подточили могущество Компании; правительство не решилось нарушить корпоративные права акционеров, и учредило Контрольный совет, получивший ряд важных полномочий. Интерес к далекому субконтиненту был велик, однако знания штата Компании и подавляющего большинства британцев о населявших его народах складывались под влиянием мифов. История Индии, опубликованная Томасом Маурисом, являла собой один из ярких примеров отражения подобного рода знаний. Она подверглась критике рецензента. Причина его недовольства заключалась в отсутствии в распоряжении европейского писателя достаточного материала для написания полной и завершенной истории Индостана. Серьезную проблему составило незнание языков народов региона. С «Новой Историей Индостана» связаны размышления рецензента о задачах историка и принципах оформления самой работы[16].

Тем не менее, интерес к истории, обычаям и нравам народов, населявших Индию, обозначился в появлении разного уровня тру-

[15] ER, 1804–1805, vol. V. P. 259-262.
[16] ER, 1804–1805, vol. V. P. 289-291.

дов и изучении языка[17]. Так, ряд сочинителей обращался к этой достаточно популярной теме. В их трудах превалировало два сюжета: уровень развития индийцев и меры по их цивилизации. Путешественники, наблюдая за жизнью различных «племен», подчеркивали их дикость. Она заключалась в отсутствии ремесел, безразличии к образу жизни, нежеланию что-либо менять[18]. Британцы предлагали различные пути преобразования быта и нравов индийцев. Например, автор «Диссертации о самых действенных мерах цивилизации народа» Индии, чтобы он продвигался вперед, предлагал следующее: установление мира между княжествами, постройку дорог, возведение городов и открытие колледжей[19]. Подобные сочинения, как и в предыдущем случае, вызывали серьезный критический разбор. Рецензент доказывал, что аргументы автора основаны на ошибочных представлениях о состоянии дел в отдаленном регионе[20]. В журнале предлагались иные средства. Рецензент утверждал, что состояние общества может быть изменено распространением «света знаний и моральных принципов»; постепенным внедрением форм свободного управления. В совокупности они могут высвободить скрытую энергию народа для саморазвития, сменив попытки немедленного распространения знаний и духа развития. И заключал: дикари в большей мере поддаются дисциплине, нежели доктрине[21].

С определением уровня развития, когда косвенно, а когда и напрямую были связаны интересы британского капитала, торговли и производства, а именно — проблема цивилизации населения отдаленных территорий. Европейцы, безоговорочно убежденные в том благе, что они несли народам мира, полагали: цивилизация способствовала рождению новой организации жизни. Она шла на смену «дикого уклада» благодаря новым современным орудиям труда, одежде, питанию и др. Это, по их мнению, вело к возрастанию сча-

[17] ER, 1806–1807, vol. IX. P. 95-100.
[18] ER, 1806–1807, vol. IX. P. 278, 283.
[19] ER, 1805, vol. VI. P. 464-465.
[20] ER, 1805, vol. VI. P. 465.
[21] ER, 1806–1807, vol. IX. P. 471.

стья местного населения[22]. С меньшим оптимизмом на последствия появления европейцев автор обзора обратил внимание при рассмотрении отчета о деятельности Комитета друзей Пенсильвании. В статье с большой долей иронии отмечалось, что дикари — индейцы Северной Америки — «очень многим обязаны своим европейским соседям»: ведь они принесли с собой войны за территории; болезни и пьянство, которых не было раньше на континенте[23].

Для Нового Света большой проблемой стала нехватка рабочих рук. Отправка каторжников не решала её. Индейцы отказывались работать на поселенцев и на плантациях. Предпринимались усилия цивилизовать индейские племена. Поначалу некоторым из них стали выдавать деньги, но их тратили, главным образом, на спиртные напитки. Тогда решили обучать детей в школах совместно с детьми поселенцев. Однако, получив начальные знания и представления о цивилизации, дети возвращались к своим «диким» родственникам и продолжали вести привычный образ жизни. Большие надежды возлагались на миссионеров. Их отправляли во все уголки мира, в том числе, и Северную Америку. Они поселялись среди местного населения, где пытались обратить в христианскую веру индейцев. Их проповедь среди народа, жившего в согласии со своими верованиями, также не принесла успеха. Некоторых сдвигов добились только квакеры. Они пошли по другому пути, пытаясь приучить «варваров» к оседлой жизни[24]. Незначительные успехи квакеров порождали удивление британцев в связи с тем, что, находясь на стадии варварства, индейцы не проявляли никаких поползновений к цивилизованной жизни[25].

Кардинальным решением проблемы рабочих рук стала работорговля. Рабы были основной рабочей силой на плантациях Вест-Индии, на их плечи легло выполнение, практически, всех работ[26]. Этот род деятельности приносил огромные прибыли торговцам и

[22] ER, 1802, vol. II. P. 31, 34.
[23] ER, 1806, vol. VIII. P. 442.
[24] ER, 1806, vol. VIII. P. 445-446.
[25] ER, 1806–1807, vol. IX. P. 8.
[26] ER, 1806–1807, vol. IX. P. 314.

владельцам судов, необходимых для транспортировки рабов из Африки. И на протяжении XVIII столетия британские торговцы, активно включившиеся в эту торговлю, превратились в самого крупного работорговца. В её сохранении заинтересованы были владельцы плантаций, на которых выращивался сахарный тростник, табак, хлопок и другие товары, поступавшие на рынки Британии и Европы. И именно в Британии в последней трети XVIII в. развернулось мощное движение за запрет работорговли (аболиционистское движение). Оно было поддержано за счет поступления финансовых средств из среды квакеров. Аболиционисты разъезжали с лекциями по всей стране, выпускали брошюры и плакаты, устраивали выставки произведений ремесленного искусства африканцев. Они вскрывали подробности жестокого обращения с африканцами при транспортировке и условий работы. Из их акций наибольшую известность получил отказ от употребления сахара, выращенного с использованием рабского труда. Отказ решительно поддержали многие британцы, в том числе и королевская семья[27]. В аргументации обеих сторон возникал мотив варварства рабов и проблема их цивилизации.

Авторитетным оппонентом аболиционистов был Брайан Эдвардс, политик и сторонник работорговли он активно выступал за её сохранение. Его мнение сложилось под влиянием личных обстоятельств. Брат его матери был работорговцем и оставил племяннику в наследство 6 плантаций на Ямайке. В 1793 г. Эдвардс опубликовал в двух томах свой труд «История гражданская и коммерческая Британских колоний в Вест-Индии». Сочинение выдержало 5 переизданий. А отдельные разделы были переведены на немецкий, испанский и французский языки[28]. Эдвардс подчеркивал, что торговля африканскими рабами являлась британской во всех отношениях: она велась британскими подданными на британских кораблях при поддержке британского капитала под властью и

[27] Подробнее об аболиционистском движении см.: *Айзенштат М.П.* 2009. С. 97-102.

[28] См.: http://historyofparliamentonline/org/vol.1790–1820/constituencies/granpound (январь, 2022).

защитой британского правительства. Когда нация заимела свои колонии, то правительство поощряло колонистов, нуждавшихся в рабочих руках, приобретать рабов у британских торговцев. Эдвардс полагал, что все негативные стороны работорговли и рабовладения можно устранить за счет цивилизации самих рабов[29]. Аболиционисты подчеркивали, что варварство африканцев обусловлено их рабским состоянием[30]. Они рисовали благостную картину жизни освобожденных французами рабов на Гаити в подтверждение своих аргументов[31].

Итак, в практике популярного либерального издания теоретическое осмысление просветителями исторического процесса получило прагматичный характер. Народы других континентов, с которыми встречались британские путешественники, военные, миссионеры и торговцы, оценивались ими в контексте выработанной схемы, что предопределяло их отношение к местному населению и взаимоотношениям с ним. Но любая социальная схема несовершенна, она не может учесть всех нюансов своеобразия жизни и быта различных народов. Это нашло отражение в замечаниях рецензентов о различном уровне дикости или варварства разных племен, обитавших порой рядом друг с другом. Таким образом, история народов мира представлялась либералам неравномерным процессом, в котором одни народы задержались на стадиях дикости и варварства. Тогда как британцы опережали всех.

Наблюдая успехи динамично развивавшейся в начале века промышленной революции, либералы были убеждены в том, что Британия достигла высокого уровня цивилизации. Об этом свидетельствовало существование разделения властей, ограничение прерогатив монарха, права и свободы личности. Очевидный контраст с народами, населявшими Африку, Восток и Америку, убеждал британцев в собственном превосходстве. Они были уверены в своем как праве, так и обязанности способствовать развитию этих народов, цивилизации их уклада, образа жизни и труда. Однако

[29] Cobbett's Parliamentary history of England. v. 33. P. 280-282.
[30] ER, 1806, vol. VIII. P. 52-53.
[31] ER, 1806, vol. VIII. P. 52-56.

незнание сути сложившихся традиций при вмешательстве европейцев зачастую приводило к регрессу. Как это, например, произошло в Бенгалии, где британцы разрушили веками формировавшуюся культуру земледелия и сложную систему орошения полей. Заслуживает внимания высказанная рецензентом журнала идея, о постепенном просвещении народов наряду с внедрением общественно-политических институтов. В ней получили развитие постулаты Просвещения, которые дополнило установление социально-государственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

The Edinburgh review, or critical journal: for 1802–1809. Edinburgh, 1802–1810.

Cobbett's Parliamentary History of England. v. 33. L., 1818.

Айзенштат М.П. 2009: Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.

Апрыщенко В.Ю. 2008: Уния и модернизация. Становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н / Дону.

Апрыщенко В.Ю. 2016: Шотландия в Новое время в поиске идентичности. СПб.

Еремин В.С. 2016. Идейное наследие шотландского Просвещения: "The Edinburgh Revue" в первой трети XIX в. Дис., к.и.н. Саратов.

Christie W. 2009: The Edinburgh Revue in the Literary culture of Romantic Britain. L.

Электронные материалы

http://historyofparliamentonline/ org/vol.1790-1820/constituencies/granpound (январь, 2022).

REFERENCES

Aizenshtat M.P. 2009: Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. M.

Apryshchenko V.Yu. 2008: Uniya i modernizatsiya. Stanovlenie shotlandskoi natsional'noi identichnosti v XVIII – pervoi polovine XIX v. Rostov n / Donu.

Apryshchenko V.Yu. 2016: Shotlandiya v Novoe vremya v poiske identichnosti. SPb.

Christie W. 2009: The Edinburgh Revue in the Literary culture of Romantic Britain. L.

Cobbett's Parliamentary History of England. v. 33. L., 1818.

Eremin V.S. 2016. Ideinoe nasledie shotlandskogo Prosveshcheniya: "The Edinburgh Revue" v pervoi treti XIX v. Dis. na soisk. uch. st. k.i.n. Saratov.

http://historyofparliamentonline/ org/vol.1790-1820/constituencies/granpound (yanvar', 2022)

The Edinburgh review, or critical journal: for 1802–1809. Edinburgh, 1802–1810.

Marina P. AYZENSHTAT

"CIVILIZATION" AND "BARBARITY" IN BRITAIN'S LITERARY PRACTICE FROM THE END OF 18th TO THE BEGINNING OF 19th CENTURY

The author analyses the literary practice liberal edition "The Edinburgh review, or critical journal". It was original special edition with review of books from Britain, Paris, Berlin and other towns of the world. Their problems spread all themes over economy, politics, civil problems, etc. and history from liberal opinions on them from enlightenment position. The authors of journal shared Scotland enlightenment's theoretical opinion about historical development. They thought all people gone same stages: savage, barbarity and civilization. From that opinion the authors analyzes books wrote about travels meeting with another culture. As the author of books reviewers thought the tribes and people of America, Asia and Africa were at the stages of savage and barbarity. And Britons as civilized nation should bring civilization to them.

Keywords. Stage of development, barbarity, civilization, liberalism, "Edinburgh review", Scotland enlightenment.

Marina P. Ayzenshtat — Dr. Sc. (History). Leading Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — m.aizen@mail.ru

К.А. Елохин

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ВАРВАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ НОВОЙ ГРАНАДЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Статья посвящена варварству в отношении гербов — их диффамации со стороны как мужчин, так и женщин, как частными лицам, так и главами корпораций. В качестве примера была приведена территория испанского вице-королевства Новая Гранада в конце XVIII – начале XIX вв. На основании проведённого исследования делаются некоторые выводы. Во-первых, общим у мужчин и женщин, совершавших варварские поступки — диффамацию гербов и других знаков власти, было чувство вины за бунт против короля как отца нации. Психологический комплекс, который они не могли изжить годами. Во-вторых, женщины вдохновляли, призывали к диффамации, и действовали собственным примером, в отличие от мужчин, которые приказывали и преимущественно действовали чужими руками, и лишь, в крайнем случае, собственными. Это характерно не только по отношению к государственным знакам власти, но и к корпоративным (гербам городов). В-третьих, социальное положение варваров, совершавших диффамацию гербов, было различным, и не имело никакого значения. В-четвёртых, при диффамации гербов, знамён, и других знаков

Кирилл Александрович ЕЛОХИН **—** кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории Российской Академии наук, Российская Федерация, Москва.

Цивилизация и варварство
2022. Вып. XI. С. 323-339
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2022. Issue XI. P. 323-339
DOI 10.21267/AQUILO.2022.11.11.014

власти, мужчины предлагали альтернативу — изобретённые ими, или в их окружении, гербы и знамёна, женщины же такой альтернативы не предлагали. Это говорит о том, что женское злонамеренное варварство было более агрессивным, чем мужское.

Ключевые слова: Новая Гранада, XVIII век, XIX век, герб, геральдика, варварство, диффамация.

В настоящее время в Испании существует собственная, идущая со Средних веков, сильная эрудитская традиция изучения геральдики[1], однако некоторые моменты остаются неосвещёнными. Одним из таковых является проявление варварства, иногда узаконенного, но чаще нет, в отношении гербов, их диффамация.

Как верно заметил А.П. Черных: «для поругания и наказания герб должен быть такой социально-культурной ценностью, которая позволяет эти действия сделать не тайными, а напротив — предельно репрезентативными, предельно публичными актами. Это вполне согласуется с тем, что публичное выставление герба — не только для позора — было нормальным проявлением обращения с гербом»[2].

В испанском эмблематическом пространстве оскорбление и поругание чужих гербов частными лицами известно со времён Средневековья[3], подобные действия становились частью сюжетов рыцарских романов[4]. Диффамация герба известна как в раннее Новое время[5], так и в конце XVIII – начале XIX вв.

В нашей статье мы сосредоточимся на изучении диффамации гербов на территории вице-королевства Новая Гранада.

Отметим, что и испанские короли не брезговали диффамацией чужих гербов, так в главной крепости города Перпинья в 1585 г. по приказу Филиппа II были разрушены гербы и знаки господства, власти и владения (Las insignias y armas colocadas en tales sitios

[1] *Черных А.П.* 2020, 25.
[2] *Черных А.П.* 2017, 8.
[3] Там же. 18-19.
[4] *Мартурель Ж., Галба М.Ж. де*. 2005, 103-107.
[5] *Favyn A*. 1620, 1830–1833; La Curne de Sainte-Palaye. 1664, 112.

significan señales de señorio, de dominio y posesión) бывшего сеньора этого города, герцога Альбы, и на их месте помещён герб короля, за то, что Альба нанёс «великий и невыносимый ущерб указанному городу, и всей земле, и короне Арагона»[6].

Перенесёмся сквозь века и через континенты.

В.П. Буданова заметила, что:

> «...в XIX–XXI вв. понятия «варвар» и «варварство» уже прочно входят в актуальный лексикон для обозначения крайне деструктивного типа личности и его злонамеренных действий. Варварство, агрессия и насилие воспринимаются как некое триединство».

В этом контексте и следует рассматривать дальнейший материал[7].

В 1781 г. в Америке диффамация испанского герба имела место на самом низком уровне, отрицая абсолютную власть испанского короля: так, 30 марта в Сокорро (Новая Гранада) простолюдинка-мулатка по имени Старая Магдалена подстрекала мятежников (будущих комунерос) к нападению на герб монархии (escudo de armas de la monarquía), заставляя его топтать и разрывать на куски[8]. С точки зрения свидетелей-современников, это был акт, подрывавший вассальное подчинение[9].

По отношению к негритянкам и мулаткам, которые преимущественно были рабынями и принадлежали к низшим кастам, существовало два гендерных антагонистических стереотипа: хорошая черная женщина и плохая черная женщина. Идеалом была хорошая черная женщина, верная и покорная; плохая черная женщина была подрывной, полной противоположностью хорошей черной женщине[10].

---

[6] *Marí i Brull G.* 2014, 290. Автор ссылается на: Bringué i Portella, Gifre i Ribas, Güell Junkert, Marí i Brull, Muxella i Prat, Pérez Latre, Pons i Alzina. 2009, doc. 12, p. 531.

[7] *Буданова В.П.* 2020, 9-10.

[8] *Aguilera Pena M.* 1983, 103.

[9] *Martínez Covaleda H.J.* 2014, 276-277.

[10] *Mota Maldonado Y.* 2009, 25-26.

Для женщин внешняя агрессия нетипична, традиционно они реагируют на стресс неагрессивно, для мужчин агрессивные внешние реакции более характерны. В ситуации стресса мужчины чаще ориентированы на конкуренцию и направляют агрессию вовне, женщины в это время стремятся найти социальную поддержку[11]. Специалисты указывают, что в патриархально-капиталистической системе уровень контроля над женщинами выше, чем над мужчинами; они обладают меньшей властью в экономических, религиозных, политических и военных институтах, что, соответственно, сужает возможности совершения преступлений[12]. Кроме того, биологическая агрессия у мужчин связана с подавлением ровесников своим превосходством, а у женщин — с тематикой независимости и непослушания. Женщины более склонны к косвенным формам проявления вербальной агрессии, чем открытым[13]. Отсюда логично следует выбор подстрекательства негритянки к уничтожению королевского герба, а не прямой агрессии по отношению к нему.

Необходимо отметить, что роялистские настроения в Новой Гранаде в начале XIX в. были весьма сильны. Так, 21 июля 1810 г. Новая Гранада была провозглашена королевством, но без короля, под управлением Регентского совета[14]. В апреле королевство Новая Гранада возглавил губернатор-президент Антонио Нариньо (Antonio Amador José de Nariño y Álvarez del Casal, 1765–1824)[15]. К апрелю 1812 г. везде в Новой Гранаде установился республиканский строй[16], хотя для Испании Новая Гранада была лишь мятежным вице-королевством. Санта-Фе, столица Новой Гранады была центром декларируемого республиканизма и скрытого роялизма[17].

В провинции Санта-Марта и её столице с одноименным названием закрепились роялисты, выступавшие в поддержку испанского короля. Уточним, что в испанских вице-королевствах женщины

[11] *Романова Н.М.* 2009, 67.
[12] *Бойко И.Б.* 1993, 27-30; *Кунц Е.В.* 2006, 61-64.
[13] *Мещерякова Э.И., Жигинас Н.В.* 2002, 52-55.
[14] *Ильина Н.Г.* 1976, 172-174.
[15] *Santos Molano E.* 2000, 146.
[16] *Palacios M., Safford F.* 2002, 208.
[17] Ibid. 210.

очень по-разному реагировали на дискриминационное законодательство, установленное для них Кадисской Конституцией 1812 г., согласно которому, женщины были лишены гражданских и политических прав, хотя за ними оставалось право на благотворительность.

В начале XIX в. понимание фигуры короля как отца империи было широко распространено в Латинской Америке[18]. Тимоти Анна полагает, что в период с 1808 по 1824 гг. креолы начали путь к свержению фигуры короля-отца. С точки зрения психологии, это было самое грандиозное событие во всей истории Испанской Америки. Своего рода, коллективный Эдипов комплекс, от которого Испанская Америка так и не смогла освободиться. Большая часть восстаний в истории Испанской Америки представляет собой поиск замены по отцовской линии королей Испании[19].

Варварство — это наиболее коварная форма деструкции. Это шок, неожиданный, непредсказуемый, вне логики и рацио, шок насилия и агрессии[20]. Именно в таком контексте следует рассматривать действия мужчин и женщин, совершавших диффамацию герба государя, отца нации.

В 1813 г. дама из высших слоёв общества, донья Мария Консепсьон Устарис-де-Фернандес-де-Кастро-и-Лоперена (María Concepción Ustáriz de Fernández de Castro y Loperena) по отношению к своему бывшему королю заявила, что она теперь «свободная женщина, происхождения роялистского, но ныне республиканка» и показательно сожгла портрет короля и его герб[21]. Отметим, что к 1813 г. она была богатейшей женщиной в Санта-Марте, вдовой члена городского кабильдо, владелицей коневодческих и скотоводческих ферм. При встрече с Боливаром, она подарила ему триста коней и показательно освободила несколько рабов[22]. Сторонники Независимости ей восхищались, и даже испанцы называли её

[18] *Corsi Otálora L.* 2006, 23.

[19] *Anna T.* 1986, 32.

[20] *Буданова В.П.* 2021, 21.

[21] «Mujer libre, de origen realista pero hoy republicana», см.: *Lux Martelo M.* 2014, 121.

[22] *Helg A.* 2005, 144-145.

«необузданной и стремительной». Со стороны своей семьи она также имела поддержку[23]. Несмотря на то, что вскоре после этой показательной диффамации герба, испанская власть в Санта-Марте была восстановлена, донью Марию не казнили. Вероятно, потому, что тяжкие преступления случались нечасто, из-за чего в колониальных центрах, таких, как, например, Каракас, Кито или Санта-Фе, годами не совершалась смертная казнь[24].

Если во время революционных событий роль женщин, участвовавших в борьбе за Независимость, как вдохновителей и инициаторов оной была важна и велика, то после завершения боевых действий против сторонников монархии, она была значительно снижена. Так, Боливар писал своей сестре, Марии Антонии в 1826 г.:

> «Советую тебе не вмешиваться в политические дела, не вступать и не выступать против какой-либо партии […] Женщина должна быть нейтральной в общественных делах. Её слава и их (sic!) домашние обязанности являются их первыми обязательствами»[25].

Но что же мужчины? У нас есть несколько примеров диффамации гербов и со стороны сильного пола.

На территории Новой Гранады в эпоху испанского господства иностранцы воспринимались как скрытая угроза, их положение было шатким, и сильно зависело от политической обстановки в том месте, куда они прибывали, в одних случаях они подвергались гонениям и репрессиям, в других их охотно вербовали в войска. В 1810 г. был издан королевский указ, согласно которому всех подозрительных иностранцев, не сотрудничавших с монархическим режимом, следовало отдавать под суд. Противники монархии также изгоняли не сотрудничавших с ними иностранцев. Нередки

---

[23] Ibid. 150-151.

[24] *Restrepo J.M.* 1858, XXXI.

[25] «Te aconsejo que no te mezcles en los negocios políticos, ni te adhieras ni opongas a ningún partido. […] Una mujer debe ser neutral en los negocios públicos. Su fama y sus deberes domésticos son sus primeras obligaciones». Цит. по: *Cherpak E.* 1985, 268.

были и убийства иностранцев, и даже не по суду, просто в спину. Некоторых из них подвергали пыткам[26].

Пьер Лабатю (Pierre Labatut, 1776–1849), бывший наполеоновский полковник, прибыл в Новую Гранаду вместе с Франсиско де Мирандой[27]. Он присоединился к восставшим в 1812 г. в Картахене, где ему удалось возглавить местную хунту. При торжественном вступлении в Санта-Марту, он посетил Кафедральный собор, в котором приказал сопровождавшим его вооружённым людям удалить королевский герб (escudo de las Armas Reales españolas), размещённый над главным входом. Однако когда войска роялистов победили восставших, и вошли в Санта Марту, Лабатю размахивал заботливо сохранённым на всякий случай королевским знаменем (pendon real). Затем он сдал свои полномочия новому губернатору, после чего ему было позволено беспрепятственно покинуть город. Потом он упоминался как мародёр[28]. В дальнейшем Лабатю оказался в Бразилии, где дослужился до бригадного генерала[29], а затем и маршала (marechal graduado)[30].

Отметим, что женщины, уничтожая королевский герб, не предлагали ничего взамен, иное дело мужчины. Так, в Новой Испании первыми борцами за Независимость были Мигель Идальго (Miguel Hidalgo y Costilla, 1753–1811), Хосе Мария Морелос (José María Morelos Pérez y Pavón, 1765–1815) и Агустин де Итурбиде (Agustín Cosme Damián de Iturbide y Arámburu, 1783–1824), которые, после того как начали свою борьбу с испанским режимом, сразу же начали изготавливать собственные знамёна, в противопоставление королевским[31]. Как было указано выше, мятежники в 1781 г. тоже обладали своими флагами. Таким образом, очевидно, что женское злонамеренное варварство в геральдической его ипостаси более разрушительно, чем мужское.

---

[26] *Pita Pico R*. 2017, 63-64.
[27] *Sæter S.A*. 2012, 182.
[28] *Payares Gonzáles C*. 2011, 134-135.
[29] *Macaulay N*. 1986, 136.
[30] *Silva I.F. da*. 1894, 212-213. См. также: *Ruy A*. 1960.
[31] *Marí i Brull G*. Op. cit., 300.

Практика менять гербы корпораций (в том числе конгломерата корпораций — города) в зависимости от политической ситуации известен со времён Средневековья: так, во Флоренции, после изгнания гибеллинов, гвельфы изменили герб города, оставив, однако, знамя прежним[32]. В наказание за не уничтожение гербов предписывался огромный штраф в тысячу золотых флоринов[33].

В Новое время герб мог быть уничтожен по решению городского совета. Так, кабильдо города Фунса (Funza) в Новой Гранаде изменило старый герб, добавив туда стрелы, копье, и другие фигуры, связанные с индейцами, доколумбовое прошлое которых в начале XIX в. в испанских вице-королевствах было принято превозносить[34]. Как и в случае с частными лицами, мужчинами были отданы приказы, инициативу персонально никто не проявлял.

Несмотря на то, что современники постоянно замалчивали и искажали факты борьбы женщин против испанской власти (так, президент Гусман заявил:

> «Грязная одежда стирается дома, и я никогда не позволю публикации, сделанной от имени Венесуэлы, бесчестить Освободителя (т.е. С. Боливара. — *Е. К.*)»[35]), —

современными исследователями признаётся положительная роль женщин в истории американской борьбы за независимость. С их точки зрения, поступки женщин не противоречили ожидавшемуся от них поведению. В их инициативах и подвигах исследователи не видят ничего трансгрессивного. Наоборот, движимые любовью к родине, они поставили свой статус добродетельных женщин на службу делу освобождения от испанской власти[36].

Вероятно, дело в том, что, по представлению современных исследователей, к 1809–1810 гг. у креолов и метисов уже сформировалась своеобразная идентичность, позволяющая считать себя американцами в противопоставление испанской идентичности.

---

[32] *Виллани Дж*. 1997. Кн. 6. 161.
[33] Там же. Кн. 12. 446.
[34] *Earle R*. 2011, 570-571.
[35] *Altuve Carrillo L*. 1981, 13.
[36] *Quintero I*. 2001, 75-76.

Представления о роли монарха как фигуры, объединяющей нацию, в начале XIX в. были весьма актуальны[37]. Об этом говорят многочисленные медали, отчеканенные в разных городах во всех вице-королевствах, посвящённые провозглашению желанного народом (Deseado) Фернандо VII королём. Хорошо известны идеи генерала Хосе де Сан Мартина о возрождении монархии[38]. Однако, Боливар писал, что он не сторонник американских монархий[39]. История показала, что победили приверженцы идей республиканизма. Полагаю, что именно поэтому современные исследователи ищут и находят оправдание участникам и участницам освободительного движения, пусть даже те инициировали акты диффамации гербов и портретов короля.

Недостаточно изученным в современной науке является вопрос понимания и объяснения преступного поведения с точки зрения гендерного подхода. Существующая в обществе гендерная система противопоставляет мужское женскому, приписывая культурные оценки и ожидания в зависимости от пола человека[40]. Следует отметить, что на уровень женской преступности влияют те же социальные факторы, что и на уровень мужской: её уровень растет и снижается одновременно с аналогичным показателем мужской[41].

Согласно традиционным представлениям об особенностях формирования мужской и женской агрессивности в онтогенезе, мужчины имеют больше возможностей для свободного проявления агрессивности. Мужчины агрессивнее женщин при наличии ключевых раздражителей, если никакого предварительно провоцирующего воздействия оказано не было. Однако, если такое воздействие имело место, женщины демонстрировали не меньше агрессии, чем мужчины[42]. Это говорит о том, что не было ничего удивительного в варварских диффамациях гербов, совершённых как женщинами, так и мужчинами.

---

[37] *Landinez Guio D.A*. 2019, 81-100.
[38] *López Rosas J.R*. 1978, 93-144; *Scocozza A*. 2014, 21-59.
[39] *Ларин Е.А*. 2012, 10.
[40] *Романова Н.М*. Указ. соч. 64.
[41] *Steffensmeier D., Allan E., Streifel C.* 1989. 262-283.
[42] *Фурманов И.А*. 2016. 105-111.

В качестве заключения отметим несколько положений.

Во-первых, с точки зрения гендерного подхода, общим у мужчин и женщин, совершавших варварские поступки — диффамацию гербов и других знаков власти, было чувство вины за бунт против короля как отца нации. Психологический комплекс, который они не могли изжить годами.

Во-вторых, социальное положение «варваров», совершавших диффамацию гербов, было различным, и не имело никакого значения с точки зрения гендерного подхода, обусловленного социально определенными идеологическими отношениями, основывающимися, в большинстве случаев, на подчиненности женщин в мужском обществе. Гендерные стереотипы были нарушены в случаях, когда женщины действовали злонамеренно по отношению к королевским гербам, однако стереотипы не были нарушены, когда речь шла о мужчинах.

В-третьих, женщины вдохновляли, призывали к диффамации, и действовали собственным примером, в отличие от мужчин, которые приказывали и преимущественно действовали чужими руками, и лишь, в крайнем случае, собственными. Это характерно не только по отношению к государственным знакам власти, но и к корпоративным (гербам городов).

В-четвёртых, при диффамации гербов, знамён, и других знаков власти, мужчины предлагали альтернативу — изобретённые ими, или в их окружении, гербы и знамёна, женщины же такой альтернативы не предлагали. В совокупности с очевидным нарушением гендерных стереотипов, это говорит о том, что женское злонамеренное варварство по отношению к гербам можно полагать более агрессивным, чем мужское.

ЛИТЕРАТУРА

Бойко И.Б. 1993: Проявления агрессивности против личности осужденных женского пола // Вопросы психологии. 4.

Буданова В.П. 2021: Когнитивные модели триггера варварства // Цивилизация и варварство: триггеры появления и преодоления варварства / В.П. Буданова (Ред.) М.: Аквилон. Х.

Буданова В.П. 2021: Варварство и его стрессоры в перспективе междисциплинарных исследований // Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства / В.П. Буданова (Ред.). М.: Аквилон. IX.

Виллани Дж. 1997: Новая хроника, или история Флоренции / Пер. ст. и примеч. М.А. Юсима. М.: Наука. Кн. 6.

Ильина Н.Г. 1976: Колумбия: от колонии к независимости 1781-1819 гг. М.: Наука.

Кунц Е.В. 2006: Женская преступность. Причины и диагностика // Законы и право. 1.

Ларин Е.А. 2012: Введение // Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке / Е.А. Ларин (отв. ред.). М.: Наука.

Мартурель Ж., Галба М.Ж. де. 2005: Тирант Белый. М.: Ладомир: Наука.

*Мещерякова Э.И., Жигинас Н.В.*2002: Психологические особенности маскулинного и феминного агрессивного дискурса // Сибирский психологический журнал. 16-17.

Романова Н.М. 2009: Социально-психологические детерминанты преступного поведения: субъект криминального деликта и гендер // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Философия, Психология, Педагогика. 3.

Фурманов И.А. 2016: Социальная психология агрессии и насилия: учебн. Пособие. Минск: БГУ.

Черных А.П. 2020: Испанское гербоведение в XX веке // Латиноамериканский исторический альманах. № 28.

Черных А.П. 2017: Наказание и поругание герба в Средние века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78 (1–2). М.: Наука.

*Aguilera Pena M.*1983: Los comuneros: de los tumultos a la organizacion de las masas // Anuario colombiano de historia social y de la cultura. 11.

Altuve Carrillo L. 1981: Significación histórica de las Memorias del General O'Leary. Barcelona: Grafesa.

Anna T. 1986: España y la Independencia de América, México: Fondo Cultura Económica.

Anselme P. 1664: Le palais de l'honneur, contentant les genealogies historiques des illvstres maisons de Lorraine et de Savoye, & de plufieurs nobles Familles de France. Ch. XXXV. P.

Bringué i Portella, Gifre i Ribas, Güell Junkert, Marí i Brull, Muxella i Prat, Pérez Latre, Pons i Alzina. 2009: Cort General de Montsó (1585) Montsó-Binèfar. Esborranys del procés familiar del braç reial, documentació complementària. Barcelona, Generalitat de Catalunya, doc. 12.

Cherpak E. 1985: La participación de las mujeres en el movimiento de Independencia de la Gran Colombia, 1780-1830 // *Lavrin A.* (comp.). Las mujeres latinoamericanas: perspectivas históricas. México: Fondo de Cultura Económica.

Corsi Otálora L. 2006: Viva el Rei! Los negros en la independencia. Buenos Aíres: Publicación de la Academia de Estudios Hispánicos «Rafaei Gambra».

Earle R. 2011: La iconografía de la independencia en la Nueva Granada // *Calvo Stevenson H., Meisel Roca A.* eds. Cartagena de Indias en la independencia. Cartagena: Banco de la Republica.

Favyn A. 1620: Le téâtre d;honneur et de Chevalerie. T. II. P.

Helg A. 2005: Liberty and Equality in Caribbean Colombia, 1770-1835. The University of North Carolina Press.

La Curne de Sainte-Palaye. 1759: Mémoires sur l'ancienne chevalerie. Vol. I. P.

Landinez Guio D.A. 2019: Identidad y nación en el proceso de independencia neogranadina entre 1810 y 1830 // Diálogos de Saberes. Bogotá D.C. Colombia. 51. julio – diciembre de. 81-100.

López Rosas J.R. 1978: San Martín y sus ideas políticas // Revista Universidad de Litoral. 8. 93-144.

Lux Martelo M. 2014: Mujeres patriotas y realistas entre dos órdenes. Discursos, estrategias y tácticas en la guerra, la política y el comercio (Nueva Granada, 1790–1830). Bogotá: Ediciones Unidades.

Macaulay N. 1986: Dom Pedro. The struggle for Liberty in Brazil and Portugal, 1798–1834. Durham: Duke University Press.

Marí i Brull G. 2014: La destrucción de emblemas heráldicos por motivos ideológicos: revoluciones de los siglos XVIII–XIX en Europa y en México // *Amaya Garritz y Javier Sanchiz* (coord.) Genealogía, heráldica y documentación. México Universidad Nacional Autónoma de México. Instituto de Investigaciones Históricas.

Martínez Covaleda H.J. 2014: La Revolución de 1781. Campesinos, tejedores y la rent seeking en la Nueva Granada (Colombia). Tesis Doctoral UPF / 2014. Barcelona: Universidad Pompeo Farma.

Mota Maldonado Y. 2009: Mujer negra: resistir para construir. Nueva Granada, siglo XVIII // Array. Cuadernos de investigación histórica, 6.

Palacios M., Safford F. 2002: Colombia: pais fragmentado, sociedad dividida. Su historia. Bogota-Barcelona-Buenos Aires-Caracas: Grupo Editorial Norma.

Payares Gonzáles C. 2011: Santa Marta del olvido al recuerdo Historia económica y social de más de cuatro siglos. Santa Marta: Universidad del Magdalena.

Pita Pico R. 2017: Los extranjeros durante el periodo de la Independencia de Colombia // XVII Congreso Colombiano "La paz en perspectiva histórica". Bogotá: Academia Colombiana de Historia.

Quintero I. 2001: Las mujeres de la Independencia: ¿heroínas o transgresoras? El caso de Manuela Sáenz // *Potthast B., Scarzanella E.* (eds.). Mujeres y naciones en América Latina: Problemas de inclusión y exclusión. Madrid-Franjfurt: Vervuert-Iberoamericana.

Restrepo J.M. 1858: Historia de la Revolucion de la Republica de Colombia. Besanzon. 1. XXXI.

Ruy A. 1960: Dossier do Marechal Pedro Labatut. Rio de Janeiro: Biblioteca do Exército.

Santos Molano E. 2000: Documentos para entender la historia de Colombia. Bogota.

Sæter S.A. 2012: Identidades e Indpendencia en Santa Marta y Riohacha, 1750–1850. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia.

Silva I.F. da. 1894: Diccionario bibliographico portuguez. Applicaveis a Portugal e ao Brazil. T. 17. Lisboa: Na Imprensa Nacional.

Scocozza A. 2014: Monárquicos y republicanos en Guayaquil: Bolívar y San Martín en un manuscrito inédito de la biblioteca de la Universidad de Pavia // Cultura Latinoamericana. 20. 2. julio – diciembre.

Steffensmeier D., Allan E., Streifel C. 1989: Development and Female Crime: A Cross-National Test of Alternative Expanation // Social Forces. 68. 262-283.

REFERENCES

Boyko I.B. 1993: Proyavleniya agressivnosti protiv lichnosti osuzhdennykh zhenskogo pola // Voprosy psikhologii. № 4.

Budanova V.P. 2021: Kognitivnyye modeli triggera varvarstva // Tsivilizatsiya i varvarstvo: triggery poyavleniya i preodoleniya varvarstva / V.P. Budanova (Red.) Vyp. X. M.: Akvilon. DOI 10.21267/AQUILO. 2021.10.10.020

Budanova V.P. 2020: Varvarstvo i yego stressory v perspektive mezhdistsiplinarnykh issledovaniy // Tsivilizatsiya i varvarstvo: lovushki, zasady i propasti latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (Red.). Vyp. IX. M.: Akvilon. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.019

Villani Dzh. 1997: Novaya khronika, ili istoriya Florentsii. Perevod, stat'ya i primechaniya M.A. Yusima. Kn. 6. M.: Nauka.

Il'ina N.G. 1976: Kolumbiya: ot kolonii k nezavisimosti, 1781-1819 гг. M.: Nauka.

Kunts Ye.V. 2006: Zhenskaya prestupnost'. Prichiny i diagnostika // Zakony i pravo. № 1.

Larin Ye.A. 2012: Vvedeniye // Politicheskaya istoriya stran Latinskoy Ameriki v XIX veke / otv. red. Ye.A. Larin; In-t vseobshchey istorii RAN. M.: Nauka.

Marturel J., Galba M.J. de. 2005: Tyrant Belyi. M.: Ladomir: Nauka.

Meshcheryakova E.I., Zhiginas N.V. 2002: Psikhologicheskiye osobennosti maskulinnogo i feminnogo agressivnogo diskursa // Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal. № 16–17.

Romanova N.M. 2009: Sotsial'no-psikhologicheskiye determinanty prestupnogo povedeniya: sub"yekt kriminal'nogo delikta i gender // Izvestiya Saratovskogo universiteta. T. 9. Ser. Filosofiya, Psikhologiya, Pedagogika, vyp. 3.

Furmanov I.A. 2016: Sotsial'naya psikhologiya agressii i nasiliya: uchebn. Posobiye. Minsk: BGU.

Tchernik A.P. 2020: Ispanskoye gerbovedeniye v XX veke // Latinoamerikanskiy Istoricheskiy Al'manakh. № 28.

Tchernik A.P. 2017: Nakazaniye i poruganiye gerba v Sredniye veka // Sredniye veka: issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni. Vyp. 78 (1–2). In-t vseobshchey istorii RAN. M.: Nauka.

Aguilera Pena M. 1983: Los comuneros: de los tumultos a la organizacion de las masas // Anuario colombiano de historia social y de la cultura. Vol. 11.

Altuve Carrillo L. 1981: Significación histórica de las Memorias del General O'Leary, Barcelona: Grafesa.

Anna T. 1986: España y la Independencia de América, México: Fondo Cultura Económica.

Anselme P. 1664: Le palais de l'honneur, contentant les genealogies historiques des illvstres maisons de Lorraine et de Savoye, & de plufieurs nobles Familles de France. Ch. XXXV. P.

Bringué i Portella, Gifre i Ribas, Güell Junkert, Marí i Brull, Muxella i Prat, Pérez Latre, Pons i Alzina. 2009: Cort General de Montsó (1585) Montsó-Binèfar. Esborranys del procés familiar del braç reial, documentació complementària, Barcelona, Generalitat de Catalunya, , doc. 12.

Cherpak E. 1985: La participación de las mujeres en el movimiento de Independencia de la Gran Colombia, 1780-1830 // Lavrin A. (comp.). Las mujeres latinoamericanas: perspectivas históricas. México: Fondo de Cultura Económic.

Corsi Otálora L. 2006:¡Viva el Rei! Los negros en la independencia. Buenos Aíres: Publicación de la Academia de Estudios Hispánicos «Rafaei Gambra».

Earle R. 2011: La iconografía de la independencia en la Nueva Granada // Calvo Stevenson H., Meisel Roca A. eds. Cartagena de Indias en la independencia. Cartagena: Banco de la Republica.

Favyn A. 1620: Le téâtre d;honneur et de Chevalerie. T. II. P.

Helg A. 2005: Liberty and Equality in Caribbean Colombia, 1770-1835. The University of North Carolina Press.

La Curne de Sainte-Palaye. 1759: Mémoires sur l'ancienne chevalerie. Vol. I. P.

Landinez Guio D.A. 2019: Identidad y nación en el proceso de independencia neogranadina entre 1810 y 1830 // Diálogos de Saberes. Bogotá D.C. Colombia. № 51. julio – diciembre.

López Rosas J.R. 1978: San Martín y sus ideas políticas // Revista Universidad de Litoral. № 08.

Lux Martelo M. 2014: Mujeres patriotas y realistas entre dos órdenes. Discursos, estrategias y tácticas en la guerra, la política y el comercio (Nueva Granada, 1790-1830). Bogotá: Ediciones Unidades.

Macaulay N. 1986: Dom Pedro. The struggle for Liberty in Brazil and Portugal, 1798–1834. Durham: Duke University Pres,.

Marí i Brull G. 2014: La destrucción de emblemas heráldicos por motivos ideológicos: revoluciones de los siglos XVIII-XIX en Europa y en

México // Amaya Garritz y Javier Sanchiz (coord.) Genealogía, heráldica y documentación. México Universidad Nacional Autónoma de México. Instituto de Investigaciones Históricas.

Martínez Covaleda H.J. 2014: La Revolución de 1781. Campesinos, tejedores y la rent seeking en la Nueva Granada (Colombia). Tesis Doctoral UPF/2014. Barcelona: Universidad Pompeo Farma.

Mota Maldonado Y. 2009: Mujer negra: resistir para construir. Nueva Granada, siglo XVIII // Array. Cuadernos de investigación histórica, (6).

Palacios M., Safford F. 2002: Colombia: pais fragmentado, sociedad dividida. Su historia. Bogota-Barcelona-Buenos Aires-Caracas: Grupo Editorial Norma.

Payares Gonzáles C. 2011: Santa Marta del olvido al recuerdo Historia económica y social de más de cuatro siglos. Santa Marta: Universidad del Magdalena.

Pita Pico R. 2017: Los extranjeros durante el periodo de la Independencia de Colombia // XVII Congreso Colombiano "La paz en perspectiva histórica". Bogotá: Academia Colombiana de Historia.

Quintero I. 2001: Las mujeres de la Independencia: ¿heroínas o transgresoras? El caso de Manuela Sáenz // Potthast B., Scarzanella E. (eds.). Mujeres y naciones en América Latina: Problemas de inclusión y exclusión. Madrid-Franjfurt: Vervuert-Iberoamericana.

Restrepo J.M. 1858: Historia de la Revolucion de la Republica de Colombia. T. 1. Besanzon.

Ruy A. 1960: Dossier do Marechal Pedro Labatut. Rio de Janeiro: Biblioteca do Exército.

Santos Molano E. 2000: Documentos para entender la historia de Colombia. Bogota.

Sæter S.A. 2012: Identidades e Indpendencia en Santa Marta y Riohacha, 1750–1850. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia.

Silva I.F. da. 1894: Diccionario bibliographico portuguez. Applicaveis a Portugal e ao Brazil. T. 17. Lisboa: Na Imprensa Nacional.

Scocozza A. 2014: Monárquicos y republicanos en Guayaquil: Bolívar y San Martín en un manuscrito inédito de la biblioteca de la Universidad de Pavia // Cultura Latinoamericana. Volumen 20, número 2, julio – diciembre.

Steffensmeier D., Allan E., Streifel C. 1989: Development and Female Crime: A Cross-National Test of Alternative Expanation // Social Forces. 68.

Kirill A. ELOKHIN

HERALDIC ASPECTS OF MALE AND FEMALE BARBARISM ON THE TERRITORY OF NEW GRANADA IN THE LATE 18th – EARLY 19th CENTURIES

The article is devoted to barbarism in relation to coats of arms — their defamation by both men and women, both by private individuals and heads of corporations. As an example, was given the territory of the Spanish Viceroyalty of New Granada in the late 18th and early 19th centuries. Based on the study, there are some conclusions. First, the common thing among men and women who committed barbaric acts — defamation of coats of arms and other signs of power, was a sense of guilt for rebelling against the king as the father of the nation. A psychological complex that they could not get rid of for years. Secondly, women inspired, called for defamation, and acted by their own example, in contrast to men, who ordered and mostly acted with someone else's hands, and only as a last resort, with their own. This is typical not only in relation to state signs of power, but also to corporate ones (coats of arms of cities). Thirdly, the social status of the barbarians who defamated the coats of arms was different and did not matter. Fourthly, when defamating coats of arms, banners, and other signs of power, men offered an alternative — coats of arms and banners invented by them, or in their environment, women did not offer such an alternative. This suggests that female malevolent barbarism was more aggressive than male.

Keywords: New Granada, 18th century, 19th century, coat of arms, heraldry, barbarism, defamation

Kirill A. ELOKHIN — PhD (History), Researcher of the Department of Heraldry and Genealogical Researches of the Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

АМА	— Античный мир и археология. Саратов
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ДБ	— Древности Боспора. Москва
ПЭ	— Православная энциклопедия. Москва
РА	— Российская археология. Москва
РУДН	— Российский университет дружбы народов. Москва
СА	— Советская археология. Москва
САИ	— Свод археологических источников. Москва
СВ	— Средние века. Москва
СЭ	— Советская этнография. Москва
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва
ЦиВ	— Цивилизация и варварство. Москва
Ael. Var. hist	— *Claudii Aeliani* De natura animalium libri XVII, Varia historia, Epistolae fragmenta / R. Hercher (rec). Teubner, 1870; *Он же.* Пёстрые рассказы / Пер. ст., прим., указ. С. В. Поляковой. М.–Л., 1963
Aesch. Agam.; Suppl	— *Æschylos* Tragedies and Fragments by Aeschylus / E.H. Plumptre (rec). Boston, 1901; *Он же.* Трагедии / Пер. Вяч. Иванова. М., 1989; Эсхил. Трагедии / Пер. С. Апта, вст.. ст. Н. Сахарного, ком. Н. Сахарного и С. Апта. М., 1971
AJA	— American Journal of Archaeology. Boston
AJPh	— The American Journal of Philology. Baltimore
Amm. Marcell	— *Ammiani Marcellini* Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig, 1978. 1–2; *Он же.* Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996

AncW	— The Ancient World. Chicago
Ant. Liber.	— *Antoninis Liberalis*. Les Métamorphoses Texte établi, traduit et commenté par M. Papathomopoulos. 2e tirage 2002. XXXVII; *Он же.* Метаморфозы / Вступ. ст., пер. и коммент. В.Н. Ярхо // ВДИ, 1997. 3. Приложение
Apoll. Rhod.	— *Apollonius Rhodius.* Argonautica / R.C. Seaton (ed. & trans.). Harvard University Press, Cambridge MA, 1912. Original Greek text with side-by-side English translation; *Он же.* Аргонавтика / Изд. подгот. Н.А. Чистякова. М., 2001
Apollod.	— The library by Apollodorus, of Athens / J.G. Frazer (ed.) / London: W. Heinemann; New York: G.P. Putnam's sons, 1921; *Он же.* Мифологическая библиотека / Изд. подгот. В.Г. Борухович. Л., 1972
App.	— *Appianus Alexandrinus*, Roman history. London, 1953–1955. I–IV
Bed.Ven.	— *Beda Venerabilis*. Historia ecclesiastica gentis Anglorum // PL. Paris, 1861. T. XCV. Col. 21–290
BSA	— The Annual of the British School at Athens. London
Cic. De nat. dior.	— *Цицерон.* Философские трактаты / Отв. ред., составит., вступ. ст. Г.Г. Майоров, пер. М.И. Рижского. М., 1985
CPL	— Corpus Poetarum latinorum. London
CQ	— The Classical Quarterly. Oxford; London; New York
CPE	— Lorber C. Coins of the Ptolemaic Empire. Lancaster-London, 2018
DET	— *Venantius Fortunatus.* De excidio Thoringiae (Epistola Radegundis ad Hamalafredum); Radegundis ad Artachin. — http://www.fh-ugsburg.de/~harsch /Chronologia/Lspost06/Venantius/
Dio. Cass.	— *Dio Cassius Cocceianus,* Historia Romana / U.Ph. Boissevain (ed.). Berlin, 1955. 2 Aufl.

Diod.Cic.	— *Diodori* Bibliotheca historica / F.Vogel (rec.). Lipsiae, 1888; *Siculus Diodorus.* The Historical Library of Diodorus the Sicilian in Fifteen Books to which are added the Fragments of Diodorus. Translated by G. Booth. London: J. Davis, 1814; *Он же.* Греческая мифология. М., 2000
EME	— Early Medieval Europe. Oxford
Eur. Bacch.; Med.	— *Euripides* with an English translation by Arthur S. Way. D. Lit. in four volumes, London, William Heinemann; New York, G. P. Putnam's Sons, 1912; *Он же.* Трагедии / Пер. И. Анненского, С. Апта и С. Шервинского, коммент. Н. Подземской. («Вакханки»; «Медея» — пер. И. Анненского). М., 1980. 1-2
FGrHist.	— *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker
Gild. Sap.	— *Gildas Sapiens.* Liber querulous de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // Monumenta historica Britannica. London, 1848, p. 1-46
GR.	— Greece and Rome. Oxford
Greg. Tur. Hist. Franc.	— *Gregorii Turonensis* episcopi historiarum libri X. // MGH. SRM. I.1. Hannover, 1887
Herod.	— *Herodotus,* Historiae / C. Hude (hg.). Oxford, 1960. I–II; Он же. История в девяти книгах. Пер. и примечания Г.А. Стратановского. М., 2002
HF	— *Gregorius Turonensis*. Decem Libri Historiarum [http://www.thelatinlibrary.com]. *Григорий Турский.* История франков / В.Д. Савукова (пер.). М., 1987
Hesiod. Theog.	— *Hésiode.* Théogonie. Les Travaux et les Jours. Bouclier. Texte établi et traduit par P. Mazon. 16e tirage 2002. XXX; *Он же.* Полное собрание текстов / Вступ. ст. В.Н. Ярхо, коммент. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М., 2001

Hom. Il.	— *Homer*. The Iliad of Homer / A. Platt. Cambridge: University Press. 1892; *Он же.* Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Изд. подгот. А.И. Зайцев. 2-е изд. СПб., 2008
Hom. Od.	— *Homer*. The Odyssey of Homer. A. Platt. Cambridge: University Press. 1892; *Он же.* Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. Изд. подгот. В.Н. Ярхо. М., 2000
Hyg. Fab.	— *Hygini* Fabulae / Rose, Herbert Jennings (ed.). Leiden: A.W. Sijthoff, 1934. 2nd ed. 1963; *Гигин.* Мифы / Пер. Д. Торшилова, А.А. Тахо-Годи (общ. ред.). СПб., 1997
Iust.	— *M. Juniani Justini* Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi / F. Rühl (rec.). Accedunt Prologi in Pompeium Trogum, ab A. de Gutschmid recensiti. — Lipsiae, 1886. *Он же*. Эпитома сочинений Помпея Трога «История Филиппа» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского; Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. 2-4; 1955. 1
Iord. Get.	— *Iordanes.* De origine actibusque Getarum / Th. Mommsen (ed.) // MGH AA. Berlin, 1882. V. 1; *Он же.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вст. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997
Isid. Hist.	— *Isidori* episcopi Hispalensis Historia Gothorum, Vandalorum Svevorumque. // Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla / Estudio, edicion critica y traduccion por C. Rodriguez Alonso. Leon, 1975. 163-321
JRAI	— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London
JRS	— Journal of Roman Studies. London
JSHJ	— Journal for the Study of the Historical Jesus (Brill)

Le Ménagier	— *Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique*, composé ver 1393 / J. Picnon (éd.). Paris, 1846. I–II
Lib. Or.	— *Libanius*. Orationes / R. Foerster (ed.). Lipsiae, 1903–1908. I–IV
Liv.	— *Livy* in Thirteen Volumes: With an English Translation by B.O. Foster. Harvard University Press, 1919; *Он же.* История Рима от основания города / Е.С. Голубцова (отв. ред.), М.Л. Гаспаров и Г.С. Кнабе (ред. пер.), В.М. Смирин (ред. ком.). М., 1989. 1
MGH. SRM	— Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover
Nonn. Dion	— *Nonni Panopolitani* Dionysiacorum libri XLVIII / Rec. Arm. Koechly. Lipsiae, 1857–1858. Vol. I–II; Dionysiaca, With an English Translation by W.H.D. Rouse, Mythological Introduction and Notes by H.J. Rose, Notes on Text Criticism by L. R. Lind, 3 vol. Cambridge, 1940; *Он же.* Деяния Диониса / Пер. Ю.А. Голубца, вст. ст. А.В. Захаровой. СПб., 1997
OGIS	— Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I–II / Hrsg. W. Dittenberger. Hildesheim
Oros.	— *Orosius Paulus*. Historiarum adversuы paganos libri VII C. Zangemeister (ed.) // CSEL. Lipsiae, 1889. V
Ovid. Fast.; Met	— *P. Ovidii Naso*. Opera // CPL. London, 1894.
Ovid. Tristia	— *P. Ovidius* Naso. Tristia ex Ponto / A.L. Wheeler (ed.). Cambridge, 1924; *Он же*. Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. (Скорбные элегии III, 9 — пер. С. Шервинского). М., 1978
Parthen	— *Parthenius* of Nicaea. The poetical fragments and the Erōtika pathēmata / J.L. Lightfoot. 2000. *Он же.* О любовных страстях / Пер., вступ. ст. и коммент. В.Н. Ярхо // ВДИ. 1992. 1–2

Paul. Diac. — *Paulus Diaconus*. Historia gentis Langobardorum / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Berlin, 1878

Paus. — *Pausanius*. Description of Graeca with an Engl. transl. by W.H.S.Jones. 1931–1935. I–V; *Он же.* Описание Эллады. / Е.В. Никитюк (ред.), пер. С.П. Кондратьева. М., 2002. 1–2

Pind. Pyth. — *Pindari* Carmina Cum Fragmentis, Editio Altera. Oxford University Press, 1947; *Он же.* Пифийские песни // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1980

Plut. — *Plutarch.* Symposiacs, in The complete works of Plutarch: essays and miscellanies, New York: Crowell, 1909; *Плутарх*. О доблести женской / Пер. Я.М. Боровского // Плутарх. Застольные беседы / Изд. подгот. Я.М. Боровский, М.Н. Ботвинник, Н.В. Брагинская, М.Л. Гаспаров, И.И. Ковалева, О.Л. Левинская. Л., 1990

Plut. Pyrr. — *Plutarch's* Lives. With an English translation by B. Perrin. Cambrige (MA): Harvard University Press; London: Willam Heinemann Ltd., 1921; *Он же.* Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. подгот. С.С. Аверинцев

Plut. Pyrr. — *Plutarch's* Lives. With an English translation by B. Perrin. Cambrige (MA): Harvard University Press; London: Willam Heinemann Ltd., 1921; *Он же.* Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. подгот. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1994. 1

Polyaen — *Polyainos*. Strategika (in Greek and German). Berlin & Boston: De Gruyter, 2017; *Он же.* Стратегемы / Пер. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002

Procop. B.G. — *Procopius Caesariensis,* Opera omnia / J. Haury, G. Wirth (ed.). Leipzig, 1962–1965. I–IV (B. G. — De bello Gothico)

Quint. Smyrn.	— *Quintus of Smirna.* The Trojan Epic. Posthomerica. Translated by Alan James. The Johns Hopkins University Press, 2004; *Он же.* После Гомера / Вст.. ст., пер., прим. А.П. Большакова. М., 2016
RBPH	— Revue belge de philologie et d'histoire. Bruxelles
RGDA	— Res gestae divi Augusti
SC	— Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part I–II. Lancaster-London, 2002–2008
Sen. Med.	— *Seneca's* tragedies. London: W. Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1917; *Он же.* Трагедии / Изд. подгот. С.А. Ошеров, Е.Г. Рабинович. (Перевод С.А. Ошерова). М., 1983
Soph. Trach.; El.	— *Sophocles* Tragedies and fragments / Translated by E.H. Plumptre. Boston: D.C. Heath, 1914; *Он же.* Трагедии / Пер. С. Шервинского, вст. ст. В. Ярхо, ком. Ф. Петровского и В. Ярхо. М., 1988.
Strabo.	— *Strabonis* Geographica. Leipzig, 1895–1899. I–III; Geographika / St. Radt (hrsg.). Göttingen, 2002–2011. I–X. *Он же.* География в 17 книгах. Пер., статья и комментарии Г.А. Стратановского. М., 1964
TANZ	— Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter / Hrsg. von K. Berger (Universität Heidelberg), M. Klinghardt (Universität Dresden), G. Röhser (Universität Bonn), S. Schreiber (Universität Augsburg), M. Vogel (Universität Jena)
Thuc.	— *Thucydides*. Historiae in two volumes. Oxford, 1942; *Он же*. История. Л., 1981
Tract. de Mulier.	— Анонимное сочинение «Находчивые и мужественные в военных делах женщины» // Полиэн. Стратегемы / Пер. под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб., 2002

Verg. Aen.	— *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. / Пер., вступ. ст. М. Гаспарова, коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М., 1979
VR. I	— *Venantius Fortunatus.* 1888: De Vita sanctae Radegundis / B. Krusch (ed.) // MGH SRM 2. Hannover. 364-376. *Венанций Фортунат.* 2012: Житие святой Радегунды / Н.Ю. Бикеева (пер.) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 20. 188-204
VR. II	— *Baudonivia.* 1888: De Vita Sanctae Radegundis / B. Krusch (ed.) // MGH SRM 2. Hannover. 377-395 *Баудонивия.* 2017–2018: Житие святой Радегунды / Н.Ю. Бикеева (пер.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 25. 306-328; 26. 207-225

СОДЕРЖАНИЕ

Буданова В.П.
Гендер в истории варварства (Вместо предисловия)..... 9

РАЗДЕЛ 1

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ
ГЕНДЕРНОГО ВАРВАРСТВА

Никишин В.О.
Три эпизода из жизни Иродиады,
дочери Аристобула, внучки Ирода..... 27

Суриков И.Е.
Варварство и гендер у древнейших греческих историков..... 57

Богаченко Т.В.
Женщина как субъект насилия
в античной письменной мифологической традиции..... 90

Клейменов А.А.
Варварский взгляд на гендерную роль:
о македонских воительницах IV века до н.э..... 119

Смирнов С.В.
Женский портрет
в структуре царской иконографии Селевкидов..... 146

РАЗДЕЛ 2

ВАРВАРСТВО И ГЕНДЕР

ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Селиванова Л.Л.
Казус Шамаханской царицы:
«женский» инструментарий мужского насилия?..... 163

Вдовченков Е.В.
Археология и реконструкция гендера у ранних номадов
(на примере сарматов)..... 183

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Внуков А.А., Малинин М.А.
Некрополь Белинского городища в Восточном Крыму
в контексте гендерных атрибуций погребального инвентаря 201

Ермолова И.Е.
Процессы об оскорблении величия
в Римской империи IV века..... 218

Сазонова А.А.
Королевы Меровингов и германская политическая культура:
гендерные особенности у франков в VI веке..... 229

РАЗДЕЛ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО ВАРВАРСТВА

Кузьмина М.В.
Неразрывная связь цивилизации и варварства:
типы брачных отношений в средневековой Франции
XIV–XV веков..... 263

Бычков П.С.
Противоречивый образ женщины-воина в западноевропейских
источниках XIV–XVI веков: маскулинность власти и
феминные варвары..... 286

Айзенштат М.П.
«Цивилизация» и «варварство» в литературной практике
британцев конца XVIII – начала XIX веков..... 308

Елохин К.А.
Геральдические аспекты мужского и женского варварства
на территории Новой Гранады
в конце XVIII – начале XIX веков..... 323

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ..... 340

СОДЕРЖАНИЕ..... 348

CONTENTS..... 350

CONTENTS

Budanova V.P.
Gender in the History of Barbarity (Instead of Foreword)...……..... 9

CHAPTER 1

A MYTH AND REALITY
OF GENDER BARBARITY

Nikishin V.O.
Three Episodes from the Life of Herodias, a Daughter
of Aristobulus, a Granddaughter of Herod..... 27

Surikov I.E.
Barbarity and Gender in the Earliest Greek Historians..... 57

Bogachenko T.V.
A Woman as a Subject of Violence
in the Ancient Written Mythological Tradition..... 90

Kleymeonov A.A.
A Barbaric View of a Gender Role:
Macedonian Female Warriors of the 4th Century BC..... 119

Smirnov S.V.
A Female Portraiture in the Structure
of the Seleukid Royal Iconography..... 146

CHAPTER 2

BARBARITY AND GENDER

PARADOXES OF INTERACTION

Selivanova L.L.
The Case of the Shamakhi Queen:
A "Female" Toolkit of Male Violence?..... 163

Vdovchenkov E.V.
Archaeology and Gender Reconstruction in the Early Nomads
(an Example of the Sarmatians)..... 183

Zubarev V.G., Yartsev S.V., Vnukov A.A., Malinin M.A.
The Necropolis "Belinskoye Hillfort" in the Eastern Crimea in the Context of Gender Attribution of the Grave Goods..... 201

Ermolova I.E.
The Trials of Maiestatis Crimen in the Roman Empire of the 4th Century..... 218

Sazonova A.A.
Merovingian Queens and German Political Culture: Gender Characteristics of the Franks in the 6th Century……... 229

CHAPTER 3

HISTORICAL EXPERIENCE OF GENDER BARBARITY

Kuz'mina M.V.
The Inextricable Link Between Civilization and Barbarism: Types of Martial Relationships in France in the 14th – 15th Centuries…… 263

Bychkov P.S.
Inconsistent Image of a Woman-Warrior in Western European Literary Sources of 14th – 16th Centuries: the Masculinity of Power and Feminine Barbarians…….. 286

Ayzenshtat M.P.
"Civilization" and "Barbarity" in Britain's Literary Practice from the End of 18th to the Beginning of 19th Centuries……... 308

Elokhin K.A.
Heraldic Aspects of Male and Female Barbarism on the Territory of New Granada in the Late 18th – Early 19th Centuries…… 323

ABBREVIATIONS…… 340

CONTENTS…… 350

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Проблемно-тематическое издание «Цивилизация и варварство / Civilization and Barbarity» является научным, по тематике — историческим. К публикации принимаются рукописи, отражающие результаты оригинальных исследований. Содержание рукописи должно относиться к исторической проблематике, соответствовать научному уровню академического издания, обладать определенной новизной и представлять интерес для специалистов гуманитарного профиля.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. К рассмотрению принимаются рукописи статей в электронном виде в формате MS Word, присланные по электронной почте на адрес: labcb@yandex.ru, соответствующие тематике издания и оформленные в соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Отсутствие оформления статей согласно требованиям издания может стать причиной отказа в публикации. Получение рукописей обязательно подтверждается. Если уведомление не получено в течение семи дней, пожалуйста, продублируйте отправку материалов.

2. К рассмотрению принимаются научные статьи и переводы научных статей. К публикации *не принимаются* обзоры конференций, фрагменты диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, тезисы различного рода докладов и тексты, не соответствующие тематике и формату издания или написанные в иных жанрах, кроме научного.

3. Рекомендуемый объем статей 0.5-1 а. л., включая сноски, список литературы, аннотацию и ключевые слова. (1 а.л. = 40 000 знаков, включая пробелы и сноски). По согласованию с главным редактором принимаются статьи и большего объема.

4. Языки публикаций: русский, английский, французский, немецкий, испанский. *Не принимаются* статьи, написанные на иностранных языках русскоязычными авторами.

5. Статьи должны быть подготовлены к процедуре анонимного рецензирования. Информация об авторе должна быть представлена в отдельном файле.

6. Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не был сдан в другое издание.

7. Ссылка на издание «Цивилизация и варварство» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна.

8. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья должна быть оформлена в соответствии с принятыми в издании требованиями и тщательно вычитана автором.

Текст набирается в программе Word: размер шрифта — 14, гарнитура (шрифт) — Times New Roman, межстрочный интервал — 1,5, поля — 2 см со всех сторон. Абзацы даются с отступом. Заголовки даются жирным шрифтом (по центру). Кавычки угловые внешние (« »), кавычки круглые внутренние (“ ”). Тире между датами дается короткое и без отбивок (–). Тире во всех остальных случаях дается длинное (—). Даты в скобках: (1990–1998). Даты в тексте: 1930 г., 1930-е гг., 1780–1799-е гг. Века, порядковый номер королей приводятся римскими цифрами (XXI в., Людовик XIV).

2. Авторские материалы должны включать следующие элементы: заглавие; аннотация (объем — до 700 знаков); ключевые слова (5-10 основных терминов или персоналий); основной текст статьи; примечания в виде автоматических *постраничных* сносок (в сокращенном варианте); библиографический список источников и литературы, размещенный вконце статьи, входит в общий объем статьи и сформирован по алфавиту; сведения об авторе / авторах (имя, отчество и фамилия полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, почтовый (места работы) и электронный адрес (автора / авторов) и номер телефона. Для работы с авторами редколлегии необходим *контактный телефон* (желательно мобильный), данная информация *не подлежит публикации.*

3. *Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе должны быть представлены на русском и английском языках.* В переводе заголовка, аннотации, ключевых слов не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен.

4. Библиографическая запись должна содержать следующие пункты: автор / авторы, год издания, заглавие, место издания (например, *Шкаренков П.П.* 2004: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ).

Если описывается *сборник статей*, материалы конференции и т.д., то обязательно указывается редактор или составитель (например, Цивилизация. 2003: Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (ред.); Науч. совет «История мировой культуры». — М.: Наука).

То же правило используется и при описании *статьи в сборнике*, с указанием страниц, на которых расположена статья (например, *Хачатурян В.М.* 2002: Возможна ли глобальная история? (по материалам XIX Международного конгресса исторических наук в Осло) // Цивилизации / А.О. Чубарьян (ред.). М., 223-238).

При описании *статьи в журнале* указывается год издания, номер, страницы, на которых расположена статья (например, *Соломоник Э.И.* 2009: О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. 2, 165-171.).

Ссылки на архивные документы приводятся в общем библиографическом списке по автору или, при его отсутствии, по названию документа. Обязательно указывается название архивохранилища (полное!), номер фонда, название фонда (при наличии), номер описи (при наличии), порядковый номер дела по описи (при наличии), номера листов в деле: Зиновьев И.А. Секретная депеша от 28 сентября / 11 октября 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364; Положение о военных комиссарах и членах военных советов // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 8. Оп. 1. Д. 50 (1). Л. 8–8 об.; Письмо Е.П. Ковалевского к А.А. Пиленко от 13 января 1908 г. // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 340. Оп. 4. Д. 56.

Ссылки на публикации в электронных СМИ или на сайтах приводятся в общем библиографическом списке по автору или заглавию публикации с обязательным указанием адреса, где эта публикация размещена, и *датой проверки наличия ресурса* (например, *Микаелян Г.* Экономические факторы эмиграции населения Армении // Аналитические записки Института Кавказа, март 2015. — http://c-i.am/wp-content/uploads/policy-brief-03_2015_ru.pdf (ноябрь, 2022).

5. Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, графики, диаграммы, карты) должны быть выполнены с учетом возможностей *черно-белой печати* (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов), их следует представлять отдельным файлом и сопровождать *подписями*. Графические материалы (схемы, диаграммы и т.п.) должны быть представлены в векторном формате (AI, EPS, Excels); рисунки и фотографии — в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 DPI. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

1. Все статьи, планируемые к публикации в издании «Цивилизация и варварство», проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения на редколлегии.

2. При поступлении рукописи проводится ее первичное рассмотрение и проверка на соответствие тематике издания и требованиям к оформлению рукописей. В случае несоответствия этим требованиям статья не принимается к рассмотрению, автору направляется уведомление об этом.

3. В случае обнаружения некорректных заимствований, а также в случае обнаружения, что материал был опубликован ранее в других изданиях, статья снимается с рассмотрения, автору направляется уведомление об этом.

4. Предварительную экспертизу материалов проводят члены редколлегии. После этого статья направляется на отзыв двум рецензентам. Рецензирование статей выполняется на добровольной и безвозмездной основе. Процедура рецензирования анонимна для рецензента и автора, проводится конфиденциально.

5. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. В случае если статья носит междисциплинарный характер, возможно привлечение экспертов из других областей наук.

6. Рецензент обязан поставить в известность главного редактора о любом возможном конфликте интересов.

7. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала рукописи, его объективную аргументированную оценку и обоснованные рекомендации. В заключительной части рецензии должно содержаться итоговое решение о целесообразности публикации статьи: *рекомендуется к публикации; рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков; не рекомендуется к публикации*.

8. В случае положительных отзывов, статья утверждается на редколлегии, автору по электронной почте посылается согласие на публикацию с указанием изменений, которые ему необходимо внести в статью (если такие рекомендации поступили от экспертов).

9. В случае отрицательных отзывов, автору отправляется мотивированный отказ в публикации и анонимные копии рецензий на его статью. При поступлении двух противоположных отзывов от обоих экспертов решение о публикации принимается на редколлегии либо непосредственно главным редактором. В спорных ситуациях статья может быть отправлена третьему независимому эксперту. Выбор рецензентов определяется на редколлегии или главным редактором и его заместителем.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Решение о публикации принимается в течение трех месяцев с момента предоставления рукописи.

2. Авторы всех опубликованных статей получают один авторский экземпляр.

3. Авторские экземпляры рассылаются только иногородним. Проживающие в Москве и Московской области получают экземпляр издания в Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства по адресу: Москва, Ленинский пр. 32А, 15-й этаж.

4. Гонорары за статьи в научном издании «Цивилизация и варварство» не начисляются.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ВАРВАРСТВА

Выпуск XI

Главный редактор
Вера Павловна Буданова

Утверждено к печати 28 сентября 2022 г.
Институтом всеобщей истории РАН
http:igh.ru

Рецензенты
доктор исторических наук *Ю.Е. Арнаутова*
Институт всеобщей истории РАН, Москва

кандидат исторических наук *М.К. Любарт*
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Reviewers
Prof. *Yuliya E. Arnautova*
RAS Institute of World History (Moscow, Russia)
Ph D *Margarita K. Lubart*
RAS Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russia)

Научное издание

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.А. Ведешкин*
Бригадир выпуска *Г.В. Шпак*

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.ru

Подписано к печати 17.10.2022
Формат 60x90/16
Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл.-печ. л. 25. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISSN 2307–7794

На обложке: Эдвард Берн-Джонс. Колесо фортуны. XIX век